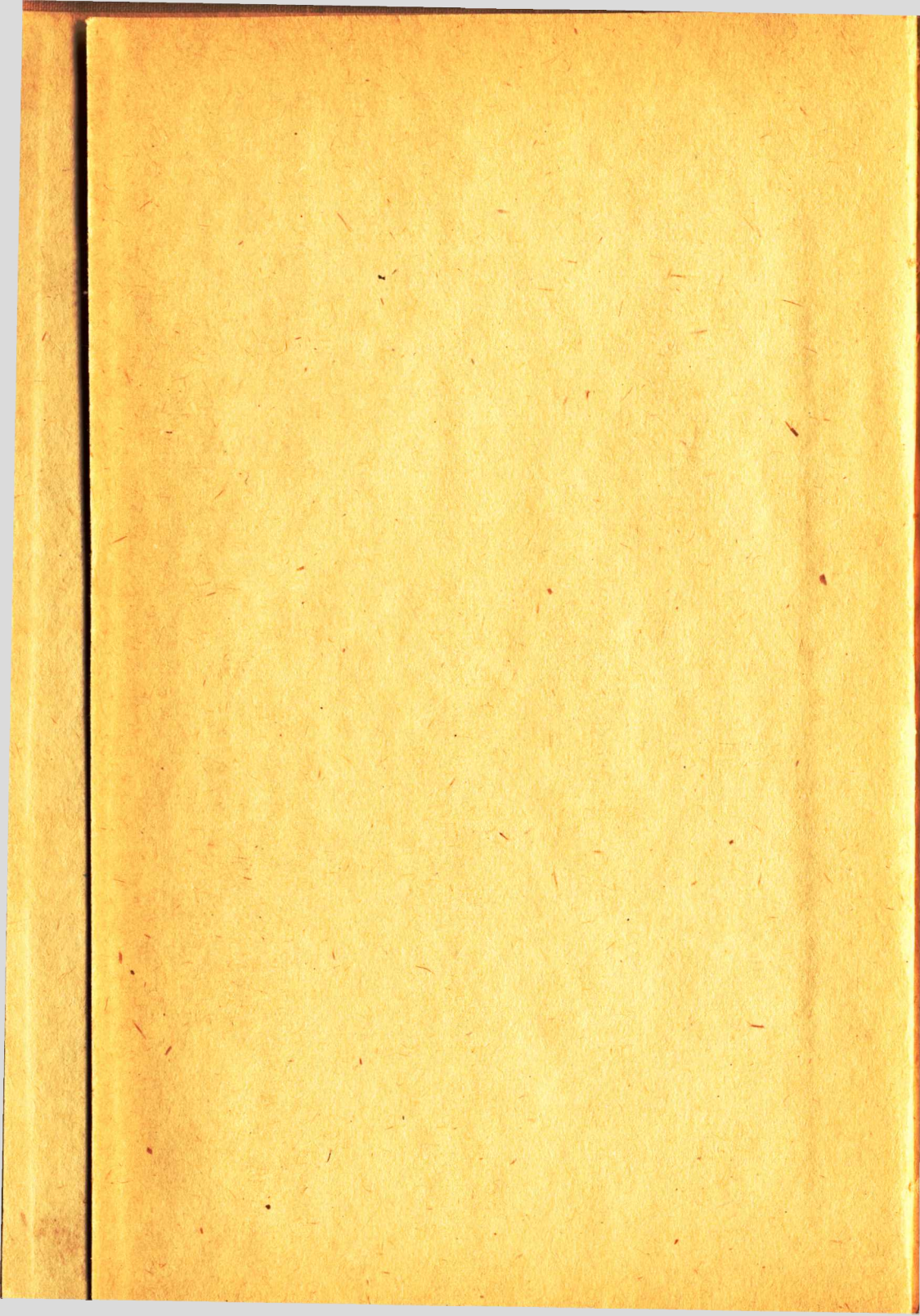

1990

Р. И. АВАНЕСОВ

Русская
литературная
и диалектная
фонетика

Р. И. АВАНЕСОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ФОНЕТИКА

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности «Русский язык и литература»*

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1974

Аванесов Р. И.

- А 18 Русская литературная и диалектная фонетика.
Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М., «Просвещение», 1974.
287 с.

В книге излагаются сопоставительные сведения о литературной и диалектной фонетике в ее современном состоянии и истории, приводятся данные, важные для обучения в условиях местного диалекта. Автор, обобщив материалы многих лет, показал, как рассматривает то или иное фонетическое явление современная лингвистика.

А $\frac{60602-457}{103(03)-74}$ 6-74

4 P

*Памяти моих учителей — профессоров
Московского университета — Афанасия
Матвеевича Селищева (1886—1942) и
Дмитрия Николаевича Ушакова (1873—
1942)*

От автора

Эта книга представляет собой учебное пособие для студентов-филологов, изучающих русский язык. Она примыкает к ранее опубликованным пособиям: к фонетическому разделу книги Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка», ч. I (М.—Л., 1945), к книгам «Очерки русской диалектологии», ч. I (М., 1949), «Русское литературное произношение» (изд. 5, переработанное и дополненное, М., 1972), «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956), — выходя за их пределы в описании отдельных, ранее не привлекавших внимания автора явлений, а также при изложении вопросов, посвященных историческому развитию ряда явлений русского языка.

Основная идея книги заключается в том, что современный русский язык как целое, несмотря на все его многообразие, есть определенное исторически сложившееся структурное единство, в которое органически вписываются его частные разновидности, будь то отдельные частные диалектные системы или доминирующая над ними в функциональном отношении система литературного языка. За последнее время нередко литературный язык изучается в изоляции от языка диалектного. Между тем именно изучение норм литературного языка на широком фоне диалектного многообразия способствует наиболее глубокому пониманию закономерностей литературного языка, а также — шире — истории и современного состояния русского языка в целом.

Другая идея книги — единство синхронного и диахронного изучения языка. Синхронное изучение не только не противостоит его историческому изучению, а, напротив, является наилучшей предпосылкой подлинно исторического изучения, т. е. исторического изучения в его современном понимании, когда перед историей языка встала задача — вместо анализа отдельных изолированных явлений изучать историю языковой системы, ее развития, смены языковых систем. Отдельные территориально варьлирующиеся элементы

частных диалектных систем сосуществуют и в то же время обычно представляют собой разновременные этапы развития, свидетельствуя в своей совокупности о генезисе, истории, развитии соответствующих элементов системы языка. Исторически осмыслить их — это значит нанизать их на временную ось, определить их во времени и пространстве. Поэтому разделы этой книги исторического характера органически связаны с разделами, посвященными анализу явлений современного русского языка.

Особое внимание в пособии уделяется проблеме взаимодействия между элементами фонологии, с одной стороны, и морфологии и словообразования — с другой, давлению фонологической системы на отдельные ее слабые элементы, вопросу о том, как позиционные чередования, утрачивая свою позиционную обусловленность, грамматизируются и используются в словоизменении и словообразовании. С этим связано стремление изучать фонетические явления в их реальном бытовании, в необходимых случаях даже исчерпывая весь лексико-морфологический состав, так как только в этом случае можно решить, что относится собственно к фонологической системе, а что лексикализовано или морфологизовано и выходит за ее пределы в область фонемного состава слов, словообразования и словоизменения. Эти положения представляются автору принципиальными как при диахронном, так и при синхронном изучении языка.

Книга начинается с краткого очерка «О моих учителях», посвященного памяти Афанасия Матвеевича Селищева и Дмитрия Николаевича Ушакова, которым автор обязан своей научной подготовкой. Вслед за ним следуют три раздела, тесно связанные друг с другом. Первый из них носит по преимуществу теоретический характер (в нем рассматриваются на материале русского языка некоторые общие проблемы фонологии и фонетики, вопросы о типах научно-лингвистической транскрипции), во втором описываются важнейшие фонетические явления современного русского литературного и диалектного языка, третий посвящен исторической проблематике.

Из сказанного следует, что книга эта предназначена для студента-филолога, изучающего современный русский литературный язык (преимущественно разделы фонетики, фонологии, орфографии), русскую диалектологию, историю русского языка (преимущественно историческую фонетику). Так как фонология тесно связана с другими уровнями системы языка, в особенности со словообразованием и морфологией, то освоение материала настоящей книги может подготовить читателя к изучению русского словообразования и его морфологической системы.

Постоянное внимание при изучении фактов литературного языка к соответствующим диалектным явлениям поможет читателю, возможно в будущем учителю, работающему на периферии, в условиях диалектного окружения, правильно анализировать диалектные особенности в речи своих учащихся, понимать причины орфо-

графических ошибок, вызванных непреодоленными особенностями диалектной речи учащихся, и в соответствии с этим выработать наиболее целесообразные приемы преподавания русского языка, повышения культуры устной и письменной речи учащихся.

Вместе с В. Н. Сидоровым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским, А. М. Сухотиным автор этой книги является одним из представителей Московской фонологической школы (МФШ). Истоки этой школы восходят ко второй половине 20-х годов, когда В. Н. Сидоров и я в течение нескольких лет совместно изучали русские говоры. С начала 30-х годов началось мое с В. Н. Сидоровым сотрудничество с П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским, А. М. Сухотиным. Расширились и объекты изучения: кроме диалектного материала, мы стали заниматься литературным языком, вопросами прикладной лингвистики — алфавитов и орфографий, транскрипции, проблемой реформы русской орфографии.

Мы стремились продолжать традиции Бодуэна де Куртенэ, особенно ярко изложенные в его ранних работах. Эти же традиции еще раньше, с начала 20-х годов, развивал Н. Ф. Яковлев, который поэтому может считаться прямым предшественником Московской фонологической школы.

Едва ли не первой заявкой московских фонологов явилась наша с В. Н. Сидоровым статья «Реформа орфографии в связи с проблемой письменности языка», опубликованная в журнале «Русский язык в школе» (1930, № 4).

В течение 30-х годов для автора этой книги большое значение имели — помимо изучения фонетики русского литературного языка — многочисленные диалектологические поездки, во время которых проводилось непосредственное и детальное изучение северновеликорусских говоров, а также некоторых южновеликорусских. Тогда же были сделаны первые фонологические описания отдельных говоров. Непосредственное изучение диалектов значительно обогатило автора и оказало большую помощь при осуществлении многих исследований в последующие годы.

В 1945 г. было издано учебное пособие «Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология», написанное мною и В. Н. Сидоровым в конце 30-х годов (книга в 1940 г. печаталась в г. Ленинграде и осталась заматрицированной на все время Великой Отечественной войны). В этой работе было дано уже достаточно полное изложение концепции Московской фонологической школы с ее теорией фонемы, вариантов и вариаций, нейтрализации. Этой теории придерживались В. Н. Сидоров и П. С. Кузнецов до конца жизни. Ее придерживается по существу и до сих пор А. А. Реформатский. Долгое время этой теории придерживался я. Именно на ее основе в книге «Очерки русской диалектологии», ч. I (М., 1949) было впервые мною дано общее фонологическое описание русского диалектного языка в его частных диалектных системах. При этом были широко использованы материалы непосредственных наблюдений над русскими говорами.

С начала 50-х годов я стал пересматривать некоторые стороны своих фонологических воззрений. Об этом было сообщено в 1952 г. на заседании кафедры русского языка Московского государственного университета, а затем в 1955 г. в статье «Кратчайшая звуковая единица в слове и морфеме». Более полно обновленное понимание вопросов фонологии мною было изложено в книге «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956 г.).

В этой книге разграничивалось функционирование кратчайшей звуковой единицы в слове (точнее, словоформе) и в морфеме. В моей концепции 1945 г. термин «фонема» обозначал как основной вид фонемы, так и всю совокупность позиционных чередований звуков в одной и той же равной себе морфеме. В 1956 г. мною было предложено различать «сильные» и «слабые» фонемы: сильные фонемы в позиции максимального фонеморазличения (по старой терминологии «основной вид фонемы»), а слабые фонемы в позициях меньшего фонеморазличения (по старой терминологии «вариант фонемы»); вся же совокупность позиционных чередований звуков в морфеме была названа, может быть не совсем удачно, «фонемным рядом». Именно единство фонемного ряда, по-моему, обеспечивало единство морфемы. Таким образом, все то, что было разграничено в концепции 1945 г., было сохранено и в концепции 1956 г.¹, но было устранено двойственное, а порою несколько расплывчатое понятие фонемы. Поэтому упреки моих товарищей в том, что я отошел от МФШ и «пошел навстречу» взглядам Л. Ф. Щербы и его сторонников, считаю необоснованными. Я просто продолжал работать над проблемами фонологии, развивая и уточняя ранее высказанные положения. Вопреки школе Л. В. Щербы я слабые фонемы и совпадающие с ними сильные фонемы резко отграничиваю по функциональному признаку: например, в слове *тот* я усматриваю не две фонемы <т>, а сильную фонему <т> (в начале) и слабую фонему [т₂] с нейтрализованной оппозицией по глухости-звонкости (в конце); в словах *во[з']ить* и *ре[з']ба* я не усматриваю одну и ту же фонему <з'>, а сильную фонему в первом случае и слабую во втором, так как в последнем случае глухость-звонкость нейтрализована; я не усматриваю в слове *водовоз* [в'дaвoс] двух безударных фонем <a> (с «подтягиванием» [ъ] к <a>), а констатирую две слабые фонемы α, в которых нейтрализованы <o> и <a>. Я уже не говорю о том, что сильная и слабые фонемы затем объединяются в фонемный ряд, который соответствует понятию фонемы в широком смысле моей концепции 1945 г.

В. Н. Сидоров не принял моей новой концепции, а вслед за ним не приняли ее П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский, которые выступили по этому поводу в печати (см.: П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. «Вопросы языкознания», 1959,

¹ Это хорошо показано в книге Г. А. Климова „Фонема и морфема“ (М., 1967, стр. 90).

№ 2; А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 82—86 и др.). А. А. Реформатский обвинил меня в плюрализме, с чем я не могу согласиться. В книге «Фонетика русского литературного языка» сказано: «Состав фонем (при наличии сильных и слабых фонем) — это состав сильных фонем, но не совокупность сильных и слабых фонем» (стр. 30). О каком же плюрализме может идти речь, если сильные и слабые фонемы различаются каждые в своем ряду, а состав фонем языка предлагается определять только по сильным фонемам, П. С. Кузнецов, в отличие от А. А. Реформатского, цитируя это место, считал, что здесь видна непоследовательность автора: зачем нужна слабая фонема, если она не фонема. Однако понятие слабой фонемы позволило установить ее фонематическую роль, тогда как в теории Московской фонологической школы, изложенной в нашей с В. Н. Сидоровым книге, вышедшей в 1945 г., а также в работах других авторов, фонематическая сущность варианта не раскрыта, устанавливалась только позиционная соотносительность варианта с фонемой. Что касается понятия гиперфонемы, то оно было названо в нашем с В. Н. Сидоровым пособии «Очерк грамматики русского литературного языка» «группой фонем», а в книге «Фонетика современного русского литературного языка» ему соответствует фонемный ряд, не возглавляемый сильной фонемой, например [л], фонологически <α>, например, в слове [тлв́ар].

Значительно лучше понял меня М. В. Панов в своей книге «Русская фонология» (М., 1967, стр. 402—410), сам сторонник Московской фонологической школы.

Вполне объективно оценил мою теорию, как и другие фонологические теории, Г. П. Торсуев в книге «Проблемы теоретической фонетики и фонологии» (М., 1969) — один из поздних учеников Л. В. Щербы, проявив при этом значительную самостоятельность в формулировке своей точки зрения: «...излагаемая нами концепция фонематической группировки звуков (в фонемы) и морфофонематической группировки звуков (в морфемы) в существенных чертах продолжает линию двух единиц в концепциях Улашина, Бернштейна и Аванесова, берущую свое начало, как и другие фонематические теории, в трудах Бодуэна де Куртенэ» (стр. 100).

Заслуживает всяческого внимания следующее высказывание Л. Р. Зиндера: «Неспособность фонематического противопоставления постоянно обеспечивать различение всех значимых элементов языка дает основание говорить о наличии наряду с фонемой более крупной фонетической единицы. Такую единицу Р. И. Аванесов называет «фонемным рядом» (Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1962, стр. 59). Эти высказывания учеников Л. В. Щербы свидетельствуют о том, что новые теоретические исследования настоятельно необходимы.

Разные оттенки в концепциях представителей Московской фонологической школы (как и любой другой научной школы) есть естественное явление, характеризующее движение, рост, развитие этой

школы, ее жизненность. Я надеюсь, что читатель поймет синонимичность понятий вариация и вариант концепции 1945 г. и понятий вариант фонемы и слабая фонема книги. Поэтому я не стал унифицировать терминологию. Еще одно частное замечание. Сейчас есть все основания считать положение перед <e> для категории твердости-мягкости сильной позицией. Однако я это не отразил в пособии в должной мере, чтобы не перестраивать всю фонетическую модель.

В заключение хочется отметить, что фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения. Поэтому, чем бы ни занимался автор: историей языка, диалектологией, лингвистической географией, орфографией, лексикологией и лексикографией, не говоря о грамматике и орфографии,— он всегда оставался фонологом или, вернее, ему всегда помогала фонологическая подготовка и, если можно так сказать, фонологическое мышление.

Поэтому можно надеяться, что читателю этой книги, в основном студенту-филологу, фонологическая подготовка поможет в дальнейшей работе, какой бы областью филологии он ни занимался.

О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

А. М. СЕЛИЩЕВЕ И Д. Н. УШАКОВЕ

Московский университет славен своими традициями в области лингвистической науки. В последние десятилетия XIX в. кафедрой общего и сравнительного языковедения здесь руководил профессор (впоследствии академик) Филипп Федорович Фортунатов, создатель оригинальной, так называемой «московской» лингвистической школы, замечательный русский лингвист, пользовавшийся огромным авторитетом не только в России, но и за рубежом. В Московский университет к Филиппу Федоровичу Фортунатову приезжали учиться и совершенствоваться из разных стран Европы молодые ученые, некоторые из которых впоследствии стали крупными лингвистами. Здесь учился, а затем защитил докторскую диссертацию выдающийся ученик Ф. Ф. Фортунатова Алексей Александрович Шахматов, впоследствии академик, до конца жизни сохранивший связь с Московским университетом. В начале XX в. в Московском университете работали такие крупные лингвисты, как академик профессор Ф. Е. Корш и член-корреспондент Академии наук профессор Р. Ф. Бранд, а также целая плеяда талантливых учеников академика Ф. Ф. Фортунатова — крупнейший специалист по сравнительному языковедению профессор Виктор Карлович Поржезинский, замечательный славист, специалист по старославянскому и болгарскому языкам профессор Вячеслав Николаевич Щепкин, специалист по литовскому языку Николай Николаевич Соколов, молодые историки русского языка и диалектологи Николай Николаевич Дурново и Дмитрий Николаевич Ушаков.

Поступив в Московский университет в 1922 г., я не застал в нем ни В. К. Поржезинского, поляка по национальности, репатрировавшегося на родину, в Польшу, ни В. Н. Щепкина, скончавшегося в 1921 г., ни Н. Н. Дурново, работавшего в то время в провинции. Русскую диалектологию и историю русского языка представлял замечательный русский ученый и педагог профессор Д. Н. Ушаков, сравнительное языкознание — молодой профессор, ученик В. К. Поржезинского, Михаил Николаевич Петерсон, старавшийся на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до последних лет своей жизни, традиции «московской», иначе «фортунатов-

ской» школы, понимаемые им, правда, несколько односторонне. К этому времени скончавшегося В. Н. Щепкина заменил крупнейший славист советской эпохи Афанасий Матвеевич Селищев.

С А. М. Селищевым и Д. Н. Ушаковым мне пришлось больше всего работать и как студенту, и позднее как молодому специалисту и товарищу по работе. И именно им, таким несхожим во всем, начиная с внешнего облика и кончая научными интересами, я обязан всей своей научной подготовкой и тем, что мне удалось пока сделать в науке.

А. М. Селищев был человеком одной всепоглощающей страсти — он был фанатиком науки. У него не было семейной жизни с ее радостями и заботами, не было и, так сказать, «посторонних» интересов или страстей — к музыке или театру, к изобразительному искусству или кино. Весь его мощный, поистине богатырский темперамент был отдан науке, в которой он создал непреходящие ценности, научной полемики, борьбе за научную истину. Он был нетерпим к людям, «между делом» занимающимся наукой, в особенности к «инакомыслящим». Д. Н. Ушаков был полной ему противоположностью. Его научные занятия легко и естественно совмещались со многими другими делами и заботами — большой семьей (жена, дети, внуки), в которой всегда было много жизни, шума, веселья, разнообразных интересов (ведь в семью входили представители трех поколений!); с интересом к живописи (Дмитрий Николаевич был превосходный акварелист), к музыке (Дмитрия Николаевича соединяла многолетняя дружба с народным артистом СССР К. Н. Игумновым, с которым они жили в одной квартире в течение нескольких десятилетий); с громадной общественной работой: с первых же лет Советской власти Д. Н. Ушаков вел большую общественную работу в Наркомпросе — он был инициатором создания новых программ по русскому языку в трудовой школе, он был автором разного рода учебников (начиная с начальной школы, для которой очень много сделал); он был неизменным активным участником всех мероприятий в области филологической науки на протяжении двадцати пяти лет жизни при Советской власти, т. е. до самой смерти; он был (с 1915 г.) председателем Московской диалектологической комиссии, созданной еще в начале века по инициативе А. А. Шахматова. Комиссия эта не только много сделала для развития науки о русском языке на протяжении своего существования (до 1931 г.), но и подготовила ядро руководящих кадров для продолжения этой работы вплоть до нашего времени.

А. М. Селищев (1886—1942) был воспитанником Казанского университета. Однако он не был типичным представителем «казанской» школы, созданной известным славянским ученым, поляком по национальности, длительное время работавшим в России И. А. Бодуэном де Куртенэ. Афанасий Матвеевич был далек от разработанной этой школой теории фонем (как тогда называли, «психофонетики»), от изучения языка как системы. Он усвоил от этой школы лишь интерес к живым современным языкам, к проблеме смещения

языков, которой занимался всю жизнь. «Казанской» школе был обязан А. М. Селищев отличной подготовкой в области фонетики и физиологии звуков речи. В других отношениях он был значительно ближе к другой русской лингвистической школе, а именно «московской», созданной Ф. Ф. Фортунатовым. К этой школе восходит интерес А. М. Селищева к праславянскому языку, к языковым реконструкциям, к диалектологии как основному источнику сравнительно-исторических изучений. Надо сказать, что А. М. Селищев не был лингвистом в собственном смысле слова. Его интересовали и многие смежные области — история славянских литератур, славянская этнография, историческая география, славянская топонимика и ономастика. И интерес к славянской диалектологии был в значительной мере интересом к данным языка как этнографическим признакам. А. М. Селищев был автором многочисленных работ, больших и малых (он написал, между прочим, много рецензий и критических работ, в которых широко излагал собственные взгляды и почти всегда приводил собственный материал), начавших выходить с 1912 г. и вышедших до недавнего времени (последняя его работа опубликована в 1957 г.)¹. Назовем некоторые из его монографических исследований: «Очерки по македонской диалектологии», т. 1 (Казань, 1918); «Диалектологический очерк Сибири», вып. 1 (Иркутск, 1921); «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» (София, 1929); «Славянское население в Албании» (София, 1931); «Македонские кодексы XVI—XVIII вв. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (София, 1933); «Славянское языкознание, т. 1. Западославянские языки» (Москва, 1941); «Старославянский язык, ч. 1. Введение. Фонетика» (Москва, 1951) и то же, ч. 2. «Тексты. Словарь. Очерк морфологии», 1952 (посмертное издание). Научные интересы А. М. Селищева были многообразны: он успешно занимался и русской диалектологией, в особенности русскими говорами Сибири, и историей русского языка, и македонскими говорами, и старославянским языком, и западославянскими языками. Он много занимался также славянской историей, этнографией, литературами. Однако с самого начала у него была «своя тема», которая проходит через всю его деятельность, — это балкановедение и межязыковые связи славянских и неславянских языков Балканского полуострова. Этой теме посвящено большое количество выдающихся трудов А. М. Селищева, составивших эпоху в балкановедении. Следует отметить, что историко-этнографическое и диалектологическое изучение Македонии представляло собой в то время острую политическую проблему, в которой А. М. Селищев, в отличие от некоторых националистически настроенных ученых тогдашней Сербии и Болгарии, сумел сохранить строго научные объективные позиции.

¹ Подробную библиографию работ А. М. Селищева и его основные труды по русскому языку и сравнительному славянскому языкознанию см. в кн.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., «Просвещение», 1968.

А. М. Селищев был превосходным педагогом. Преподавать в высшей школе он начал в 1910 г. в Казани, на Высших женских курсах, с 1913 г. он — приват-доцент Казанского университета. В 1918 г. А. М. Селищев — профессор Иркутского университета. С 1922 г. — профессор Московского университета. С тех пор не порывалась его связь с Московским университетом.

В 1922 г. я был в числе студентов А. М. Селищева в Москве. Это был очень строгий профессор, вселявший ужас в сердца тех студентов, которые серьезно не интересовались предметом, и заставлявший некоторых из них по десятку раз приходить на экзамен. Но те, кто интересовался славянским языкознанием, быстро сближались со своим профессором, который скоро для них становился не только лектором, но и задушевным собеседником по всем интересовавшим нас вопросам науки. Естественно, что и экзамен превращался в интересную беседу, в которую равно вовлечены были и профессор и студенты.

Жил Селищев все эти годы в правом крыле здания Московского университета. Бывало, взбираешься по много видавшим на своем веку стертым чугунным плитам лестницы старого здания университета к Селищеву на верхний этаж. Темный мрачный коридор. Говорят, в этом же коридоре жил почти сотню лет назад другой неистовый человек — своекоштный студент В. Г. Белинский. С замирающим сердцем стучишься к нему. В тесной комнатке, уставленной книгами, за письменным столом, среди видимого хаоса (раскрытые книги, снимки с рукописей, стопки карточек с выписками, на стене строгий амбир родного ему Казанского университета) сидит Афанасий Матвеевич, зимою в своей неизменной ермолочке (университетское здание плохо прогревалось), огромный, костистый, черный, я бы сказал, черноземный: ни дать ни взять русский богатырь, Илья Муромец, перерядившийся в ученого...

Афанасий Матвеевич не только всегда радушно принимал нас, интересовался нашим ростом (а наш рост в значительной мере питался общением с ним), но и невольно вводил нас в накаленную атмосферу своей интимной жизни (а интимной жизнью Афанасия Матвеевича была его научная работа), полной больших страстей, могучего темперамента, страстной полемики, восхищения одними и ненависти к другим.

К Селищеву никак нельзя применить трафаретное определение «жизнь и деятельность». Почти вся жизнь Селищева проходила в пределах университетского владения; вся его жизненная энергия распределялась между студенческой аудиторией, библиотекой, научными заседаниями, собраниями диалектологической комиссии, а больше всего дома за письменным столом...

А. М. Селищев читал много различных курсов — сравнительно-историческую грамматику славянских языков, один из славянских языков, славянскую этнографию, старославянский язык и др.

Афанасий Матвеевич был превосходный лектор, страстно увлекающийся своим предметом и во время лекций забывающий обо

всем на свете, в том числе о необходимости вовремя закончить лекцию... Он приходил на лекцию без каких бы то ни было материалов — записок, книг и пр. И это не мешало ему излагать предмет строго систематично и прозрачно по своей логичности, с огромным количеством иллюстраций из всех славянских (да и не только славянских) языков.

Так и вижу перед собой своего любимого учителя у доски — взволнованный и разгоряченный, весь перепачканный мелом, доказывает очередное положение лекции. Или, закрыв глаза (такая у него была манера), он буквально выпевает свои любимые идеи...

Член ряда зарубежных научных обществ и академий наук, избранный в 1929 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР, А. М. Селищев пользовался всеобщим признанием как выдающийся славист нашего времени.

Д. Н. Ушаков (1873—1942) был много старше А. М. Селищева. Окончив Московский университет, он был оставлен Ф. Ф. Фортунатовым при университете на кафедре сравнительного языковедения. Однако острый интерес к русской этнографии, а затем к диалектологии и истории русского языка вскоре изменил намечавшийся было профиль молодого ученого. К этим интересам затем присоединился и интерес к школе, к преподаванию русского языка в школе (Д. Н. Ушаков довольно долгое время преподавал в одном из московских средних учебных заведений). Это сказалось на его работе в университете как приват-доцента и на тематике его печатных работ. В университете Д. Н. Ушаков ведет занятия по истории русского языка и диалектологии. Он является одним из организаторов и по существу руководителем Московской диалектологической комиссии при Академии наук (он был зам. председателя комиссии, образованной в 1903 г., а после смерти акад. Ф. Е. Корша с 1915 г. ее председателем).

Работа по собиранию диалектологических материалов на обширной территории Европейской части нашей страны, а затем их обработка и составление в сотрудничестве с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» были поистине научным подвигом незабвенного Дмитрия Николаевича. На протяжении десятилетий эта карта была единственным исследованием подобного типа и в значительной степени сохранила свое научное значение до сих пор. Лишь теперь стали появляться более подробные и обоснованные богатым фактическим материалом атласы русских говоров, которые призваны в дальнейшем заменить карту Московской диалектологической комиссии.

Однако эти новые работы могли выполняться лишь на базе научных традиций, выработавшихся в Московской диалектологической комиссии, и под руководством специалистов, воспитавшихся главным образом в Московской диалектологической комиссии.

С преподаванием в средней и высшей школе связан ряд работ Д. Н. Ушакова, имевших значительное распространение в широких

научных и педагогических кругах и оказавших воздействие на дальнейшую разработку соответствующих вопросов. Мы имеем в виду прежде всего книги Д. Н. Ушакова «Русское правописание» и «Краткое введение в науку о языке».

В начале XX в. русскую прогрессивную общественность волновал вопрос о реформе русского правописания, об изъятии давно ставших ненужными букв «ять», «твердый знак» (в конце слов) и др., а также об отмене некоторых устаревших правил и замене их более соответствующими современному состоянию языка. В борьбе с реакционерами от науки и педагогики Д. Н. Ушаков занимал прогрессивные позиции, и в его книге «Русское правописание» (1-е изд., 1911 г.) впервые было дано научное описание русского правописания в его соотношении с нормами современного русского литературного языка. Необходимость реформы правописания, осуществленной только после Великой Октябрьской социалистической революции, устарелость некоторых правил, ненужность букв «ять», «твердый знак» и др., доставляющих много лишних хлопот школе, были ясно показаны в этой книге.

Иной характер носит книга Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (1-е изд., 1913 г.), вышедшая в ряде изданий, также и в советское время. Эта книга была итогом преподавания Д. Н. Ушаковым курса «Введение в языковедение» на Высших женских курсах. Конечно, современное языкознание требует иного изложения многих сложных вопросов общей теории языка, отличного от того, которое было сделано много десятилетий назад Д. Н. Ушаковым. Но книга Д. Н. Ушакова до сих пор является непревзойденным образцом простоты и ясности, краткости и цельности изложения даже самых трудных вопросов языкознания. Это была популярная книга в лучшем значении этого термина, и эта книга, вне сомнения, оказала большое воздействие на ряд поколений студентов-филологов.

Не только как ученый, но и как университетский преподаватель Д. Н. Ушаков был полной противоположностью А. М. Селищеву. Если лекции А. М. Селищева были пафос и горение, льющийся через край бурный темперамент, при помощи которых опровергались одни мнения и доказывались другие, то лекции Д. Н. Ушакова представляли собой неторопливо текущую интимную беседу, я бы даже сказал, вполголоса, с тонким и медленным (со вкусом!) подбором отдельных, интересно подобранных фактов. Недаром Дмитрий Николаевич был отличным акварелистом! Если лекции А. М. Селищева были бурлящим водопадом, то лекции Д. Н. Ушакова были медленно текущим, журчащим родником. Счастлив тот, кто приобщился и к бурному потоку, и к лесному роднику!

В мои студенческие годы Д. Н. Ушаков вел историю русского языка и просеминарий по истории русского языка. Именно на этих занятиях я с ним познакомился, а потом и подружился навсегда.

Интересуясь вопросами современного русского литературного языка, его нормами, Д. Н. Ушаков первый стал особое внимание

уделять русской орфоэпии — совокупности специфических норм устной литературной речи. Он, можно сказать, был создателем этой новой дисциплины — орфоэпии. Особенно большое принципиальное значение имела его работа «Русская орфоэпия и ее задачи» (1928). Считаю своим долгом отметить, что под прямым воздействием Дмитрия Николаевича я стал заниматься этой проблемой, еще при его жизни опубликовав несколько статей на эту тему (первую в 1935 г.), а затем и книгу «Русское литературное произношение» (5-е, исправленное и дополненное изд., 1972), а также «Ударение в современном русском литературном языке» (2-е изд., 1958 г.)¹. Надо сказать, что Д. Н. Ушаков был не только создателем русской орфоэпии, но и носителем превосходного русского произношения, знатком живого русского языка, любителем остро и метко русского слова, мастером устной речи. Беседовать с Дмитрием Николаевичем и слушать его речи было настоящим эстетическим удовольствием.

Много сил отдавал Д. Н. Ушаков в советский период (20-е и 30-е годы) созданию знаменитого четырехтомного «Толкового словаря русского языка», получившего мировую известность и издававшегося за рубежом (первый том вышел в 1935 г., четвертый — в 1940 г.). Напомним, что работа над словарем была начата в связи с непосредственным указанием В. И. Ленина, который 18 января 1918 г. писал А. В. Луначарскому о желательности в отличие от известного словаря Даля, словаря «областнического», «создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»². По личным указаниям В. И. Ленина, в 1921 г. стал составляться «Толковый словарь русского языка» при активном участии Д. Н. Ушакова. Пока В. И. Ленин был здоров, он постоянно интересовался ходом работы, но затем, в конце 1923 г., работа была свернута. Однако ленинская идея не была забыта. Работа возобновилась вновь в 1928 г. группой советских филологов под руководством Д. Н. Ушакова. Состав коллектива в процессе работы несколько менялся. Вышедшие тома словаря составлены при участии таких известных всей стране филологов, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский. Д. Н. Ушаков был вдохновителем и душой всего коллектива, одним из основных составителей словаря и его редактором.

Словарь, работу над которым возглавил Д. Н. Ушаков, был новаторским трудом в области советской лексикографии. Это был первый нормативный словарь русского литературного языка. Поэтому большое значение в нем приобретал вопрос об отборе слов

¹ См. также: «Русское литературное произношение и ударение. Опыт словаря-справочника». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955; «Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

² См.: В. И. Ленин и. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 51, 52, где опубликованы памятные записки В. И. Ленина о словаре, адресованные А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому, Е. А. Литкенсу.

и их стилистической характеристике. Действительно, в «Толковом словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова каждому слову дана лексико-семантическая, грамматическая, орфоэпическая и орфографическая характеристика. Это был первый всесторонний свод русского литературного языка, как он сложился к началу и середине 30-х годов. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова стал образцом для составления многих других, как одноязычных толковых словарей языков народов Советского Союза, так и двуязычных словарей, стал памятником русского литературного языка 30-х годов XX столетия и одним из важнейших его источников.

Д. Н. Ушаков не раз говорил, что завершение словаря — дело всей его жизни. И можно выразить удовлетворение, что ему удалось завершить столь трудоемкую и длительную работу. Создание словаря — второй жизненный подвиг Д. Н. Ушакова.

Д. Н. Ушаков вел большую работу по подготовке научной смены. Его учениками были Г. О. Винокур, И. Г. Голанов, А. Б. Шапиро, А. А. Реформатский и многие другие. Некоторые из нас одновременно являлись учениками А. М. Селищева и Д. Н. Ушакова, которые между собою были в прекрасных, дружеских отношениях. Таковыми были С. Б. Бернштейн, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров и пишущий эти строки. Большое значение для нас, начинающих ученых, во второй половине 20-х годов имела Московская диалектологическая комиссия, в работу которой мы были вовлечены Дмитрием Николаевичем. Большинство из нас вскоре становились членами комиссии. Московская диалектологическая комиссия давала возможность ежегодно совершать путешествия по разным районам страны и в самых глухих тогда деревнях из уст народа знакомиться с русской диалектной речью. Именно так были вовлечены в научную работу я и мои товарищи, и эта работа определила мою научную деятельность на десятилетия вперед как первого организатора и руководителя работы над диалектологическим атласом русского языка.

В 1939 г. Д. Н. Ушаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Со времени моей учебы у Д. Н. Ушакова и А. М. Селищева прошло полвека. За это время возникли многие новые задачи, которые мы, теперь уже вместе с нашими учениками, должны решать самостоятельно. Мой интерес к истории русского языка, к русской диалектологии, к описательной и исторической фонетике русского языка, к орфоэпии, фонологии и теории орфографии был развит моими замечательными учителями. И если в этих областях науки о русском языке мне удалось что-то создать и подготовить своих собственных учеников, работающих на том же поприще, то этим я обязан, главным образом, двум замечательным русским людям и крупнейшим русским ученым — Дмитрию Николаевичу Ушакову и Афанасию Матвеевичу Селищеву.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ

КРАТЧАЙШАЯ ЗВУКОВАЯ ЕДИНИЦА В СОСТАВЕ СЛОВА И МОРФЕМЫ¹

О МЕСТЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Вопрос о кратчайшей звуковой единице в составе слова и морфемы тесно связан с вопросом о месте фонетической системы в структуре языка. Этот последний вопрос, равно как и обусловленный им вопрос о месте фонетики как научной дисциплины в кругу других лингвистических дисциплин, изучающих различные в структурном отношении стороны языка, до последнего времени не был еще решен в советском языкознании. Одни ученые включали фонетическую систему в состав грамматического строя; другие считали, что она находится за пределами грамматического строя, в связи с чем принимали фонетику за самостоятельную научную дисциплину наряду с грамматикой и лексикологией; третьи считали, что вопрос этот принципиального значения не имеет, но что практически фонетику удобнее всего излагать вместе с грамматикой, а именно — в начале собственно грамматики.

Действительно, без знакомства с фонетической системой языка невозможно его теоретическое или практическое изучение. Ведь звуки речи являются «природной материей» языка, вне которой не мыслится самое существование языка слов. Поэтому изучение языка — его

¹ На эту тему ранее мною были опубликованы статья „Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы“ в сборнике „Вопросы грамматического строя“ (М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 113—139), а также раздел в учебном пособии „Фонетика современного русского литературного языка“ (Изд-во МГУ, 1956, стр. 12—40). Положения, изложенные в этих работах, получили свое отражение и оценку в статье М. Петера „К теории Московской фонологической школы“ („*Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*“, Budapest, 1957, f. 1—2, s. 331—348), в книге М. Halle „*Phonemics. Current trends in linguistics, v. 1. Soviet and East European linguistics*“ (The Hague, Mouton, 1963, s. 5—21), а также в рецензиях Т. В. Булыгиной („Вопросы языкознания“, 1965, № 3), М. Salle („*Word*“, 1960, v. 16, p. 140—152), R. Jakobson („*Intern. Journ. of Slavic Linguistics and Poetics*“, 1959, № 1—2, p. 286—289), В. Unbegaun („*Bull. de la Soc. linguistique de Paris*“, 1959, t. 54, f. 2, p. 198—199), K. Horálek („*Ceskoslovenska rusistika*“, t. VIII, 1963, № 4, s. 169).

грамматического строя и словарного состава — само по себе уже предполагает изучение его фонетической системы.

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что фонетика должна излагаться вместе с грамматикой, предшествуя последней. Однако едва ли может быть принято мнение, согласно которому не имеет принципиального значения вопрос о том, является ли фонетическая система частью грамматического строя или находится за его пределами, и, в соответствии с тем или иным его разрешением, вопрос о том, является ли фонетика частью грамматики или образует самостоятельную научную дисциплину. Можно утверждать, что этот вопрос имеет определенное теоретическое значение, так как то или иное его разрешение определяется самим пониманием природы соответствующих структурных элементов языка, в частности пониманием предмета грамматики.

Фонетику с грамматикой роднит то, что та и другая изучают структуру языка, ограниченное число категорий, образующих сложную систему и бесконечно повторяющихся. Этим фонетика и грамматика в равной мере и принципиально отличаются от лексикологии, изучающей конкретный инвентарь лексических единиц языка, насчитывающих десятки тысяч и практически не поддающихся исчислению.

Однако фонетика и грамматика существенно и принципиально отличаются друг от друга. Грамматика имеет дело со значимыми единицами языка (предложения, слова в их грамматических функциях, морфемы и их роль в словоизменении и словообразовании). Даже минимальная единица, изучаемая в грамматике, — морфема — значима, обладает собственным значением. В противоположность этому объекты фонетики, и притом не только звуки речи как физиолого-акустические явления, но и фонемы, не значимы, не обладают значением.

Критерий смыслоразличения как основного признака фонемы, введенный Л. В. Щербой в очень осторожных выражениях (как наличие или отсутствие у звуков речи «смыслоразличительной силы»¹, как «способность ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать значения»)², был, несомненно, крупным шагом в истории развития учения о фонеме. Однако, видимо, и у самого Л. В. Щербы, и в еще большей степени у других исследователей (при этом не только его последователей) не было полной ясности в характере этой «смыслоразличительной силы». В чем же она заключается? Конечно, не может быть сомнения, что фонема сама по себе не обладает значением. Но нам представляется недостаточной и общепринятой в настоящее время формулировка, согласно которой фонема, не обладая сама по себе значением, об-

¹ L. Ščerba. Court exposé de la prononciation russe. 1911, p. 2.

² Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. 1912, стр. 14.

ладает способностью дифференцировать, различать слова и формы, ассоциироваться с разными значениями и т. д. Думается, что было бы точнее говорить о том, что фонемы различают не значения слов и форм как таковых, а лишь их звуковую сторону, ибо различия в звуковом оформлении слов лишь у к а з ы в а ю т на различие в значении, но не раскрывают самого характера этого различия. Таким образом, мы констатируем, что хотя между фонемой и значением имеется тесная и неразрывная связь, однако эта связь непрямая, опосредствованная: фонемы различают не значения слов, а лишь звуковую сторону слов; разные слова обычно имеют неодинаковое звуковое оформление (ср., однако, частные случаи различий в звуковой оболочке одних и тех же слов, например: *платишь* и *плотишь*, *калоши* и *галоши*, и, наоборот, отсутствие различий в звуковой оболочке разных слов — у омонимов). Это значит, что, например, слова *дом* и *дам*, именно как слова, а не звучания, различаются не гласными <о> и <а>, а целиком — они различаются как разные слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям, обозначающие разные понятия, отражающие разные явления действительности. Другое дело — звуковое оформление этих слов, которое, действительно, различается гласными <о> и <а>. Только такие случаи, типа *влез* и *слез*, действительно, как слова не п о с р е д с т в е н н о различаются начальными <в> и <с>; однако последние здесь являются не только фонемами, но и морфемами, имеющими свои определенные значения (*влез на что-нибудь*, *слез с чего-нибудь*); следовательно, эти слова, как таковые, дифференцируются непосредственно не разными начальными фонемами, а разными начальными морфемами, каждая из которых состоит из одной фонемы. Что же касается звуковой стороны этих слов, то она различается, действительно, разными начальными фонемами. Поэтому нам представляется более точным говорить не о смысловозначительной роли фонем, а об их различительной роли, имея в виду роль фонем как различителей слов и форм путем различения их звуковой стороны.

Таким образом, одно из принципиальных различий между грамматикой и фонетикой заключается в том, что объекты первой всегда представляют собой значимые единицы языка, а объекты последней, в том числе фонемы, — единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка — слов и морфем. Это является достаточным основанием, чтобы считать грамматику и фонетику разными научными дисциплинами, каждая из которых имеет свой объект изучения (грамматический строй и фонетическую систему), обладающий своей спецификой и своими закономерностями.

Однако, признавая фонетику и грамматику разными дисциплинами, мы в то же время должны отметить, что они тесно связаны друг с другом, ибо связаны друг с другом их объекты — фонетическая система и грамматический строй. Это поло-

жение опирается на более общее положение, согласно которому язык представляет собой сложное целое, части которого органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга.

Отдельные стороны структуры языка, имея свою специфику, в то же время находятся в отношениях сложных взаимодействий друг с другом. Морфология языка теснейшим образом связана с синтаксисом. Словообразование стягивает в один структурный узел многие элементы морфологии и лексики. Фонетическая система языка тесно связана с его другими структурными элементами и прежде всего с морфологией, а также лексикой. Установление характера этих связей, в разных языках не всегда одинаковых, является одной из важных задач языкознания.

Для нашей темы существенно, что один и тот же равный себе грамматический элемент может иметь различия чисто фонетического порядка. Например, в флексии творительного падежа единственного числа слов *травой* и *коробой* имеется различие фонетическое (гласные [о] и [ы]), обусловленное местом ударения, и в то же время представлено морфологическое тождество — одна и та же флексия.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Другим вопросом, с которым тесно связан вопрос о кратчайшей звуковой единице в составе слова и морфемы, является соотношение фонетики и фонологии.

Фонология, или учение о фонеме, впервые появилась как реакция против младограмматической концепции языка с ее подходом к звуковой стороне языка как к явлению природному, с ее отрывом фонетики от грамматики и отнесением фонетики к сфере наук естественных, а не социальных. В этих условиях противопоставление традиционной фонетике вновь создаваемой фонологии было безусловно прогрессивным и означало движение науки вперед. Однако в дальнейшем, в трудах некоторых, по преимуществу зарубежных авторов, например датского лингвиста Ельмслева и других представителей структурализма, противопоставление фонологии фонетике переросло в отрыв фонологии от фонетики, в изучение отношений между фонемами, их функций в значительной мере безотносительно к звуковой материи языка.

Изучение этих отношений и функций вместо изучения самой звуковой стороны языка как элемента структуры языка, глубоко своеобразного в каждом языке, привело этих ученых к схематизации фактов, к игнорированию их живого многообразия, не укладывающегося в фонологические схемы, к устранению из фонемы ее реальных материальных признаков.

Между тем советская фонология, продолжая традиции И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, отрицает наличие двух самостоятельных научных дисциплин, из которых одна — фонетика —

будто бы относится к естественным наукам, а другая — фонология — к общественным. Нельзя не признать глубокую справедливость следующего положения Л. В. Щербы: «Против чего надо всячески протестовать — это против отрыва фонологии от фонетики в узком смысле слова. Исследовать систему фонем данного языка, определять «семантизированные» (фонологизованные) признаки каждой из них можно только на основе изучения конкретного произношения данного языка, не менее конкретных причинных связей между отдельными элементами этого произношения»¹. Звуковой стороне языка как общественного явления соответствует одна научная дисциплина, объектом которой являются звуки речи как элементы структуры языка. Перед нами не две дисциплины, а лишь два аспекта исследования. Фонология как более высокая ступень фонетики стала подлинно лингвистической дисциплиной и вместе с грамматикой посвящена изучению структуры языка. Фонолог не может не быть одновременно фонетистом, если он не хочет погрязнуть в мире абстракций — функций и отношений, — оторванных от живой ткани конкретных языков в их развитии. С другой стороны, и фонетист всегда (в том числе и до появления фонологии) был до известной степени фонологом, так как он изучал не звуки вообще, а звуки языка, и выделял звуки, различаемые в том или ином положении в данном языке. Можно доказать, что на самое выделение звуковых типов как одного из основных понятий общей фонетики наложил свою печать фонематический состав определенной группы языков (по преимуществу индоевропейских, главным образом языков Европы). Если бы понятие звукового типа исторически сложилось на почве совершенно иных языковых систем, то можно было бы ожидать в ряде случаев выделения и иных звуковых типов (ср., например, возможное объединение [b] и [m] в некоторых языках ввиду их комбинаторного характера или неразличение глухих и звонких в связи с комбинаторным характером звонкости согласных в некоторых языках и т. д.). Звуковые типы — это фонемы в большей части тех языков, на почве которых выработалось самое это понятие. Можно доказать, что «стихийными фонологами» были и создатели или нормализаторы древних систем письма, как Константин Философ и Вульфилла (для славянского и готского). И это естественно, ибо фонология имеет дело с реальными, существенными для языка категориями, которые не могут не быть так или иначе отражены в звуковом письме.

Можно бы высказать предположение о том, что фонетика и фонология так же относятся друг к другу, как морфология и синтаксис в составе грамматики. Однако это предположение не будет вполне правильным, так как морфология и синтаксис имеют р а з н ы е о б ъ е к т ы (формы слов, изменение слов, с одной стороны, и формы сочетаний слов, формы предложений — с другой), в то время

¹ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. „Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.“, т. IV, 1945, вып. 5, стр. 185—186.

как фонетика и фонология имеют в качестве своего основного объекта одно и то же: кратчайшие звуковые единицы языка сами по себе или в их функционировании в качестве различителей звуковой оболочки слов и форм. Следовательно, фонетика и фонология отличаются друг от друга не разными своими объектами, а различными аспектами изучения одного и того же объекта.

ПОНЯТИЕ КРАТЧАЙШЕЙ ЗВУКОВОЙ ЕДИНИЦЫ

Разные слова и их формы обычно отличаются друг от друга (если не иметь в виду случаев омонимии) своими звуковыми оболочками.

Различия в звуковом оформлении разных слов могут быть весьма многообразны. При разноместности и подвижности ударения могут заключаться в различиях места ударения, которое, например, в русском языке определяет собою количество и качество различаемых в безударных слогах гласных (ср.: [мўку] и [муку́], [п'йл'и] и [п'ил'й], [зámьк] и [злмóк], [пáрьм] и [плрóm] и т. д.). Различие в звуковом оформлении разных слов может касаться количества звуковых единиц (ср.: *он, тон, стон*; *ус, кус, куст* и т. д.), порядка следования одних и тех же звуковых единиц (ср.: *он* и *но, сук* и *кус, куст* и *стук*). Наконец, различия в звуковом оформлении разных слов могут касаться самих звуковых единиц, их качества. При этом звуковое оформление разных слов может отличаться полностью (ср.: [дуп] и [нас]), либо более или менее значительной частью (ср.: [сам] и [сук], [зно́] и [знал], [плох] и [прах] и т. д.), либо, наконец, одной кратчайшей звуковой единицей, т. е. иметь минимальное звуковое отличие (например: [сам] — [сом]; [сам] — [дам]; [сам] — [сап]). Реально эти типы различий звукового оформления слов в языке обычно существуют вместе, в самых различных комбинациях: например, слова [мука́] и [ўмн'иць] отличаются друг от друга и местом ударения, и количеством минимальных звуковых единиц, и порядком общих звуковых единиц, и, наконец, самими звуковыми единицами — их качеством.

Для фонетики в широком смысле слова (т. е. включая в нее как собственно фонетику, так и фонологию) существеннейшим является вопрос о том, каковы в данном языке минимальные, кратчайшие звуковые различия, способные сами по себе, самостоятельно различать разные слова и формы, ибо такие звуковые единицы образуют фонемы.

Обратимся к понятию кратчайшей звуковой единицы. Под кратчайшими звуковыми единицами мы имеем в виду такие произносительно-слуховые элементы, которые выделяются в слове при его последовательном, так сказать, линейном членении как единицы простейшие, минимальные, далее нечленимые, занимающие минимальный отрезок времени

(т. е. далее неделимый по отношению к звуковым элементам данного языка). Такому членению в написанном (при помощи звукового письма) слове соответствует членение по вертикалям (ср.: *p/y/k/á*). Таким образом, под кратчайшими звуковыми единицами языка понимается то, что обычно нерасчлененно по отношению к принципу выделения — фонологическому или собственно фонетическому — называется звуком речи.

Любая кратчайшая звуковая единица употребляется не изолированно, а в слове, следовательно, после или перед другой кратчайшей звуковой единицей, между другими кратчайшими звуковыми единицами, гласные, кроме того, в определенном отношении к ударению и т. д. Поэтому качество данной кратчайшей звуковой единицы всегда в той или иной степени бывает обусловлено фонетическим положением. Точнее говоря, обычно одни стороны ее качества бывают обусловлены фонетическим положением, а другие независимы. Так, например, в слове *тот* в качестве кратчайшей звуковой единицы под ударением выделяется гласный [o], средний подъем и наличие лабиализации которого не обусловлены позицией, независимы, самостоятельны (ср. в том же положении, т. е. под ударением, между твердыми согласными [t] возможность гласных верхнего подъема [y] и нижнего подъема нелабиализованного [a] — [туt], [таt], в то время как задний ряд обусловлен позицией, зависим, несамостоятелен, так как определяется положением между твердыми согласными (ср. в положении после твердого согласного перед мягким, после мягкого перед твердым, между мягкими: [то' т'мь], т. е. город *Тотьма*, [т''о́ткь], [т''о'т'ъ]).

При этом соотношение самостоятельных и обусловленных сторон кратчайших звуковых единиц может быть неодинаковым для разных таких единиц в разных фонетических условиях. Так, например, в слове [пуt] в качестве кратчайшей звуковой единицы под ударением выделяется гласный [y], у которого независимы, не обусловлены позицией степень подъема и наличие лабиализации (ср.: [пот], [пат]). В слове же [вы́купъл] (*выкупал*) одной из кратчайших звуковых единиц заударного слога является гласный [y], у которого независимо, не обусловлено позицией по существу только наличие лабиализации, так как в этом положении может быть и отсутствие лабиализации (ср.: [вы́кпъл] *выкопал*): ряд, т. е. более заднее или переднее образование этого гласного, определяется качеством предшествующего и последующего согласных (прежде всего их твердостью или мягкостью), а разные степени подъема в заударном неконечном слоге практически отсутствуют.

Приведем пример из области согласных. У начального [с'] в словах [с' а́ т'], [с' н' а́ т'] независимы, не обусловлены позицией место образования, способ образования, наличие или отсутствие голоса (ср.: [п' а́ т'], [пн'а], [га'т'], [лгн'а́], [з'а́т'], [млз'н'а́]). Однако у начального [с'] в слове [с'а́т'], кроме того, не обусловлена, независима твердость-мягкость (ср.: [с'а́т'] и [п'иса́т']), а у начального [с'] в слове [с'н'а́т'] мягкость обусловлена: твердое [с]

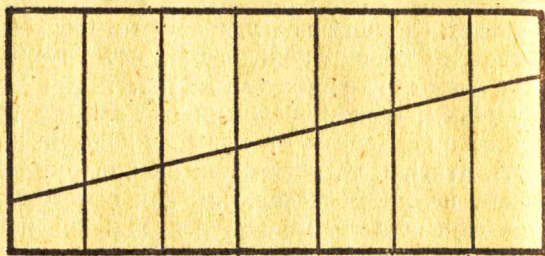
перед [н'] не употребляется и поэтому не противопоставлено мягкому [с'] ¹.

Таким образом, кратчайшие звуковые единицы слова в одних фонетических условиях имеют больше самостоятельных, не обусловленных позицией сторон и меньше зависимых, обусловленных позицией; напротив, в других фонетических условиях преобладают стороны зависимые, обусловленные позицией, над сторонами самостоятельными. Соотношения между теми и другими сторонами кратчайшей звуковой единицы обратно пропорциональны: чем больше независимых, не обусловленных позицией сторон, тем меньше зависимых, обусловленных, и наоборот. Однако практически не бывает кратчайших звуковых единиц, которые во всех своих сторонах были бы независимы, не обусловлены позицией или, наоборот, во всех своих сторонах зависимы, обусловлены ².

Сказанное может быть представлено в схеме:

Необусловленные, самостоятельные стороны

Обусловленные, зависимые стороны

Деление по вертикалям указывает на отдельные кратчайшие звуковые единицы.

Кратчайшие звуковые единицы в тех их сторонах, которые не зависят от фонетического положения, не обусловлены позицией, употребляются в тождественной позиции и служат в языке для различения звуковой оболочки словоформ, иначе говоря, образуют самостоятельные фонемы. В противоположность этому кратчайшие звуковые единицы в своих зависящих от фонетического положения, обусловленных позицией сторонах не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции и потому образуют не самостоятельные фонемы, а лишь разновидности одной и той же фонемы.

Из сказанного следует, что фонемой является кратчайшая звуковая единица как независи-

¹ Эти отношения не изменяются и при произношении [сн' а т'], так как при таком произношении перед [н'] отсутствует [с'], т. е. все равно твердость и мягкость оказываются не противопоставленными друг другу.

² Независимой от позиционных условий кратчайшая звуковая единица может быть лишь в изолированном употреблении, а последнее реально в языке имеет место лишь в исключительных случаях, когда она одновременно является морфемой, словом и предложением.

мая по своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ¹.

КРАТЧАЙШАЯ ЗВУКОВАЯ ЕДИНИЦА И УДАРЕНИЕ

Для выяснения понятия кратчайшей звуковой единицы языка существенное значение имеет отношение к этой единице (когда она является гласной) ударения².

Примечание.

Вопросы ударения в современном русском языке изложены ниже (см. стр. 79-118).

Здесь лишь укажем, что ударение выходит за пределы того последовательного членения, при котором выделяются кратчайшие звуковые единицы, служащие фонемами. Ударение в русском языке находится над этим членением, характеризуя данное слово или данную словообразовательную модель или, наконец, данную парадигму (в частности, вхождение в него данного слова). Поэтому в отличие от фонемы, являющейся сегментной единицей, ударение представляет собой единицу суперсегментную или просодическую.

ДВА ТИПА ПОЗИЦИОННЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ И ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ИМИ ХАРАКТЕР ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Основной среди высших единиц языка, с которой имеет дело фонетист, обычно является слово (или фонетическое слово). В слове могут выделяться морфемы. Самая возможность их выделения и характер взаимоотношений между морфемами в слове могут быть весьма различны в зависимости от качества строя языка.

При наличии членения слова на морфемы кратчайшая звуковая единица языка одновременно функционирует как в составе слова в его данной конкретной форме, так и в составе морфемы. Характер ее функционирования в составе той и другой структурной единицы языка в одних случаях (и языках) совпадает, в других имеет принципиальные отличия. Это зависит от характера позиционных чередований, ударения и от строя языка в целом.

Функционирование кратчайшей звуковой единицы (в составе слова и морфемы) основано на живых комбинаторных и позиционных чередованиях, свойственных данному языку на данном этапе его развития. Позиционные чередования в разных языках и на разных этапах развития одного языка могут носить весьма различный характер.

¹ Под словоформой здесь и ниже имеется в виду то или иное конкретное слово в одной из своих конкретных форм. Для неизменяемых слов понятия словоформы и слова совпадают.

² Ниже речь идет о словесном ударении, вопроса о фразовом ударении мы не касаемся.

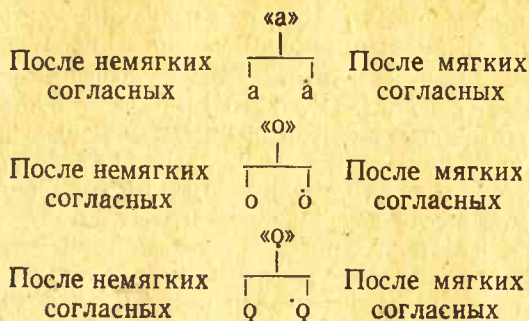
льскъ). Согласные немягкие звучали твердо перед гласными непредними и испытывали некоторую палатализацию перед гласными переднего образования, т. е. звучали как полумягкие. Эта палатализация не доходила до той степени, которая была свойственна мягким (палатализированным) согласным. Таким образом, твердые согласные, чередовавшиеся с полумягкими, не пересекались с мягкими (палатализированными) согласными: парные по твердости-мягкости согласные ($r-r'$, $l-l'$, $n-n'$) во всех положениях различались. О согласных внепарных по твердости-мягкости (например, t, d, p, b) не приходится говорить, так как соответствующие мягкие отсутствовали. Это значит, что в случаях $несж-несоши$, $вода-вода$ имело место чередование твердых с полумягкими s/s' , d/d' такое же, как в случаях $верж-верши$, $кльж-кльнеши$. Таким образом, для системы консонантизма старославянского языка древнейшего периода характерны позиционные чередования, представляющие собой параллельные, обычно не пересекающиеся друг с другом ряды, которые можно представить в следующей схеме:

В качестве примеров различения парных мягких и немягких согласных фонем перед гласными переднего ряда укажем: $борь\text{ъ}$ и $береть\text{ъ}$, $конь$ и $кнь$ (ср.: $иско\text{нь}$), $вьль$ и $вьль$ ([$bor'et\text{ъ}$] и [$beret\text{ъ}$], [$kon'\text{ъ}$] и [$kop\text{ъ}$]) — мягкие согласные всегда сохраняют свою мягкость как конститутивный признак, а твердые (точнее, немягкие) приобретают позиционную полумягкость, т. е. чередуются с полумягкими.

В качестве примера рядов позиционных чередований параллельных, не пересекающихся друг с другом, для гласных можно указать на фонемы $\langle a \rangle$, $\langle u \rangle$, $\langle o \rangle$ в положении после немягких

и мягких согласных: в этих положениях имеет место чередование [a]//[a], [u]//[u], [o]//[o]. Ср.: жена — вона, дало — полю, вера — вера. Это можно представить в схеме:

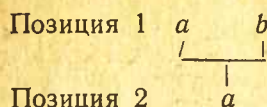
Характерной особенностью фонетической системы при параллелизме отдельных рядов звуковых чередований, обусловленной именно их параллелизмом, является то, что в любой данной позиции в принципе различается равное количество звуковых единиц, являющихся представителями каждого из рядов чередований. Это значит, что при наличии таких чередований кратчайшая звуковая единица в любой позиции (вне зависимости от меньшей или большей обусловленности ее качества позицией) обладает равной способностью различать звуковые оболочки словоформ.

Подобного типа звуковые чередования представлены и в современном русском языке. Ср. чередование [a]//[a]//[a]//[a], параллельное чередованию [o]//[o]//[o]//[o], чередованию [y]//[y]//[y]//[y] и др.: [рат], [ра'т'], [р'ат], [р' а т']; [рот], [ро'т'] (*пороть*), [р'от] (*орёт*), [р' о т'] (*орёте*); [рут] (*орут*), [ру'т'] (*грудь*). В каждой данной позиции (по отношению к твердости-мягкости предшествующего и последующего согласных) различается пять возможных звуковых единиц (ср.: [р'ат], [р'от], [р'ут], [р'ет], [р'ит]). Однако в русском языке широко представлены также звуковые чередования непараллельные, перекрещивающиеся, которые значительно осложняют его звуковую систему.

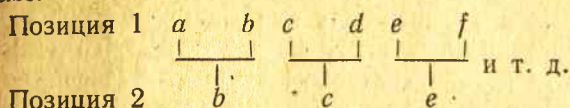
Позиционные чередования этого второго типа, образующие ряды непараллельные, пересекающиеся, имеющие общие члены для двух или нескольких рядов, в разных языках оказываются весьма своеобразными.

Одной из типичных для такого чередования формул является формула: «Двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в позиции 1, в позиции 2 соответствует одна звуковая единица, совпадающая по своему качеству с одной из различаемых в позиции 1 единиц». Это значит, что звуковому чередованию a/b , употребление членов которого обусловлено позицией 1 или 2, соответствует нулевой ряд (т. е. лишенный чередований) b ,

где звуковая единица *b* употребляется как в позиции 1 (где она различается с *a*), так и в позиции 2 (где *a* не употребляется; где единицы *a* и *b* нейтрализованы в *a*). Сказанное представлено в схеме:

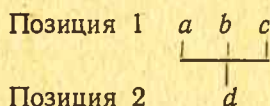

Подобные чередования, состоящие из двух непараллельных, пересекающихся рядов, могут образовать параллельные, соотносительные пары, коррелятивный ряд. В этом случае окажется, что каждая пара рядов параллельна и не пересекается с другими парами рядов, но отдельные ряды в пределах каждой пары рядов непараллельны, пересекаются. Это может быть представлено в схеме:

Примером такого чередования, непараллельного и пересекающегося внутри каждой пары рядов и, напротив, в то же время параллельного и соотносительного для каждой пары рядов по отношению к другим парам рядов, может служить чередование глухих и звонких согласных в русском языке, где, например, перед гласными различаются <т> и <д>, <к> и <г>, <с> и <з> и др., а на конце слова в соответствии с каждой парой звуков, состоящей из глухого согласного и соответствующего звонкого, употребляется только глухой: [плáты]—[плáды], но [плот] (= *плот* и *плод*); [па́рбкъ]—[па́рбгъ], но [па́рбк] (= *порок* и *порог*); [гла́сь]—[гла́зь], но [глас] (= *глас* и *глаз*).

Другой типичной формулой типа чередований, образующих непараллельные, пересекающиеся ряды, имеющие общие члены, является следующая: «Двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в позиции 1, в позиции 2 соответствует одна единица, не совпадающая по своему качеству ни с одной из различающихся в позиции 1 единиц». Это означает наличие таких рядов чередований: *a/d*, *b/d*, *c/d*. Подобный тип чередований может быть представлен в схеме:

Примером такого чередования может служить чередование ударенного гласного с соответствующими ему безударными в русском литературном языке. Например, гласные <о> и <а> после твердого согласного, различаясь в ударенном слоге, не различаются и чередуются с [л] в 1-м предударном слоге и с [ъ] в других безударных: ср.: [вол] и [вал], [дроф] и [траф], [дом] и [дам],

[валы́] (= *волы* и *валы*), [дрва́] и [трва́], [дма́] и [дла́], [дръв'и'но́] и [тръв'и'но́], [на́-дъм]. Гласные <а>, <о>, <е> после мягких согласных, также различаясь под ударением, не различаются и чередуются с [и'] в 1-м предударном слоге: ср.: [т'áнут], [н'ос], [л'ес] и [т'и'ну́], [н'и'сý], [в-л'и'сý], а также [р'и'бо́], [п'и'так]; [в'и'зý], [с'и'ло́]; [б'и'да́], [л'и'та́т'] и т. д.

Характерной особенностью фонетической системы при наличии непараллельных, пересекающихся позиционных чередований является то, что в разных позициях различается неодинаковое количество звуковых единиц, так как некоторые ряды чередований имеют общие члены. При таких чередованиях оказывается, что в одних позициях различается максимальное количество звуковых единиц, в других меньшее, а иногда — в третьих — еще меньшее, т. е. минимальное количество звуковых единиц. Это означает, что при наличии таких чередований кратчайшая звуковая единица данной словоформы в зависимости от позиции обладает способностью различать слова и словоформы не в одинаковой степени: в одних позициях она обладает этой способностью в высшей степени (сильная позиция), в других — в меньшей степени (слабые позиции).

Таким образом, описанные выше два типа звуковых чередований, принципиально отличающиеся друг от друга, образуют качественно различные фонетические системы. Чередования параллельные образуют такую систему, при которой в любой данной позиции различается равное количество звуковых единиц, обладающих поэтому равной различительной способностью. Чередования непараллельные, пересекающиеся, напротив, образуют систему, при которой в одних позициях различается большее количество звуковых единиц, в других — меньшее (слабые позиции). Поэтому оказывается, что одни звуковые единицы (в сильной позиции) обладают большей различительной способностью, а другие (в слабой позиции) — меньшей. Однако во многих языках фонетическая система образуется одновременно на основе наличия обоих типов чередований — как параллельных, непараллельных, так и непараллельных, пересекающихся. Такова, например, звуковая система русского языка.

Указывая на глубокое своеобразие фонетической системы разных языков, следует отметить в то же время историческую изменчивость ее также в разные эпохи развития одного и того же языка (ср., например, фонетические системы древнерусского языка до падения редуцированных и современного русского языка).

ПОНЯТИЕ СИЛЬНОЙ И СЛАБОЙ ФОНЕМЫ

Понятие фонемы основано на позиционных фонетически обусловленных чередованиях, образующих определенную фонетическую систему. При наличии в языке чередований только параллельных, образующих ряды, не пересекающиеся друг с другом, фонетическая система оказывается более простой: каждый из ря-

дов чередований образует функциональное тождество, которому соответствует одна фонема, а члены каждого ряда таких чередований (т. е. сами чередующиеся звуки) представляют собой разновидности, варианты этой фонемы.

В языках с таким типом чередований одна и та же кратчайшая звуковая единица в одном и том же качестве выступает как в составе словоформы, так и в составе морфемы. По отношению к таким языкам выделение фонем, установление объема каждой из них, да и само определение понятия фонемы обычно достигается легко и споров не вызывает.

Значительно более сложную картину представляют языки, фонетической системе которых свойственны наряду с чередованиями параллельными чередования непараллельные, образующие ряды, пересекающие друг друга в определенных точках.

Общим для обоих типов чередований является то, что члены любого ряда позиционных чередований по отношению друг к другу несемасиологизованы, т. е. в силу своей позиционности не обладают способностью различать звуковые оболочки разных слов и форм; например, слова [м'ел] и [м'эл'] различаются не звуками [е] и [ѐ], являющимися членами параллельного чередования, а фонемами <л> и <л'>; слова [нлс'у] (например, *в носу*) и [нóсу] различаются не звуками [л] и [о], являющимися членами непараллельного, пересекающегося чередования, а местом ударения: именно безударностью корневой морфемы в первом случае позиционно обусловлено наличие [л]. Ударение различает в целом эти словоформы, но корневая морфема в них одна и та же, т. е. позиционное чередование <о>||[л] по отношению к морфеме несемасиологизованно, не обладает различительной функцией.

Однако между двумя типами позиционных чередований есть существенное различие. Члены параллельного чередования тождественны по своей функции, так как в каждой позиции различается равное число звуковых единиц. Напротив, члены непараллельного, пересекающегося чередования функционально не тождественны. Это связано с тем, что различные ряды чередований имеют общие члены: во главе с разными членами чередования сильной позиции могут выступать одни и те же члены чередования слабой позиции. Ср., например, <о>//[л]//[ъ] и <а>//[л]//[ъ]: [вол] — [влл'ы] и [вал] — [вал'ы]; [дам] — [в'д'д'м] и [дом] — [н'а-д'д'м]. Или <з>//[с] и <с>//[з]: [клз'а], [кос], [кóз-бы] и [клс'а], [кос], [кóз-бы]; произносительным единицам [кос] и [кóз-бы] в равной мере соответствуют словоформы *коз* и *кос*, *коз бы* и *кос бы*. Как видим, каждая звуковая единица слабого положения эквивалентна двум (а в других случаях и нескольким) единицам сильного положения. Это означает, что звуковые единицы, выступающие в слабой позиции, обладают ослабленной способностью различать слова и формы, или, другими словами, что фонематическая роль звуковых единиц (нередко даже одних и тех же) в сильной и слабых позициях различна: она максимальна в сильной позиции и умень-

шается в слабых. Поэтому при наличии чередований непараллельных, пересекающихся необходимо разграничение двух понятий для обозначения степени фонематичности кратчайших звуковых единиц, которые можно назвать сильной фонемой и слабой фонемой (или фонемой и эквивалентом фонемы, или как-нибудь иначе). Сильная фонема выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, а слабая фонема — в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц (возможно выделение слабых позиций нескольких степеней в зависимости от количества различаемых звуковых единиц). Слабая фонема всегда является эквивалентом двух или нескольких сильных фонем.

Как сильная, так и слабая фонема могут выступать в разных своих вариантах. Ср., например, варианты сильных фонем [а] и [ä] в словах [мат] и [м'äт'] или варианты слабых фонем [л] и [и^е] в словах [тану] и [т'и^ену] (*тону* и *тяну*)¹.

Выше уже было указано, что фонема служит для различения словоформ. Теперь мы уточним эту различительную функцию по отношению к сильной и слабой фонемам. Сильная фонема различает не только словоформы, но и морфемы, в составе которых она находится. Ср. первые две фонемы в словоформах [рок] по отношению к [нок], [сок], [ток] и [рак], [рук]: здесь разные словоформы и в то же время разные морфемы². Слабая фонема, различая словоформы, в то же время может не различать морфемы, так как она (слабая фонема) всегда является эквивалентом двух или нескольких сильных фонем. Ср. последнюю фонему в слове [рок], являющуюся слабой, так как на конце слова не различаются глухие и звонкие согласные и [к] в этом положении является эквивалентом как <к>, так и <г>. Слабая фонема [к] отличает словоформу [рок] от словоформ [рос], [рот], [рош], но она не различает морфем *рок* и *рог*, которые в данной словоформе оказываются омонимичными, различаясь в других словоформах (ср.: *ро́ка*, *ро́ку* и *ро́га*, *ро́гу*). Точно так же слабая фонема [с] в словоформе [рос], отличая ее от словоформ [рок], [рот], не различает омонимичных в данной словоформе морфем *рос* (*рос*, *росла́* или *рос*, *росá*) и *роз* (ср. *ро́за*); также не различает морфем слабая фонема [т] в приведенных словоформах морфем *рот* и *род*.

Таким образом, как слабая, так и сильная фонема непосредственно функционирует в словоформе и лишь через словоформу оказывается в определенных отношениях к морфеме, качество которых зависит от различий в природе сильной и слабой фонемы.

¹ О вариантах гласных фонем см. в книге: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 88—133.

² Однако сильная фонема не покрывает собою всего многообразия звукового оформления данной тождественной морфемы; ср.: [рок] и [рлгá] — в тождественной морфеме могут быть сильная фонема <о> и слабая фонема [л], сильная фонема <г> и слабая фонема [к]. Об этом подробнее см. ниже.

Как мы видели, слабая фонема всегда является эквивалентом, как бы заместителем двух или нескольких сильных фонем. Это значит, что слабые фонемы занимают в фонетической системе подчиненное положение по отношению к сильным фонемам. Поэтому они никогда не могут рассматриваться в одном ряду с сильными фонемами. Отсюда следует, что если в фонетической системе того или иного языка представлены сильные и слабые фонемы, то установление состава различных кратчайших звуковых единиц — фонем, их количества должно производиться на основе учета тех единиц, которые различаются в сильной позиции — в позиции максимальной дифференциации, т. е. на основе учета количества различающихся сильных фонем. Состав фонем (при наличии сильных и слабых фонем) — это состав сильных гласных фонем, но не совокупность сильных и слабых фонем. Например, определяя состав гласных фонем русского литературного языка, можно констатировать, что в позиции максимальной дифференциации различаются пять гласных фонем (являющихся сильными гласными фонемами): верхнего подъема лабиализованная и нелабиализованная (<у> и <и>), среднего подъема лабиализованная и нелабиализованная (<о> и <е>) и нижнего подъема нелабиализованная (<а>). Но нельзя ни в коем случае к этим пяти сильным фонемам прибавить в том же ряду еще слабые фонемы — [л], [ь] (после твердых согласных), [и^е], [ы] (после мягких) и др., ибо они являются лишь эквивалентами сильных фонем.

ПОНЯТИЕ ФОНЕМНОГО РЯДА

Если фонетическая система языка основана на звуковых чередованиях только параллельных, непересекающихся, то фонема равным образом функционирует в составе как словоформы, так и морфемы — тождеству словоформы (или тождеству морфемы) соответствует тождество их фонематического состава. Между морфемой как минимальной значимой единицей и фонемой, незначимой и являющейся различителем слов и морфем, отсутствуют какие бы то ни было посредствующие звенья.

Иначе и значительно более сложно обстоит дело в тех случаях, когда фонетическая система бывает основана на звуковых чередованиях не только параллельных, непересекающихся, но также непараллельных, пересекающихся. Как было показано выше, при непараллельных чередованиях фонема непосредственно функционирует в словоформе — она является различителем разных словоформ. В этих случаях приходится говорить о сильных и слабых фонемах, которые в разной степени различают словоформы и находятся в разных отношениях к морфемам, входящим в состав этих словоформ (см. выше). Непараллельное чередование есть чередование сильной фонемы со слабыми, которые являются эквивалентами данной сильной фонемы и еще одной или нескольких сильных фонем. Подобное чередование ввиду позиционной обусловленности его

членов характеризуется отсутствием семасиологизации, отсутствием различительной способности его членов по отношению друг к другу и образует весьма важное связующее звено в структуре языка между фонемой и морфемой, которую мы назовем фонемным рядом.

Фонемные ряды представляют собой ряды непараллельных, в отдельных своих звеньях пересекающихся звуковых чередований: каждый из этих рядов, ввиду позиционной обусловленности его членов, образует определенное функциональное единство, которому соответствует тождество морфемы. Именно функциональное единство сильной гласной фонемы <о> и чередующихся с ней слабых гласных фонем [л] и [ь], образующих один ряд позиционных чередований, и такое же единство сильной фонемы <д> и слабых фонем [т] и [д'], образующих другой ряд позиционных чередований, позволяет считать, что в словоформах [вда́], [во́ды], [во́т], [вда́'е], [вда́во́с] имеется одна и та же, равная себе, тождественная корневая морфема, которая в зависимости от позиционных условий меняет свой звуковой облик.

Таким образом, гласный элемент приведенных выше словоформ представляет собою фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой <о>: <о>//[л]/[ь]; конечный согласный элемент той же морфемы представляет собою фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой <д>: <д>//[т]/[д']. Функциональное единство сильной фонемы <о> и слабой фонемы [ь] в словоформах [с'и'е ло́м] и [са́дъм], [с'т'и'е но́] и [к'ро́вь] соответствует тождеству флексии в каждой паре примеров, хотя эти флексии в зависимости от позиционных условий произносятся неодинаково. Гласный элемент этих флексий представляет собою фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой <о>.

Из изложенного выше следует, что фонемный ряд — это важный структурный элемент языка, представляющий собой связующее звено между фонемой и морфемой в тех случаях, когда звуковая система строится на основе чередований не только параллельных, но и непараллельных, пересекающихся. Единство позиционно обусловленных чередований, которое образует фонемный ряд, является показателем тождества морфемы. Фонемный ряд как бы вбирает в себя все несущественное для морфемы как значимой единицы, все внешнее, позиционно обусловленное, и является, таким образом, своеобразным мостом между звуковой стороной языка, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом — с другой.

Следует отметить, что не всегда слабая фонема чередуется в пределах той же морфемы с одной из соответствующих ей сильных фонем, не всегда в пределах одной морфемы (в разных формах словообразования и словоизменения) представлен бывает весь фонемный ряд во главе с сильной фонемой. Это зависит от комбинаторных и позиционных условий. Например, в русском языке согласная фонема перед гласной в начале одной морфемы всегда оказывается в

положении нулевой комбинаторности, т. е. не входит ни в какой ряд чередований. Поэтому если в этом положении находится согласная фонема, слабая по твердости-мягкости, то эта фонема оказывается вне позиционных чередований, вне одного какого-либо определенного фонемного ряда. Ср., например, слабые согласные фонемы в начале слов перед [e]: [в'ес], [с'еф], [м'ерь], [б'ел], [д'эль] и т. д. Как известно, мягкие парные согласные могут входить в фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой твердой, или в фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой мягкой. В приведенных же случаях они не входят ни в один из этих фонемных рядов, так как находятся в положении нулевой комбинаторности.

Другой пример. При неподвижности ударения в разных формах словообразования и словоизменения, имеющих в своем составе данную морфему, или при отсутствии форм словообразования или словоизменения гласная данной морфемы также оказывается вне чередований, т. е. не входит ни в один определенный фонемный ряд. Ср., например, слабую фонему [л] в случаях: [стакáн], [стакáны], [стакáн'ч'ик], [п'ятстакáн':ик] и т. д.; ср. слабые фонемы [ы] и [и^е] в случаях: [д'ьл'и^егáт], [д'ьл'и^егáты], [д'ьл'и^ег'и^рьв'ьт']; ср. слабую фонему [л] при отсутствии форм словообразования и словоизменения: [н'ьтлш':áк]. Во многих случаях может быть представлен неполный фонемный ряд — фонемный ряд без возглавляющей его сильной фонемы, т. е. чередование слабых фонем; ср., например, чередование [л]/[ы] — [татáр'ин], [татáр], [татáрскы] и [ты́тарч'о́ньк]; [сáт'и́рь], [сы́т'и́р'и́ч'ьскы].

Таким образом, слабые фонемы в одних случаях входят в фонемный ряд, т. е. являются членами одного из непараллельных, пересекающихся рядов чередований, возглавляемых той или иной сильной фонемой (типа [дом], [длмá], [нá-дъм]), в других случаях не входят в фонемный ряд и представляют собой самостоятельные единицы, которые по их различительной способности можно квалифицировать как единицы, так сказать, «низшего ранга» (сравнительно с сильными фонемами).

ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЕ СЛОВОФОРМ И МОРФЕМ В ИХ ОТНОШЕНИИ К СВОИМ ЗВУКОВЫМ ОБОЛОЧКАМ

Основным итогом всего предыдущего изложения является то, что в составе фонетической системы, основанной на звуковых чередованиях как параллельных, так и непараллельных, фонема является элементом словоформы, а фонемный ряд — элементом морфемы, охватывающим все звуковое многообразие морфемы в пределах, обусловленных позицией.

Анализ соотношений между фонемами и фонемными рядами, с одной стороны, и словоформами и морфемами — с другой, позволяет сформулировать два закона о тождестве и различиях словоформ и морфем в их отношении к своему звуковому оформлению.

1. Тождеству словоформ (т. е. той же словоформе) соответствует

тождество фонем; напротив, нетождеству словоформ (т. е. разным словоформам) соответствуют различия в фонемах одного ранга.

Это значит, что каждая из словоформ [дом], [дымók], [руклвóm], [пл'énум], [вол] равна себе, пока неизменен фонематический состав. Нижеследующие же случаи представляют собой разные словоформы, отличающиеся друг от друга фонемами одного ранга: [дом], [дам], [дым] отличаются сильными гласными фонемами <о>, <a>, <ы> [дамók], [дымók] — слабыми гласными фонемами первого предударного слога [л], [ы]; [руклвóm], [ръклвóm] и [пл'énум], [пл'énъм] — слабыми гласными фонемами других безударных слогов [у] и [ъ]; [вол], [в'ол], [мол], [м'ол], [тол], [дол], [с'ол], [шол] — сильными согласными фонемами; [вол], [вот], [вос] — фонемой <л>, различающейся во всех положениях, и слабыми фонемами конца слова [т] и [с], где глухость-звонкость не различается. Нетрудно заметить, что во всех приведенных случаях и им подобных фонемы одного ранга (например, разные сильные фонемы или разные слабые фонемы в одной и той же позиции) различают словоформы, включающие в свой состав разные морфемы.

Здесь необходимо сделать одно существенное замечание. Так как слабые фонемы всегда являются эквивалентами двух или нескольких сильных фонем, то тождеству звукового оформления при наличии в его составе слабых фонем могут соответствовать разные (в данном случае омонимические) словоформы, включающие в свой состав разные морфемы: ср.: [валы́] (от *вол* и *вал*), [л'ес] (от *лезу* и *лес*), [умал'ят'] (от *умолять* и *умалять*), [ду́шкы] (от *душа* и от *дуга*) и т. д.

Таким образом, различие в слабых фонемах всегда свидетельствует о разных словоформах, включающих в свой состав разные морфемы (ср. [сра́йъ] и [сыра́йъ]; [сыро́йъ] и [сыро́йу]: в первом случае разные корневые морфемы, во втором — разные флексии). Однако тождество звукового оформления при наличии слабых фонем не может обязательно свидетельствовать о тождестве словоформ и составляющих их морфем.

2. Тожеству морфем (т. е. той же морфеме) соответствует тождество фонемных рядов; напротив, «нетождеству» морфем (т. е. разным морфемам) соответствует различие в фонемных рядах¹.

¹ Понятие „нетождество“ морфем охватывает большое количество различий, где на одном полюсе оказываются разные морфемы (например, *дом* и *сад*), на другом — варианты одной и той же морфемы (ср., например, корневую морфему в словоформах *пеку* и *печешь*). При этом под вариантами одной и той же морфемы имеются в виду варианты, в той или иной мере существенные для грамматики и лексикологии и не обусловленные позицией с точки зрения закономерностей звуковой системы в ее современном состоянии. Разграничение всех этих различий несущественно для фонетики и относится к сфере грамматики и лексикологии. Для фонетики же существенно лишь установление понятия „тождество“ фонемы и его отграничение от понятия „нетождество“, включающего в себя все многообразие видов нетождества. О разных видах нетождества морфем см. интересные замечания в статье А. А. Реформатского „О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)“, напечатанной в сборнике „Вопросы грамматического строя“. М., Изд-во АН СССР, 1955.

Это значит, во-первых, что одна и та же морфема всегда имеет звуковую сторону, состоящую из фонем (возможно, разного ранга), входящих в состав одних и тех же фонемных рядов. Ср. корневую морфему в словоформах [вóды], [вдá], [вѣдáвóс], [вд'ѣ], [вот]; она везде равна себе как морфема, несмотря на различия в звуковой оболочке, так как эти различия, носящие позиционный характер, не выходят за рамки одних и тех же фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами <в>, <о> и <д>. При этом фонема <в>, находясь в начале звуковой оболочки морфемы, не образует никаких чередований, а две другие образуют ряды: <о>//[л]/[ъ] : <д>//[т]/[д'].

Это значит, во-вторых, что разные морфемы отличаются друг от друга вхождением хотя бы одной из кратчайших единиц их звукового оформления в разные фонемные ряды. В случаях [дом], [длмóк], [нá-дъм] представлено тождество корневой морфемы, так как чередование <о>//[л]/[ъ] образует один фонемный ряд. В случаях же [длмóк] и [дымóк] перед нами разные корневые морфемы, чему соответствует то обстоятельство, что [л] и [ъ] входят в разные фонемные ряды.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА В ЦЕЛОМ

Таким образом, фонетическая система, основанная на звуковых чередованиях как параллельных, так и пересекающихся, включает в себе два плана: в одном из них кратчайшие звуковые единицы слова рассматриваются как элементы словоформы, или данного конкретного слова в его данной форме (т. е. как фонемы); в другом они рассматриваются как элементы морфемы вне зависимости от позиционно обусловленных различий ее звуковой стороны в отдельных конкретных словах и словоформах (т. е. как фонемные ряды). Не подлежит сомнению важность обоих этих аспектов исследования, образующих два структурных плана, два «этажа» фонологии как науки.

Анализ фонемы как кратчайшей звуковой единицы в составе словоформы позволяет изучать звуки речи во всех их реальных физиолого-акустических свойствах как необусловленных, самостоятельных и потому фонематических, так и обусловленных и потому нефонематических.

Анализ фонемных рядов позволяет установить фонетическую систему как сложное иерархически-многостепенное целое, в состав которого входят фонемы разных «рангов», находящиеся в сложных отношениях друг к другу и укладывающиеся в определенные закономерные фонемные ряды. Вместе с тем этот анализ позволяет установить понятие тождества морфемы с точки зрения ее звукового строения, т. е. подводит исследователя к одному из исходных понятий грамматики и лексикологии.

Без анализа фонемных рядов звуковая оболочка слова была бы полностью оторвана от грамматического строя, типы словоизменения и словообразования потеряли бы свои границы, удвоились и утратились, так как фонетические разновидности одной и той же тождественной морфемы пришлось бы считать за разновидности грамматические — за варианты морфемы или даже за разные морфемы.

Как было указано выше, отдельные структурные элементы языка тесно связаны между собой. Изучение разных сторон языка в их связях является важной задачей языкознания. Сложны и многообразны связи между фонетической системой, образующей «природную материю» языка, и морфемой, а через морфему также с грамматическим строем и словарным составом языка. Анализ кратчайших звуковых единиц языка как элементов словоформ (т. е. фонем) и как элементов морфем (т. е. фонемных рядов) позволяет понять эти связи и органически связывает фонетическую систему с морфемой, тем самым связывая учение о звуках с учением о морфеме, лежащим в основе грамматики и лексикологии.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ФОНЕМУ

Сложность понятия фонемы, его отношения к значимым элементам языка и определяемого им понимания фонетической системы и структуры фонологии как науки обусловила многообразие и противоречивость точек зрения у разных авторов. Эмпиризм, невыясненность теоретических предпосылок исследования — едва ли не основная причина многообразия и противоречивости мнений в этом вопросе. Именно ввиду неразработанности проблемы в теоретическом отношении, определяя понятие фонемы, одни ученые «стихийно» исходили из слова или даже словоформы, другие из морфемы. На этом были основаны длительные споры между Л. В. Щербой и его учениками (Л. Р. Зиндером, М. И. Матусевич и др.), с одной стороны, и московскими фонологами (Н. Ф. Яковлевым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским, В. Н. Сидоровым, автором этих строк) — с другой. Между тем от того или иного подхода зависит трактовка объема понятия фонемы, отношения фонемы к слову, его формам и морфеме, само понимание фонетической системы и ее места в структуре языка. Особую своеобразную позицию занимал С. И. Бернштейн.

Наше исследование показывает, что в тех случаях, когда фонетической системе языка свойственны позиционные чередования как параллельные, так и пересекающиеся, кратчайшая звуковая единица является элементом как словоформы во всей ее конкретности, так и морфемы как таковой (в тех пределах, в каких она тождественна, равна самой себе) безотносительно к формам словоизменения и словообразования. А так как задачей исследования является познание объекта исследования во всех его сложных, суще-

ствующих в реальной действительности связях, во всей его многоплановости, так сказать, объемности, то, следовательно, оба этих структурных плана, оба аспекта исследования (кратчайшая звуковая единица в составе словоформы и морфемы) должны найти свое место в системе фонологии, будучи соответствующим образом разграничены, в том числе терминологически.

Исходным моментом во взглядах Л. В. Щербы на фонему является словоформа, в составе которой и изучается кратчайшая звуковая единица. Именно поэтому Л. В. Щерба и его ученики считают фонемой кратчайшие звуковые единицы, различаемые не только в сильной позиции (например, каждый из звуков в слове [дом]), но и в слабых позициях (например, [t] в слове [склат], [л] в слове [владá]). Последние на основе близости по физиолого-акустическому признаку отождествляются с соответствующими звуковыми единицами, различающимися в сильной позиции. Так, представители этой точки зрения считают, что в слове [владá] имеются две фонемы [a], что в начале слова [тот] и на конце его имеется одна и та же согласная фонема [t], т. е. что на конце слова [сат] представлена та же фонема, что в начале слова [так]. При этой точке зрения не принимается во внимание принципиальное различие в функционировании звуковых единиц, выступающих в сильной позиции, с одной стороны, и в слабых — с другой. Между тем их различительная роль в этих положениях неодинакова: она ослаблена у звуковых единиц, различающихся в слабых позициях, так как каждая из таких единиц эквивалентна двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в сильной позиции. Поэтому отождествление в физиолого-акустическом отношении сходных звуковых единиц, различающихся в сильных и слабых позициях, нельзя считать целесообразным¹. Оно представляет собой крупный недостаток данной концепции, ибо именно последовательное изучение функционирования кратчайших звуковых единиц языка как различителей слов и морфем поднимает фонологию на высшую ступень по сравнению с традиционной фонетикой.

Другой существенный недостаток этой концепции, органически связанный с первым, заключается в следующем. Отождествление на основе близости по физиолого-акустическому признаку звуковых единиц, различающихся в сильной и слабой позициях, ведет к отрыву звуковой единицы, различающейся в слабой позиции, от того ряда позиционных, лишенных различительной способности, несемасиологизованных чередований, которому она принадлежит. Особо следует отметить, что благодаря этому отождествлению звуковая единица, различающаяся в слабой позиции и чередующаяся

¹ Следует отметить, что эту точку зрения Л. В. Щерба и его ученики не могут провести последовательно, так как в слабых позициях может быть представлен звук, отсутствующий в сильных, например [ъ] в русском языке. Гласный [ъ] сторонники этой точки зрения приравнивают к [a], так как будто бы в „полном стиле“ [ъ] всегда проявляется в [a].

с соответствующей звуковой единицей, различающейся в сильной позиции, отрывается от этой последней. Это значит, что [л] в словах [вдá] полностью приравнивается к гласной [а] в словах [да́м], [та́к], [са́т] и т. д. и отрывается от гласного [о], с которым [л] чередуется (ср.: [вдá] — [во́ды]). Это ведет к отрыву фонетической системы от грамматического строя и словарного состава, к тому, что фонетическая система оказывается изолированной по отношению к строю языка в целом, к тому, что звуковая сторона языка — его «природная материя» оказывается изолированной от значимых элементов языка.

Положительной стороной концепции Л. В. Щербы в пределах вопросов, затронутых в настоящей статье, является положение об органическом единстве фонетики и фонологии, а также положение о наличии у каждой фонемы (которую сторонники этой точки зрения фактически понимают как элемент словоформы) своей определенной физиолого-акустической характеристики.

Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях тождество морфемы определяет собой границы и объем понятия фонемы. Именно поэтому они считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. Таким образом, звуковые единицы, выступающие в слабых позициях и чередующиеся с той или иной звуковой единицей, различающейся в сильной позиции и являющейся фонемой, объединяются с этой последней в одну единицу (фонему) на положении ее вариантов. Например, в случаях типа [вдá], [во́ды], [на́-вду́] гласные [а] и [ы] квалифицируются как варианты фонемы <о>, весь ряд чередований (<о>//[а]/[ы]) также признается одной фонемой. Точно так же в случаях типа [вдá], [во́т], [вд'э́] согласные [т] и [д'] квалифицируются как варианты фонемы <д>; весь ряд чередований (<д>//[т]/[д']) также признается одной фонемой. При этой точке зрения последовательно учитывается функциональная сторона, достигается органическая связь между фонемой и морфемой и тем самым между фонетической системой, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом — с другой; фонетическая система органически включается в структуру языка в целом.

Однако и эта концепция имеет свои недостатки. Среди них важнейшим является неотчетливость, отсутствие четких граней у понятия фонемы. Понятие фонемы у московских фонологов — это прежде всего так называемый «основной вид фонемы» и ее «вариации», т. е. члены параллельного, непересекающегося чередования, образующие функциональное тождество (по предложенной выше терминологии, «сильная фонема» и ее «варианты»). Фонема в этом значении представляет собой определенный тип звука, имеющий, несмотря на различия своих «вариаций», определенную физиолого-акустическую характеристику. Фонема в этом значении непосред-

ственно является, как это было показано выше, элементом слово-формы.

В другое, более широкое значение понятия фонемы теми же учеными включается не только «основной вид» фонемы и ее «вариации» (т. е. ряд параллельных чередований), но и ее варианты (т. е. ряд непараллельных чередований, имеющий общие члены с другим рядом таких же чередований). По предложенной выше терминологии, это фонемный ряд, в котором сильная фонема, возглавляющая ряд, чередуется со слабыми. Фонема в этом понимании лишена определенной физиолого-акустической характеристики, так как члены непараллельного, пересекающегося чередования могут быть весьма различны по своему качеству. Они ни в коем случае не представляют собой конкретного звука, а являются совокупностью звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования, лишенных различительной способности в пределах своего ряда чередований и обладающих этой способностью в той или иной степени каждая в своей позиции по отношению к членам других аналогичных рядов чередования. Фонема в этом понимании, полностью соответствующая тому, что выше было охарактеризовано как фонемный ряд, является элементом морфемы и охватывает все позиционно обусловленные различия той же, тождественной морфемы.

Такую нерасчлененность понятий, соответствующих разным объективным предметам и отношениям между ними, нельзя не признать существенным недостатком.

Другим недостатком является то, что так называемые «варианты» фонем рассматриваются по преимуществу со стороны своей эквивалентности фонеме в ее основном виде, т. е. с точки зрения своего функционального единства с «основным видом фонемы», в то время как различительная способность «вариантов», их фонематичность оказываются в тени. Не может быть сомнения, что наше познание будет в наибольшей степени соответствовать действительности, если мы в равной мере будем учитывать и фонематичность «варианта», и его позиционную обусловленность (объясняющую наличие именно данной разновидности этого варианта), и, наконец, его эквивалентность определенной фонеме. Так, например, по отношению к гласному первого предударного слога в словоформе [тамá] можно установить, что фонематичность [л] определяется его противопоставленностью гласным [у] и [ы] (ср.: [тумáн], [лтымáл]), что наличие нелабиализованного гласного [л], а не [и^е] обусловлено положением после твердого согласного (ср.: [том] — [тамá], но [т'ómнѣ] — [т'и^емнá]), что эквивалентность предударного [л] в данной морфеме ударенному гласному [о] устанавливается позиционным чередованием <о>/[л] в пределах одной и той же морфемы ([том] — [тамá]). Только установление всех этих связей позволяет нам познать изучаемое явление с наибольшей полнотой, с наибольшим проникновением в действительность.

Недостатком этой концепции является и то, что «вариант» фонемы в сущности далеко не всегда является действительно вариан-

том, так как далеко не всегда входит в пределах той же морфемы один из рядов позиционных чередований. Например, [л] в слове [блр́ан] или [с'] в слове [с'ём'] не входят ни в один ряд позиционных чередований. Поэтому исходя из этой концепции приходится констатировать, что [л] в этих примерах является вариантом одной из двух фонем — <о> или <а> или что [с'] является вариантом одной из двух фонем — <с> или <с'>. Между тем звуки [л] и [с'] могут входить или не входить в тот или другой ряд позиционных чередований, но, кроме того, они в подобных случаях являются самостоятельными звуковыми единицами, которые, как и всякие другие звуковые единицы, позиционно обусловлены и не фонематичны в одних сторонах своего качества и, напротив, самостоятельны и фонематичны — в других. Однако это единицы низшего «ранга», слабые фонемы, по отношению к единицам высшего «ранга» — сильным фонемам: у них меньшая различительная способность, чем у сильных фонем.

ТРИ ТИПА НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ (В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ТЕОРИИ ФОНЕМ)

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

Любой тип звукового письма, будь то фонетическая транскрипция или орфографическое письмо, всегда так или иначе соотношен с фонетической системой языка, ибо каждой отдельной букве, или графеме, являющейся основной единицей звукового письма, обычно соответствует одна кратчайшая звуковая единица, которая в зависимости от разных аспектов своего функционирования может получить собственно фонетическую или фонологическую квалификацию. Однако отношения между буквами письма и звуковой стороной языка могут быть весьма различны в разных типах звукового письма.

Не будем здесь касаться орфографического письма, ибо орфография того или иного конкретного языка определенного периода его развития есть явление историческое, складывалась постепенно, нередко в течение многих веков. Поэтому она обычно не бывает единой по своим принципам: отдельные ее элементы нередко оказываются в разных отношениях к звуковой стороне языка.

В одних случаях отношения эти закономерны: букве непосредственно соответствует определенный звук (ср. написание *дом* при наличии в произношении [дом]) или букве опосредствованно соответствует определенный звук (таково написание буквы *о* при наличии в произношении звука [л] в слове *дома* — [длама] по образцу *дам*; ср.: [вада] — [воды], [стала] — [стол] и т. д. при написании *вода*, *воды*, *столы*, *стол* и т. д.; таково также написание буквы *д* при наличии в произношении звука [т] в слове *сад* [сат] по образцу *саты* — [сдаы]; ср.: [склат] — [склады], [плот] — [плдаы] и т. д. при написании *склад*, *склады*, *плод*, *плоды* и т. д.).

В других случаях отношения между буквами письма и звуковой стороной языка не полностью закономерны или полностью не закономерны, условны, «случайны» (конечно, с точки зрения современных отношений). Так, например, написание буквы *в* в слове *столов* (род. п. мн. ч.) закономерно по отношению к любой букве согласных, кроме *ф*, но не закономерно и условно по отношению к этой последней букве: на конце слова [в] и [ф] не различаются, произносится только глухой, т. е. [ф]; при этом положение в конце флексии есть позиция «не проверяемая», так как отсутствуют от-

ношения, имеющиеся в случаях типа [к'р'оф] при [к'р'овъ]; поэтому с равными основаниями эта флексия могла бы писаться и с буквой *ф* на конце. Таким образом, выбор между буквами *в* и *ф* условен и случаен (с точки зрения звуковой системы современного русского литературного языка), но наличие одной из этих букв, а не любой другой буквы согласных закономерно и определяется звуковой системой. То же можно сказать о букве *к* в слове *вокзал* — произносится [в'лгз'ал] (наличие буквы *к*, а не *г* условно, но наличие одной из этих букв, а не любой другой закономерно), о первой букве *о* в слове *топор* (произносится [т'ап'ор]) и о букве *а* в слове *сарай* (произносится [с'ар'а'й]). Написание буквы *о* или *а* в них произвольно и случайно с точки зрения звуковой системы современного русского литературного языка: с равным успехом слово *топор* могло бы писаться с буквой *а*, а слово *сарай* с буквой *о*. Однако наличие именно одной из этих букв, а не других букв гласных, например *у* или *ы*, в этих словах закономерно и определяется звуковой системой языка. Примером написания полностью незакономерного и условного может служить буква *г* во флексии *-ого (-его)*, на месте которой произносится [в] (ср.: *старого* — [ст'ар'ъвъ], *другого* — [д'руг'овъ].) Отношение звука [в] между гласными к букве *г* ничем не отличается от его отношения к букве любого другого согласного. Иначе говоря, буква *г* здесь указывает лишь на наличие какого-то согласного, и на ее месте с одинаковым успехом могла бы писаться буква любого другого согласного, если бы ее употребление было освящено традицией и принято нормами письма¹.

Теория правописания с точки зрения отношения последнего к структуре языка, и прежде всего к его звуковой системе, все еще ждет своего исследования на большом конкретном материале разных языков в их истории; она должна базироваться на изучении

¹ Конечно, все сказанное справедливо с точки зрения соотношений, существующих между написаниями и соответствующими элементами фонетической системы литературного языка. Применительно к той или иной диалектной системе только что разобранные написания, квалифицированные как не полностью закономерные или полностью незакономерные, могут оказаться непосредственно и полностью закономерными, т. е. написаниями, где определенной букве закономерно соответствует один какой-то определенный звук. Такими окажутся написания *столов* при произношении [стол'ов], [стол'овъ] или [стол'объ]; *топор* (с буквой *о* на месте безударной гласной) и *сарай* (с буквой *а* на месте безударной гласной) при произношении [топ'ор], [сар'а'й] (т. е. в окаящих говорах). Таким окажется и написание *старого* с буквой *г* при произношении (в немногих говорах) звука [г] — [ст'ар'ого]. Сложнее обстоит с написанием *старого* применительно к диалектам, где в этой форме произносится [γ]: [ст'ар'ого]. Если данной частной системе свойственно вообще фрикативное [г] (т. е. [γос'т'γ], [дуг'а] и т. д.), то перед нами окажется написание, полностью соответствующее фонетической системе — буква *г* в этом случае — знак фонемы [γ]. Если же данной частной системе свойственно взрывное образование [г] [γос'т'γ], [дуг'а], то окажется, что для фонемы <γ>, употребляющейся только в данной флексии, нет „своей собственной“ буквы: эту роль „по совместительству“ выполняет буква *г*, как могла бы выполнять любая другая буква согласной.

звуковой системы языка во всех ее аспектах, в ее связях со структурой языка в целом. На основе такого изучения ниже мы коснемся тех способов звукового письма, которые могут быть использованы при научном изучении языка.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТИПАХ НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Фонетическая система, основанная на позиционных чередованиях как параллельных, так и пересекающихся, включает в себя три плана, или три аспекта¹.

Первый из них является аспектом собственно фонетическим (не фонологическим!): кратчайшие звуковые единицы в нем рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и притом вне отношения к структуре языка, вне учета позиционных условий, определяющих в той или иной мере их качество, без постановки вопроса о том, какие кратчайшие звуковые единицы являются разновидностью одной и той же единицы и какие являются самостоятельными, другими единицами (т. е. без постановки вопроса о тождестве и нетождестве).

Два других аспекта — аспекты фонологические. В них кратчайшие звуковые единицы рассматриваются в связи со структурой языка, с учетом позиционных условий, видоизменяющих качество одних и тех же кратчайших звуковых единиц, т. е. с постановкой проблемы тождества и нетождества их. Однако, объединяясь в указанном отношении, эти два аспекта заключают в себе принципиально существенные различия.

Второй аспект основан на рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов звуковой стороны словоформы, т. е. данного конкретного слова в его данной форме (т. е. на рассмотрении их в качестве фонем). Этот аспект исследования назовем словофонематическим, так как исходным для него является слово в той или иной форме, конкретный «случай» как лексико-грамматический факт. Этот аспект позволяет различать в кратчайших единицах звуковой стороны конкретного языкового случая как те его физиолого-акустические свойства, которые позиционно не обусловлены, самостоятельны, фонематичны и образуют разные звуковые единицы (разные фонемы), так и те его свойства, которые позиционно обусловлены, несамостоятельны, нефонематичны и образуют разновидность одной и той же звуковой единицы (варианты одной фонемы). При этом аспекте в одну единицу (фонему) объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в данном конкретном языковом «случае» (слове, той или иной его грамматической форме).

¹ См. об этом в разделе „Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы“.

Третий аспект заключается в рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов морфемы; назовем его поэтому морфофонематическим. При этом аспекте анализа в одну единицу объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в одной и той же равной себе морфеме. Такой единицей является фонемный ряд.

Морфофонематический анализ позволяет установить фонематическую систему языка как сложное целое, в состав которого входят фонемы разных «рангов», находящихся в сложных отношениях друг к другу и укладывающихся в определенные закономерные фонемные ряды. Вместе с тем этот анализ позволяет установить тождество морфемы с точки зрения ее звукового строения, т. е. подводит исследователя к одному из исходных элементов грамматического строя и лексики и помогает понять связи между различными сторонами структуры языка.

В соответствии с тремя «этажами» фонетической системы при научном изучении русского языка целесообразно применение трех типов транскрипции: 1) фонетической, 2) словофонематической, 3) морфофонематической.

Фонетическая транскрипция стремится обозначить на письме кратчайшие звуковые единицы языка во всем богатстве их реально произносимых физиолого-акустических свойств. Буква как элемент фонетической транскрипции является знаком реально произносимого звука со всеми его доступными анализу и фиксации свойствами.

Словофонематическая транскрипция передает на письме звуковую оболочку конкретного языкового факта, «случая» (неизменяемого слова или изменяемого слова в определенной его форме), частично «раздевая» входящие в ее состав кратчайшие звуковые единицы — освобождая их от всего «внешнего», позиционного, обусловленного в данном конкретном языковом факте фонетическим положением и сохраняя «внутреннее», самостоятельное и функционально значимое. Буква как элемент словофонематической транскрипции является знаком фонемы — сильной (в позиции максимальной дифференциации) или слабой (в позициях меньшей дифференциации).

Морфофонематическая транскрипция полностью «раздевает» кратчайшие звуковые единицы языка, полностью освобождает их от всего «внешнего» — позиционного, фонетически обусловленного не только в данном «случае» как явлении конкретном и целостном (в неизменяемом слове или в той или иной грамматической форме слова), но также и в каждой его морфеме, «обнажает» кратчайшие звуковые единицы, указывая лишь на те их стороны, которые существенны, самостоятельны, функционально значимы в сильной позиции (в позиции максимальной дифференциации). При морфофонематической транскрипции буква является знаком фонемного ряда: все члены каждого фонемного ряда обо-

значаются одной буквой, соответствующей сильной фонеме данного ряда¹.

Фонетическая транскрипция эмпирична в полной мере: она ни в какой мере не связана со структурой языка и лишь «фотографирует». Словофонематическая транскрипция уже углубляется в известной мере в «сущность вещей», она исходит из конкретного языкового факта (неизменяемого слова, той или иной грамматической формы слова) и, абстрагируясь от позиционного, обусловленного в нем и функционально не существенного, выделяет самостоятельное и функционально значимое (фонемы разных «рангов»). Морфофонематическая транскрипция углубляется в «сущность вещей» в наибольшей степени и, абстрагируясь от всего того, что позиционно обусловлено и функционально не существенно для морфемы, выделяет самостоятельное и функционально значимое в морфеме (т. е. фонемные ряды, обозначая их по возглавляющим их сильным фонемам).

Таким образом, морфофонематическая транскрипция представляет собой письмо при помощи знаков, соответствующих только тем элементам звучащей речи, которые в наибольшей степени самостоятельны, независимы, не обусловлены позицией и используются с различительной функцией, игнорируя все другие ее стороны, позиционно обусловленные и функционально не существенные. Именно поэтому и оказывается, что многие слова при помощи морфофонематической транскрипции и обычного русского орфографического письма пишутся одинаково. А если учесть специфические особенности русской графики, такие случаи окажутся доминирующими в русском правописании; ср.: <т'ану> и *тяну*, <п'ат'и> и *пяти*.

Фонетическая транскрипция не требует особых пояснений, которых требуют транскрипции словофонематическая и морфофонематическая.

СЛОВОФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

Словофонематическая транскрипция передает на письме звук речи в данном конкретном «случае» (в неизменяемом слове или в той или иной форме изменяемого слова), освободив его от тех сторон, которые в нем позиционно обусловлены.

Поэтому не передается на письмо более переднее или заднее образование ударных гласных <а>, <о>, <у>, обусловленное положением после твердых или мягких согласных и перед твердыми или мягкими, не употребляется буква *ы*, так как звуки [и] и [ы] являются вариантами одной фонемы <и>. Например: [мал],

¹ Конечно, за исключением тех случаев, когда отсутствует чередование слабой фонемы с сильной.

[м'ал], [м'ал'и] и [мал], [м'ал], [м'ал'и]¹; [укл'он], [кл'он] [л'он'и] (*Лёни*); [укл'он], [кл'он], [л'он'и]; [луч'], [кл'уч'] [луч], [кл'уч]; [м'ил], [мыл] и [м'ил], [мил] (вместо <и> после твердой согласной произносится [ы]).

Не передается также различие между разновидностями слабой гласной фонемы 1-го предупредного слога неверхней нелабиализованной (звучащей в начале слова и в положении после твердой парной согласной как [л], после мягкой согласной как [и^е]), которая обозначается знаком α. Эта фонема противопоставлена гласным фонемам верхнего подъема — нелабиализованный <и> (после твердой согласной произносится [ы]) и лабиализованный <у>. Ср. сочетания [л'и^еч'й], [л'ич'й], [л'уч'й] в словах *лечй, куличй, ключй*, а также сочетания [лч'й], [лыч'й], [луч'й] в словах *калчй, алычй, лучй*. Приведем примеры в фонетической и словофонематической транскрипции: [тлн'й], [т'и^ен'й] и [тлн'й], [т'ан'й] (*тонй, тянй*); [слл'й], [с'и^ел'й] и [сал'й], [с'ал'й] (*солй, селй*); [рлб'ой], [р'и^еб'ой] и [раб'ой], [р'аб'ой] (*раб'ой, ряб'ой*); [плл'т'й], [пл'и^ет'й] и [плат'й], [пл'ат'й] (*плотй, плетй*); [блл'ёл], [б'и^ел'ёл] и [бал'ёл], [б'ал'ёл] (*болёл, белёл*).

Если оставить в стороне некоторые детали произношения безударных гласных (в особенности после мягких согласных и шипящих) и иметь в виду отчетливое произношение (по Л. В. Щербе, „полный стиль“), то и в других безударных слогах (кроме предупредного конечного открытого слога) нелабиализованный неверхний гласный [ъ] противопоставляется гласной верхнего подъема — нелабиализованной <и> (после твердой согласной [ы]) и лабиализованной <у>. Ср.: [опыт] и [топ'ът], [раз'ъм] и [раз'ум], [бур'в'ой] и [б'ур'в'ой], [груз'в'ой] и [гр'ез'в'ой], [пл'ач'ъм] (тв. п. ед. ч.) и [пл'ач'ъм] или [пл'ач'им] (1-л. мн. ч.). Исходя из места, занимаемого в системе безударного вокализма, отвлекаясь от позиционно обусловленного качества, слабую нелабиализованную неверхнюю гласную фонему в словофонематической транскрипции обозначаем знаком α; ср.: [раз'ъм] и [раз'ам], [гр'ез'в'ой] и [гр'аз'в'ой].

В тех позициях, в которых твердость-мягкость согласных не различается и выступает согласная фонема слабая по твердости-мягкости, в словофонематической транскрипции вне зависимости от реальной твердости или мягкости согласной употребляется буква соответствующего согласного без указания на мягкость, но с цифрой 1 (справа ниже буквы). Цифра 1 указывает на неразличение в данном положении твердости-мягкости и позиционность реальной твердости или мягкости. Ср., например, случаи [с'ер], [б'ел], [с'в'ёл], [с'м'ех], [с'осны], [зн'ой], которые в словофонематической транскрипции обозначаем: [с₁ер], [б₁ел], [с₁м₁ех],

¹ В этом разделе книги заключение транскрибированных слов в квадратные скобки указывает на фонетическую транскрипцию, в линейные скобки — на словофонематическую транскрипцию, в угловые скобки — на морфофонематическую транскрипцию.

[сбс,ни], [з,ној]. Знак с₁ здесь обозначает переднеязычный зубной фриктивный глухой согласный безотносительно к его твердости или мягкости: последняя позиционно обусловлена, что и обозначено цифрой 1. Перед [е], [в'], [м'] согласный [с] может произноситься только мягко, перед [н] — только твердо, но это — позиционные качества, которые в словофонематической транскрипции не обозначаются.

В тех позициях, в которых глухость-звонкость согласных не различается и выступает согласная фонема слабая по глухости-звонкости (реально глухая или звонкая), в словофонематической транскрипции вне зависимости от реальной глухости или звонкости употребляется буква соответствующего глухого согласного, но с цифрой 2 (справа ниже буквы). Цифра 2 указывает на неразличение в данном положении глухости-звонкости и позиционности реальной глухости или звонкости. Например: [пут'₁], [гр'ас'₁], [кроф'₁], [ва'с'ку] (*Ваську*), [р'ёт'ку] в словофонематической транскрипции обозначаем: [пут'₂], [гр'ас'₂], [кроф'₂], [ва'с'₂ку],¹ [р'ёт'₂ку].

В тех позициях, в которых не различается ни твердость-мягкость, ни глухость-звонкость и выступает слабая согласная фонема как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости (реально твердая или мягкая, глухая или звонкая), в словофонематической транскрипции вне зависимости от реальной твердости или мягкости, глухости или звонкости согласной употребляется буква глухого согласного без указания на мягкость с цифрой 3 (справа ниже буквы). Цифра 3 указывает на неразличение в данном положении твердости-мягкости (вне зависимости от реальной твердости или мягкости), при одновременном неразличении глухости-звонкости (вне зависимости от реальной глухости или звонкости). Ср., например, такие случаи: [с'п'ел], [спор], [сток], [с'т'их], [уздá], [гвлз'д'э́й], которые в словофонематической транскрипции обозначаем: [с₃п₃ел], [с₃пор], [с₃ток], [с₃т'их], [у₃здá], [гвлс₃д'э́й]. Таким образом, буква с с цифрой 3 есть знак для обозначения любой из согласных фонем <с>, <с'>, <з>, <з'> в позиции, где твердость-мягкость и глухость-звонкость не различаются и где поэтому на их месте из числа этих четырех согласных, в сильном положении являющихся разными фонемами, выступает только один — [с], или [с'], или [з], или [з'].

В русском языке имеются позиции, в которых фриктивные согласные зубные ([с], [з]) и нёбнозубные ([ш], [ж]) не разли-

¹ Согласные [с], [з] (по преимуществу [с]) перед заднеязычными (по преимуществу перед [к]) не в начале слова и притом на стыке морфем различаются по твердости-мягкости (ср.: [ва'с'ку] и [кваск'у]). Однако внутри одной морфемы сочетания [ск], [зг] имеют не только общую глухость-звонкость, но также не различают твердость-мягкость первого компонента, который может быть только твердым (ср.: [моск] (*мозг*), [мзг'и́], [во'скь]). То же можно сказать о сочетаниях [ск], [зг] в начале слова, где твердость-мягкость [с], [з] перед заднеязычными не различается: употребляются только твердые [с], [з]; ср: [скот], [зго́ввр].

чаются. Это — положение фрикативных зубных перед фрикативными нёбнозубными (шипящими), где выступает согласная фонема слабая по признаку „зубности“ или „нёбнозубности“ (реально — нёбнозубная, шипящая). Эта позиция одновременно слабая по признаку глухости-звонкости (звучит глухая перед глухой и звонкая перед звонкой) и твердости-мягкости (звучит только твердая). В этих случаях в словофонематической транскрипции в зависимости от реальной глухости или звонкости употребляется буква глухой зубной фрикативной (с) с цифрой 4 (справа ниже буквы), которая указывает на неразличение в этом положении фрикативных согласных по признаку „зубности“ или „нёбнозубности“ (иначе „свистящести“ или „шипящести“) при одновременном неразличении глухости-звонкости, твердости-мягкости. Например, случаи [ш:ыт], [ш:у́бы], [ж:еч'], [иж:а́р'ил], [иж:о́гь] в словофонематической транскрипции обозначаем |с₄шит₂|, |с₄шуба́ж|, |с₄жеч|, |ис₄жа́р'ил|, |ис₄жоба́г|.

Далее следует отметить неразличаемость носовых смычно-проходных согласных по признаку дентальности-лабиальности перед смычными дентальными и лабиальными: в случаях [в'инт], [бант], [ба́ндь], [кама́ндь], [в'и́н'т'ик], [ба́н'т'ик] дентальность носового звука [н] обусловлена дентальностью последующего смычного [т] или [д] (в этом положении [м] не может произноситься). В случаях [ра́мпь], [ла́мпь], [ла́мба́р], [бо́мбь], [ба́м'б'и́т'] лабиальность носового звука [м] обусловлена лабиальностью последующего смычного [п] или [б] (в этом положении [н] не может произноситься). Самостоятельным, фонематическим признаком является „носовость вообще“ без локализации его образования. В словофонематической транскрипции носовую согласную фонему слабости по признаку дентальности-лабиальности обозначим знаком ∞. Вместе с тем отметим, что эта носовая фонема, слабая по признаку дентальности-лабиальности, одновременно является слабой и по признаку твердости-мягкости (так как перед [н'], [м'] она звучит мягко, а перед [н], [м] — твердо). Поэтому знак ∞ сопровождается цифрой 1 (справа ниже буквы), указывающей на неразличение этой слабой фонемы также по признаку твердости-мягкости. Исходя из сказанного приведенные выше слова в словофонематической транскрипции могут быть записаны следующим образом: |в'и₁с₁т₂|, |ба₁с₁т₂|, |ба₁∞₁да|, |кама₁∞₁д₂α|, |в'и́₁с₁т'ик₂|, |ба₁∞₁т'ик₂|; |ра́₁с₁па|; |ла́₁∞₁па|, |α₁ба́р|, |бо́₁∞₁ба́|, |ба₁∞₁б'и́т'₂|.

В заключение приведем одну фразу в фонетической и словофонематической транскрипциях.

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку (Пушкин).

[нъдруго́й д'е́н' в'е́с'т' а́пжа́р'и^е ръз'н'и^ес'ла́с пѣф'и^емѹ а́кл-ло́тку];

|на́д₁руго́й д₁е́н' в₁е́с'т'₂ а́пажа́р'е рэз'н'αс'ла́с₂ паф'с'αмѹ а́кало́т₂ку|.

Здесь $|d_1|$ обозначает сильную звонкую согласную фонему (т. е. обладающую фонематической, самостоятельной звонкостью), но слабую по твердости-мягкости: в слове *другой* она позиционно тверда, а в слове *день* позиционно мягка; однако эти качества как позиционные в словофонематической транскрипции не обозначаются, и знак d_1 служит для обозначения как реально твердой фонемы, так и мягкой. Совершенно то же самое можно сказать о знаках v_1 , z_1 и c_1 : это знаки согласных фонем с самостоятельной, независимой, фонематической звонкостью ($|v_1|$, $|z_1|$) или глухостью ($|c_1|$) и с слабой, зависимой, нефонематической и потому в транскрипции не обозначенной твердостью или мягкостью.

Знак $|p_1|$ указывает на слабую по твердости-мягкости фонему $[p]$, т. е. фонему $[p]$ в отвлечении от реальной твердости или мягкости, которая является качеством позиционным. В приведенном примере $|απαζάρ_1e|$ перед слабой фонемой $[e]$ (о ней см. ниже) $[p]$ имеет позиционную мягкость.

Знаки $|t'_2|$ и $|t_2|$ обозначают соответственно сильную мягкую или сильную твердую фонему (т. е. фонемы, обладающие фонематической, самостоятельной мягкостью или твердостью), но слабую по глухости-звонкости: глухость соответствующих фонем в словах *весть* и *околотку* позиционна. Следует иметь в виду, что это последнее качество в словофонематической транскрипции по существу осталось не обозначенным, так как знаки $|t'_2|$ и $|t_2|$ одинаково служат для обозначения соответственно сильных твердых или мягких фонем, реально не только позиционно глухих, но и позиционно звонких. Ср. фонетическую и словофонематическую транскрипцию слов *ходьба*, *кладбище*: $[xлd'бá]$, $[клáдб'иш':ъ]$ и $|хат'_2бá|$, $|клáт_2б'иш':α_1|$.

Знак $|c_2|$ (в слове $|pαz_1n'αc_1лáс_2|$) обозначает сильную по твердости-мягкости фонему (так как на конце слова твердость-мягкость различается), но слабую по глухости-звонкости (глухость на конце слова позиционно обусловлена). Тем же знаком в словофонематической транскрипции передается, например, реально произносящийся звук $[z]$ с позиционной звонкостью и самостоятельной фонематической твердостью или мягкостью: $|избá|$, $|ис_2бá|$ (ср.: $|p'и'э'бá|$, $|p_1αc'_2бá|$).

Знаки $|c_3|$, $|ф_3|$ обозначают согласные фонемы, слабые как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости, т. е. с позиционной, нефонематической твердостью-мягкостью и такой же позиционной нефонематической глухостью-звонкостью. В случае $|пф_3с'αмú|$ знаку $|ф_3|$ соответствует глухая твердая согласная $[ф]$. Однако следует иметь в виду, что ни глухость, ни твердость здесь по существу не обозначены, так как тот же знак $|ф_3|$ служит для обозначения фонем с позиционной звонкостью и мягкостью. Ср. слова *ковбой* и *вбил* в фонетической и словофонематической транскрипции: $[клвбóй]$, $[в'б'ил]$ и $|каф_3бóй|$, $|ф_3б'ил|$. В случае $|в_1ес_3т'_2|$ знак $|c_3|$ обозначает согласную не

только глухую, но и звонкую, не только мягкую, но и твердую. Ср. фонетическую и словофонематическую транскрипции слов *стон, весть, здание, здесь*, где знаку $[c_3]$ соответствуют согласные глухой твердый $[c]$, глухой мягкий $[c']$, звонкий твердый $[з]$ и звонкий мягкий $[з']$: $[c_3\text{тон}]$, $[в'ес'т']$, $[з'дэ́н'и]_1$, $[з'дэ́с'и]_1$, $[c_3\text{тон}]$, $[в'ес'т']_2$, $[c_3\text{дэ́н'и}]_1$, $[c_3\text{дэ́с'и}]_2$.

Знак $[\alpha]$ обозначает гласную фонему неверхнего подъема противопоставленную гласным фонемам верхнего подъема — нелабиализованной ($[и]$ — $[ы]$) и лабиализованной ($[у]$). В 1-м предударном слоге после твердых согласных, а также в других предударных в абсолютном начале слова она произносится как $[л]$; ср.: $[лпэ́жэ́р'и^e]$ — $[\alpha пэ́жэ́р'е]$. В 1-м предударном слоге после мягких согласных она звучит как $[и^e]$; ср.: $[р'э́з'н'и^e\text{слэ́с}]$ — $[р'э́з'н'и^e\text{слэ́с}_2]$; $[п'ьфс'и^e\text{му}]$ — $[п'ьфс'и^e\text{му}]$. В других предударных слогах после твердых согласных она произносится как $[ъ]$ (примеры см. выше).

Знак e употребляется для обозначения слабой согласной фонемы переднего ряда неверхнего подъема, нелабиализованной, которая в заударном конечном открытом слоге выступает в виде $[и^e]$ и противопоставлена не только гласным верхнего подъема ($[и]$, $[у]$), но также гласной $[ъ]$. Ср. в фонетической и словофонематической транскрипциях случаи *ба́ня, бани, баню, в бане*: $[ба́'н'ъ]$, $[ба́'н'и]$, $[ба́'н'у]$, $[вба́'н'и^e]$; $[ба́'н'\alpha]$, $[ба́'н'и]$, $[ба́'н'у]$, $[фэ́ба́'н'e]$.

МОРФОФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

В отличие от словофонематической транскрипции, в морфофонематической транскрипции кратчайшие звуковые единицы передаются с освобождением всех их позиционно обусловленных качеств не только в слове или той или иной форме слова как конкретном „случае“, но и в составляющих его морфемах как кратчайших, структурных значимых единицах языка. В морфофонематической транскрипции остаются без обозначения все позиционно обусловленные в морфеме, не существенные для морфемы качества. Буква является знаком фонемного ряда, причем каждый фонемный ряд обозначается по возглавляющей его сильной фонеме. Однако в тех случаях, когда фонемный ряд не полон, когда отсутствует в словах с данной морфемой сильная фонема, приходится довольствоваться обозначением слабой фонемы. Отметим, что таких случаев, как показывает материал, очень много.

Фонемные ряды, возглавляемые сильными фонемами $\langle о \rangle$ и $\langle а \rangle$, обозначаются буквами o и a . Основные разновидности этого фонемного ряда следующие:

В начале слова и после парных твердых согласных: o/α , a/α (исходим из того, что ряд, возглавляемый сильной фонемой $\langle e \rangle$, отсутствует, так как фонема $\langle e \rangle$ и ее безударные заместители в начале слова и после твердых парных согласных упот-

ределяются в словах иноязычного происхождения, в связи с чем соответствующие случаи могут быть выделены при описании общей фонетической системы. Ср.: [екра́н], [еква́тър], [дэ́тэ́ктър], [ли́дэ́нтэ], [б'и́знэс], [сэ́рва́нт] и т. д.). Таким образом, здесь знак α является символом заместителя всех сильных гласных фонем неверхнего подъема, но их, однако, в этом положении не три, а два. Ср., например: [о́кнъ], [лкнó]; |о́кнэ|, |акнó|, <о́кна>, <окнó>; [а́лът], [л'е́л]; |а́ла|, |а'л'е́л|, <а́ло>, <а'л'е́л>; [дом], [дама́], [на́дъм]; |дом|, |дама́|, |на́дам|, <дом>, <дома́>, <на́ дом>; [бьра́на], [бо́рьны], [блро́н], |ба́ра́на|, |бо́рани|, <ба́рон>; <борона́>, <бо́рони>, <боро́н>; [дал], [дала́], [н'е́дъл]; |дал|, |дала́|, |н'едал|; <дал>, <дала́>, <не́ дал>.

После заднеязычных: o/α , a/α . Здесь знак α является символом слабой фонемы — заместителя сильных гласных фонем <о> и <а>, противопоставленного сильной гласной фонеме <е>. Безударный заместитель последней обозначен знаком e (горизонтальная черта под буквой указывает на наличие соответствующей гласной неверхнего подъема, отличающейся от двух других гласных неверхнего подъема): $e//e$. Ср.: [кóсу], [клса́], [кьса́р'и], |кóсу|, |каса́|, |каса́р'и|, <кóсу>, <коса́>, <коса́р'и>; [гот], [гладá], [гьдлаво́], |на́гът|; |гот₂|, |гада́|, |гадаво́|, |на́га₂т₂|; <год>, <года́>, <годово́>, <на́ год>; в окончании: [страко́], [трафкы́]; |страко́], |траф₂ка́]; <строко́>, <тра́вко>; [как], [клко́ф], |кькаво́], |как₂|, |какоф₂|, |какаво́], <как>, <како́в>, <како́во>; в окончании: [страка́м], [трафкы́м]; |страка́м|, |траф₂ка́м|, <строка́м>, <тра́вкам>. Фонемный ряд $e//e$ можно иллюстрировать примерами: [к'едр], [к'и'едрóвы]; |кедр|, |кедрóва|; <кедр>, <кедрóво>; [к'е́пкь], [к'и'е́пч'о́нкь]; |ке́пка|, |ке́пч'о́нка|, <ке́пка>, <ке́пч'о́нка>, в окончании: [блэх'е́], [ста́рух'и'е́]; |блахе́|, |ста́рухе|, <блехе́>, <ста́рухе>; [нлг'е́], [кн'и́г'и'е́]; |наге́|, |кн'и́г'е|; <ногё>, <кн'и́ге>.

После мягких согласных: $o/\alpha/\alpha_1$, $a/\alpha/\alpha_1$, $e/\alpha/\alpha_1$. Специфика безударного вокализма после мягких согласных заключается в том, что в предударных слогах, а также в заударном слоге перед мягкой согласной выступает один общий член — слабая фонема, заместитель сильных фонем <а>, <о>, <е> (обозначаем его знаком α); в 1-м предударном слоге это α реализуется в звуке [и^е], в других предударных, а также в заударном слоге перед мягкой согласной — в звуке [ь]. В заударных слогах (не перед мягкой согласной) в одном общем члене (обозначаемом знаком α_1) совпадают лишь фонемные ряды, возглавляемые сильными фонемами <о> и <а>, в то время как в фонемном ряде, возглавляемом сильной фонемой <е>, выступает другой член, отличный от того, который в этой позиции выступает в рядах, возглавляемых сильными фонемами <о> и <а>. Обозначаем его знаком e . Член фонемного ряда <а> реализуется в звуке [ъ], а [е] — в звуке [и^е] в конечном открытом слоге и в звуке [ь] перед согласной. Иллюстрируем сказанное примерами для предударных слогов, а затем для заударных: фонемный ряд, возглавляемый фонемой <о>: [н'о́с],

[н'и'сла́]; |н'ос₁|, |н'асла́|; <н'ос>, <н'осла́>; [м'от], [м'и'дóвь]₁
 [м'ѣданóс]; |м'от₂|, |м'адóва|, |м'аданóс₂|; <м'од>, <м'одóво|
 <м'одонóс>; фонемный ряд, возглавляемый фонемой <а>: [п'а́т'₁]
 [п'и'та́к], [п'ята́ч'ок], [п'а́т'₂|, [п'ата́к₂|, [п'ата́ч'ок₂|, <п'а́т'>
 <п'ата́к>, <п'ата́ч'ок>; [р'а́т], [р'и'дóк], [р'ѣдлóв|], |р'а́т₂|, |р'адóк₂|
 |р'адáвó|; <р'ад>, <р'адóк>, <р'адóвó>; фонемный ряд, возглавляемый фонемой <е>: [л'ес], [л'и'снó|], [л'ѣслóв|]; |л'ес₂|
 |л'ас₂нó|, |л'асáвóт₂|, <лес>, <леснó>, <лесовóд>; [с'ет], [с'и'дó|]
 [с'ѣдáвáт'ы|]; |сет₂|, |с'адó|, |с'адáвáтá|; <сед>, <седó>, <седóвóтó>|
 вáтó|>].

Перейдем к материалу заударных слогов.

Перед мягким согласным мы находим |α|, т. е. слабую фонему, являющуюся общим членом всех трех фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами <о>, <а>, <е>, и реализующуюся в звуке [ь]. Для <о>: [н'ос], [вын'ѣсл'и], |н'ос₂|, |вин'асл'и|; <н'ос>, <вин'осл'и>; [в'ол], [вив'ѣл'и]; |в'ол|, |вив'ал'и|, <в'ол>, <вив'ол'и>; для <а>: [нач'а́т'], [нач'ѣл'и]; |нач'а́т'₂|, |нач'ал'и|, <нач'а́т'₂>, <начал'и>; [кан'а́м'и], [окун'ѣм'и]; |кан'а́м'и|, [окун'а́м'и]; <кон'а́м'и>, <окун'а́м'и>; [д'ѣл'ит], [выд'ѣл'ит]; |д'ѣл'ит₂|, |вид'ал'ит₂|; <д'ѣл'ит₂>, <вид'ел'ит₂>; [р'ѣз'ѣт'], [прор'ѣс']; |р'ѣзат'₂|, |прор'ас'₂|; <р'ѣзат'₂>, <прорез'>].

Перед твердым согласным и на конце слова общим заместителем сильных фонем <о> и <а> является слабая фонема [α₁], реализующаяся в [ь], в то время как заместителем сильной фонемы <е> является слабая фонема [e], реализующая перед согласным в звуке [ь], а на конце слова в звуке [и^е]. Ср. для <о>: [кан'ом], [окун'ѣм]; |кан'ом|, [окун'α₁м]; <кон'ом>, <окун'ом>; [кул'ом], [жит'ѣл'ѣм]; |кул'ом|, |жит'ал'α₁м|; <кул'ом>, <жит'ал'ом>; [кап'jó], [м'бр'ѣ], [кап'jó], [м'ор'α₁], <коп'jó>, <м'ор'о>; для <а>: [нач'а́т'], [нач'ѣт]; |нач'а́т'₂|, |нач'α₂т₂|; <нач'а́т'₂>, <начат>; [пр'ин'а́т'], [пр'ин'ѣт]; |пр'ин'а́т'₂|, |пр'ин'α₁т|, <пр'ин'а́т'₂>, <пр'ин'ат>; [л'и'ѣт'а́т], [вѣл'ѣт'ѣт]; |л'а́т'а́т₂|, |вѣл'а́т'α₁т₂|; <л'от'а́т₂>, <вѣл'от'а́т₂>; [кан'ам], [окун'ѣм]; |кан'ам|, [окун'α₁м]; <кон'ам>, <окун'ам>; для <е>: [л'ѣзу], [вѣл'ѣс], |лѣзу|, |вѣл'ес₂|, <л'ѣзу>, <вѣлѣс>; [б'ѣл'ѣ], [наб'ѣл'ѣ]; |бѣла|, |набѣла|; <б'ѣло|>, <набѣло>; [ф-кап'ѣ], [в-м'ор'и^е], [ф-пол'и^е], |ф₃-кап'ѣ|, |в₁-м'оре|, |ф₃-п'ол'е|, <в-коп'ѣ>, <в-м'оре>, <в-п'оле>].

Специфичен безударный вокализм после твердых шипящих. Фонемные ряды, возглавляемые сильными фонемами <о>, <а>, <е>, совпадают в одной слабой фонеме, т. е. имеют функцию α, реализующуюся в звуке [ь], во всех безударных слогах, кроме 1-го предударного слога и конечного заударного открытого слога. В 1-м предударном слоге фонемные ряды сильных фонем <о> и <е> совпадают в одном общем члене, отличаясь от заместителя в том же положении сильной фонемы <а>. Обозначим знаком |α₂| эту функцию, которая реализуется в звуке [ы^а]. Функцию сильной фонемы <а> в этом положении обозначим знаком |а|, ее реализацию — звуком |а|. В заударном конечном открытом

слоге, напротив, в одном члене α_1 , реализующемся в звуке [ъ], совпадают фонемные ряды сильных гласных фонем <о> и <а>, отличаюсь от заместителя сильной фонемы <е>. Обозначаем знаком [е] эту последнюю функцию, которая реализуется в звуке [ы^е]. Обратимся к материалу.

Для сильной фонемы <о>: [жолты], [жы^елто́к], [жълтава́т], [и́жълтыс'э́ры], [жолта́], [жа₂лто́к], [жалтава́т], [и́ш₄жа₂лта се́рзэ]; <жолто́>, <жолто́к>, <жолтова́т>, <и́зжолта се́ро́>; [шолк], [шы^елка́], [шълкав'исты́]; [шолк₂], [ша₂лка́], [шалкав'иста́]; <шолк>, <шолка́>, <шолков'исто́>; [на́жом], [му́жъм]; [на́жом], [му́жъм]; <но́жом>, <му́жом>; [ружjó], [ло́жь]; [ружjó], [ло́жа]; <ружjó>, <ло́жо>;

для сильной фонемы <а>: [шальс'т'], [чалун], [шълун'и́шкъ]; [жат'], [вы́жат']; [жа₂т'], [ви́жат']; <жат₂'>, <ви́жат₂'>; [душа́], [гру́шь]; [душа́], [гру́ша]; [м'и́ежа́м], [гру́шьъм]; [м'а́жа́м], [гру́ша́м]; <межа́м>, <гру́ша́м>; [душо́], [гру́шьи́]; [душо́], [гру́ша́]; <душо́>, <гру́шо́>;

для фонемного ряда <е>: [шэс'т'], [шы^есто́], [фшэс'т'и́е́ро́м], [на́шэс'т']; [шес'т₂'], [ша₂с₃то́], [ф₃-ша₃с₃т'а́ро́м], [на́ша₃с₃т₂']; <ше{с'т}>, <ше{с'т}о́>, <вше{с'т'а́ро́м}>, <на-ше{с'а́т'}>; [жэс'т'], [жы^ес'т'а́нка], [жэс'т'и́е́но́]; [жес'т₂'], [жа₂с₃т'а́нка], [жа₃с₃т'а́но́]; <же{с'т'а́нка}>, <же{с'т'а́нка}>, <же{с'т'а́но́}>; [нъдушэ́], [в лу́жы^е]; [в гру́шы^е]; [на душе́], [в лу́же], [в гру́ше]; <на душе́>, <в лу́же>, <в гру́ше>.

Таким образом, устанавливаются следующие варианты фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами <о>, <а>, <е>: в начале слова и после твердых согласных: о//а; а//а;

после заднеязычных: о//а; а//а; е//е;

после мягких согласных: о//а//а₁; а//а//а₁; е//а//е;

после твердых шипящих: о//а₂//а//а₁; а//а₂//а//а₁; е//а₂//а//е.

Примечание.

Знак |а|—символ слабой фонемы—заместителя сильных фонем <о>, <а>, <е>; знак |а₁|—символ слабой фонемы—заместителя сильных фонем <о> и <а>; знак |а₂|—символ слабой фонемы—заместителя сильных фонем <о> и <е>; знаки |а| и |е|—символы заместителя в соответствующем безударном слоге сильных фонем <а> и <е>, противопоставленных в каждом случае заместителям двух других гласных фонем не-верхнего подъема.

Вне зависимости от реальной твердости или мягкости, зависящей от позиции, фонемные ряды согласных, возглавляемые твердыми парными согласными, обозначаются буквой соответствующего согласного без знака мягкости; фонемные ряды, возглавляемые мягкими согласными,—со знаком мягкости. Ср. в морфофонематической транскрипции: <на- д₁воре́> при <д₁вор>.

¹ Слова иноязычного происхождения с <е> после твердой согласной выведены из общей системы языка в особую подсистему.

<д₁вора> и в транскрипциях фонетической и словофонематической [н₂ь-двар₁э], [на₁д₁вар₁э]; в морфофонематической транскрипции <α цар₁э> при <цар'>, <цар'а> и [αцар₁э], [αцар₁э]. В случаях [н₂ьдвар₁э] и [αцар₁э] имеется сочетание [р'е]. Однако в морфофонематической транскрипции в первом случае мягкость [р'] обозначается, так как в сильном положении представлена твердость (ср.: [двор]), а во втором случае она обозначается, так как в сильном положении представлена мягкость (ср.: [цар']).

Другие примеры: [на₁д'эл'и₁е], [на₁д₁эл'е], <на-д₁эле>; [на₁с'эн'и₁е], <на-с₁эне>; [кв₁ад'э], [кв₁ад₁э], <к-воде>; [кн'и₁д'эл'и₁е], [кн'и₁д₁эл'е], <к-н'и₁д'эле>; [кс'эн'и₁е] (к Сене), [к₂с₁эн₁е], <к-с₁эне>; [гд'ад'и₁е], [к₂д'ад₁е], <к-д'ад'е>.

Вне зависимости от реальной глухости или звонкости, зависящей от позиции, фонемные ряды, возглавляемые глухими согласными, обозначаются соответствующими буквами глухих согласных, а возглавляемые звонкими согласными — буквами звонких. Ср., например: [хот], [ход₂], <ход> (при [хóдъ], [хóду], [гр'ас'], [гр'ас'₂], <гр'аз'> (при [гр'аз'и]); [н'йс₂ка], <н'йзко> (при [н'йзъм], [н'йзу]); [плот], [п₁лот₂], <плот> (при [плáтá]); [плот], [п₁лот₂], <п₁лод> (при [плáдá]); [кз₂бá], <кос'бá> (при [кз₂йт']); [р'и₂з'бá], [р'аз'₂бá], <р'ез'бá> (при [р'эзът'], [р'ес'], [р'эз'и]); [хл₂д'бá], [хл₂д'₂бá], <ход'бá>.

Фонемные ряды, возглавляемые зубными фрикативными согласными <с>, <з>, члены которых в определенных позиционных условиях могут выступать в виде [ш] и [ж], обозначаются буквами зубных фрикативных („свистящих“) согласных <с> и <з>. Например: [рлж:át'], [рлс₄жát'], <розжát'₂>; [рлш:ыт'], [рлс₄шит'], <розшит'₂> (ср.: [рлзмьйт'], [рлзлбът']); [ишж:áрит'], [ис₄жáрит'], <изжáрит'₂>; [иш:áркът'], [ис₄шáркат'₂], <изшáркат'₂> (ср.: [изр'эзът'], [измлáтá]); [ж:еч'], [с₄жеч], <сжеч>; [ш:ыт'], [с₄шит'], <сшит'₂>; [влж:éch'], [вс₄жéch], <возжеч>; [выш:ы], [вис₄шá], <висше>; [н'йш:ы], [н'ис₄шá], <н'йшше>.

В качестве иллюстрации приведем две строки из стихотворения А. С. Пушкина во всех трех транскрипциях.

Сижу за решеткой в темнице сырой,

Вскормленный в воле орел молодой.

[с'ижу зьр'ишóткы́ фт'и'мн'ицы сыро́й фсклрмл'онъ навóл'и₂ лр'óл мьлáдó'и]

[с'ижу зар'ашóт₂кэ́ ф₃т'ам₁н'ице сирóй ф₃с₂кар₁м₁л'онна навóл'е ар'óл маладб́]

<с'ижу зар'ашóткóй в т'ом₁н'ице сирóй взкор₁мл'онно́й на вóл'е ор'óл молодóй>

В приведенных стихах лишь в одном случае не оказалось сильной гласной фонемы, возглавляющей фонемный ряд: речь идет о предупредном гласном в слове *решеткой*. В словах и формах с данной корневой морфемой ударение никогда не падает на первый слог. Поэтому в морфофонематической транскрипции пришлось оставить то написание, которое было в словофонема-

тической транскрипции: знак $[\alpha]$, указывающий на нелабиализованную верхнюю фонему (после мягких она произносится как $[и^*]$). Этой фонеме под ударением могла бы соответствовать одна из трех фонем: $[e]$, $[o]$, $[a]$.

Во всех других случаях каждая кратчайшая единица обозначена по сильной фонеме, являющейся знаком фонемного ряда. Иными словами, перед нами письмо фонемными рядами. Все остальные гласные, кроме только что разобранных случаев с $[и^*]$, могут быть в той же морфеме в сильной позиции — под ударением — и обозначены в соответствии с тем, какой гласный произносится под ударением: это предлоги $\langle за \rangle$, $\langle на \rangle$; корни $\langle т'ом \rangle$ (например, $[т'омн'и]$, $[т'ом'ьн]$), $\langle м'олод \rangle$ (ср.: $[м'ол'ьт]$, $[м'ал'о-жы]$); написание $\langle ор'ол \rangle$ с $\langle о \rangle$ вытекает из $[ор'л'ик]$; написание окончания $\langle о \rangle$ в слове *решеткой* вытекает из $[тр'ав'о'и]$, $[с'т'и'но'и]$; написание окончания $\langle е \rangle$ в словах *в темнице*, *на воле* вытекает из $[тр'ав'э]$, $[с'т'и'е'н'э]$; написание окончания $\langle о \rangle$ в слове *вскормленный* вытекает из $[м'ьлад'о]$, $[друг'о]$ и т. д.

Написание $\langle т \rangle$ в слове *решеткой* вытекает из $[ри'ш'о'б'т'к]$; написание $\langle в \rangle$ в сочетании *в темнице* — из $[вм'о'р'и'е]$, $[вл'и'е'с'у]$, $[вл'и'е'т'э]$ и т. д.; написание $\langle вз \rangle$ в слове *вскормленный* — из $[взр'и'е'в'э'т']$, $[взр'и'е'в'э'т']$ и т. д.

Если учесть некоторые особенности русской графики, например, что $\langle о \rangle$ после парных мягких согласных обозначается буквой $e(\ddot{e})$, а после шипящих может обозначаться буквой $\ddot{e}$ (ср.: *ор'ёл*, *реш'ёткой*), или что сочетание мягкой парной и твердой парной согласной с последующей фонемой $[и]$ обозначается соответственно буквой гласного $и$ (после мягких) и $ы$ (после твердых парных; ср. в нашем примере: *с'ижу* и *с'ырой*), то нетрудно сделать вывод о том, что морфофонематическая транскрипция весьма близка к русскому орфографическому письму. Это объясняется тем, что русская орфография в основном строится на так называемом морфологическом принципе, что все несущественное для морфемы, позиционное в ней не обозначается: кратчайшая звуковая единица каждой морфемы обозначается в ней одной буквой для каждого фонемного ряда в целом, независимо от произношения, обусловленного позиционными условиями.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ В СЛОВОФОНЕМАТИЧЕСКОЙ И МОРФОФОНЕМАТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИЯХ

В связи с тем что морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы (а не из слова неизменяемого или изменяемого в данной его конкретной форме), она позволяет установить еще некоторые особенности структуры звуковой стороны языка, обычно остающиеся в тени.

Фонему как кратчайшую звуковую единицу можно уподобить строительному материалу — она может быть названа „строитель-

ным материалом" языка. Но так как строительным материалом в прямом смысле являются не только отдельные кирпичи как минимальные единицы, но также и целые блоки (из многих "связанных" кирпичей), в качестве строительного материала звуковой стороны языка выступают не только фонемы как кратчайшие и далее нечленимые звуковые единицы, но также и типичные сочетания фонем, некоторые из которых имеют общность для сочетания (для "блока") звуковые признаки.

Некоторую аналогию таким типичным сочетаниям фонем представляют разного рода "связанные" сочетания (фразеологические обороты, идиомы), общим признаком которых является их функционирование в качестве одной лексико-синтаксической единицы (одного члена предложения).

Одни из сочетаний фонем встречаются как в начале слова (перед гласным), так и в середине слова (между гласными) и в конце слова (после гласного). Таковы, например, сочетания [ск], [ст]: [скот], [таска́], [пуск]; [стол], [пусто́й], [мост]. Другие, как правило, не встречаются на конце слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [кн], [гн], [пл], [бл], [кл], [гл]: [кнут], [акно́б]; [гнут], [магна́т]; [плот], [т'и'пло́]; [блха́], [во́бль]; [клоп], [с'в'о́кль]; [глуп], [магла́]. Третьи, как правило, не встречаются в начале слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [нд], [нт], [рб], [рп], [мп], [мб]: [ба́нды], [бант], [ба́н'т'ик]; [лрба́], [карп], [карп'ёт']; [по́мпы], [клу́мбь], [тромп]. Употребляемость тех или иных сочетаний в указанных положениях определяется структурой слога русского языка и законами слогоделения.

Некоторые из приведенного типа сочетаний имеют наряду с различиями в образовании входящих в их состав согласных ту или иную свою общую характеристику, общие признаки, относящиеся к сочетанию в целом.

Общими признаками сочетаний согласных в русском языке могут служить: 1) твердость-мягкость, 2) глухость-звонкость, 3) твердость-мягкость и глухость-звонкость, 4) "свистящность"- "шипящность", 5) дентальность-лабиальность.

Так, например, сочетание [сн] в словах [сноп], [сно́вь] обладает твердостью, которая характеризует сочетание в целом и которую трудно было бы отнести к его компонентам в отдельности. Точно так же сочетание [с'н'] в словах [с'н'ек], [с'н'ос] обладает мягкостью, которая является признаком всего сочетания, а не одного из его компонентов.

Сочетание [кт] в слове [до́ктър] обладает общей глухостью, а сочетание [гд] в слове [кагда́] — общей звонкостью, причем эти признаки трудно отнести к их компонентам в отдельности. Сочетание [жд] в слове [рлжда́'т'] характеризуется общей звонкостью.

Сочетание [ст] в словах [стол], [сталкнүл] обладает общей для его компонентов твердостью и глухостью, сочетание [с'т']

в словах [с'т'и'нá], [с'т'и'н'й] в целом обладает мягкостью и глухостью, сочетание [зд] в словах [зда'н'и'ъ], [здал] — твердостью и звонкостью, сочетание [з'д'] в словах [з'д'ёс'] и [з'д'ё'лъ] — мягкостью и звонкостью. Таким образом, в этих сочетаниях общим признаком каждого из них в целом является одновременно как твердость или мягкость, так и глухость или звонкость.

Так как морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы, а не из слова в целом или его определенной грамматической формы, как это имеет место при словофонематической транскрипции, то для первой, в отличие от последней, небезразлично, находится ли то или иное сочетание, имеющее определенный общий признак, внутри одной морфемы или на стыке морфем. В тех случаях, когда сочетание находится на стыке морфем при морфофонематической транскрипции, имеется возможность установить индивидуальные признаки каждого из компонентов сочетания. В отличие от этого в тех случаях, когда сочетание находится внутри одной морфемы, общие признаки сочетания не оказываются относимыми к отдельным его компонентам, а характеризуют сочетание в целом. Так, например, сочетание [с'т'] в слове [с'т'их] (прош. вр. глагола) находится на стыке морфем: первый его компонент относится к приставке, а второй — к корню. Поэтому она легко членится (ср.: *стих — утих, затих, притих* и т. д.). Учитывая, что первый компонент является глухим и твердым перед [у] (ср.: [сум'ёл]), где различается как глухость-звонкость, так и твердость-мягкость, можно считать, что приставка состоит из сильной твердой глухой фонемы, которая стоит во главе фонемного ряда, ряда позиционных чередований сильной фонемы <с> со слабыми фонемами [с'], [з], [з'] (ср.: [сум'ёл], [с'т'й'снул], [здал], [з'д'ё'лъ]). А так как при морфофонематической транскрипции одной буквой (а именно буквой сильной фонемы) передается весь фонемный ряд, то слово [с'т'их] может быть транскрибировано только так: <ст'их> (ср. в словофонематической транскрипции: [с'т'их]). Иначе обстоит дело с морфофонематической транскрипцией слова [с'т'их] ('стихотворная строка'). Здесь сочетание [с'т'] находится внутри одной морфемы. Поэтому общие свойства сочетания нельзя приурочить к отдельным его компонентам: они являются характеристикой сочетания в целом.

Наличие у сочетания общих признаков обозначим заключением соответствующих букв в фигурные скобки. Над буквами сочетания цифрами укажем общие признаки: цифрой 1 обозначается твердость-мягкость, цифрой 2 — глухость-звонкость, цифрой 3 — твердость-мягкость и глухость-звонкость, цифрой 4 — нёбнозубность („шипящность“).

Приведенный пример [с'т'их] ('стихотворная строка') транскрибируется следующим образом: <{с'¹з'²т'³}их>.

Общую твердость-мягкость имеют, например, сочетания [сн], [с'н'], [зн], [з'н'], [св], [с'в'], [зв], [з'в'], [сл], [с'л'], [зл], [з'л'].

Дадим несколько слов с этими сочетаниями во всех трех транскрипциях с необходимыми разъяснениями:

[сноп], [сна], [с'н'ал], [с'н'ос], [зно'і], [клз'н'á] (дееприч-
стие);

[с₁ноп₂], [с₁на], [с₁н'ал], [с₁н'ос₂], [з₁ноі], [каз₁н'á
<{с'н'оп}>, <{с'н'а}> (ср.: [сон'ыі]), <{с'н'ал}>, <с₁н'ос> (ср.: [сум'ёл]
<{з'н'ој}>, <ка{з'н'á}>.

Из этих примеров видно, что наличие так называемого беглого гласного между компонентами (ср.: сна, сонный) создает такие же условия, как принадлежность их к разным морфемам т.е. дает возможность решить вопрос о том, в какой мере свойства сочетания можно отнести к отдельным его компонентам

[слон], [с'л'ос], [с'л'ок], [зло], [л'эз'л'и];

[с₁лон], [с₁л'ос₂], [с₁л'ок₂], [з₁ло], [л₁эз₂л'и];

<{с'л'он}>, <{с'л'оз}>, <сл'ог>, <{зл'о}> (ср.: [зол]), <л₁эз'л'н'>
(ср.: <л₁ез>).

На конце слова различается твердость-мягкость; ср.: [л'ес и [л'эс'] (<л₁ез> и <л₁эз'>). Поэтому мягкость сочетания [з'л'] в [л'эз'л'и] есть результат позиционной мягкости [з'] перед [л'], а не признак сочетания в целом.

[сват], [свóд'ит], [с'в'ат], [с'в'ол], [звон], [з'в'ак];

[с₁ват₂], [с₁вóд'ит₂], [с₁в'ат₂], [с₁в'ол], [з₁вон], [з₁в'ак];

<{с'в'ат}>, <свóд'ит₂>, <{с'в'ат}>, <{св'ол}>, <{з'в'он}>, <{з'в'ак}>¹.

Общую глухость-звонкость имеют, например, сочетания [кт], [гд], [гз], [кс], [жд], [ск], [зг], [пт], [бд].

[кто], [д'ир'эк'тър], [гд'е], [инагдá];

[к₂то], [д'ир'эк₂тър], [к₂д₁е], [инак₂дá];

<{к'т'о}>, <д'ир'эк'т'ор>, <{г'д'е}>, <ина{г'д'á}>.

В случае [гд'е] звонкость является признаком сочетания (она показана фигурными скобками и цифрой 2 над буквами сочетания), а мягкость является признаком второго компонента сочетания и притом признаком позиционным (это показано цифрой 1 справа ниже буквы д внутри фигурных скобок).

[тáксъ], [вaгзáл], [м'эжду], [вpаждá];

[тáк₂сá], [вaк₂зáл], [м'эш₂ду], [вpаш₂дá];

<тá{к'с}а>, <вa{г'з}áл>, <м'э{ж'д}у>, <вpаждá>.

Обратите внимание на то, что звонкость в случае *вражда* является признаком каждого в отдельности взятого компонента сочетания [жд], а в случае *между* является признаком сочетания в целом. Это объясняется тем, что в первом случае сочетание [жд] находится на стыке морфем (ср.: [вpáж'ьск'і]), а во втором — внутри одной морфемы.

[скот], [таскá], [мaзг'й], [лaптá], [бд'эт'];

¹ Согласные [с], [з] перед губными не в начале слова различают твердость-мягкость. Ср.: [п'ис'мó], [вaз'мó], [вaс'мó], [кл'áз'мъ] (*Клязьма*), [вáз'мъ] (*Вязьма*), [л'ыс'въ] (*Лысьва*).

[с₃кот₂], [тас₃ка], [мас₃гй], [лап₂та], [п₃д₁ет₂];
 <{с₃к}от>, <та{с₃к}а>, <мо{з₃г}й>, <ла{п₃т}а>, <{б₃д₁}ет₂>.

Общую твердость-мягкость и глухость-звонкость имеют, например, сочетания [ст], [с'т'], [зд], [з'д']. Приведем примеры:

[стон], [с'т'окля], [здан'и], [гвалз'д'ом];
 [с₃тон], [с₃т'окля], [с₃дан'и], [гвалс₃д'ом];
 <{с'т'}он>, <{с'т'}окля>, <{з'д}ан'и>, <гво{з'д'}ом>.

Общую нёбнозубность („шипящность“) можно отметить в слове [иж:огъ], [ис₃жог₃а], [и{ж'ж}ога]. Такая трактовка возможна, если исходить из того, что здесь приставка не выделяется в современном языке, в связи с чем отсутствует „морфемный шов“. Общую нёбнозубность можно констатировать также в таких случаях, как *вожжи*, *дрожжи* при твердом произношении долгой шипящей: [вож:ы], [дрож:ы], [в₃с₃жи], [др₃с₃жи], <во{ж'ж}и>, <др₃о{ж'ж}и>.

Указанные общие признаки сочетаний, как и признаки отдельных фонем, могут быть самостоятельными, фонематическими в одних позициях и несамостоятельными, позиционными — в других. Позиции эти те же, что и для отдельных фонем. Позиционность общих признаков сочетания в одних случаях имеет место в словоформе, т.е. в данном слове, в его данной форме, но в морфеме отсутствует. Например, в слове [дрост], глухость сочетания [ст], являющаяся его общим признаком, позиционна, но в корневой морфеме — самостоятельна (ср.: [дрлзда]). Эти случаи в морфофонематической транскрипции обозначаются по сильной позиции: <дро{з'д}>. В других случаях позиционность имеет место как в данном слове в его данной форме, так и в морфеме. Ср., например, [с'н'ек], где мягкость является общим признаком сочетания как в слове, так и в корневой морфеме. Позиционность (непрояснимость) общих признаков сочетаний не только в слове, но и в морфеме в морфофонематической транскрипции обозначаем цифрами 1 (при позиционности твердости-мягкости), 2 (при позиционности глухости-звонкости), 3 (при позиционности как твердости-мягкости, так и глухости-звонкости) после фигурных скобок справа ниже строки.

Приведем несколько примеров:

[с'н'ек], [с₁н₁ек₂], <{с'н'}₁ег>. Мягкость как общий признак сочетания обозначена цифрой 1 над буквами согласных, но перед [е] она позиционна; это обозначено цифрой 1 после фигурных скобок. Ср.: <{с'н'}оп> и <{сн'}ос>, где твердость-мягкость сочетания перед [о] различается.

[с'в'ет], [с₁в₁ет₂], <{с'в'}₁ет>. Ср.: <{с'в'}окля и <{с'в'}ој>, где твердость-мягкость сочетания перед [о] различается.

[с'т'еп']; [с₃т₃еп'₂]; <{с'з'т'}₁еп'>;
 [з'д'ес']; [с₃д₃ес'₂]; <{з'з'д'}₁ес'₂>.

В случаях *степь* и *здесь* общими признаками сочетания являются как твердость-мягкость, так и глухость-звонкость, что и обозначено цифрой 3 над буквами сочетания. Однако глухость-

звонкость в них самостоятельна (это видно из данных же слов), а твердость-мягкость обусловлена: перед [e] произносятся только мягкие. Позиционность этого признака обозначена цифрой 2 после фигурных скобок справа ниже строки.

Иллюстрируем вопрос о позиционности и самостоятельности общих признаков сочетаний еще несколькими примерами. Слова *грусть* и *груздь* транскрибируем следующим образом. Фонетическая и словофонематическая транскрипции их одинаковы: [гру'с'т'], [грус'т'] — на конце слова твердость-мягкость различается (поэтому поставлен знак мягкости), но глухость-звонкость не различается — звучит только глухой (это обозначено цифрой 2) [т']₂. Перед [т'] не различается ни твердость-мягкость, ни глухость-звонкость предшествующего согласного. Поэтому употреблена буква *с* (буква глухого без указания на мягкость) с цифрой 3: [с₃]. В морфофонематической транскрипции эти слова будут выглядеть по-разному: <гру{с'³т'}> и <гру{з'³д'}>. В корневых морфемах этих слов (составляющих форму им. п. ед. ч.) твердость-мягкость и глухость-звонкость сочетания самостоятельны: <гру{с'³т'}á>, <гру{з'³д'}á>; ср.: <у{с³т}á!>, <у{з³д}á>. Поэтому в первом из них можно констатировать мягкое и глухое сочетание, а во втором мягкое и звонкое.

Слова *съест*, *съезд* и *мест* (род. п. мн. ч.) в фонетической и фонематической транскрипциях имеют следующий вид:

[с'јест] (*съест* и *съезд*), [м'ест];
[с₁јес₃т₂] (*съест* и *съезд*), [м₁ес₃т₂];
<сје{с'³т'}₂>, <сје{з³д'}₂>, <м₁е{с³т'}>.

В корневых морфемах слов *съезд* и *мест* мы констатируем самостоятельность общих признаков сочетания — глухости-звонкости и твердости-мягкости, что и находит свое отражение при морфофонематическом транскрибировании в написаниях *зд* и *ст*. В слове же *съест* (3-е л. ед. ч.) твердость-мягкость самостоятельны; ср.: [с'јест] и [с'јес'т'] (инфинитив). Что же касается глухости-звонкости, то она не проявляется, поскольку конечный согласный представляет собой флексию, которая не может быть в сильной для глухости-звонкости позиции. Позиционность глухости-звонкости сочетания обозначена цифрой 2 после фигурных скобок.

НУЛЕВЫЕ ЧЛЕНЫ ФОНЕМНЫХ РЯДОВ В МОРФОФОНЕМАТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

В связи с тем, что морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы, а в морфеме могут быть такие фонемы, которые в силу позиционных условий отсутствуют в том или ином конкретном слове или словоформе с этой морфемой, эта транскрипция может отличаться от двух других наличием знаков для фонем, реально отсутствующих в слове, но присутствующих в морфеме. Так, например, в слове *местный* отсутствует фонема

⟨т⟩, но в корневой морфеме этого слова фонема ⟨т⟩ наличествует: она представлена нулем звука, так как ее реальное отсутствие позиционно, обусловлено положением перед ⟨н⟩. Поскольку задачей морфофонематической транскрипции является представить звуковое оформление морфем, освобожденное от всех фонетических, позиционных изменений, естественно, что позиционно отсутствующие в слове фонемы при такой транскрипции обозначаются, так как они являются нулевым вариантом соответствующих фонем. Приведем несколько слов во всех трех транскрипциях.

[м'э́снѣ], [гру́снѣ], [з'в'о́знѣ];
[м'э́с,нѣ], [гру́с,нѣ], [з'в'о́з,нѣ];
⟨м'э{с'т}ној⟩, ⟨гру{с'т'ној}⟩, ⟨з'в'о{з'д}ној⟩.

Словофонематическая транскрипция учитывает, что [с] и [з] перед [н] не различают твердости-мягкости, что и обозначено цифрой 1. Морфофонематическая транскрипция указывает на наличие в корневой морфеме этих слов сочетаний [ст], [с'т'], [зд], второй компонент которых позиционно отсутствует. (Ср.: [м'э́сть], [гру'с'т'], [грус'т'ѣл], [грус'т'ѣа], [з'в'и'э́дѣ].) Эти сочетания обладают общей глухостью-звонкостью и твердостью-мягкостью (что обозначено цифрой 3 над буквами сочетаний). При этом глухость-звонкость их самостоятельна (это видно из слов [м'э́снѣ], [з'в'о́знѣ]). Что же касается их твердости-мягкости, то она позиционна: перед [н] произносятся только твердые [с], [з] и [т], [д], так как мягкие отвердевают и совпадают с твердыми; ср.: [м'э́сть]—[м'э́снѣ], [з'в'и'э́дѣ]—[з'в'о́знѣ] и [грус'т']—[гру́снѣ].

Слово *завистливый* транскрибируем следующим образом: [зав'ис'л'ивѣ]; [зав'ис'л'ивѣа]; ⟨зав'и{с'т'}₁ливѣ⟩. Морфофонематическая транскрипция здесь указывает на то, что непрямая основа кончается сочетанием [с'т'], второй компонент которого позиционно отсутствует и которое характеризуется общей мягкостью (ср.: [зав'ис'т']) и общей глухостью (ср.: [зав'ис'т'и]). Общие признаки сочетания обозначены цифрой 3 над буквами сочетания. При этом признак глухости в данном положении самостоятелен, а признак мягкости обусловлен положением перед [л'] (что обозначено цифрой 1 после фигурных скобок).

Слова *сердце* и *солнце* транскрибируются следующим образом: [с'э́рцѣ]; [с'э́р,цѣ]; ⟨с'э́р,д,цѣ⟩. В словофонематической транскрипции указывается цифрой 1 на то, что [р] перед [ц] не различает твердости-мягкости. То же указывается в морфофонематической транскрипции. В последней, кроме того, указывается наличие в корневой морфеме звонкой взрывной зубной фонемы, которая позиционно в положении между [р] и [ц] отсутствует, представлена нулем звука. Глухость-звонкость и твердость-мягкость этой фонемы в положении перед [ц] в слове позиционны, однако в морфеме глухость-звонкость самостоятельна, непрояс-

нима только твердость-мягкость (ср.: [с'и*рд'ѣч'нѣ]), так как представлено только положение перед [е], в связи с чем у буквы поставлена цифра 1.

В свете сказанного думается, что орфографические написания слов *жестче, хлестче, бороздчатый* правильно отражают состав фонем в корневой морфеме. Ср.: [жѡ'ш':и*] или [жѡ'ш'ч'и*], [хл'ѡш':и*] или [хл'ѡш'ч'и*], [блрѡ'ш':ѣтъ] или [блрѡ'ш'ч'ѣтъ], [жѡш':е] или [жѡш'ч'е], [хл'ѡш':е] или [хл'ѡш'ч'е], [блрѡш':ѣтъ] или [блрѡш'ч'ѣтъ]; <жѡ{с'т}че>, <хл'ѡ{с'т}че>, <блрѡ{с'т}ч'ѣтъ>. Эти слова имеют глухие или звонкие твердые сочетания [ст], [зд], у которых перед [ч'] становятся непронизносимыми конечные взрывные [т], [д], т.е. выступают нулевые варианты этих фонем; [с] и [з] твердые перед [ч] произносятся как мягкие и глухие, причем, кроме того, перед [ч'] приобретают шипящий характер: получается сочетание [ш'ч'], которое в современном русском литературном языке может также произноситься без взрывного элемента, т.е. как [ш':]. Таким образом, все изменения носят позиционный характер и не затрагивают состава фонем в корневых морфемах разобранных слов.

ОБРАЗЕЦ ТРЕХ ТИПОВ ТРАНСКРИПЦИИ

В заключение приведем небольшой отрывок в орфографической записи и в трех видах научно-лингвистической транскрипции (они соответственно обозначены цифрами I, II и III):

На другой день вестъ о пожаре разнеслась

- I. нѣдругѡ́ д'ѣн' | в'ѣс'т' а́пжа́р'и* | рѣз'н'и*с'лѣс
- II. на́д,ругѡ́ д'ѣн' | в'ѣс'т', а́пжа́р,е | рѣз,н'а́с,лѣс,
- III. на д,ругѡ́ д'ѣн' | в,е{с'т'} а́пжа́ре | рѡзн'ос'лѣс

по всему околотку. Все толковали о нем

- I. пѣфс'и*мѹ а́клѡ́тку || фс'ѣ тѣлкава́л'и а́н'ѡм
- II. паф,с'а́мѹ а́клѡ́т,ку || ф,с,ѣ та́лкава́л'и а́н'ѡм
- III. по в,с'ѡмѹ а́клѡ́дку || в,с'ѣ то́лкава́л'и а́н'ѡм

с различными догадками и предположениями.

- I. сраз'л'и́ч'ным'и да́га́ткѣм'и ипр'ѣтпѣла́жѣн'и́йм'и ||
- II. с,раз,л'и́ч'ним'и да́га́т,ка́м'и ип,р'а́т,па́лаже́н'и́ям'и ||
- III. с ро{з'л'}и́ч'ними да́га́дка́м'и и п,р'а́дпа́ложе́н'и́ям'и ||

Иные уверяли, что люди Дубровского,

- I. инѣ́и ув'и*р'ѣл'и | штѣл'ѹд'и дубро́фскѣвъ |
- II. инѣ́и ув'а́р'ѣл'и | ш,та́л'ѹд'и дуб,ро́ф,с,ка́ва |
- III. инѣ́и ув,е́р'ѣл'и | {ш'т}ѡ л'ѹд'и дуб,ро́ф,с{с'к}ѡво |

напившись пьяны на похоронах, зажгли

- I. нап'и́фшы́с п'ѣ́аны нѣпѣ́хърна́х | злжгл'и́
- II. нап'и́ф,шы́с, п,ѣ́ани на́пахара́на́х | заш,гл'и́
- III. нап'и́ф,шы́с п,ѣ́ани на похоро́на́х | зажгл'и́

дом из неосторожности, другие обвиняли

- I. дом из'н'ьастарожнѣс'т'и | друг'и^жи лѣв'ин'ал'и
- II. дом из'н'ьас₃тарожна₃с'т'и | друг'и^жи аб₁в'ин'ал'и
- III. дом из н₁еа{с'т'}арожно{с'т'}и | друг'и^жи обв'ин'ал'и

приказных, подгулявших на новоселии,

- I. пр'иказных | пѣдгул'афших нѣнѣвас'ел'ии |
- II. пр'иказних | пат₂гул'афших нанавас'ел'ии |
- III. пр'иказних | подгул'аф₂ших на новас'ел'и^жи |

многие уверяли, что он сам сгорел с земским

- I. мнѣг'ии ув'и'ер'ал'и | штѣон сам згар'ел | з':емск'им
- II. мнѣг'ии ув'ар'ал'и | штаон сам с₃гар'ел с₃з₁ем₁с₂ким
- III. мнѣги^жи ув'ер'ал'и | што он сам сгар'ел с з₁ем₁{с'к'}им

судом и со всеми дворовыми. Некоторые

- I. судом ислафс'ем'и дварѣвым'и || н'ѣкѣтрыи
- II. судом исаф₃с'ем'и д₁варѣвим'и || н₁ѣката^жрии
- III. судом и со в₁с'ем'и {д'в}орѣвим'и || н₁ѣкатори^жи

догадывались об истине и утверждали,

- I. дагадѣвл'ис лбы'с'т'ин'н'е | иут'в'и'ержд'ал'и |
- II. дагадавал'ис₂ абис'т'ин'н'е | иут₁в'ар'ж₁д'ал'и |
- III. дагадавал'ис аб й{с'т'}ин'е | и у{т'в'}ор₁{ж'д'}ал'и |

что виновником сего ужасного бедствия

- I. штѣв'инѣвн'икѣм с'и'ево ужаснѣвѣ б'ѣц'с'т'ви^ж |
- II. штѣв'инѣвн'икам с'а'во ужас₁нава б'ѣт₃с₃т'ви^ж |
- III. штѣо в'инѣвн'иком с'ово ужасново б'ѣд{с'т'}е'и^ж |

был сам Дубровский, движимый злобой

- I. был сам дубрѣфскѣ | д'в'и^жжимѣ | злѣбѣ |
- II. был сам дуб₁рѣф₃с₃ка | д₁в'и^жжима^ж | злѣб^ж |
- III. был сам дуб₁рѣф₃{с'к'}о^ж | {д'в'}и^жжимо^ж | злѣбо^ж |

и отчаянием.

- I. илч':а^жн'и^жм ||
- II. иат₃ч'а^жан'и^жа₁м ||
- III. иат₃ч'а^жан'и^жом ||

МОРФОФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ И ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

При анализе морфофонематической транскрипции сравнительно с орфографическим письмом следует иметь в виду характер русской графики, для которой особенно важны следующие особенности:

1) передача фонематической твердости-мягкости согласных перед гласными с помощью букв *а—я, у—ю, о—е* (под ударением иногда над *е* ставятся две точки), *ы—и*; ср.: *мал—мял, лук—люк, нос—нес* (или *нёс*), *был—бил*;

2) передача фонематической твердости-мягкости на конце слова и перед согласными буквой *ь*; ср.: *конь, кровь; горь, редька*;

3) необозначение позиционной мягкости перед [е] (ср.: *сел, мел*) и перед мягкими согласными (ср.: *ветви, свет, снег*);

4) отсутствие особой буквы для фонемы [j] и обозначение этой фонемы перед гласными [а], [у], [о], [е] буквами *я, ю*, (или *ё*) для [о] и *е* для [е] (ср.: *я, юг, елка* или *ёлка, ель*); обозначение той же фонемы в положении после гласных (на конце слова и перед согласными) буквой *й* (ср.: *чай, мойка*); отсутствие обозначения перед [и] фонемы [j], которая в этой позиции является факультативной; ср.: *их* (произносится [их] и [jux]), *мои* (произносится [мáй] и [мájй]).

Если учесть эти характерные особенности русской графики, то окажется, что морфофонематическая транскрипция чрезвычайно близка к обычному орфографическому письму¹. Последнее по существу представляет собой такое письмо, где букве сильной фонемы соответствует весь фонемный ряд, возглавляемый этой сильной фонемой (ср.: *толковали* и <толковáл'и>, *на похоронах* и <на похоронáх>). Как и при морфофонематической транскрипции, орфографическое письмо передает внутриморфемные сочетания согласных, имеющие общие для всего сочетания признаки, как единое и нечленимое целое по общим для сочетания признакам. Ср.: *весть* и <ве{с'³т'}>; глухость сочетания обозначена буквами *ст* (ср.: на стыке морфем—просторечные *весть* от *веду* и *везть* от *везу*), а мягкость сочетания—буквой *ь* на конце его. Те же качества, но иными способами обозначены в морфофонематической транскрипции. Ср.: *неосторожности* и <неа{с'³т'}-ахóжнó{с'³т'}и>, где глухость сочетания обозначена буквами *ст*, а его твердость в первом случае и мягкость во втором случае—буквами последующих гласных *о* и *и*. Те же качества, но иными способами обозначены и в морфофонематической тран-

¹ Следует отметить, что орфографическое письмо обычно оставляет без обозначения такое важное фонологическое средство, относящееся к слову в целом вместе с энклитиками и проклитиками как ударение. Ср., например, написания: *душу, дорога*, которые в зависимости от контекста можно прочесть как *ду́шу* и *душу́*, *доро́га* и *дорога́*. Во фразе *Мне нравится эта острота* последнее слово можно прочесть как *о́строта* и *остро́та*; во фразе *Девочке купили атлас* последнее слово можно прочесть как *а́тлас* и *атла́с* (например, на платье). Получается парадоксальная ситуация: мы читаем, чтобы узнать, каково значение, смысл, но оказывается, чтобы прочесть, надо уже заранее знать значение, смысл. Это свидетельствует лишний раз о том, что орфография создается для уже знающих язык, а не изучающих его. Отсюда и вывод о том, что как важно—при разноместности и подвижности ударения—обозначать его в книгах и учебниках для иностранцев.

скрипции. В случае *земским* (<з₁ем₁{с²к}им>) глухость как общее качество сочетания передана буквами *ск* (ср. на стыке морфем: *низкий* и *моский*).

Основное отличие морфофонематической транскрипции от орфографического письма заключается в том, что в ней сохраняется довольно большое количество написаний по слабым „непроясненным“ фонемам, т. е. таким фонемам, которые не могут оказаться в сильной позиции в данной морфеме и потому не могут быть отнесены к одному-единственному фонемному ряду¹. Орфография в этих случаях обычно пользуется этимологическим письмом. Приведем некоторые из этих написаний. Ср.: *о пожаре* и <апа-жаре>, *о нем* и <ан'ом>, *догадками* и <дага́дкам'и>, *предположениями* и <п'р'адпаложён'иям'и>, *на новоселии* и <на новас'ёл'ии>, *сгорел* и <сгар'ёл>, *некоторые* и <н'ёкатори'и>, *догадывались* и <дага́даваа́л'ис>, *об истине* и <аб'й{с'зт'}ине>, *отчаянием* и <ат'ч'а́ян'и́ом>. Наличие буквы *о* в орфографическом письме при [α] в морфофонематической транскрипции свидетельствует о неполной закономерности отношений между написанием и произношением в нашей орфографии, об известной их условности: слабая фонема [α] является в морфеме заместителем сильных фонем <о> и <а>. Следовательно, в приведенных случаях с точки зрения звуковой системы современного языка с равными основаниями могла бы употребляться как буква *о*, так и буква *а*. Однако в них пишется буква *о* в соответствии с этимологией этих слов, освященной традицией письма. В то же время эти написания не полностью условны (условен только выбор между буквами *о* и *а*): наличие именно одной из двух гласных букв *о* или *а*, но не любой другой закономерно и соответствует звуковой системе современного русского языка. Буква *е* (после *р*) в соответствии со слабой гласной фонемой [α] в слове *предположениями* и буква *я* в соответствии с той же слабой фонемой [α] в непосредственно заударном слоге в слове *отчаянием* также свидетельствуют о неполной закономерности соотношений между правописанием и звуковой системой языка: в положении после мягких согласных слабая фонема [α] является в морфеме заместителем одной из трех сильных фонем <е>, <о>, <а> (первые две, как известно, в русском правописании обычно обозначаются одной буквой, ср. написание *сел*, которое может читаться как [с'ел] и [с'ол]). Поэтому в указанных случаях с равными основаниями вместо *е* могло бы писаться *я*, а вместо *я* — *е*. Употребление в первом случае *е*, а во втором *я* условно с точки зрения звуковой системы современного русского языка. Однако наличие именно одной из этих букв, а не других (*и*, *ю*) закономерно и соответствует звуковой системе.

¹ Следует иметь в виду, что слабая фонема в слове является заместителем двух или нескольких сильных фонем в морфеме.

В приведенных случаях безударные гласные обозначены орфографическом письме в соответствии с этимологией. В других, более редких случаях они пишутся вопреки этимологии, но в тех рамках, которые допускают соответствующие слабые гласные фонемы. Таково употребление буквы *a* после *p* в слове *разнеслось*. Как известно, с этимологической точки зрения здесь [o]. С морфофонематической точки зрения здесь также [o]; ср. в это приставке под ударением: *рассказни*, *розвальни*, *роспись* и др. Однако благодаря церковнославянской традиции укрепило написание этой приставки с буквой *a*. Написание это получило и известную фонетическую поддержку: приставка эта обычно безударна, причем в 1-м и 2-м предударных слогах соответственно произносится [л] и [ъ] (ср.: [рлз'н'бс] и [ръз'н'и'сла]). Случаи с ударением на приставке в отдельных случаях семантически обособились от соответствующих случаев с безударной приставкой (ср.: *разлив* и *розлив*) или не имеют соответствия с безударной приставкой (ср.: *розвальни*)¹.

Аналогичное явление в области согласных представляют написание *напившись*, *подгулявших* с буквой *в* (ср.: <нап'иф, шие> <подгул'аф, ших>). Фонематическая твердость соответствующих фонем здесь устанавливается по формам [в'п'иф], [п'дгул'аф], но глухость-звонкость ее непрямоуказуема, так как конечный согласный (суффикс *-в*) не может оказаться перед гласной или перед другим звуком, где различается фонематическая глухость-звонкость². Отсюда следует, что выбор между буквами *в* и *ф* в разбираемых случаях условен и употребление буквы *в* в них объясняется лишь историей языка. Однако наличие одной из этих букв, а не других вытекает из звуковой системы языка.

Слабые по твердости-мягкости согласные фонемы обозначаются буквами соответствующих согласных без указания на твердость или мягкость (вне зависимости от реальной твердости или мягкости). Ср. написание (соответствующие буквы выделены шрифтом): *другие*, *приказных*, *многие*, *движимые*, *весть*, *все* и др.

Другим отличием русского правописания от морфофонематической транскрипции является наличие в нем написаний, полностью незакономерных с точки зрения звуковой системы современного языка, полностью условных. Это то, что принято называть этимологическими написаниями.

Таково употребление буквы *з* в окончаниях слов *Дубровского*, *ужасного* (произносится согласная [в], которая не находится ни в каких закономерных отношениях с фонемой [г]), употребление буквы *ч* в слове *что* (произносится согласная [ш], которая

¹ Следует отметить и случаи, когда такое соответствие имеется. Ср.: *раздала* и *роздала*.

² Случаи вроде *служивый* не являются живыми образованиями и потому не могут свидетельствовать о морфофонематической звонкости губного фриктивного согласного в суффиксе деепричастия.

в современном языке позиционно не связана с [ч']; ср.: [што] и [ч'ту], [пóч'тъ], т. е. перед [т] фонемы [ш] и [ч'] различаются); употребление буквы *ы* в слове *догадывались* (произносится гласная [ъ], которая может быть заместителем сильных фонем [о] и [а], но не [ы])¹.

Сложно обстоит с произношением конечного безударного гласного в форме им. п. мн. ч. прилагательных. В нашем тексте это следующие случаи: *иные, другие, многие, некоторые*. Сложность проистекает прежде всего от того, что в современном русском литературном произношении представлено несколько вариантов — с [ји], [јъ] и [е]-образными звуками, с [ъ] и [а]-образными звуками, причем перед [и] звук [ј] может быть мало заметен и даже отсутствовать ([и́нѣи], [и́нѣјъ] и близко к [и́нѣје], [и́нѣјъ] и близко к [и́нѣја]). Отметим только, что при произношении с конечным гласным [и] написание *иные* и др. с буквой *е* на конце следует считать этимологическим, если считать, что в конечном открытом слоге после [ј] нелабиализованные гласные верхнего подъема и неверхнего подъема различаются: [и] — [ъ] — [ъ]. Ср.: [з'м'ѣи] или [з'м'ѣји] (им. п. мн. ч.), [лз'м'ѣјъ] (предл. п.)², [з'м'ѣјъ]. Гласному [и] при этих отношениях закономерно должна бы соответствовать буква *и*.

Наконец, особый тип этимологических написаний представляют написание возвратных глаголов на *-сь*, если исходить из старой нормы произношения этих форм с твердым [с] на конце³. Это случаи: *разнеслось, догадывались, напившись*; ср. написание и произношение: *взялась* — [вз'и'ѣл'ас], с одной стороны, и *ос* [ос], *ося* [ося'] — с другой. Однако здесь нет той полной условности написания буквы согласного, которую мы видели в написании окончания *-ого* (*-его*): фонема [с] находится в ближайших отношениях к фонеме [с'], обозначение которой принято в правописании, но фонема [в] не находится ни в каких отношениях к фонеме [г], буква которой пишется в окончании *-ого* (*-его*).

Изложенные выше соображения показывают, что вопрос о типах научно-лингвистических транскрипций, с одной стороны, опирается на теоретические проблемы фонологии (иначе, теорию фонем), а с другой, тесно связан с сугубо практическими вопросами правописания. Научно-лингвистическая транскрипция разных типов является квинтэссенцией теоретического изучения звуковой системы языка в ее разных аспектах, разных ее связях со структурой языка. Она наглядно демонстрирует результаты теоретического изучения

¹ Правда, надо отметить, что гласные [ъ] и [ы] в заударном неконечном слоге противопоставлены очень слабо. Это противопоставление достаточно четко лишь в отчетливой, чеканной речи.

² В беглой речи пр. п. ед. ч. может практически не отличаться от им. п. мн. ч. [з'м'ѣи].

³ В настоящее время главным образом под влиянием правописания едва ли не господствующим стало произношение с мягким [с] на конце.

звуковой системы языка. Вместе с тем она позволяет теоретически осмыслить систему современного правописания в его отношении к звуковой системе языка. Она позволяет с научной точки зрения оценить современное правописание, его целесообразность, его положительные стороны и недостатки; она позволяет научно обоснованно рационализировать правописание, унифицировать и упорядочить при наличии колебаний в написаниях, реформировать правописание, если в этом есть надобность. Наконец, теоретическое изучение звуковой системы и его итоги, выраженные в транскрипциях, позволяют создавать новые правописания для ранее бесписьменных языков.

Все это свидетельствует о большом практическом значении такой чисто теоретической науки, как фонология, или теория фонем.

* * *

Фонематическую транскрипцию я стал разрабатывать еще в конце 30-х годов. Впервые она была дана в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (М., 1945) и нашла сочувственное отношение С. И. Бернштейна в рецензии на эту книгу (см. «Русский язык в школе», 1946, № 3—4). Трем типам научно-лингвистической транскрипции я посвятил статью в журнале «Slavia» (1956, t. XXV, s. 3), а затем раздел в пособии «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956). Обсуждение этой книги, в частности проблемы морфофонематической транскрипции было широким. В нем приняли участие и высказали свое мнение как советские ученые, так и зарубежные (среди последних Р. Якобсон, М. Халле, З. Штибер, Б. Унбегаун, Л. Дюрович, К. Горалек и др.). Жизненность идеи морфофонематической транскрипции показана в книге Л. Дюровича „Paradigmatika spisovnej ruštiny» (Bratislava, 1964), где русское склонение и спряжение излагаются исходя из морфофонематического содержания морфем, прежде всего, флексий. К сожалению, не понял идею разных типов лингвистических транскрипций А. Н. Гвоздев, который стремился пропагандировать фонологическую теорию Л. В. Щербы (см. его статью «Что дают три типа транскрипций» в журнале «Вопросы языкознания», 1958, № 6). С большим вниманием к проблеме разных типов научно-лингвистической транскрипции отнесся ближайший ученик и последователь Л. В. Щербы — Л. Р. Зиндер (см. его статью в журнале «Вопросы языкознания», 1957, № 5).

ТЕОРИЯ ФОНЕМ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Теория фонем, или фонология, как было указано на стр. 65—70, имеет многообразное практическое применение. Одно из них — оценка отдельных сторон современного правописания. Два конкретных примера из этой области приведены ниже.

I

Как известно, морфологический принцип является основным в русском правописании. Сущность его заключается в том, что буква служит знаком не для звука как такового, а для фонемы во всеми вариантами, или, иначе, фонемного ряда. Благодаря такому соотношению между буквами на письме и звуками в устной речи каждая данная морфема передается на письме без учета позиционно обусловленных различий в ее произношении.

По отношению к передаче сочетаний глухих-звонких согласных морфологический принцип нашего правописания имеет свою специфику, обусловленную спецификой фонологии этих сочетаний. Последняя заключается в том, что внутриморфемные сочетания с фонологической точки зрения характеризуются общей глухостью-звонкостью для всего сочетания, а сочетания, относящиеся к разным морфемам, т. е. находящиеся на стыке морфем, — индивидуальной глухостью или звонкостью для каждого его компонента.

В первом случае безусловна, фонологически самостоятельна глухость-звонкость только сочетания в целом, что же касается глухости или звонкости отдельного компонента сочетания, то она „связана“, взаимно зависит от другого компонента, неотделима от глухости-звонкости другого компонента: ср. *уста* и *узда*, *прыскать* и *брызгать*, *шкура* и *жгут* (сущ.) и т. д. В соответствии с этой фонологической особенностью основным правилом передачи на письме внутриморфемных глухих или звонких сочетаний согласных является передача всего сочетания при помощи букв только глухих или — соответственно — только звонких согласных, т. е. при помощи букв *ск, сп, ст, шт, шк* и т. д. или *зг, зб, зд, жд, жг* и т. д.: *скот, спорт, стол, штука, школа* и т. д., *зги* (ни *зги*), *изба, звезда, нужда* и т. д. В этих случаях, т. е. при написании одной морфемы, в принципе не могут

быть рядом буквы *з и к, з и п, з и т, ж и т* и т. д. или *с и г, с и б, с и д, ш и д* и т. д.

Во втором случае—если сочетание согласных приходится на стык морфем—фонологическая глухость или звонкость одного из компонентов сочетания не зависит от глухости или звонкости другого компонента, в то время как реальная фонетическая глухость или звонкость первого компонента зависит от глухости или звонкости второго компонента. Ср. несколько примеров в фонематической (морфофонематической) и фонетической транскрипции: <сб'ежа́л>, <спугну́л>; <отб'ежа́л>, <отпугну́л>, <подб'ежа́л>, <подпуска́л>; <кос'ба́>, <р'ез'ба́>; [з'б'и'жа́л], [спугну́л], [адб'и'жа́л], [атпугну́л], [пъдб'и'жа́л], [пътпуска́л], [каз'ба́]. В связи со сказанным основное правило передачи на письме сочетаний согласных на стыке морфем в отношении глухости или звонкости их отдельных компонентов заключается в передаче каждого из компонентов сочетания в соответствии с его фонологической природой, самостоятельной глухостью или звонкостью—буквой глухой или звонкой согласной. Именно поэтому пишется *сбежал, спугнул* (ср. *срезал, свозил*), *отбежал, отпугнул* (ср. *отрезал, отвозил*), *подбежал, подпускал* (ср. *подрезал, подвозил*), *косьба* (ср. *косить*), *резьба* (ср. *резать*), *хлебца* (ср. *хлебец*), *складка* (ср. *складок*), *робко* (ср. *робок*) и т. д.

Оба сформулированных правила в высшей степени целесообразны. Однако они не всегда проводятся последовательно—имеются исключения как против первого правила (в написании отдельных слов), так и второго (в написаниях целых словообразовательно-морфологических категорий). Ликвидация этих исключений могла бы еще более улучшить наше правописание.

Исключения против правила о написании внутриморфемных сочетаний звонких или глухих согласных касаются отдельных слов, главным образом иноязычного происхождения:

кз—*вокзал, экзальтация, экзамен, экзарх, экзегетика, экзекуция, экзема, экземпляр, экзерсис, экзогенный, экзогамный, экзотический* и др.; *кд*—*анекдот*; *сг*—*фосген*; *сб*—*асбест*; *вт*—*второй* (ср. *фтор, фталиевы кислоты*); *вч*—*вчера*; в собственных именах—*Кавказ, Афганистан, Акбар*.

Тенденция передавать становящиеся с определенной эпохи фонологически неоправданными написания букв согласных, отличающихся друг от друга звонкостью-глухостью, буквами согласных, одинаковых по этому признаку, действует в русском правописании с древних эпох и действительна в наше время: ср. написания *здесь, где, когда, тогда, трижды, дважды, здоровый, ни зги, пчела, жбан* и др.

Введение написаний типа *вогзал, экзамен, анегдот* и пр. не меняло бы существующего правила, а, ликвидируя исключения, проводило бы его последовательно. Ср. такие именно написания в польском правописании: *egzaltacja, egzamin, egzekucja, egzema, egzotyczny* и т. д.

Исключение против правила о написании на стыках морфем сочетаний согласных, отличающихся друг от друга глухостью-звонкостью, охватывает приставки на *з*, которые — вопреки морфологическому принципу, на котором базируется подавляющее количество написаний, — пишутся фонетически: в тех положениях, в которых звонкие-глухие не различаются, т. е. перед звонкими и глухими, пишется буква *з* перед буквами звонких согласных и буква *с* перед буквами глухих: *избегать* — *испугать*, *разбудить* — *распугать*, *возбудить* — *воспылать*, *возгордиться* — *воскурить*, *напослать*, *чересполосица*. Как известно, наличие сильной позиции здесь не вызывает сомнения: ср. в положениях, где [с] и [з] различаются — *измазать*, *развозить*, *возмутить*, *низложить* и т. д. (ср. *смазать*, *свозить*, *смутить*, *сложить*). Поэтому при написаниях *подбросить*, *подписать* (ср. *подложить*); *отбросить*, *отпустить* (ср. *отложить*); *сдавить*, *столкнуть* (ср. *свозить*); *низко* (ср. *низа*, *низу*), *везти* (ср. *везу*), *нести* (ср. *несу*) и т. д. были бы естественны написания *изпугать* и *избежать*, *изкоренить* и *изгонять*, *изтолочь* и *издавать*, *изшиарить* и *изжарить*, *изследовать*, *изчеркать*, *изцарапать* (ср. *изложить*, *износить*, *изводить* и т. д.); *возпылать* и *возбудить*, *возкурить* и *возгордиться*, *возторжествовать* и *воздавать*, *возпроизводить* и *возбранять*, *возславить* (ср. *возмутить*, *возложить*, *возлюбить* и т. д.); *разпугать* и *разбудить*, *разтолочь* и *раздавать*, *разишуметься* и *разжевать*, *разсечь*, *разсыпать* и *раззадорить*, *раззвонить*, *разстелить*, *разсудить* и т. д. (ср. *размочить*, *развозить*, *разносить* и т. д.); *безпечальный* и *безбедный*, *безконечный* и *безголосый*, *безтолковый* и *бездумный*, *безишумный* и *безжалостный*, *безсистемный* и *безземельный*, *безсловесный* и *беззлобный*, *безчувственный*, *безценный* и т. д. (ср. *безвременный*, *безвольный*, *безмозельный*, *безликий* и т. д.).

Принятые у нас написания *разбивать* с буквой *з* и *распевать* с буквой *с* совершенно аналогичны написаниям *подбивать* с буквой *д* и *потпевать* с буквой *т* или написаниям *спеть* с буквой *с* и *эбить* с буквой *з*; между тем так мы не пишем. Поэтому можно констатировать, что приставки на *з* пишутся вопреки морфологическому принципу, господствующему в русском правописании, и вопреки общему правилу о правописании приставок на другие согласные — на основе фонетического принципа — с буквой *з* перед одними согласными и с буквой *с* перед другими.

Написание приставок на *з* на основе морфологического принципа, всегда с буквой *з*, сделало бы русское правописание более последовательным и, следовательно, должно быть признано целесообразным. Отметим, что такое написание принято в польском, чешском, болгарском правописании.

Ср. польские написания: *bezklasowy*, *bezkontrolowy*, *bezkrytyczny*, *bezpartyjny*, *bezpieczny*, *rozchód*, *rozciągac*, *rozказаć*, *rozkładany*, *rozpadina*, *rozpić*, *rozpirowac* и др., чешские написания: *bezcecný*, *bezpečnost*, *rozčleniti*, *rozkladeti*, *rozpisovati*, *rozprava*, *rosklepati*; болгарские написания: *безконецен*, *безкористен*, *безплоден*, *безсилие*,

безмислица, безцветен, безчестие, изказвам, изкипявам, измочвам, изкопавам, източник, изкуство, изход, разплата, разкладка, разкован, разпознат, разпродавам и т. д.

Противники введения морфологического написания приставок на з указывают на случаи вроде *восток*, *восторг*, *воскресение*, *роскошь*, *распятие*, *растяпа*, *расторгнуть*, *исчезать*, *искажить*, *исток*, *исконный*, *искусство*, *истязать*, *истребить*, *источник*. Однако такого рода случаи имеются и для любого другого правила, основанного на морфологическом принципе. И это естественно: морфологические стыки постепенно исчезают, поэтому позиционная обусловленность качества первого согласного сочетания утрачивается, сочетание становится нечленимым и в связи с этим звонкость и глухость из качества индивидуального, свойственного каждому компоненту, становится качеством сочетания в целом. Если при этом старое написание сохраняется, оно становится этимологическим, фонологически не оправданным. Чтобы написание стало соответствовать новой фonomорфологической структуре слова, оно должно быть изменено так, чтобы включало в свой состав буквы только глухих или только звонких согласных. Это и имело место в приведенных выше случаях типа *здесь*, *когда*, *здоров* и т. д. Вопрос о случаях типа *восток*, *роскошь* и т. д. будет решен в словарном порядке; в той мере, в какой будет установлено отсутствие в современном языке морфологического стыка, будут писаться буквы одинаковых по глухости-звонкости согласных букв. В тех же случаях, где будет признано наличие стыка, будет писаться буква *з* с последующей той или другой согласной корня.

Приведенное возражение против правописания приставок на з на основе морфологического принципа может быть отнесено и к другим приставкам. Разве написания *сбруя*, *сброд*, *сдоба* и т. д. с современной точки зрения, т. е. с точки зрения современной фonomорфологической структуры этих слов лучше обоснованы, чем написания *возток* или *розкошь*? Однако никто не будет предлагать этих последних написаний: в них нет, с точки зрения современного языка, морфологического стыка, следовательно, должно писаться *ст* и *ск* — *восток*, *роскошь* (как внутри морфемы: ср. *пусто*, *искать*). Однако нет морфологических стыков и в написаниях *сбруя*, *сброд*, *сдоба* и др. Поэтому употребление в них буквы *с* перед буквами звонких согласных с современной точки зрения совершенно не оправдано: написание в таких случаях *збруя*, *зброд*, *здоба* в большей степени соответствовало бы их современной фonomорфологической структуре.

Другое возражение против написания приставок на з на основе морфологического принципа заключается в том, что их принятие потребует изменения очень большого количества написаний, т. е. слов с приставками на з очень много. Против этого возражения трудно выставить какие-либо аргументы: если изменение написания большого количества слов невозможно, то невозможно и про-

ведение морфологического принципа в написании приставок на *з*. Но вместе с тем проведение этого принципа в написании приставок на *з* заметно улучшило бы наше правописание.

II

Известно, что в русском языке парные по твердости-мягкости согласные допускают три типа слогов с последующей гласной <а>: <та>, <т'а>, <т'ја>. Ср.: <ра>, <р'а>, <р'ја> в *бура́н*, *бура́т*, *бури́ян*; <за>, <з'а>, <з'ја> в *воза́*, *возя́*, *друзья́*; <са>, <с'а>, <с'ја> в *коза́*, *кося́*, *Касья́н*; <ма>, <м'а>, <м'ја> в *тома́*, *томя́*, *скамья́* и т. д. Заднеязычные согласные также допускают эти три типа слогов, но употребляются, главным образом, слоги типа <ка>, <га>, <ха>. Ср.: *как*, *гам*, *хам* и др., а также редкие *Кяхта*, *Гяур*; *Лукья́н*, *Ахья́н-хан*. Внепарные по мягкости-твердости согласные (практически <ч>, <ш>, <ж>), естественно, допускают не три, а два типа слогов: согл. <ч>, <ш> или <ж> + <а> и согл. <ч>, <ш>, <ж> + <ј> + <а>. Ср.: <ча> и <чја> в *сту́ча́* и *ру́чья́*, <жа> и <жја> в *де́ржа́* и *му́жья́*. Согласная <ц> перед <ј> в русских словах не встречается, таким образом, представлен только слог <ца>.

Армянские фамилии на *-ян(ц)*¹ в самом армянском имеют <ј> как после гласных, так и после согласных и в соответствии с этим всегда пишутся с буквой для звука <ј>, иначе говоря, соответствующий формант в армянском всегда звучит как <јан>, <јанц>.

В русском языке фамилии на *-ян* после гласной также произносятся со звуком <ј>, который по общему правилу русской графики в этом положении обозначается буквой *я*. Ср. фамилии *Агая́н*, *Домбая́н*, *Сароя́н*, *Микоя́н* и др.

Армянский консонантизм в целом лишен корреляции согласных по мягкости-твердости; поэтому в армянском языке согласные, которые субституируются в русском согласными парными по мягкости-твердости, образуют слоги не трех типов, а двух: согл. + <а> и согл. + <ј> + <а>. В армянском языке после согласных, как и после гласных, в фамилиях перед <а> выступает звук <ј>. В русском языке сейчас эти фамилии пишутся большей частью без указания на наличие <ј>, реже с таким указанием. В соответствии с разными написаниями они по-русски могут читаться по-разному.

¹ Формы на *-ян* (*-јан*) представляют имя, распространенное патронимическим суффиксом иранского происхождения. Путем прибавления суффикса *-ц(с)* образуется мн. ч. Таким образом, армянские фамилии на *-я́нц* близко соответствуют по типу своего образования русским фамилиям типа *Черных*, *Белых*, *Красных*, *Золотых*.

Об армянских фамилиях, в частности семантике их корневой части, см. В. О. Unbegaun. Russian surnames. Oxford. 1972, стр. 378—382.

Приведем материал, почерпнутый из текущей печати в следующем порядке: а) после согласных парных по твердости-мягкости; б) после согласных <к>, <г>, <х>; в) после внепарных по мягкости-твердости согласных (<ч>, <ш>, <ж>, <ц>):

а) *Гарибян, Абовян, Абрамян, Акопян, Григорян, Аракелян, Алиханян, Айвазян, Петросян, Мурадян, Асратян* и т. д.

Однако после парных по мягкости-твердости согласных хотя и реже употребляются также написания с *ь*: *Зарифьян, Осипьян, Сарьян, Спандарьян, Чубарьян, Зорьян, Зарьян, Газарьян, Григорьян, Сунчурьян, Багдасарьян, Габрельян, Дульян, Херильян, Мусаэльян, Тальян, Израэльян; Паньян, Пароньян, Алиханьян; Айвазьян, Карагезьян, Папазян; Петросьян, Касьян, Саркисьян; Мурадьян, Мадатьян* и др.

б) *Авакян, Будагян, Чолахян* (примеров много). Однако после заднеязычных также изредка употребляются написания с *ь*: *Кушкьян, Чалтыкьян, Мачакьян, Кусикьян, Чолахьян*.

В русском языке слоги типа <т'а> и <т'ја> и тем более слоги типа <к'а> и <к'ја> мало дифференцированы и очень мало функционально нагружены. Их различие ограничивается единичными корнями и некоторыми флексиями, а также словами иноязычного происхождения, поэтому в произношении не проводится последовательно.

В связи с избыточностью этого разграничения в русском оказываются равно допустимыми как написания типа *Зорян*, так и типа *Зорьян*. Однако единство написания в высшей степени желательно, хотя бы с точки зрения чисто практической: считать ли подобные варианты в юриспруденции, деловых отношениях, паспортном деле одной фамилией или двумя разными¹. Проблема идентификации — установление того, что „то же“ и разграничение того, что „не есть то же“, имеет большое практическое значение. Вопрос о том, какому написанию следует отдать предпочтение, может быть решен после рассмотрения материала на положение после внепарных по мягкости-твердости согласных. После *ч* обычно пишется *я*: *Аракчян, Бабачян, Багрчян, Бояхчян, Вачян, Воскерчян, Галачян, Демирчян, Перчян, Топчян, Хачян, Чамчян*. Едва ли нужно доказывать, что с точки зрения русской графики и орфографии это — написания неприемлемые, т. к. <ч> всегда произносится в русском мягко, и обозначать ее мягкость буквой *я* нет необходимости, а звука <й> буква *я* после согласного не обозначает.

После *ш* и *ж* также обычно пишется *я*: *Агдашян, Тарашян, Бекташян, Бошян, Гарушян, Кошян, Манушян, Манташян, Прошян, Тошян, Юзбашян; Врежян, Кажян, Атамнабужян*.

Особо следует рассмотреть случаи с положением после *дж*, так как <дж> в русском языке представляет сочетание фонем, которому в армянском соответствует одна фонема — звонкая,

¹ Например, в Академии наук СССР работают *А. И. Алиханьян* и *С. И. Алиханян*. Носят ли они одну фамилию или разные?

шипящая. Здесь также пишется обычно я: *Аджян, Бояджян, Гюрджян, Есаджян, Сараджян, Халаджян, Чухаджян*.

Написания с я после ш и ж еще менее приемлемы, т. к. фонема <ш> в русском всегда твердая и русская графика и орфография не знают буквы я после ш, ж. Такое написание не дает указаний на произношение: читать *Гару* [шан]? Но тогда следовало бы писать после ш букву а. Читать *Гару* [ш'ан]? Но буква я после согласных не несет в себе указания на наличие <j> перед гласной. Читать же *Гару* [ш'ан] невозможно, т. к. в русском языке <ш'> отсутствует.

Справедливости ради отметим, что в отдельных случаях нам попались написания с ь после ш, которые целесообразны с точки зрения русской графики и орфографии и одновременно соответствуют фонемному составу армянских фамилий в самом армянском: *Тошьян, Прошьян, Кошьян, Худобахьян, Врежьян* (эти фамилии читаются с <j>: *То* [ш'ан] и т. д.).

Рассмотрим фамилии с основой на <ц>. После ц так же, как и после ч, ш, ж, пишется я: *Аглицян, Астабацян, Борецян, Ванецян, Ванцян, Гарабахцян, Геолецян, Дегнацян, Зейтуницян, Казахецян, Мануцян, Норскацян, Стамбалцян, Шатахцян*.

Написание армянских фамилий с я после ц мало приемлемо по тем же причинам, что и написание после ч, ш, ж: фонема <ц> в русском языке твердая; с другой стороны, буква я после ц не обозначает звука <j>.

Написание с ь после ц не встретилось. Но зато встретились отдельные написания с и после ц и других согласных: *Лисициан, Ванециан, Тэриан, Газиян, Базиан*. Эти написания, видимо, надо объяснять желанием приблизить чтение по-русски написанных фамилий к армянскому произношению.

Интересно отметить, что в начале XX в. армянские фамилии, как правило, писались с -иан(ц) или -ьян(ц): *Тэриан, Порониан* или *Григорьян, Халатьян*, т. е. более соответствовали их фонемному составу в армянском. Лишь изредка употреблялись написания типа *Микаэлян, Татевосян*.

Таким образом, написания без ь (или и) после парных по мягкости-твердости согласных, ставшие почти нормой сейчас, лишь эпизодически встречались в 10-х годах XX в. В связи с тем, что разграничение слогов типа <t'a> и <t'ja> в русском проведено недостаточно рельефно и без большой функциональной нагрузки, написания типа *Баграмян, Степанян* и т. д. сами по себе не вызывают возражений (т. к. наличие после согласной звука <j> при отсутствии корреляции согласных по мягкости-твердости в армянском вполне допустимо передать в русском парным мягким согласным).

Однако написание армянских фамилий после шипящих и ц без ь вызывает решительное возражение, т. к. сочетания *чя, шя, жя, ця* чужды законам сочетаемости графем в русском. Правда, они могли бы писаться с а (т. е. *ча, ша, жа, ца*), но это резко

противоречило бы фонемному составу соответствующих фамилий в армянском и было бы мало согласовано с русскими написаниями армянских фамилий в положении после парных по мягкости-твердости согласных и <к>, <г>, <х>. Для положения после шипящих и <ц> единственно приемлемое написание — с *ь* после букв этих согласных: *Вачьян, Бабаच्याн, Бошьян, Арешьян, Юзбашьян, Врежьян, Ванецьян, Мануцьян.*

Однако написания этого типа (с *ь* после внепарных по мягкости-твердости) „тянут“ за собой подобные же написания после парных и заднеязычных, т. е. *Туманьян, Стамбульян, Маркарьян, Минасьян, Абовьян, Баграмян, Манукьян, Чолахьян* и т. д. Такое решение вопроса (с *ь* после любых согласных) было бы самым рациональным: оно было бы последовательно, целиком вписывалось в русскую графику, не противоречило фонемной системе русского языка и в то же время в наибольшей мере соответствовало фонемному составу соответствующих фамилий в армянском.

Однако это было бы связано с довольно заметным изменением принятых в последние десятилетия написаний типа *Баграмян, Маркарян, Микаэлян, Манукян* и т. д.

Возможно компромиссное решение: писать без *ь* после парных по мягкости-твердости согласных, а также заднеязычных и с *ь* после *ч, ж, ш, ц*. Но как всякое компромиссное решение, оно не будет наилучшим в силу своей непоследовательности.

* * *

Приведенные примеры в доступной мере иллюстрируют положение о важности учета данных фонологии при решении многих практических вопросов, в частности вопросов правописания.

УДАРЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ¹

УДАРЕНИЕ КАК ПРИЗНАК СЛОВА

Нормально в русской речи столько словесных ударений, сколько в ней самостоятельных слов, потому что каждое самостоятельное слово имеет ударение, и притом обычно одно. Это позволяет считать ударение одним из основных внешних признаков самостоятельного слова.

Служебные слова и частицы обычно не имеют на себе ударения и примыкают к самостоятельным словам; ср.: *за горой, отец и сын, придёт ли, она же не была*. В некоторых случаях ударение переходит на предлог, но тогда следующее за ним самостоятельное слово бывает безударным; ср.: *на сторону, под гору, на два рубля, за день, под вечер, за год, на год*. Таким образом, самостоятельное слово и употребленное вместе с ним служебное слово или частица обычно имеют одно ударение, составляя одно фонетическое слово.

Даже не зная русского языка, т. е. не понимая отдельных слов и смысла целого, прослушав фразу из «Дубровского» Пушкина: *На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку* — возможно установить, что в ней семь самостоятельных слов, потому что во фразе семь ударений. Однако не зная языка, нельзя определить, есть ли в этой фразе служебные слова и частицы, потому что последние обычно не имеют своих ударений и примыкают к соседним са-

¹ На эту тему автором была опубликована статья в журнале „Русский язык в школе“ (1948, № 4) и книга „Ударение в современном русском литературном языке“ (М., Учпедгиз, 1955; изд. 2-е, исправленное и дополнен., М., Учпедгиз, 1958), материалы которых использованы в этой книге.

Эта глава в основном посвящена функциям русского ударения, а не вопросу о том, как оно выделяется. Проблема выделения русского ударения посвящена большая научная литература. См., например, автореферат канд. дисс. Л. В. Златоустовой „Фонетическая природа русского словесного ударения“ (Л., 1953), превосходную статью Л. В. Бондарко, А. А. Вербицкой, Л. П. Щербаковой „Об определении места ударения в слове“ („Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“, т. XXXII, вып. 2), в которых с большой доказательностью утверждается, что признак длительности является инвариантным для русского словесного ударения — добавим от себя — литературного, так как вопрос о способах выделения словесного ударения в разных русских диалектах должен быть предметом тщательных исследований.

мостоятельным словам, имеющим ударения. Не зная русского языка, а также не зная соотношений между качеством гласных разных безударных слогов и ударного слога и ряда особенностей системы согласных, нельзя определить границы слов — указать, где кончается одно слово и начинается другое, так как в русском языке ударение разноместное, т. е. может находиться на любом слоге слова.

Иначе обстоит дело в языках с постоянным, фиксированным местом ударения (например, в чешском и финском языках, где ударение падает на первый слог слова, в польском языке с ударением на предпоследнем слоге, в армянском языке с ударением на последнем слоге слова). В этих языках ударение как признак самостоятельного слова позволяет не только судить о количестве слов во фразе, но также и провести границы между словами, так как каждый раз собой оно указывает на определенный слог слова.

УДАРЕНИЕ СЛОВА И ЕГО СВОЙСТВА

Выделение ударного слога может производиться различными способами — большим напряжением произносительного аппарата, изменением тона — его повышением или понижением, изменением длительности. Эти способы обычно сосуществуют и дополняют или замещают друг друга. Но один из них обычно является основным, а другие дополнительными, зависящими от основного.

В зависимости от основного способа выделения ударного слога различают:

ударение количественно-динамическое¹, при котором ударный слог выделяется по сравнению с безударными прежде всего большей длительностью, а также напряженностью артикуляции, в особенности гласного;

ударение музыкальное, или тоническое, при котором ударный слог выделяется по сравнению с безударными по преимуществу изменением высоты тона;

ударение количественное, или квантитативное, при котором ударный слог выделяется по сравнению с безударными главным образом большей длительностью своего гласного.

Русскому языку свойственно ударение, при котором гласный ударного слога отличается от безударных гласных как большей напряженностью произносительного аппарата и потому наибольшей четкостью артикуляции гласного, так и большей длительностью.

¹ Количественно-динамическое ударение в учебниках и руководствах обычно называется экспираторным или выдыхательным на основе положения о том, что ударный слог будто бы отличается от безударного большим количеством выдыхаемого воздуха. См.: М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику, изд. 2. Учпедгиз, 1948, стр. 71; Л. В. Бондарко. Л. А. Вербицкая, Л. П. Щербакова. Об определении места ударения в слове. „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“, т. XXXII, вып. 2.

Однако акустические различия ударного и безударных слогов еще недостаточно изучены. Не изучены также в должной мере и способы образования этих акустических различий, которые воспринимаются как ударение. Поэтому ограничимся здесь лишь немногими замечаниями¹.

Между сравнительной громкостью и длительностью звука, с одной стороны, и наличием или отсутствием ударения — с другой, существуют сложные отношения.

Громкость речи, как известно, может произвольно меняться говорящими (ср., например, речь на расстояние или в обращении к тугоухому и речь «на ухо»). Однако, кроме этой произвольной громкости речи, существует еще непроизвольная, «собственная», «самостоятельная» громкость отдельных звуков, как таковых. Так, например, гласный [а] вообще сам по себе громче, чем гласные [о] и [е], а последние сами по себе громче, чем [у] и [и]. Поэтому, произвольно увеличивая или уменьшая громкость речи, мы в то же время сохраняем соотношения между сравнительной громкостью отдельных звуков, которая не зависит от говорящего.

При одинаковой непроизвольной, «собственной» громкости ударного и безударного гласных первый может быть более громким по сравнению с последним (например, *пи́лй, му́кй*). То же можно сказать о случаях, когда безударный гласный обладает меньшей непроизвольной громкостью, чем ударный (например, *пи́лй, му́кй*). Однако в тех случаях, когда безударный гласный обладает большей непроизвольной громкостью, чем ударный, обычно он является и более громким (например, в случае типа *пи́лй*). Таким образом, ударный гласный не всегда является более громким по сравнению с безударными. Но он обычно обладает повышенной громкостью по сравнению с тем же или близким по качеству безударным гласным (т. е. [и] в *пи́лй* обычно обладает большей громкостью, чем [и] в *пи́лй*).

Сложны отношения между ударением и длительностью гласного в русском языке. Нормально ударный гласный отличается от безударных своей большей длительностью. Этот признак и следует считать основным для ударного гласного сравнительно с безударным. Однако в особых случаях (например, в эмфатической речи, особенно насыщенной эмоциональной речью) ударный гласный может быть и короче безударного гласного, в особенности гласного 1-го предупдарного слога.

Следует отметить, что большая или меньшая длительность гласного в русском языке не используется в качестве фонологического средства, так как в нем нет такого фонетического положения, в ко-

¹ Здесь мы частью используем исследование Н. И. Жинкина „Восприятие ударения в словах русского языка“ („Известия АПН РСФСР“, вып. 54, 1954), представляющее, несмотря на некоторые спорные положения, большой научный интерес.

тором различались бы одни и те же гласные с большей или меньшей длительностью, т. е. где различалась бы долгота и краткость гласных.

Наконец, как показывают инструментальные исследования, ударный гласный может отличаться от безударных особым тембром.

Предполагают, что тембровые различия, связанные с ударностью и безударностью, образуются в нижней части надставной трубы (глотке) вместе с подвижным надгортанником.

Кроме рассмотренных признаков, ударный слог может отличаться от безударных и музыкальной стороной, т. е. изменением тона. Однако последнее зависит главным образом от места и роли слова в предложении, от того, является ли оно носителем тактового или фразового ударения, т. е. от факторов ритмико-интонационных и синтаксических, и тем самым не имеет прямого отношения к характеристике словесного ударения, как такового.

Способ выделения ударения, подобный тому, который представлен в русском языке, распространен во многих языках. Так он свойственен и ряду других славянских языков — белорусскому, украинскому, польскому, чешскому, болгарскому; он свойственен также немецкому и французскому языкам, из древних языков — латинскому.

Музыкальное ударение из славянских языков представлено в сербскохорватском и словенском языках; оно свойственно также японскому языку, из древних языков — древнегреческому и древнеиндийскому (санскриту).

ДОЛГОТА И КРАТКОСТЬ ГЛАСНЫХ

В разных языках существует различная связь между ударением и большей или меньшей длительностью слоговых звуков (обычно гласных).

В одних языках (например, русском) большая или меньшая длительность гласных зависит от их положения под ударением или без ударения. В одном и том же положении по отношению к ударению в этих языках не различаются гласные с большей и меньшей длительностью (т. е. долгие и краткие).

В других языках большая или меньшая длительность гласных не зависит от ударения. Таковы, например, французский и чешский языки, в которых как под ударением, так и без ударения могут быть гласные различной длительности — долгие и краткие. Возможность употребления долгих и кратких гласных в одном и том же фонетическом положении (например, в ударном слоге или в одном из безударных) делает различия гласных по длительности в этих языках фонетически не обусловленными, самостоятельными и потому используемыми для различения слов и грамматических форм. В этих языках различия гласных по длительности, вне сомнения, образуют фонологическую категорию долготы-краткости, служащую для различительных целей.

Например, в чешском языке слово *dráha*¹ (*дорога*) произносится [дрáһ]—с [а] долгим под ударением и [а] кратким в безударном слоге, а слово *drahá* (*дорогая*) произносится [дрáһа]—с [а] кратким под ударением и [а] долгим в безударном слоге. Приведем другие примеры чешского же языка: слово *býti* (*быть*) произносится [бй́тй]—с [й] долгим под ударением и с [й] кратким в безударном слоге, а слово *byti* (*бытие*) произносится [бй́тй]—с [й] кратким под ударением и с [й] долгим в безударном слоге. Слово *pás* с [а] долгим обозначает *пояс*, а слово *pas* с [а] кратким—*паспорт*; слово *pláč* с [а] долгим обозначает существительное *плач*, а слово *plač* с [а] кратким—форму повелительного наклонения *плачь*; слово *pilná* с долгим [а] в заударном слоге обозначает *прилежная*, а слово *pilna* с кратким [а] в том же слоге—*прилежна*; от слова *dub* (*дуб*) форма дат. п. ед. ч.—*důbi* с [у] кратким в заударном слоге, а форма род. п. мн. ч. *dubů*² с [у] долгим в том же слоге (произносится в первом случае [дў́бў], во втором—[дў́бу]). См. подобного рода примеры также в сербско-хорватском языке: от существительного *orač* (*пахарь*) форма род. п. ед. ч.—*orača* с [а] кратким в заударном конечном слоге, а форма род. п. мн. ч. *orača* с [а] долгим в том же слоге; от слова *žena* форма род. п. ед. ч. *žene* с [е] долгим в заударном конечном слоге, а в форме им. п. мн. ч. *žene* с [е] кратким в том же слоге. Различение этих слов сопровождается долготой или краткостью гласного в одном и том же слоге.

В русском языке нет и не может быть таких слов, в которых гласные по долготе и краткости различались бы, т. е. могли произноситься в одном и том же фонетическом положении как с большей, так и с меньшей длительностью; поэтому большая или меньшая длительность гласных не может быть в русском языке использована для различительных целей. Это означает, что русский язык не знает фонологической категории долготы-краткости гласных.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СТОРОНА УДАРЕНИЯ

Музыкальная сторона ударения, т. е. повышение и понижение тона, в одних языках самостоятельна и характеризует данное слово или форму, в связи с чем служит для различительных целей. Таковы, например, языки сербскохорватский, литовский, китайский. В других языках эти различия несамостоятельны, зависят от фонетических условий или связаны не со словом, как таковым, а с фразой, с ее ритмико-интонационной стороной, с синтаксической структурой. В этих языках различия в музыкальной стороне ударения,

¹ В чешской орфографии знак ' указывает на долготу. Ударение в чешском письме не ставится, так как оно всегда падает на начальный слог слова.

² Знаком ° над буквой и (й) в чешской графике обозначается долгота гласного и [у].

естественно, не могут различать звуковую оболочку слов и форм. Русский язык относится к числу последних.

Поясним эти два типа ударения примерами. В сербскохорватском языке изменение в музыкальной стороне ударного гласного может быть единственным различителем слов и форм. Например, *ндсу, граду*¹, произносимые с нисходящим ударением, т. е. понижающимся тоном, обозначают дательный падеж от слов *нос, град*, а в остальном созвучные с ними слова *ндсу, граду*², произносимые с восходящим ударением, т. е. повышающимся тоном, обозначают местный падеж от тех же слов. Другой пример: формой род. п. ед. ч. от слова *село* служит *сѣла* (под ударением краткий гласный [е] с восходящим тоном), а формой вин. п. мн. ч. *сѣла* (под ударением краткий гласный [е] с нисходящим тоном).

Ничего похожего не может быть в русском языке, так как музыкальная сторона ударения зависит в нем главным образом от места данного слова во фразе в связи с ее ритмико-интонационным и структурно-грамматическим членением, т. е. не связана со словом, как таковым. Поэтому в русском языке музыкальные различия ударного гласного не существенны для словесного ударения и не используются для различения слов и форм.

Ударение, в котором различия его музыкальной стороны самостоятельны и могут сами по себе различать звуковую оболочку слов и форм, называется *политоническим* в отличие от ударения *монотонического*, в котором изменение тона в этой функции не используется³. Таким образом, в русском языке ударение монотоническое в отличие, например, от сербскохорватского языка, где ударение политоническое.

При политоническом ударении могут различаться несколько разных по тональной стороне видов ударения (например, восходящее, нисходящее, ровное, высокое, низкое и т. д.).

РАЗНОМЕСТНОСТЬ УДАРЕНИЯ

В русском языке ударение *разноместное*, иначе *свободное*, т. е. место его не фиксировано, оно не прикреплено к одному какому-либо слогу слова (например, к начальному или конечному) или к определенной части слова (например, к основе или окончанию): оно может падать на любой слог слова и на разные его морфологические элементы. Это видно из таких примеров, как *сто́лик, де́вочка, вы́вел; мор́ожное, берѐза, спалá, дела́ми, белова́тый, молоко́,*

¹ В сербской орфографии знаки " и ^ обозначают соответственно краткое и долгое нисходящее ударение.

² В сербской орфографии знаки ' и ^ обозначают соответственно краткое и долгое восходящее ударение.

³ Монотоничность ударения не следует понимать как монотонность. Монотоничность ударения обозначает лишь то, что изменения тона при таком ударении характеризуют не слово или форму, как таковые, а по преимуществу фразу, т. е. более крупные отрезки речи.

приве́ла; пере́дава́ла, пере́мы́л; сторожево́й, учите́ль; перепрода́вали, реорганизовáли. В этих словах ударение падает на разные слоги (от первого до шестого) и на разные его морфологические элементы (на корень, приставку, суффикс, окончание).

В противоположность этому в ряде других языков место ударения фиксировано и ударение прикреплено к определенному слогу слова. Такое ударение в отличие от разноместного, свободного можно назвать фиксированным, иначе связанным. Фиксированное ударение мы находим, например, в чешском, латышском, эстонском, финском языках, где оно всегда падает на начальный слог слова, в польском и грузинском, где оно падает на предпоследний слог, в армянском, где оно падает на последний слог слова.

Разноместность ударения в русском языке является важным фонологическим средством: она служит для различения разных слов. Достаточно различия в месте ударения, чтобы созвучные слова различались по смыслу. В одних случаях местом ударения различаются два слова, каждое со всеми своими грамматическими формами, например: му́ка и мука́, за́мок и замо́к, хло́пок и хлопóк, орга́н и о́рган, а́тлас и атла́с, сво́йство и сво́йство, па́рить и па́рить; ср.: му́ка — мука́, му́ки — му́ки, му́ке — муке́, му́ку — муку́, му́кой — мукой; па́рю — па́рю, па́ришь — па́ришь, па́рит — па́рит, па́рил — па́рил и т. д. В других случаях местом ударения различаются лишь некоторые формы двух слов, например: пи́ща, пи́щу и пища́ (деепричастие), пи́щй (пов. накл.), пи́щю (1-е л. ед. ч.); другие формы этих слов не созвучны; ср.: пи́щей, с одной стороны, и пища́ть, пища́л — с другой. Еще примеры: бе́лок, бе́лка, бе́лку и бе́лок, бе́лка, бе́лку, но другие формы этих слов не созвучны; ср.: бе́лком от бе́лок и бе́лкой от бе́лка; кро́ю, кро́еши, кро́ет, кро́ем, кро́ете (от кро́ить, произносится [крóиш], [крóит], [крóим], [крóит'ь]) и кро́ю, кро́иши, кро́ит, кро́им, кро́ите (от кро́ить), но другие формы этих слов не созвучны; ср.: кро́ить, кро́ил и кро́ить, кро́ил; наре́зать, наре́зал и наре́зать, наре́зал, но другие формы этих слов не созвучны; ср.: наре́жу, наре́жешь, наре́жь (от наре́зать) и наре́жаю, наре́заешь, наре́зай (от наре́зать); Ма́шина, Ма́шину, Ма́шин и ма́шина, ма́шину, ма́шин; са́мого, са́мому и само́го, само́му; па́ры, па́рам, па́рами, па́рах и па́ры, па́рам, па́рами, па́рах. Во многих случаях местом ударения отличаются лишь отдельные формы двух слов, т. е. одна форма данного слова от одной формы другого слова, например: пи́ли и пи́ли, ме́ли (сущ.) и ме́ли (пов. накл.), па́ли (прош. вр.) и па́ли (пов. накл.), ви́на (им. п. мн. ч.) и ви́на (им. п. ед. ч.), стё́кла (им. п. мн. ч.) и сте́кла (прош. вр.), су́шу (вин. п.) и су́шу (1-е л. ед. ч.), ту́шу (вин. п.) и ту́шу (1-е л. ед. ч.), сту́жу (вин. п.) и сту́жу (1-е л. ед. ч.), но́шу и но́шу, ло́влю и ло́влю, пла́чу (от пла́кать) и пла́чу (от плати́ть), ро́ясь (от ро́иться) и ро́ясь (от рои́ться), мо́ю (1-е л. ед. ч.) и мо́ю (вин. п. от моя), зво́нок и зво́нок, зна́ком и зна́ком. В некоторых случаях неизменяемое слово местом ударения отличается от одной из форм другого — изменяемого слова (напри-

мер, *потом* и *пóтом* — твор. п. ед. ч.) или различаются неизменяемые слова (*уже* — сравнительная степень наречия и *ужё*). Естественно, что в языках с постоянным, фиксированным местом ударения последнее не может быть средством различения разных слов.

Разноместность ударения делает ударение в русском языке и н д и в и д у а л ь н ы м признаком каждого отдельно взятого слова. Каждому слову свойственно ударение на том или ином слоге: одному на первом слоге (*зòлото*), другому на втором (*болóто*), третьему на третьем (*воронóй*) и т. д. В связи с этим место ударения, являясь признаком данного слова, тем самым относится к сфере лексики — к числу средств, служащих для дифференциации слов.

При разноместности ударения изменение места ударения в принципе должно дать другое слово (примеры см. выше) или другую форму слова (о чем сказано ниже). Так это и бывает в большей части случаев. Однако в некоторых случаях отмечаются колебания в месте ударения, т. е. такие различия в месте ударения, которые не имеют различительной функции. Это свидетельствует об отсутствии в ряде случаев единой нормы и объясняется сложностью словарного состава литературного языка, взаимодействием последнего с различными диалектами, которые имеют некоторые особенности в месте ударения, а также освоением слов иноязычного происхождения, без которого не обходится развитие ни одного литературного языка.

Л и т е р а т у р н ы й язык стремится и з б е ж а т ь к о л е б а н и й. При наличии их один из вариантов санкционируется как соответствующий норме, другой изгоняется как неправильный, диалектный (например, *положил, облёгчить* при правильном *положил, облеги́ть*), жаргонный (например, *миллиметр, добыча* при правильном *миллиме́тр, добы́ча*), просторечный (например, *красивее, звонишь, молодежь, магазин* при правильном *красиве́е, звони́шь, молодё́жь, магази́н*).

Если же почему-либо сохраняются оба варианта, то они стремятся дифференцироваться в лексическом, грамматическом или в стилистическом отношении.

Приведем несколько примеров лексической дифференциации первоначально одного и того же слова с различением в месте ударения.

Например, слова *хаос* и *хабс* греческого происхождения, имеют в современном русском литературном языке разное значение: *хаос* — 'стихия, якобы существовавшая до возникновения мира, земли с ее жизнью' ¹; *хабс* — 'беспорядок, неразбериха' ². Другие примеры: *атлас* — 'собрание географических карт' и *атла́с* — 'ткань'; *брóня* — 'закрепление чего-нибудь за кем-нибудь' и *бро́ня* — 'защитная стальная обшивка'; *ле́дник* ('погреб со снегом или льдом') и *ледни́к* ('глетчер'); *мокрóта* — 'слизистое выделение' и *мокротá* — 'сырость'; *остротá* — существительное к *о́стрый* и *остро́та* — 'остроумное выражение'; *угольнóй* — прилагательное к

¹ См. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, изд. 9, стр. 796.

² Там же.

голь и *угольный* — прилагательное к *угол*; *хлопок* — техническая культура и *хлопок* — 'короткий удар'; *планировать* — 'составлять план', а также — 'плавно лететь, снижаясь'; *планировать* — 'действовать чего-нибудь согласно плану'; *парить* — 'подвергать раскрытых крыльях'. Слова *пахнуть* и *пахнуть* также приобрели разное значение: *пахнуть* — 'издавать запах', *пахнуть* — 'повеять чем-нибудь'. Стремятся к лексической дифференциации также слова *квартал* и *квартал*. Первое из них входит в состав литературного языка, второе — во внелитературное просторечие. Последнее, пробиваясь в литературный язык, нередко употребляется во временном значении (*первый квартал этого года*) в отличие от слова *квартал*, сохраняющегося в пространственном значении (*пройти два квартала*). Впрочем, слово *квартал* (с ударением на первом слоге) не может быть признано литературным даже только во временном значении.

В качестве примера грамматической дифференциации первоначально одного и того же слова в связи с различием в месте ударения можно указать на *мало* и *мало*: в роли наречия употребляется только *мало* (например, *он мало пишет*), в качестве же краткого прилагательного единственного числа среднего рода употребляется как *мало*, так и *мало*. Намечается подобного рода дифференциация и в словах *широко*, *глубоко*, *далеко* и *широко*, *глубоко*, *далеко*. В качестве наречий в современном русском литературном языке преимущественно употребляются слова *широко*, *глубоко*, *далеко* (ср.: *он широко образован, ты глубоко не прав, далеко не последнее место*); в качестве же кратких прилагательных единственного числа среднего рода чаще употребляется *широко*, *глубоко*, *далеко* (ср.: *платье широко, поле далеко, море широко и платье широко, поле далеко, море широко*).

В некоторых случаях колебания в ударении, не создавая нового значения, вызывают к жизни пары слов, из которых одно имеет ту или иную особую стилистическую окраску, а другое лишено ее, в стилистическом отношении нейтрально.

Таковы, например, некоторые слова народно-поэтического происхождения, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка местом ударения. Ср., например, слова *молодец*, *девица*, *серебро*, *честной*, *милый*, *шелковый*, *сахарный*, *богатырь*, имеющие особый народно-поэтический колорит, и соответствующие стилистически нейтральные слова литературного языка: *молодец*, *девица*, *серебро*, *честный*, *милый*, *шелковый*, *сахарный*, *богатырь*.

Таковы также некоторые пары слов, одно из которых имеет книжно-архаическую окраску (при нейтральности в стилистическом отношении другого); ср., например, слова *начатый*, *избранный*, *венчаный*, *служащий*, *хвалящий*, *любящий* в современном русском литературном языке с ударением на первом слоге, которые при переносе ударения на второй слог приобретают характер архаизмов: *начатый*, *избранный*, *венчаный*, *служащий*, *хвалящий*, *любящий*.

Наконец, в тех случаях, когда по тем или иным причинам колебание в ударении сохраняется, а смысловая дифференциация отсутствует, появляется то, что можно назвать *нейтрализацией ударения* как средства различения звуковых оболочек разных слов. Различия в месте ударения в таких случаях теряют всякое значение. Ср.: *твóрог* и *творóг*, *и́наче* и *и́на́че*, *прóбили* и *прóбл*, *о́бух* и *обфх*.

Ввиду разноместности русского ударения, чтобы знать место ударения в каждом данном слове, надо знать само это слово.

В тех случаях, когда русский язык является родным, правильность ударения слов (т. е. место его) до известной степени обеспечивается традицией, с детства усвоенными языковыми нормами. Однако это относится прежде всего к слою общепотребительной и часто употребляемой лексики. Что же касается слов мало употребляемых и вновь усваиваемых говорящими, то в них делают ошибки и лица, родной язык которых является русским.

В тех же случаях, когда русский язык не является родным, возможность ошибок в месте ударения значительно увеличивается. Они становятся возможными чуть ли не во всех неодносложных словах, так как отсутствуют твердые правила, которые могли бы объяснить, в каких случаях ударение падает на первый слог слова, в каких — на второй и т. д.

УДАРЕНИЕ ПОДВИЖНОЕ И НЕПОДВИЖНОЕ. ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА УДАРЕНИЯ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ФОРМ СЛОВА

Трудности русского ударения не только для нерусских, изучающих русский язык, но также и для русских далеко не исчерпываются его разноместностью.

Разноместное ударение русского языка в одних категориях слов бывает *неподвижным*, т. е. при образовании грамматических форм слова остается на одном и том же месте, а в других *подвижным*, т. е. при образовании разных грамматических форм данного слова переносится с одного слога на другой, с одной части слова на другую. Ср. разные формы двух таких слов, как *глупость* и *голова*: *глупо́сть*, *глупо́сти*, *глупо́стью*, *глупо́стей*, *глупо́стям*, *глупо́стях* и *голо́ва*, *голо́вы*, *го́лову*, *го́лов*.

Приведем другие примеры: *берегу́*, *бережёшь*, *бережёт*, *бережём*, *бережёте*, *берегут* (неподвижное ударение) и *могу́*, *можешь*, *можем*, *можете*, *могут* (подвижное ударение); *у́мён*, *у́мна*, *у́мно*, *у́мны* (неподвижное ударение) и *сме́л*, *сме́ла*, *сме́ло*, *сме́лы* (подвижное ударение).

Подвижность ударения при формообразовании, т. е. его перенос при образовании грамматических форм слова с одного слога на другой, мы назовем *формообразовательным подвижным ударением*. Формообразовательное подвижное ударе-

ние представляет собой в русском языке добавочное, вспомогательное грамматическое средство, сопровождающее основное средство образования грамматических форм — аффиксацию. Таким образом, разные формы слова, отличаясь друг от друга разными аффиксами (большей частью флексиями), могут в то же время отличаться также местом ударения: например, винительный падеж от существительного *голова* образуется флексией *-у* при одновременном переносе ударения с окончания на основу: *го́лову*.

Подвижность ударения как средство различения грамматических форм необходимо отличать от тех случаев, когда перенос ударения обусловлен определенными внешними причинами.

Так, например, если одна из форм слова, имеющего постоянное ударение на окончании, образуется без окончания, то, естественно, в этой форме ударение окажется на основе. В подобных случаях перенос ударения, так сказать, вынужденный, обусловленный отсутствием флексии. Поэтому следует считать слово *полк* имеющим неподвижное ударение, хотя оно в именительном падеже единственного числа, в отличие от остальных падежных форм, падает на основу (ср.: *по́лк, полка́, полку́, полко́м*); то же можно сказать о словах *кот, бык, сноп* и т. д. Точно так же можно считать, что слова *ме́сто, де́ло* имеют во множественном числе неподвижное ударение, хотя в родительном падеже, в отличие от остальных падежных форм множественного числа, эти слова имеют ударение на основе (так как отсутствует флексия): *ме́ста, ме́ст, ме́стам, ме́стами, ме́стах; де́ла, де́л, де́лам, де́лами, де́лах*. Неподвижное ударение имеют также глаголы *не́сти, пе́чь* в формах прошедшего времени (*не́с, не́сда, не́сло, не́сли; пе́к, пе́кла, пе́кло, пе́кли*), хотя в форме мужского рода, где отсутствует флексия, ударение падает на основу.

Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное.

Естественно, что в языках с фиксированным местом ударения последнее не может быть средством различения грамматических форм.

Иллюстрируем на примерах разных частей речи грамматическую роль формообразовательного подвижного ударения в русском языке как добавочного вспомогательного средства различения грамматических форм.

Например, единственное и множественное число у существительных, как известно, образуется при помощи различной для каждого из чисел системы флексий; ср.: *сто́л, стола́, столу́, столо́м и столы́, столо́в, стола́м, стола́ми*. Но у некоторых существительных формы единственного числа в целом отличаются от форм множественного числа, кроме того, еще местом ударения. У некоторых существительных ударение в единственном числе падает на основу, а во множественном — на окончание. Таково, например, слово *го́род*: *го́рода, го́роду, го́родом, в го́роде*, но *города́, городо́в, города́м, города́ми, в*

городах; слово *поле*: *по́ле, по́ля, по́лю, по́лем, в по́ле, но по́ля, по́лей, по́лям, по́лями, в по́лях*. Таковы, например, слова: *сто́рож, го́лос, бе́рег, дуб, луг, край, па́рус, о́стров, учи́тель, нос, воз, долг, сто́г, пар, шар, по́езд, по́яс, рог, дар, чай, по́греб, глаз, сад, бор, пол, зять, муж, бал, бас, рой, ряд, пуд, торг, сло́во, пра́во, де́ло, те́ло, облако, мо́ре*¹.

У других существительных, наоборот, в единственном числе ударение падает на окончание, а во множественном числе — на основу. Таковы, например, слова: *пятно́, окно́, а также се́дло, ве́сло, крыло́, зерно́, сте́кло, колесо́, ядро́, бревно́, село́, перо́, сукно́, вино́, ведро́, копы́е, ружье́, гнездо́, лицо́, бедро́, решето́, долото́*. Ср.: *пятно́, пятна́, пятну́, пятно́м, в пятне́, но пятна́, пятен, пятнам, пятнами, в пятнах*; или *окно́, окна́, окну́, окном, в окне́, но окна́, окон, окнам, окнами, в окнах*.

У ряда существительных в формах единственного числа и в именительном падеже множественного числа ударение падает на основу, а в остальных формах множественного числа — на окончание. Таковы, например, слова *ка́мень, часть, волк, зверь, собо́ль, лебе́дь, го́лубь, но́готь, ко́готь, ло́шадь, мать, смерть, масть*. Ср.: *ка́мень, ка́мня, ка́мню, ка́мнем, в ка́мне, а также ка́мни, но ка́мней, ка́мням, ка́мнями, в ка́мнях*.

Ряд существительных, имеющих вообще в единственном числе ударение на основе, образует особую форму предложного падежа с переносом ударения на окончание. Таковы, например, слова: *бе́рег, бок, сто́г, глаз, нос, бор, пол, снег, ряд, пост, дверь, степь, кровь, кость, ночь, тень, край, рай, бой*. Ср.: *на бере́гу и о бе́реге, в бо́ку и о бо́ке, в сто́гу и о сто́ге, в глазу́ и о гла́зе, в носу́ и о но́се, в бо́ру и о бо́ре, в сне́гу и о сне́ге, в ря́ду и о ря́де, на по́сту и о по́сте, в д́вери и о д́вери; в степи́ и о степи́, в кро́ви и о кро́ви, в ко́сти и о ко́сти, в но́чи и о но́чи, в теня́х и о теня́х, в кра́ю и о кра́е, в ра́ю и о ра́е, в бо́ю и о бо́е*.

Многие существительные женского рода на *-а*, имеющие во всех падежах единственного числа, кроме винительного, ударение на окончании, образуют форму винительного падежа с переносом ударения на основу. Таковы, например, слова: *нога́, вода́, рука́, щека́, гора́, доска́, спина́, зима́, душа́, стена́, земля́*. Ср.: *нога́, ноги́, ногё, ногой, но но́гу, а также во́ду, ру́ку, щёку, го́ру, до́ску, спя́ну, зя́му, ду́шу, сте́ну, зе́млю*. Таковы также слова с полногласными сочетаниями: *борода́, голова́, сторона́*, переносящие в винительном падеже единственного числа ударение с окончания на первый слог основы; ср.: *сторона́, стороны́, сторонё, стороной, но сто́рону, а также боро́ду, го́лову*.

Подвижное ударение имеют и многие глаголы.

¹ Впрочем, некоторые из этих слов муж. р. могут иметь и подвижное ударение: в предложном падеже с неподвижным ударением (на основе) при флексии *-е* имеется также форма на *-у* с ударением на флексии; ср.: *о лу́ге и на лу́гу, о са́де и в са́ду, о ба́ле и на ба́лу* и т. д.

Если в 1-м лице единственного числа ударение падает на основу, то личные формы этого глагола имеют ударение неподвижное. Таковы, например, глаголы *мóю, знáю, плáчу, стрóю, вíжу, слýшу: мóю, мóеши, мóет, мóем, мóете, мóют*. Если же в 1-м лице единственного числа ударение падает на окончание, то по наличию или отсутствию движения ударения в личных формах различаются два типа — глаголы с неподвижным ударением на окончании и глаголы с подвижным ударением. Неподвижное ударение имеют, например, глаголы *несу́, веду́, плету́, гребу́, секу́, берегу́, солю́, кричу́, молчу́, кормлю́: несёу, несёши, несёт, несём, несёте, несут*. При наличии подвижного ударения последнее падает в 1-м лице единственного числа на окончание, а в остальных личных формах на основу. Подвижное ударение в личных формах имеют личные глаголы как I, так и II спряжения. К их числу относятся, например, глаголы *варю́, крошу́, кошу́, куплю́, коплю́, ловлю́, люблю́, прошу́, плачу́, возжу́ (от вози́ть), возжу́ (от води́ть), сижу́, служу́, учу́; колю́, порю́, мелю́, терплю́, дремлю́, пишу́, пляшу́, пашу́, скажу́, скачу́, ищу́, плещу́*. Ср.: *прошу́ — про́сишь, про́сит, про́сим, про́сите, про́сят; колю́ — ко́лешь, ко́лет, ко́лем, ко́лете, ко́лют*.

У глаголов II спряжения с подвижным ударением в личных формах форма 2-го лица множественного числа настоящего-будущего времени отличается от соответствующей формы повелительного наклонения только ударением. Ср.: *про́сите — проси́те, ходи́те — ходи́те, купи́те — купи́те* и т. д. У глаголов же с неподвижным ударением на личном окончании эти формы совпадают: *со́лите, звони́те, сиди́те, ле́тите, ве́лите, молчи́те* и т. д. — представляют собой формы множественного числа как настоящего-будущего времени, так и повелительного наклонения.

Некоторые глаголы имеют колеблющееся ударение — подвижное и неподвижное на окончании, например: *возбу́жу, возбу́дишь, возбу́дит, возбу́дим, возбу́дите, возбу́дят* и *возбу́жу, возбу́дишь, возбу́дит, возбу́дим, возбу́дите, возбу́дят*. В ряде случаев неподвижное ударение на окончании хотя и встречается рядом с подвижным, но носит несколько устарелый (или диалектный) характер; ср.: от *качу́ — ка́тишь* и *кати́шь*, от *верчу́ — ве́ртишь* и *верти́шь*; особенно заметен устарелый характер в таких случаях, как *да́ришь, ва́ришь* при обычном *да́ришь, ва́ришь*.

На почве взаимодействия между описанными двумя типами места ударения в личных формах глаголов, а также в связи с колебаниями в некоторых глаголах появляется неправильное ударение — подвижное вместо правильного неподвижного на окончании — в таких случаях, как *пригласи́шь* и т. д. (вместо *пригласи́шь*) при *пригла́шу* и особенно часто *звони́шь* и т. д. (вместо *звони́шь*) при *звоню́*. Заметим, что это приводит к различению формы 2-го лица множественного числа настоящего-будущего времени (*звони́те* при правильном *звони́те*) и повелительного наклонения (*звони́те*).

В форме прошедшего времени по месту ударения различаются три группы глаголов — глаголы с неподвижным ударением на осно-

ве: *чита́л, чита́ла, чита́ло, чита́ли*; глаголы с неподвижным ударением на окончании (конечно, кроме формы ед. ч. муж. р., где окончание отсутствует): *ве́л, вела́, ве́ло, ве́ли*; *прине́с, принесла́, принесло́, принесли́*; глаголы с ударением на основе во всех формах, кроме формы единственного числа женского рода, и с переносом ударения на окончание в этой последней форме: *бра́л, бра́ла, бра́ло, бра́ли*; *про́дал, прода́ла, про́дало, про́дали*.

Глаголы этой последней группы хотя и довольно многочисленны, но являются непродуктивными (т. е. относятся к таким типам, по образцу которых не образуются вновь появляющиеся в языке глаголы). В силу своей непродуктивности они представляют большие практические затруднения.

Приведем наиболее употребительные глаголы этой группы: *бра́л, бра́ла, бра́ло, бра́ли*; *бы́л, бы́ла, бы́ло, бы́ли*; *взя́л, взя́ла, взя́ло, взя́ли*; *ви́л, ви́ла, ви́ло, ви́ли*; *вня́л, вня́ла, вня́ло, вня́ли*; *вра́л, вра́ла, вра́ло, вра́ли*; *гна́л, гна́ла, гна́ло, гна́ли*; *да́л, да́ла, да́ло, да́ли*; *до́нял, до́няла, до́няло, до́няли*; *дра́л, дра́ла, дра́ло, дра́ли*; *жи́л, жи́ла, жи́ло, жи́ли*; *за́нял, за́няла, за́няло, за́няли*; *зва́л, зва́ла, зва́ло, зва́ли*; *ли́л, ли́ла, ли́ло, ли́ли*; *на́нял, на́няла, на́няло, на́няли*; *на́чал, нача́ла, нача́ло, нача́ли*; *отня́л, отня́ла, отня́ло, отня́ли*; *плы́л, плы́ла, плы́ло, плы́ли*; *подня́л, подня́ла, подня́ло, подня́ли*; *по́нял, по́няла, по́няло, по́няли*; *приня́л, приня́ла, приня́ло, приня́ли*; *рва́л, рва́ла, рва́ло, рва́ли*; *сва́л, сва́ла, сва́ло, сва́ли*; *спя́л, спя́ла, спя́ло, спя́ли*.

Мы привели глаголы бесприставочные (или имеющие в настоящее время слабо выделяемые или совсем невыделяемые приставки; например, *по́нял, нача́ть, взять*). Соответствующие приставочные глаголы (кроме глаголов с приставкой *вы-*) большей частью также имеют подвижное ударение с переносом его на окончание в форме единственного числа женского рода. Ср.: *бра́л, бра́ла, бра́ло, бра́ли* и *собра́л, собралá, собра́ло, собра́ли*; *да́л, да́ла, да́ло, да́ли* и *за́дал, задалá, за́дало, за́дали*; *плы́л, плы́ла, плы́ло, плы́ли* и *приплы́л, приплы́ла, приплы́ло, приплы́ли*; *спя́л, спя́ла, спя́ло, спя́ли* и *поспа́л, поспалá, поспа́ло, поспа́ли*.

Приставка *вы-*, придающая обычно глаголу значение совершенного вида, перетягивает на себя ударение, поэтому глаголы совершенного вида с этой приставкой имеют неподвижное ударение. Ср.: *бра́л, бра́ла, бра́ло, бра́ли* и *выбра́л, выбра́ла, выбра́ло, выбра́ли*, а также *выжда́л, выплати́л, выгна́л, вы́жил, вы́был, вы́лил, вы́думал, вы́крутил, вы́просил, выбели́л, вы́тряс* и т. д. ¹.

Глаголы прошедшего времени с возвратной частицей *-ся (-сь)* в некоторых случаях имеют ударение такое же, как и соответствующие глаголы без возвратной частицы; ср.: *назва́л, назва́ла, назва́ло, назва́ли*.

¹ Впрочем, соединяясь с определенными глаголами, приставка *вы-* сохраняет значение несовершенного вида, и тогда она не перетягивает на себя ударение. Например: *но́сить* — *выно́сить*, *води́ть* — *выводи́ть*, *вози́ть* — *вывози́ть*. Ср. разные по значению глаголы: *выно́сить* — *выношу́* (несов. вид) и *выно́сит* — *выношу́* (сов. вид).

и назывался, называлась, называлось, назывались. Но в ряде глаголов разговорного языка ударение может переноситься на частицу *-ся* в единственном числе мужского рода и еще чаще на гласные окончания перед частицей *-ся* в других формах. Ср.: *брал, бралá, бра́ло, бра́ли*, но *собрáлся* или *собрался́, собралась́, собра́лось* или *собра́лись*, *собрались́* или *собралисьь*; *был, была́, было, были́*, но при формах *сбы́лся, сбы́лась* — *сбы́лось, сбы́лись*; *взял, взяла́, взяло, взяли́*, но *взя́лся или взя́лся, взя́лась, взя́лось или взя́лось, взяли́сь или взяли́сь*; *снял, сняла́, сняло, сняли́* и *сня́лся, сня́лась, сня́лось, сня́лись*; *приня́л, приня́ла, приня́ло, приня́ли* и *приня́лся, приня́лась, приня́лось*.

Перенос ударения с основы на окончание единственного числа женского рода на *-а* наблюдается не только в форме прошедшего времени, но также и в кратких страдательных причастиях прошедшего времени. Ср.: *взят, взята́, взято, взяты́; продан, продана́, продано, проданы́; начат, начата́, начато, начаты́; принят, принята́, принято, приняты́; прожит, прожита́, прожито, прожиты́*.

В ряде глаголов наблюдаются различия в месте ударения в формах прошедшего времени и действительных и страдательных причастий прошедшего времени, например: форма прошедшего времени (в ед. ч. муж. р.) и страдательное причастие прошедшего времени имеют ударение на приставке, а действительное причастие — на тематической или суффиксальной гласной. Ср.: *нача́л, нача́тый*, но *нача́вший, приня́л, приня́тый*, но *приня́вший; на́лил, на́литый*, но *нали́вший; прибýл, прибýвший*; или форма прошедшего времени и действительное причастие имеют ударение на тематической или суффиксальной гласной, а страдательное причастие — на приставке: *взорва́л, взорва́вший*, но *взорва́нный; содра́л, содра́вший*, но *содра́нный; согна́л, согна́вший*, но *согна́тый; замкну́л, замкну́вший*, но *замкну́тый; заткну́л, заткну́вший*, но *заткну́тый*.

Краткие прилагательные, у которых в основе — суффикс (кроме суффиксов *-н-, -л-, -к-, -ок-*), обычно имеют неподвижное ударение; например: *серебри́ст, серебри́ста, серебри́сто, серебри́сты; пискли́в, пискли́ва, пискли́во, пискли́вы; серова́т, серова́та, серова́то, серова́ты*. Другие краткие прилагательные (без суффиксов в основе или с суффиксами *-н-, -л-, -к-, -ок-*) обычно имеют подвижное ударение — на первом слоге основы во всех формах, кроме единственного числа женского рода, и на окончании в женском роде; например: *гру́б, гру́ба, гру́бо, гру́бы; горд, горда́, гордо, горды́; весел, весела́, весело, весе́лы; зеле́н, зелена́, зеле́но, зеле́ны; дешев, дешева́, дешево, дешевы́; глух, глуха́, глу́хо, глу́хи; густ, густа́, гу́сто, гу́сты; жив, жива́, живо, живы́; добр, добра́, добро, добры́; прав, права́, пра́во, пра́вы; пуст, пуста́, пу́сто, пу́сты; туп, тупа́, ту́по, ту́пы; сыт, сыта́, сы́то, сы́ты; молод, молодá, молодо, молоды́; дорог, дорога́, дорого, доро́ги; долог, долга́, дол́го, дол́ги; крото́к, кротка́, крото́ко, крото́ки; кре́пок, крепка́, кре́пка, кре́пки; ре́док, редка́, ре́дко, ре́дки; горек, горька́, горько, горьки́; бое́к, бойка́, бойко, бойки́; тесен, тесна́, тесно, тесны́; вре́ден, вредна́, вре́дно, вре́дны; све́тел, светла́, све́тло, све́тлы; кисел, кисла́, ки́сло, ки́слы*.

В ряде случаев в среднем роде возможно двойное ударение: *бѣло* и *белѡ*, *пѡлно* и *полнѡ*, *пѣяно* и *пѣянѡ*, *ѡстро* и *острѡ*, *мѡло* и *малѡ*, *стѡро* и *старѡ*, *высѡко* и *высокѡ*, *ширѡко* и *широкѡ*, *далѣко* и *далекѡ*, *глубѡко* и *глубокѡ*. В тех случаях, когда в среднем роде возможно двойное ударение, последнее возможно и во множественном числе; ср.: *бѣлы* и *белыѣ*, *пѡльны* и *полныѣ*, *пѣяны* и *пѣяныѣ*, *ѡстры* и *острыѣ*, *мѡлы* и *малыѣ*, *стѡры* и *старыѣ*, *далѣки* и *далекыѣ*, *глубѡки* и *глубокыѣ* и т. д.

В некоторых случаях двойное ударение представлено во множественном числе при ударении на основе в среднем роде: *видны* и *видныѣ* (ср.: *видно*), *мѣлы* и *милыѣ* (ср.: *мѣло*), *нужны* и *нужныѣ* (ср.: *нужно*), *крупны* и *крупныѣ* (ср.: *крупно*).

В отдельных случаях с различиями в ударении кратких прилагательных связано разное значение. Например, от прилагательного *великий* в значении 'выдающийся', 'имеющий особенно большую ценность' употребляются краткие формы *велик*, *велика*, *велика*, *велики*; формы *велик*, *велика*, *велико*, *велики* употребляются в значении 'больше, чем нужно' (*комната для меня в е л и к ѡ*, *ботинки в е л и к ѡ*). Характерно, что в этом значении полная форма не употребляется.

Отсутствие четких критериев для разграничения разных типов ударения в кратких формах прилагательных (неподвижного на окончании, неподвижного на основе, подвижного) ведет к их смешению между собой и к многочисленным неправильностям, некоторые из которых постепенно закрепляются в литературном языке, переставая тем самым быть неправильностями. Особенно часто встречаются случаи переноса ударения на окончание в форме множественного числа, причем одни из них безусловно приходится считать противоречащими норме литературного языка, т. е. неправильными (например, *вы правы*, *глухи*, *блѣдны*, *глупы*), а другие постепенно укрепляются в литературном языке, употребляясь наряду со старой нормой (например, *добры*, ср. в выражении *будьте д о б р ы*; *мы д р у ж н ы*, *с и л ь н ы*).

От двусложных прилагательных (т. е. с односложной основой, например, *новѣй*, *сильный*, *свѣтлый*) с ударением на основе, образующих сравнительную степень с суффиксом *-ее* (*-ей*), ударение в сравнительной степени переносится на первый слог этого суффикса; ср.: *новѣй* — *новѣе*, *бѣлый* — *белѣе*, *глупѣй* — *глупѣе*, *милѣй* — *милѣе*, *смѣлѣй* — *смелѣе*, *жѣлтый* — *желтѣе*, *дѡбрый* — *добрѣе*, *умный* — *умнѣе*, *сильный* — *сильнѣе*, *тѡчный* — *точнѣе*, *скучный* — *скучнѣе*, *страшный* — *страшнѣе*, *пѡздний* — *позднѣе*, *свѣтлый* — *свѣтлее* и т. д.

Выше было отмечено, что формообразовательное подвижное ударение в русском языке является добавочным грамматическим средством, сопровождающим аффиксацию как основное средство образования грамматических форм. Однако следует отметить, что формообразовательная подвижность ударения в настоящее время в современном русском литературном языке представляет собой

явление непродуктивное, остаточное, реликтовое. Оно восходит к очень древним временам и косвенно отражает старую систему славянского ударения — ударения политонического и различающего долготу-краткость гласных. Непродуктивность подвижного формообразовательного ударения в современном русском литературном языке очевидна хотя бы потому, что оно бывает, например, у части имен существительных, обычно непроезженных и очень старых (большая часть восходящих к праславянской эпохе), в то время как у имен существительных производных, имеющих суффиксы, как правило, бывает ударение неподвижное. Ср.: *вода* — *воду* — *водды* и *водичка* — *водичку* — *водичке*; *нога* — *ногу* — *ноги* и *ножка* — *ножку* — *ножки*; *зерно* — *зерна* — *зёрна* и *зёрнышко* — *зёрнышка* — *зёрнышки*; *зверь* — *звёра* — *зверей* и *зверёк* — *зверька* — *зверьки*; *нос* — *носа* — *в носу* и *носок* — *носика* — *в носике*.

Выше было отмечено, что от прилагательных с односложной основой и ударением на гласном основы сравнительная степень с суффиксом *-ев (-ей)* образуется при одновременном переносе ударения на первый слог суффикса. Производные прилагательные с суффиксом, составляющим слог, образуют сравнительную степень с суффиксом *-ее (-ей)* без переноса ударения на гласный суффикса. Ср.: *глупый* — *елупев* и *глуповатый* — *глуповатее*, *зелёный* — *зеленее* и *зеленоватый* — *зеленоватее*. Вообще производные прилагательные с суффиксами, составляющими слог, имеют неподвижное ударение при образовании сравнительной степени. Об этом свидетельствуют не только приведенные примеры, но и такие случаи, как *лесистый* — *лесистее*, *глазастый* — *глазастее*, *ворчливый* — *ворчливее*, *костлявый* — *костлявее*, *водянистый* — *водянистее*, *революционный* — *революционнее*.

Суффиксальные производные глаголы на *-ировать*¹, в значительной своей части иноязычного происхождения, имеют постоянное, неподвижное ударение на первом гласном суффикса; например: *асфальтировать*, *цементировать*, *агитировать*, *пропагандировать*, *активизировать*, *резервировать*, *телеграфировать*, *военизировать*, *проинизировать*. Ср.: *асфальтировать*, *асфальтировал*, *асфальтировавший*, *асфальтированный*, *асфальтирую*, *асфальтирую*. Напротив, суффиксальные производные глаголы на *-ствовать* и *-ничать* имеют постоянное, неподвижное ударение на корне: *злобствовать*, *упорствовать*, *бедствовать*, *царствовать*, *действовать*, *учительствовать*, *актёрствовать*, *лакёрствовать*; ср.: *действовать*, *действовал*, *действовавший*, *действую*, *действую*.

Сапожничать, *плотничать*, *разбойничать*, *сплетничать*, *лодырничать*, *кокётничать*, *столярничать*, *самоварничать*; ср.: *сапожничать* — *сапожничал* — *сапожничавший* — *сапожничая* — *сапожничай*.

¹ Глаголы на *-овать* (в том числе и на *-ировать*) имеют ударение подвижное — в формах, образуемых от основы прошедшего времени, и в формах, образуемых от основы настоящего времени, место его меняется; ср.: *организовать* — *организу*, *сортировать* — *сортую*.

Благодаря непродуктивности формообразовательного подвижного ударения, его остаточности, реликтовости нередко оказывается, что слова, однородные по своим грамматическим признакам, могут иметь различия в ударении. Например, глаголы *пеку* и *секү* в общем грамматически однородны; ср.: *пень* — *сечь*, *пекү* — *секү*, *печёшь* — *сечёшь*... *пекүт* — *секүт*, *пёк* — *сек*; однако в прошедшем времени первый имеет неподвижное ударение на окончании (*пекла́*, *пекло́*, *пекли́*), а второй — неподвижное ударение на основе (*се́кла*, *се́кло*, *се́кли*). Именно на этой почве появляется часто встречающееся новое ударение: *секла́*, *секли́* (*пересе́кла́*, *пересе́кли́* улицу).

Точно так же слова *вода́*, *нога́*, с одной стороны, и *сосна́*, *овца́*, *коза́* — с другой, грамматически однородны, но первые в винительном падеже единственного числа переносят ударение на основу (*воду́*, *ногу́*), а вторые — нет (*сосну́*, *овцу́*, *козу́*); формы *со́сну*, *овцу́*, *козу́* встречаются теперь лишь в диалектах. Слова *сторона́*, *голова́*, с одной стороны, и *борозда́*, *полоса́* — с другой, также грамматически однородны, но от первых форма винительного падежа единственного числа образуется с обязательным переносом ударения на первый слог основы (*сто́рону*, *го́лову*), а от вторых возможно двоякое образование: с переносом ударения и без него, т. е. как с подвижным ударением, так и с неподвижным ударением на окончании: *бро́зду*, *по́лосу* и *бро́зду́*, *по́лосу́*. Все это ведет к сложным взаимодействиям между грамматически однородными, но различными по ударению группами слов, в результате которых постепенно изменяется место ударения в них, а также появляются неправильные ударения.

Все вышеизложенное объясняет, почему формообразовательная подвижность ударения в современном русском литературном языке представляет такие исключительные трудности не только для нерусских, изучающих русский язык, но также и для русских.

Ввиду того что различные слова, грамматически однородные, могут иметь ударение как подвижное, так и неподвижное, сформулировать четкие правила движения ударения при образовании разных форм слова в плане собственно грамматическом в большей части случаев нельзя. Вопрос о подвижности или неподвижности ударения нередко решается не по отношению к данной грамматической категории, а по отношению к каждому отдельному слову, относящемуся к данной грамматической категории. Поэтому во всех случаях сомнения следует обращаться к словарям и прежде всего к специальному словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959).

ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА УДАРЕНИЯ ПРИ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Понятие подвижного ударения до известной степени условно: как мы видели, оно целиком определяется объемом понятия слова, так как подвижность ударения заключается в изменении его места

в разных формах одного слова, в его передвижениях от одного слога к другому в пределах грамматических форм одного и того же, равного себе слова. Отсюда следует, что в том или ином конкретном случае мы квалифицируем ударение как подвижное или неподвижное в зависимости от того, какие языковые факты мы будем принимать за разные формы одного слова или за разные слова. Так, например, если сравнительную степень считать одной из форм прилагательного, то у прилагательных *добрый, умный, новый* можно констатировать подвижное ударение; ср.: *добрее, умнее, новее*. Если же сравнительную степень считать отдельным словом, то тем самым окажется, что эти прилагательные, так же как и слова сравнительной степени (с теми же корнями), имеют неподвижное ударение (у прилагательных на односложной основе, у сравнительной степени на первом слоге суффикса). Другой пример: если действительное причастие прошедшего времени есть одна из форм глагола, то глагол *нести* следует считать имеющим подвижное ударение; ср.: *несу́, несёшь, несёт, несём, несёте, несут; нёс, неслá, неслó, несли́, но не́сший, не́сшая и т. д.* Если же принять действительное причастие прошедшего времени за другое слово, пришлось бы констатировать, что глагол *нести* имеет неподвижное ударение, равно как и действительное причастие прошедшего времени *не́сший*.

Из предыдущего изложения мы видели, что некоторые существительные, имеющие неподвижное ударение в пределах одного из чисел (единственного или множественного), имеют подвижное ударение в пределах обоих чисел; ср.: *селó, селá, селу́, селом, в селé и сёла, о́ёл, сёлам, сёлами, в сёлах; или мо́ре, мо́ря, мо́рю, морем, в мо́ре и моря́, морéй, моря́м, моря́ми, в моря́х*.

Кроме подвижного ударения в собственном смысле слова, т. е. передвижения ударения с одного слога на другой в пределах форм данного слова, которое мы выше назвали формообразовательным подвижным ударением, следует еще иметь в виду подвижное ударение в более широком значении — в пределах группы слов, объединенных живыми, обычно продуктивными словообразовательными связями, т. е. передвижение ударения с одного слога на другой в группе слов, имеющих общий корень (с л о в о о б р а з о в а т е л ь н о е п о д в и ж н о е у д а р е н и е). К сожалению, этот вопрос совершенно не изучен; поэтому ограничимся лишь отдельными иллюстрациями. Например, от качественных прилагательных образуются существительные отвлеченного значения с суффиксом *-ость* при обязательном ударении на корне, т. е. на предшествующих слогах, вне зависимости от места ударения в прилагательных: *тупность, сухость, ста́рость, глупость* (ср.: *тупо́й, молодо́й и ста́рый, глупый*)¹. От качественных прилагательных образуются также существительные отвлеченного значения с суффиксом *-ота* с ударе-

¹ Слово *злость* не опровергает данного утверждения, так как наличие ударения на суффиксальном гласном в нем вынужденное, обусловленное тем, что основа не образует слога.

нием на флексии, также вне зависимости от места ударения в прилагательных: *слепота́, глухота́, доброта́, краснота́, чистота́* (ср.: *слепой, глухой и добрый, красный, чистый*)¹. Отыменные образования названий лиц с суффиксом *-ист* всегда имеют ударение на суффиксе; ср.: *очерк — очеркист, баян — баянист, Пушкин — пушкинист, Тургенев — тургеневист*. В противоположность приведенным случаям названия лиц с суффиксом *-тель*, образованные от глаголов, сохраняют ударение этих глаголов (в связи с этим суффикс *-тель* оказывается всегда безударным): *хранить — хранитель, водить — водитель, читать — читатель, воспитать — воспитатель, сеять — сеятель*.

От глаголов могут образоваться при помощи суффикса *-ние* (*-ение, -ание*) существительные со значением отвлеченного действия, причем в последних также сохраняется ударение, свойственное глаголам (в форме инфинитива), от которых они образованы; ср.: *голосовать — голосование, переодевать(ся) — переодевание, узнавать — узнавание, думать — думание, делать — делание, бегать — бегание, прочитывать — прочитывание, задерживать — задерживание, задерживать — задерживание, толковать — толкование, рисовать — рисование, завоевать — завоевание, писать — писание, резать — резание, призвать — призвание*. От глаголов I спряжения с неподвижным ударением на личных окончаниях (типа *нести — несёу, несёшь* и т. д.; *печь — пеку́, печёшь* и т. д.) образуются существительные на *-ение* (с ударением на суффиксальном *е*): *нести — несение, везти — везение, плести — плетение, пряхать — прядение, печь — печение, сеять — сечение*; образования от глаголов типа *гореть — горю́, горюшь* и т. д. и *сидеть — сижу́, сидишь* сохраняют ударение инфинитива: *горение, сидение*. Однако существительные на *-ение* от глаголов на *-ить* вне зависимости от места ударения в них, как правило, имеют ударение на суффиксальном *е*; ср.: *усыпить — усыпление, обновить — обновление, водить — вождение, носить — ношение, укрепить — укрепление, упустить — упущение и оставить — оставление, ослабить — ослабление, представить — представление, избавить — избавление*. Таким образом, от этой последней группы глаголов образование существительных на *-ение* происходит при переносе ударения на суффиксальное *е*².

Уменьшительно-ласкательные существительные женского рода на *-а* с суффиксом *-к-* имеют ударение на основе вне зависимости от места ударения у существительных, от которых они образованы, т. е. образуются с переносом ударения на основу, если ударение

¹ В некоторых случаях имеется тенденция использовать различие в месте ударения образований с этим суффиксом для различения разных значений; ср.: *мокрота́* ('сырость') и *мокрота* ('слизистое выделение'). Ср. также: *острота́* (отвлеченное существительное от *острый*) и *острота* ('остроумное высказывание').

² Впрочем, в отдельных случаях этого переноса может не быть; ср.: *обеспечить — обеспечение*. Ср. также: *мыслить — мышление* (по общему правилу) при возможном *мышление, обнаружить — обнаружение* при возможном (но, с нашей точки зрения, не орфоэпическом) *обнаружение*.

непроизводного существительного падает на флексию; ср.: *травá* — *травка*, *тропá* — *трóпка*, *трубá* — *тру́бка*, *рекá* — *речка*, *рукá* — *ру́чка*, *строкá* — *стрóчка*, *дугá* — *дужка* и *коровá* — *коровка*, *канáва* — *канáвка*, *берёзá* — *берёзка*, *пти́ца* — *пти́чка*, *сучка* — *сучка*. Уменьшительно-ласкательные существительные мужского рода с суффиксом *-ик* не имеют ударения на суффиксе вне зависимости от места ударения у существительных, от которых они образованы; ср.: *топóр*, *топорá* — *топóрик*; *стол*, *столá* — *сто́лик*; *кот*, *котá* — *ко́тик* и *арбу́з*, *арбу́за* — *арбу́зик*; *дом*, *до́ма* — *до́мик*.

Существительные с уменьшительно-ласкательным значением на *-ышко* от имен существительных среднего рода на *-о* имеют ударение на основе вне зависимости от места ударения непроизводного слова, т. е. с переносом ударения на основу, если у непроизводного слова оно на окончании; ср.: *гóрло* — *гóрлышко* и *ведрó* — *вёдрышко*, *пятнó* — *пятьнышко*, *стеклó* — *стёклышко*, *зернó* — *зёрнышко*, *ядрó* — *ядрышко*, *гнездó* — *гнёздышко* и др. Существительные со значением пренебрежительности на *-ёнка* (*-онка*) от имен существительных женского рода имеют ударение на суффиксальном гласном вне зависимости от места ударения в непроизводном слове, от которого они образованы, т. е. с переносом ударения на суффиксальный гласный, если у непроизводного слова оно на основе; ср.: *избá* — *избёнка*, *душá* — *душонка*, *бородá* — *бородёнка* и *кля́ча* — *клячо́нка*, *ста́риха* — *старушонка*, *коровá* — *коровёнка*, *ба́ба* — *бабёнка*, *бума́га* — *бумажонка*, *лоша́дь* — *лошадёнка*. Точно так же на суффиксальном гласном (точнее — на первом гласном суффикса) имеют ударение существительные с суффиксом *-ёнок* (*-онок*), обозначающие детёнышей, вне зависимости от места ударения тех слов, от которых они образованы; ср.: *тигр*, *ти́гра* — *ти́гры* и *тигрёнок*; *кот*, *котá* — *ко́ты* и *котёнок*; другие примеры: *гусёнок*, *медвежо́нок*, *верблюжо́нок*, *гальчо́нок*, *мышо́нок* и *орлёнок*, *козлёнок*.

Относительные прилагательные с суффиксом *-ин-* от имен существительных мужского и женского рода, обозначающих животных, имеют ударение на суффиксальном гласном вне зависимости от места ударения в непроизводных словах, т. е. с переносом ударения на суффиксальный гласный, если ударение в непроизводном слове падает на основу; ср.: *воробё́й*, *воробья́* — *воробьи́ный*, *соловё́й*, *соловьё́я* — *соловьё́йный*, *гра́ч*, *грача́*, *грачи́* — *грачи́ный*, *козёл*, *козла́* — *козли́ный*, *сова́*, *совы́*, *совы́* — *сови́ный* и *голубь*, *голубя́*, *голуби́* — *голуби́ный*, *кры́са*, *крысы́* — *крыси́ный*, *мышь*, *мышь* — *мышьи́ный*, *ястреб*, *ястреба́* — *ястреби́ный*, *пéрепел*, *пéрепела́* — *перепели́ный*. Напротив, относительные прилагательные с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) отражают место ударения непроизводных слов, от которых они образованы. Они имеют ударение на основе, если непроизводное слово имеет неподвижное ударение на основе: *берё́за* — *берёзовы́й*, *оси́на* — *оси́новый*, *абрикóс* — *абрикóсовы́й*, *апельси́н* — *апельси́новый*, *бронза́* — *бронзовы́й*, *гипс* — *гипсовы́й*; на суффиксальном гласном, если непроизводное слово в единственном числе имеет неподвижное ударение на окончании; ср.: *двор*, *дворá* — *дворо́вый*, *стол*, *столá* —

столовый, ковёр, ковра — ковровый, бобёр, бобра — бобровый, ёж, ежа — ежовый; на окончании, если производное слово имеет подвижное ударение на основе в единственном числе, кроме предложного падежа, и с ударением на окончании в предложном падеже единственного числа и в формах множественного числа; ср.: *берег, берега, на берегу, берега — береговой; бой, боя, в бою, бой — боевой; жир, жира, в жиру, жиры — жировой*, а также *боковой, бытовй, войсковой, годовой, луговой, краевой, меховой, полевой, деловой*¹.

Приведенные иллюстрации показывают, что словообразовательное подвижное ударение, т. е. изменение места ударения при словообразовании, представляет собой в русском языке дополнительное средство при образовании новых слов от имеющихся, сопровождающее основное средство — суффиксацию и префиксацию. Таким образом, разные слова одной словообразовательной группы, отличающиеся друг от друга разными аффиксами (например, разными суффиксами), могут в то же время отличаться друг от друга местом ударения; ср.: *лошадь — лошадка — лошадёнка; глухой — глухость — глухота*. Хотя словообразовательное подвижное ударение является лишь дополнительным средством при образовании слов, оно имеет большое значение в живой звучащей речи. Однако словообразовательное подвижное ударение (в отличие от формообразовательного подвижного ударения, уже давно изучающегося) еще не было предметом специального научного изучения. Между тем его изучение весьма важно как в практическом, так и в теоретическом отношении.

УДАРЕНИЕ И ЗВУКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СЛОВА

Мы видели, что ударение как по характеру своего выделения, так и по своей функции весьма различно в разных языках. Однако оно всегда служит важным фонологическим средством, являясь одним из признаков такого отрезка звучащей речи, которое принимается за отдельное слово (каждому самостоятельному слову обычно соответствует одно ударение).

В особенности велика роль ударения как фонологического средства, когда оно является разноместным и подвижным, как в русском языке. При разноместности ударения последнее является не только признаком слова, но и индивидуальным признаком слова, т. е. признаком данного слова в отличие от другого — иными словами, средством различения разных слов (ср.: *мука́ и му́ка*). Таким образом, функция разноместного ударения всецело относится к сфере лексикологии. При словообразовательном подвижном ударении последнее является как индивидуальным признаком данного слова — и тем самым относится к сфере лексикологии, так и признаком данного типа образования одних слов от других, т. е. одновремен-

¹ Отметим, что от указанной закономерности имеются исключения, объясняющиеся наличием колебаний в месте ударения производных слов в русском языке, в особенности по диалектам. Ср.: *ви́шня, но ви́шнёвый, ме́д, ме́да, но ме́довый, дуб, дуба, дубы́, но дубо́вый* и др.

но относится и к сфере словообразования. Формообразовательное подвижное ударение делает ударение признаком данного слова в его данной грамматической форме, т. е. индивидуальным признаком данной словоформы. При регулярности передвижений места ударения в разных формах данного грамматического типа слов формообразовательное подвижное ударение могло бы стать принадлежностью соответствующей парадигмы. Однако, как это было показано в предшествующем изложении, передвижение ударения при формообразовании в современном русском языке нерегулярно — оно нередко имеется в одних словах и отсутствует в других, грамматически однородных с первыми. Это означает, что формообразовательное подвижное ударение, хотя оно и является определенным, дополнительным грамматическим средством, относится не к сфере грамматики в собственном смысле слова, а к грамматическому оформлению данного слова, т. е., по существу, к сфере лексики в ее грамматическом аспекте.

При всем различии функций ударения последнее всегда является средством различения слов и форм, т. е. играет роль, аналогичную роли фонем.

Анализ звукового состава разных слов и форм приводит к выводу о том, что ударение выходит за пределы того последовательного «линейного» членения их звуковой оболочки, при котором выделяются кратчайшие звуковые единицы языка, служащие фонемами. Ударение как бы находится над этим членением, определяя своим местом самый звуковой облик данного слова или формы (в особенности в области гласных). Наличие или отсутствие ударения в русском языке не является признаком слоговой фонемы (гласной), но представляет собой непосредственно признак слова, а при формообразовательной подвижности ударения — признак данного слова в его данной форме. В отличие от фонемы — сегментной единицы — ударение может быть признано суперсегментной, или просодической, единицей.

Это доказывается тем, что два слова (или две формы одного слова), различающиеся местом ударения, при последовательном, «линейном» членении на кратчайшие звуковые единицы — фонемы — оказываются всегда отличающимися друг от друга не одним, а двумя признаками. Ср., например, слова *муку* и *му́ку*: отличаются друг от друга не только ударностью первого [у] в первом слове и его безударностью во втором, но также обязательно и безударностью второго [у] в первом слове и его ударностью во втором.

Это показано в следующей таблице последовательного членения разбираемых слов на кратчайшие звуковые единицы:

м	у́	к	у
м	у	к	у́

Это значит, что ударное и безударное [y] не могут встречаться в одной и той же тождественной позиции. Поэтому ударное и безударное [y] не могут быть единственным различителем слов и форм. Отсюда следует, что слова [мúку] и [муку́] состоят из определенного ряда кратчайших звуковых единиц плюс ударение на 1-м или 2-м слоге: (м + y + к + y) + ударение на 1-м слоге (мúку) и (м + y + к + y) + ударение на 2-м слоге (муку́).

Таким образом, ударение является средством различения слов и форм, выходящим за пределы членения их на фонемы. Поэтому такие слова, как [мúку] и [муку́], противопоставлены друг другу целиком, в то время как в случае типа [мúку] и [ма́ку] или [муку́] и [мука́] они противопоставлены друг другу лишь фонемами [y] и [a], точно так же как звуковые оболочки слов [мúку] и [лúку] противопоставлены друг другу лишь фонемами [m] и [l].

Таким образом, ударение представляет собой сложное явление, имеющее существенное значение для разных сторон структуры языка. Мы видели, что при разноместности и подвижности ударения место его в данном слове или данной грамматической форме относится к области лексики, словообразования и грамматики. Однако самый характер ударения, средства его выделения относятся к фонетике, так же как относится к фонетике и роль ударения как фактора, определяющего собой в значительной мере звуковой облик данного слова или данной формы этого слова, в особенности в области вокализма.

Ударение в русском языке выполняет важную роль, организуя звуковую сторону слова в некое законченное единство.

Известно, что в русском языке только под ударением гласный произносится наиболее определенно и со всеми ему присущими свойствами. Вне ударения он подвергается значительным изменениям. Отношение к ударению определяет качество безударных гласных, всегда в русском языке в той или иной мере подвергающихся редукции, сокращению, а во многих случаях также изменению в своем качестве. Так, например, в одной и той же корневой морфеме *дом* под ударением звучит [o] ([дом]), в 1-м предударном слоге звучит [ʌ] ([длмá], [длмóф]), в заударном слоге звучит [ъ] ([нáдъм]). Точно так же в одной и той же корневой морфеме *пять* под ударением произносится [a], в 1-м предударном слоге — [и^е], в заударном слоге — [ъ]: [п'át'], [п'и^ет'и], [нáп'ът']. Аналогичное явление можно наблюдать и в других, некорневых морфемах. Например, флексия *-ом* под ударением звучит [ом], а в заударном слоге как [ъм]; ср.: [стлóm], [д'ёлъм]; флексия *-ам* под ударением звучит как [ам], а в заударном слоге как [ъм]; ср.: [пъд'и^елám], [плс'óльм]; флексия *-е* предложного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а* под ударением звучит как [е], а в заударном слоге как [и^е]: [нъ-слс'н'é], [нъ-б'и^ер'бз'и^е]; суффикс *-ов-* под ударением звучит как [ов], а в заударном слоге

как [ъв]; ср.: [сласно́въ]], [б'и'р'бзъвъ]] и т. д. Более подробно соотношения между местом ударения и качеством гласных безударных слогов рассмотрены в книге Р. И. Аванесова „Фонетика современного русского литературного языка“ (Изд-во МГУ, 1956).

БЕЗУДАРНЫЕ И СЛАБОУДАРЯЕМЫЕ СЛОВА

Большая часть служебных слов и частиц, как уже было отмечено, не имеет на себе ударения. Одни из них (предлоги и союзы) являются проклитиками, т. е. предударными словами (например, *на доро́ге* — [нѣ́даро́г'и^е]), другие — энклитиками, т. е. послеударными словами (например, *я-то знаю* — [ја́тъ]).

Проклитиками обычно являются односложные предлоги и союзы, которые примыкают к следующему за ними самостоятельному слову, например: *на горѣ* ([нѣ́глр'ѣ]), *от бра́та* ([лдр'братъ]), *при дворѣ* [пр'идвлр'ѣ]), *ко мнѣ* ([клмн'ѣ]), *со мно́й* ([самно́й]), *во мнѣ* ([вамн'ѣ]), *под окно́м* ([пѣ́длкно́м]); *ни я, ни бра́т; и я, и сестра́; сказа́ли, что сестра́ при́ехала* ([штѣ́с'и^естра́]).

Односложные частицы являются энклитиками, например: *скажи́-ка* ([скажы́къ]), *кто́-то* ([кто́тъ]), *я же говори́л* ([жа́жы^л]), *онѣ́ ведь приду́т* ([ан'йв'ѣтъ]), *приду́т ли онѣ́* ([пр'иду́тл'и]).

Некоторые односложные предлоги с определенными существительными нередко принимают (или могут принимать) на себя ударение, и тогда следующее за ними самостоятельное слово оказывается безударным, так что и в этом случае предлог вместе со следующим за ним самостоятельным словом имеет одно ударение. Чаще всего ударение принимают на себя предлоги *на, за, под, по*, а также *из, без*. Приведем несколько наиболее употребительных примеров:

на: на́ воду, на́ гору, на́ ногу, на́ руку, на́ спину, на́ зиму, на́ душу, на́ стену, на́ голову, на́ сторону, на́ небо;

на́ берег, на́ вечер, на́ год, на́ дом, на́ море, на́ нос, на́ пол, на́ поле, на́ ухо, на́ день, на́ ночь, зуб на́ зуб;

*на́ два, на́ три, на́ пять, на́ шесть, на́ семь, на́ восемь, на́ девять, на́ десять, на́ сорок, на́ сто, на́ двое, на́ трое; однако при сочетании двух числительных со значением приблизительности (например, *два-три, сорок-пятьдесят*), а также при соединении числительных с помощью союза *или* ударение на предлог не переносится; ср.: *на́ два-три́ дня, на́ пять-шесть́ ме́сяцев, на́ сорок-пятьдеся́т рубле́й, на́ две-три́е су́ток; на́ де́вять или де́сять дней, на́ два́ или́ три́ часа́;**

за: за́ воду, за́ ногу, за́ голову, за́ руку, за́ спину, за́ зиму, за́ душу; за́ ноги, за́ руки, за́ спины, за́ волосы;

за́ нос, за́ год, за́ город, за́ ворот, за́ ухо, за́ уши, за́ ночь, за́ день;

за́ два, за́ три, за́ пять, за́ шесть, за́ семь, за́ восемь, за́ девять, за́ десять, за́ сорок, за́ сто, за́ двое, за́ трое; однако

при сочетании двух числительных со значением приблизительности, а также при соединении числительных с помощью союза или ударение на предлог не переносится; ср.: *за пять-шесть месяцев, за семь-восемь дней, за десять или пятнадцать рублей*; *под: под ноги, под руки, под гору, под нос, под сорок, под вечер*;

по: по морю, по полю, по лесу, по полу, по носу, по уху; по два, по три, по сто, по двое, по трое; при сочетании числительных *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок* с предлогом *по* ударение не переносится на предлог; ср.: *по пять дней, по шесть рублей, по девять часов, по сорок копеек*. Оно не переносится на предлог также при сочетании числительных *два, три, сто, двое, трое* с другими числительными со значением приблизительности; ср.: *по две и по две-три копейки; по три часа и по три-четыре часа, по двое суток и по двое-трое суток*; ударение не переносится на предлог *по* также при соединении этих числительных с помощью союза *или*: *по три или четыре недели*;

из: из лесу, из дому, из носу, из виду;

без: без вести, без четверти, без году неделя;

от: час от часу, год от году.

Двусложные предлоги различны в отношении наличия или отсутствия у них побочного ударения. Одни из них всегда безударны. Таковы сложные предлоги (*из-за, из-под*) и предлоги с беглым *о*, вместе с последним двусложные (*подо, надо, обо, ото, изо*) или трехсложные (*передо*); например: *из-за леса* [из:лл'есь], *из-под стола* [исп'ьстл'а], *подо мной* [п'ьдамн'о], *надо мной* [н'ьдамн'о], *обо мне* [аблмн'е], *обо всех* [аблфс'эх], *изо всех* [излфс'эх], *ото всех* [атлвс'эх].

Другие двусложные предлоги, а также предлоги трехсложные могут иметь ударение, но могут также быть безударными. Ударение у них бывает более слабое, чем у самостоятельных слов. Такое ударение называется слабым или побочным, а соответствующие слова — слабоударяемыми. Побочное ударение обозначим знаком грависа (`), в отличие от основного ударения, обозначаемого нами знаком акута ('), например: *перед отходом* и¹ (реже) *п'еред отх'одом* (произносится [п'ър'ьдлтх'одъм] и [п'ър'ьт-лтх'одъм]); *между городами* и *м'ежду городами* (произносится [м'ьжду г'ьрд'ам'и] и [м'ежду г'ьрд'ам'и]); *через окно* и *ч'ерез окн'о* (произносится [ч'ър'ьзакн'о] и [ч'ер'ьсакн'о]). Некоторые двусложные и многосложные предлоги всегда имеют побочное ударение; таков, например, предлог *кроме* (*никто, кр'оме тебя, этого не с'делает*), а также двусложные и трехсложные предлоги, происходящие из наречий: *скаж'у п'осле урока, б'егали кр'угом дома, ехал'и м'имо деревни, сид'ели около дома, стол'ились вокр'уг учителя, остан'овились на пр'отив избы, стал попер'ек дороги*.

Эти слова в качестве предлогов имеют ударение, по своей полновесности близкое к ударению самостоятельных слов. Однако в этом своем качестве они не являются обычно носителями тактового или фразового ударения (см. вышеприведенные примеры). Напротив, те же слова, употребленные как наречия, могут быть носителями такого ударения. Ср.: *скажѹ по́сле, прошлѹ мѴмо, живѣт ѳколо* (т. е. близко), *осмотрѣлся кругѳм, живѣт напро́тив, режѣ попере́к*.

Побочное ударение обычно имеет односложный предлог *сквозѳ*: *сквѳдѳзѳ облака́* (произносится [сквѳдѳс'аблака́]), *сквѳдѳзѳ облако*, *сквѳдѳзѳ лѣс* (произносится [сквѳдѳс'облѳкѳ], [сквѳдѳс'л'ѣс]).

Односложные союзы, как уже было отмечено, обычно не имеют ударения. Ср.: *нѣ было ни дождѣя, ни снѣга; щѣ да ка́ша* (произносится [ш':и дѳка́шѳ]), *знáю, да не скажѹ* (произносится [знáю дѳн'исклжѹ]). Односложный союз *но* обычно не имеет, видимо, ударения, хотя и сохраняет в произношении гласный [о]: *солнце зашлѳ, но бѳло еще светлѳ* (произносится [нобѳлѳ]), *бѳло еще рáно, но соловѣй уже запѣли* (произносится [носѳлав'ѳй]). Повторяющийся союз *то—то* также сохраняет в произношении гласный [о] и, видимо, всегда имеет на себе ударение: *мы хѳдим в лес тѳ за гриба́ми, тѳ за ягодами* (произносится [тѳ зѳгр'ибáм'и тѳ заѳгѳдѳм'и]); *тѳ дождѣ, тѳ снѣг* (произносится [тѳ дош': тѳ с'н'ѣк]); *тѳ приходит, тѳ уходит* (произносится [тѳ пр'ихѳд'ит тѳ ухѳд'ит]). Имеет ударение также повторяющийся союз *не то—не то*: *не тѳ дождѣ, не тѳ снѣг* (произносится [н'и'тѳ дош': н'и'тѳ с'н'ѣк]).

Двусложные (и тем более трехсложные) союзы обычно имеют ударение, хотя и более слабое, чем нормальное словесное ударение самостоятельного слова. Не имеет ударения лишь союз *коли*: *коли знаѣшь, скажи* (произносится [кѳл'изнáиш]). Примеры на другие союзы: *хѳтя ло́шади скака́ли бѳстро, но всѣ же мы опѳздалѣ к пѳезду* (произносится [хлѳ'а ло́шѳд'и]); *когда́ узнáю, скажѹ* (произносится [клѳдѳ узнáю]); *ухѳжѹ, потому́ что обеща́л* (произносится [пѳтамѹшѳт лѳ'и'ш':áл]); *ѣсли мо́жно, узна́йте* (произносится [ѳѣс'ли мо́жнѳ]); *приятно́ жи́ть в такой́ дере́вне, как ва́ша* (произносится [кáк ва́шѳ]); *ска́зал, будто́ придет* (произносится [бутѳ'ѣпр'ид'ѳт]); *ласка́лся, слѳвно ребѣнок* (произносится [слѳвнѳ р'и'ѣбѳнѳк]); *едва́ ста́ло рассвета́ть, мы вы́шли в пу́ть* (произносится [ѳѣдѳва ста́лѳ рѳс':в'и'ѳтáт]); *ра́з обеща́ли, на́до сдела́ть* (произносится [рáс аби'ш':áл'и]).

Союз *чтобы* в отличие от сочетания местоимения *что* с частицей *бы* (*что бы*) ударения не имеет, всегда являясь проклитической: сочетание *ска́зал, что́бы пришлѣ* произносится [склзáл шѳтѳбыпр'ишл'ѳй]. Ср. с этим произношение сочетания *что бы* во фразе *дам тебе́ всѣ, что бы ты ни просѣл*: [дáм т'и'ѣб'ѣ фѳ'о|шѳтѳ бы тѳ н'ипрас'ѳл].

Безударен также односложный союз *что* в отличие от местоимения *что*. При этом надо заметить, что союз *что* в 1-м пред-

ударном слоге, как и в других предупредительных слогах, произносится с гласным [ъ] (в книжном произношении возможно [о]), но никогда не произносится с гласным [а], который нормально выступает вместо [о] в этом положении; во фразе *я не знал, что брат придет* (произносится [чтъбрат! или [штобрат]). Ср. произношение местоимения *что*: *я не знал, что им сказать* ([штбим]).

Относительные слова, указывающие в придаточном предложении на один из членов главного, всегда имеют побочное, ослабленное ударение. Ср.: *я встретил друга, которого не видел много лет* (произносится [каторъвъ н'и'в'йд'ъл]); *мы оставались у невзрачного домика, каких много в нашей стороне* (произносится [как'их многъ]); *лес, откуда мы вышли, был полон аромата распускающейся зелени* (произносится [аткудь мы вышл'и]); *деревня, где жила моя мать, была расположена среди леса* [гд'е жыла]); *болото, куда заехали охотники, было полно дичью* (произносится [куда заѣхъл'и]); *в доме, что виднётся вдаль, находится школа* (произносится [штѡ в'ид'нѣйтцъ]). Те же слова в функции вопросительных местоимений и местоименных слов всегда имеют нормальное словесное ударение, при этом в вопросительных конструкциях они вместе с тем являются носителями фразового ударения. Ср. в вопросительных конструкциях: *Который час? Какое тебе дело до этого? Откуда вы приехали? Где это вы пропадали?* (произносится [гд'ѣтъ]). *Куда залетел мяч? Что там показалось вдаль?* (Слово, имеющее фразовое ударение, выделено). Ср. в так называемом косвенном вопросе: *я не знаю, который час; мы не решили, какую книгу взять; я узнал, откуда он родом; здесь слова который, какую, откуда не носят на себе фразового ударения.*

Таким образом, вопросительные местоимения (не в значении относительных слов) имеют нормальное ударение самостоятельного слова (и могут в определенных конструкциях быть даже носителями фразового ударения). Другие местоимения, если на них не падает фразовое ударение, обычно имеют ослабленное, побочное ударение, например: *на вокзале меня встретили товарищи, у его сестры много книг, моей сестре десять лет, этого человека я раньше не видел, её братья работают на заводе* (произносится [ијѡ брат'ъ]), *мы подѣхали к тому дому.*

Некоторые местоимения в живой речи могут быть и безударными (обычно — энклитиками): *кто это сделал* ([ктобъ]), *куда это он ушёл* ([кудабъ]), *чего это он не приходит* ([ч'и'вѡбъ])¹, *куда вы бежите* ([кудавы]), *где он сейчас* ([гдѣон]).

Слабоударяемыми часто являются простые числительные в сочетании с существительными: *пять рублей, без пяти пять,*

¹ Именно в связи с энклитичностью слова *это* в подобного рода случаях образовались просторечные формы [хтобъ], [штѡбъ], [гдѣбъ] и т. д., получившие более широкие синтаксические функции, чем соответствующие формы литературного языка: [ктобъ], [штѡбъ], [гдѣбъ].

с десяти́тью рубля́ми, две́ недéли, три мину́ты (если числительное не употреблено с предлогом, перетягивающим на себя ударение; ср.: *на́ пять рублёй, за́ три недéли*).

Слабоударяемой является связка *быть* (*вéчер бы́л сухой и тёплый, у́тро бы́ло морóзное*), а также глагол *стать* в связочном употреблении (*бра́т ста́л учите́лем*).

Слабоударяемыми, а в некоторых случаях и безударными являются некоторые из слов с различного рода модальными значениями. Отметим некоторые из них. Так, безударным является слово *было* в определенном синтаксическом употреблении (придавая значение прерванности или несовершения действия, выраженного глаголом-сказуемым): *я пошёл́ было́ вчeра́ в теа́тр..., он собира́лся́ было́ уе́хать...* Произносится: [пашо́л былъ] или даже [пашо́лбълъ].

Слово *бывало* в определенном синтаксическом употреблении (придавая значение неоднократно совершившегося в прошлом, повторявшегося действия, выраженного глаголом-сказуемым) в силу своего большого объема не бывает лишено ударения, но имеет ударение побочное, более слабое, чем нормальное словесное ударение. Ср.: *приде́т быва́ло ко мне́ и говори́т*.

Слабоударяемыми обычно являются некоторые из так называемых вводных слов. Ср.: *Она́, ста́ло бы́ть, хóчет поступи́ть в институ́т?* Некоторые часто употребительные вводные слова могут быть и безударными, например: *так сказа́ть, говори́т*, что ведет к изменению их звукового облика в связи с редукцией гласных: [тѣксѣзѣт'], [гѣвѣр'ит], [гр'ит].

Безударным часто бывает слово *брат*, употребленное в качестве обращения (но не в обычном своем лексическом значении, а расширенном). Ср.: *Ты́, бра́т, не заговáривай́ мне́ зу́бы* (произносится [ты́ брът]).

Таким образом, кроме слов, имеющих нормальное словесное ударение, и слов безударных, выделяется еще категория слов слабоударяемых, которые являются или могут быть слабоударяемыми во фразе. Нормальное словесное ударение имеют самостоятельные слова, безударными могут быть, прежде всего, слова служебные и частицы; однако те из них, которые велики по объему, многосложны, могут иметь побочное ударение, т. е. быть слабоударяемыми. Чаще же всего слабоударяемыми являются слова, образующие как бы промежуточную группу между категориями самостоятельных слов и служебных. Именно таковы предлоги-наречия, многие местоимения. Близки к ним также числительные в определенном синтаксическом употреблении.

СЛОВА С ПОБОЧНЫМ УДАРЕНИЕМ

Выше уже было отмечено, что нормально каждое самостоятельное слово имеет ударение, и притом одно. Однако имеются слова, обычно многосложные, большие по объему, а также слож-

ные по составу, которые имеют (или хотя бы могут иметь) два ударения — наряду с основным, обычным, словесным ударением, второе — побочное, более слабое. Сюда относятся чаще всего некоторые из сложных слов, т. е. слов, образованных путем сложения двух основ, которые в составе сложного слова становятся одной сложной основой. (Ср., например, *самолётостроение*, *чёрносморёдиновое варенье*). Сюда относятся также слова с некоторыми префиксами иноязычного происхождения (например, *суперобложка*, *контриансы*), а также некоторые сложносокращенные слова (например, *Мдсутиль*) и др. Вопрос о побочном, втором ударении слова совершенно не изучен. Поэтому ниже мы ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Заметим прежде всего, что при наличии в основе двух ударений побочное обычно бывает первым (ближе к началу слова), а основное вторым (ближе к концу слова); ср. ударения в слове *дальневосточный*.

Сложные слова, общенародные по своему значению, в особенности с небольшой по объёму первой основой и ударением на начальном слоге второй основы, побочного ударения не имеют. Ср.: *водовоз* — [вѣдлвѡз], *водокачка* — [вѣдлкѣчкѣ], *пароход* — [пѣрлхѡт], *паровоз* — [пѣрлвѡз], *садовод* — [сѣдлвѡт], *володав* — [вѣлкдѣф], *маслобійня* — [мѣслбѡін'ѣ], *крупорушка* — [круплрѣшкѣ], *коневодство* — [кѣн'и'вѡцтвѣ], *пылесос* — [пыл'и'сѡс] и т. д. Обычно отсутствует побочное ударение также в сложных словах общенародного значения, не полностью удовлетворяющих сформулированным требованиям; ср.: *землетрясение*, *водопровод* (ударение на втором слоге второй основы), произносится [з'ѣмл'ѣтр'и'с'ѣн'иѣ], [вѣдѣпрлвѡт]; *собаководство* (первая основа двусложная), произносится [сѡбѣквлѡцтвѣ].

Некоторые группы сложных слов не имеют второго, побочного ударения. Так, например, обычно не имеют побочного ударения сложные слова, имеющие в первой части *бело-*, *благо-*, *велико-*, *водо-*, *голово-*, *дально-*, *едино-*, *зверо-*, *земле-*, *зло-*, *золото-*, *много-*, *мягко-*, *ново-*, *полу-*, *само-*, *слабо-*, *слово-*, *чёрно-*.

бело-: *белокровие*, *белоліцый*, *белогвардеец*, *белобилётник*;

благо-: *благорѡдный*, *благодарить*, *благоушіе*, *благозвѣчный*, *благонравный*, *благоустройство* и т. д.;

велико-: *великодержавный*, *великорусский*, *великодушный*, *великосветский*;

водо-: *водокачка*, *водомер*, *водонапорный*, *водоотлив*, *водопой*, *водосток*, *водоспуск* и т. д.;

голово-: *головокружение*, *головолѣмный*, *головомѡйка*, *головотяпство*;

дально-: *дальнобойный*, *дальнозоркий*, *дальномер*;

едино-: *единобѡрство*, *единовластный*, *единовременный*, *единогласно*, *единоушіе*, *единоличный* и т. д.;

зверо-: *зверолов*, *звероводство*, *зверобой*;

земле-: землевладение, земледельец, землекоп, землемер, землепашец, землепользование и т. д.;

зло-: злопамятный, злокачественный, злонамеренный, злодеяние, злопыхатель;

золото-: золотоискатель, золотоносный, золотопромышленник, золотишвейный;

много-: многоводный, многовековой, многоголовый, многодетный, многоженство, многолётный, многолюдный, многосильный, многотысячный, многоуважаемый и т. д.;

мягко-: мягкотелый, мягкосердечный;

ново-: новобрачный, новогодний, новозаветный, новорожденный, новосёл, новостройка;

полу-: полугоди́чный, полугодова́лый, полугодовой, полуживой, полузабытьё, полукруг, полукустарный, полуостров, полупустыня и т. д.;

само-: самоанализ, самобичевание, самовластный, самовнушение, самовоспитание, самодовольный, самозащита, самокритика, самонаблюдение, самооборона, самоопределение, самоощущение, самопрялка и т. д.;

слабо-: слабоволие, слабосилие, слабоумный, слабохарактерный;

слово-: словоблудие, словоохотливый, словоупотребление, словоизменение, словообразование, словотворчество;

черно-: чернозём, черноко́жее, чернолесье, черносо́тенец, чернома́зый.

В некоторых случаях при отсутствии побочного ударения в ряде сложных слов с данной первой частью в отдельных словах оно наличествует; ср.: *зваробой, зверовод, зверолов, звероподобный*, но с возможным побочным ударением: *звѣрофе́рма, звѣросо́вхоз*. Ср. также: *водовоз, водопровод* и т. д. (примеры см. выше); но с возможным побочным ударением: *водонепроница́емый, водопонижа́тельный*. Или: *старомо́дный, старода́вний, старове́р* и т. д., но с возможным побочным ударением: *ста́рославя́нский, ста́ропече́чатный, старорежи́мный*.

Наличие или отсутствие второго, побочного ударения зависит от многих обстоятельств, например от того, является ли слово широко распространенным или редко употребляющимся; относится ли оно к общему языку или к специальному; является ли оно книжным по своей стилистической окраске или нейтральным (т. е. лишенным особой стилистической окраски); от того, насколько четко выделяются в смысловом отношении отдельные части сложного слова и в каких отношениях друг к другу они находятся.

Вообще двух ударений — побочного и основного — можно ожидать в сложениях более новых или необычных, книжных по своему характеру или относящихся к специальному языку (науки, техники), а также в сложениях, первая часть которых имеет иноязычное происхождение. Приведем несколько примеров:

кля́твна́руше́ние, кля́твонре́ступле́ние;

автоприцеп, автопокрышка, автопогрузчик, автодрезина, авто-
поезд, автоперевозка;

агропропаганда, агротехнический, агрокружок, агропочвенный;
аэросани, аэросев, аэросиноптика, аэронавигация;

гальванопластика, гальванотехника, гальваноакустика;

радиопередача, радиопередвижка, радиоприёмник, радиослуша-
тель, радиоустановка, радиоточка, радиорепортаж, радиостанция;
фоторепортаж, фоторепортёр, фотокорреспондент, фотоувели-
читель, фототелеграмма, фотоснимок, фотосинтез;

хлебозаготовительный, хлебопроизводящий, хлебопечение, хлебо-
копнитель;

холодостойкий, холодоустойчивый;

хладостойкий, хладокомбинат (но ср. хладнокровный с одним
ударением);

шахтовладелец, шахтоподъёмник, шахтостроитель, шахто-
управление;

шёлкоотделочный, шёлкообрабатывающий, шёлкопрядильный
(ср. шелководство с одним ударением);

электропередача, электроахота, электроила, электроплуг,
электропровод, электропромышленность, электропередача, электро-
проигрыватель;

энергосистема, энергохозяйство;

цельнокатанный, цельносварный, цельнометаллический, цельно-
литый.

Точно так же больше оснований ожидать двух ударений
в тех случаях, когда в смысловом отношении обе части сложе-
ния выделяются достаточно четко. Поэтому обычно произноше-
ние: самолётостроение, танковождение, торфоперегонный, мо-
рзостойчивый, злодоловитель, хлопкокомбайн, теньвыносливый.
Всегда имеют два ударения—побочное и основное—сложные
прилагательные или существительные, обозначающие равноправ-
ное сочетание двух качеств или двух предметов. Например:
коксагазовый ('коковый и газовый'), лакокрасочный, пищевкусो-
вый, спиртоводочный, мясомолочный, мясорастительный, мясо-
шёрстный, чалопегий, пароводяной, хлебобулочный, торфопере-
гонный, железобетон, сталебетон, ямбохорей.

Однако определенные типы сложных слов, несмотря на чет-
кое выделение их основ, имеют только одно ударение. Таковы
сложные прилагательные со значением качественной характери-
стики частей тела, волосяного покрова и т. д., которым обла-
дает предмет (человек, животное, птица). Первая часть таких
сложений имеет качественное значение, вторая указывает на
часть тела и т. д.

-глазый: голубоглазый, сероглазый, синеглазый, большеглазый,
одноглазый;

-окий: черноокий, светлоокий;

-ухий: длиннотухий, туготухий;

-бровый: чернобровый;

- у́сый: чернóу́сый, рыжеу́сый, седоу́сый;
- бо́рoдый: чернoборoдый, рыжеборoдый, седoборoдый, длиннoборoдый;
- волóсый: длинноволóсый, седоволóсый, рыжеволóсый;
- голóвый: длинноголóвый, короткоголóвый, белoголóвый, седoголóвый, большeголóвый;
- лóбий: большeлóбий, широкoлóбий, толстoлóбий;
- щёкий: краснощёкий, толстощёкий, розовощёкий;
- нóсый: длиннoнóсый, тупонóсый, широконо́сый, остроно́сый, узконо́сый;
- ше́ий: длинноше́ий, короткоше́ий;
- ру́кий: длиннору́кий, большеру́кий, однору́кий;
- губый: толстогубый, тонкогубый;
- зубый: белозубый, длиннoзубый;
- плéчий: широкоплéчий;
- но́гий: длиннoно́гий, толстoно́гий, короткoно́гий;
- кóжий: толстокóжий, тонкокóжий, белокóжий, краснокóжий, черноко́жий, желтоко́жий;
- лицый: белолы́ций, широколицый, узколицый, бледнолицый;
- грудый: широкогрудый, красногрудый;
- хвóстый: длиннoхвóстый, короткохвóстый, широкохвóстый, чернохвóстый;
- кры́лый: длиннокры́лый, ширококры́лый, белокры́лый, чернокры́лый;
- пéрый: краснопéрый, чернопéрый;
- клю́вый: остроклю́вый, тупоклю́вый;
- мóрдый: толстомóрдый, длиннoмóрдый, тупомóрдый;
- ла́пый: длинна́пый, толста́пый;
- ше́рстый: короткоше́рстый, длинноше́рстый;
- брюхий: толстобрюхий, белобрюхий;
- пузы́й: толстопузы́й;
- за́дый: толстоза́дый, широкоза́дый;
- ро́жий: краснoро́жий;
- грíвый: черногрíвый, белогрíвый;
- ку́дрый: черноку́дрый, златоку́дрый.

Таким образом, даже при четком выделении частей сложного слова второго ударения может и не быть. Поэтому естественно, что в тех случаях, когда сложение основ в слове вообще слабо выделяется или в смысловом отношении не выделяется одна из основ, побочного ударения не бывает. Ср.: *подобостра́стный*, *самостоя́тельный*, *еженеде́льный*, *благоду́шный*, *равноду́шный*, *благodéтель*, *злоде́й*, *лихои́мство*, *белобры́сый*, *белоку́рый*, *богомóльный*, *великолéпный*, *достовер́ный* и т. п. Произносится: [пѣдѣбл-стра́сны̆], [сѣмьста́ѣт'ьл'ны̆], [ѣжы'н'и'ѣд'ѣл'ны̆], [блѣгд-лу́шны̆], [рѣвнaду́шны̆], [блѣгд'ѣт'ьл'], [злад'ѣ̆], [л'иха́ймствъ], [б'ѣлaбры́сы̆] и т. д.

Второго ударения не бывает обычно также в тех случаях, когда вторая часть сложения приобретает более абстрактное зна-

чение и имеет тенденцию превратиться в суффикс. Такова, например, большая часть образований на *-вод*, *-водство*, *-водческий*, *-вед*, *-ведение*, *-ведческий*, *-нос*, *-носец*, *-носный*, *-образный*, *-водный*, *-подобный*. Приведем примеры:

-вѳд: кроликовѳд, коневѳд, куровѳд, овцевѳд, свиновѳд, птицевѳд, цветовѳд, шелковѳд, табакѳд, собакѳд и др.;

-вѳдство: кроликовѳдство, коневѳдство, куровѳдство, овцевѳдство, свиновѳдство, птицевѳдство, цветовѳдство, шелковѳдство, табакѳдство, собакѳдство и др.;

-вѳдческий: кроликовѳдческий, коневѳдческий, куровѳдческий, овцевѳдческий, свиновѳдческий, птицевѳдческий и т. д.

Однако в словах менее обычных, с многосложным первым корнем возможно наличие второго — побочного ударения. Ср.: *каракулевѳд*, *каракулевѳдство*, *каракулевѳдческий*. Произносится: [каракули^евѳт] и др. Если бы не было в этом слове побочного ударения, на месте буквы *а* во 2-м и 3-м предударных слогах произносился бы [ъ]: [каръкули^евѳт]. Однако такое произношение не принято в литературном языке. Наличие в этом слове после согласного [к] звука [л] свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело не с 3-м предударным слогом, а с 1-м слогом перед слогом с побочным ударением.

-вѳд: краевѳд, стиховѳд, правовѳд, книговѳд, искусствѳд, языковѳд, музыковѳд, славяновѳд, болгарѳд, белорусѳд, товаровѳд, театровѳд, охотовѳд, китаевѳд и др.;

-вѳдение: краевѳдение, стиховѳдение, правовѳдение, книговѳдение, искусствѳдование, языковѳдование, музыковѳдование, славяновѳдование, болгарѳдование, белорусѳдование, товаровѳдование, театровѳдование, охотовѳдование, китаевѳдование и др.;

-вѳдческий: краевѳдческий, стиховѳдческий, охотовѳдческий, китаевѳдческий и др.

В отдельных образованиях с корнем *-вед* во второй части сложного слова (без дальнейшей суффиксации и с суффиксами) — менее обычных, с многосложным первым корнем возможно наличие второго, побочного ударения (в особенности в отчетливом произношении): *каракулевѳд*, *охѳдовѳдение*, *болгарѳд*, *болгарѳдческий*. Ср. обычное произношение [бългърлв'ѳт] и возможное — при очень отчетливом произношении [бллгърлв'ѳт].

-нѳс: медонѳс, каучуконѳс, эфиронѳс и др.;

-нѳсец: орденонѳсец, оруженѳсец, знаменѳсец, копьенѳсец, порфиронѳсец и др.;

-нѳсный: медонѳсный, каучуконѳсный, эфиронѳсный, орденонѳсный, порфиронѳсный, смертонѳсный и др.

Ср. возможное произношение в некоторых менее общеупотребительных сложениях: *сахаронѳсный*.

-ѳбразный: шарѳбразный, грушеѳбразный, волноѳбразный, клешнеѳбразный, копьеѳбразный, саблеѳбразный, копытоѳбразный, кашеѳбразный, нитеѳбразный, паукоѳбразный, пламеѳбразный, тестоѳбразный, чешуеѳбразный и т. д.

Эти образования, имеющие значение „похожий на ...“ (на то, что обозначено первым корнем сложения), имеют обычно одно ударение. Лишь в редких случаях возможно второе, побочное ударение, например в слове *пальцеобразный* наряду с *пальцеобразный* (произносится [пал'цэбразный]) наряду с *пальцеобразный* (произносится [чэлав'ёккэбразный]) и [ч'элав'ёккэбразный]. Второе, побочное ударение обязательно лишь в исключительных случаях, вроде *лепёшкообразный*, где само сложение не является общеупотребительным и принятым за пределами специального языка (терминологии той или иной отрасли знания).

Образования, не имеющие указанного выше значения и включающие в свой состав в качестве первой части местоименные корни или корни с качественным значением, всегда имеют только одно ударение; ср.: *однообразный*, *многообразный*, *старообразный*, *разнообразный*, *своеобразный* и др.

-видный: шаровидный, змеевидный, нитевидный, чашевидный, миловидный и др.;

-подобный: женоподобный, мужеподобный, змееподобный, правдоподобный.

Ср., однако, наличие второго, побочного ударения при многосложности первого корня: *обезьяноподобный*.

Наконец, чем дальше отстоит основное ударение от места возможного побочного ударения, тем в большей степени можно ожидать двух ударений в слове. Ср., например, *водомер* (с одним ударением) и *водонепроницаемый* (с возможным вторым, побочным ударением), *земледелец* (с одним ударением) и *землевладелец* (с возможным вторым, побочным ударением). Другие примеры: *времяпрепровождение*, *сахароварение*, *хлдопоочистительный*, *топопроизводитель*, *фальшивомонетчик*, *человеконенавистник*.

Во многих случаях наличию побочного ударения рядом с основным содействует не одно из указанных условий, а два или все. Ср.: *тёрфонережный*, *картофелекопалка*, *засухоустойчивый*, *аэронавигация*; эти слова относятся к области специального словаря (сельского хозяйства, авиации), обе основы в них четко выделяются; основное ударение отделено от места побочного ударения тремя слогами¹.

Неодинаково (по отношению к наличию или отсутствию побочного ударения) произносятся сложные слова, имеющие в первой своей части основы числительные.

Сложные прилагательные, имеющие в первой части *трёх-* или *четырёх-*, произносятся с двумя ударениями — основным на вто-

¹ В слове *аэронавигация* основное ударение от побочного также отделено тремя слогами (а не четырьмя), так как 'гласный на месте э, находясь после ударного гласного [а] (с побочным ударением), сокращается до неслогового [и], точнее, неслогового [е], которые одинаково в русском языке принимаются за [и]. Произносится: [а'йрнал'вигацы'э].

рой части и побочным на первой; ср.: *трёхгоди́чный, трёхдо́юмьво́й, трёхлине́йный, трёхнеде́льный, трёхчасово́й, трёххвё́рстный, трёхклас́сный, трёхле́тний, трёхме́сячный, трёхдне́вный, трёхты́сячный, трёхта́ктный, трёхли́нный* и др.; *четырёхгоди́чный, четырёхле́тний, четырёхголо́сный, четырёхчасово́й, четырёхдне́ный, четырёхклас́сный, четырёхме́сячный* и др. Наличие в этих случаях побочного ударения очевидно уже из произношения гласного [о] после мягкого согласного (пишется *рё*).

В других сложных прилагательных подобного образования, имеющих в первой части формы числительных *пяти-, шести-, семи-, девяти-, десяти-*, а также *восьми-*, побочного ударения обычно не бывает. Ср.: *пятиле́тний, семидне́вный, десятичасово́й* и др. Произносится [п'ѣт'ил'ѣт'н'и], [с'ѣм'ид'н'ѣвн'и], [д'с'ѣит'ич'ѣсл'во́]. Наличие или отсутствие побочного ударения в этих и подобных случаях мало заметно на слух, потому что как при наличии его, так и при отсутствии количественные соотношения между гласными (т. е. соотношения по степени полноты образования гласных) разных слогов (от начального безударного слога до слога, носящего основное ударение) остаются приблизительно одинаковыми. Ср.: [п'ѣт'ил'ѣт'н'и] и [п'ѣт'ил'ѣт'н'и]; в обоих случаях наиболее полным в количественном отношении является слог [л'е] (имеющий основное ударение), менее полным по сравнению с ним — слог [т'и] (безударный или с побочным ударением) и еще менее полным, редуцированным в разной степени первый слог [п'ѣ] (с большей степенью редукации) или [п'ѣ] (с меньшей степенью редукации).

По той же причине мало заметно на слух побочное ударение в сложных прилагательных с *двух-* в первой части; ср.: *двухле́тний, двухметро́вый, двухнеде́льный, двухэта́жный* и др.

В сложениях с *восьми-*, которые также обычно не имеют побочного ударения, наличие или отсутствие последнего более заметно; об этом можно судить по качеству гласного первого слога: при наличии побочного ударения в соответствии с ударным [о] в этом слоге, как первом предударном, произносится [л], а при отсутствии его в том же слоге, как предударном, но не первом (а втором, третьем и т. д.), произносится редуцированный [ѣ]. Ср.: *восьмиле́тний, восьмигра́нный, восьмиэта́жный, восьмирубе́вый, восьмичасово́й* (произносится [в'с'м'ил'ѣт'н'и], [в'с'м'ирубл'ѣв'и] и т. д.) и наряду с этим: *восьмиле́тний, восьмиэта́жный, восьмирубе́вый, восьмичасово́й* (произносится [в'с'м'ил'ѣт'н'и], [в'с'м'ирубл'ѣв'и] и т. д.).

Сложные прилагательные с числительными от 11 до 19 (и производные от них) в первой части имеют два ударения: побочное на первой части — числительном и основное — на второй. Ср.: *одинна́дцатиметро́вый, двена́дцатие́тажный, трина́дцатирубле́вый, четыр́надцатидне́вный, пята́дцатикопее́чный, шестна́дцатилитро́вый, семна́дцатиле́тний, восемна́дцатисантиметро́-*

ый, *девятнадцатилётный*. Сложные прилагательные с числительными 20, 30 и 40 в первой части имеют побочное ударение на окончании первой части—на гласном [и] (или [а] для *сорок*) и основное ударение на второй части: *двадцатикопеечный*, *тридцатиметровый*, *сорокарублёвый*, *двадцатиминутный*, *тридцатидневный*, *сорокадневный*.

Сложные прилагательные со сложными числительными 50, 60, 70 и 80 в первой части имеют побочное ударение на первой части сложных числительных и основное ударение на второй части сложения. Ср.: *пятидесятилетный* (произносится [п'и^ст'и-д'ьс'ьт'ил'ёт'н'и]), *шестьдесятирублёвый*, *семьдесятиметровый*, *восемьдесятилетный*. Сложные прилагательные с числительным 90 в первой части имеют побочное ударение на числительном и основное ударение на второй части сложения. Ср.: *девядсто-*
лётный.

Сложные прилагательные (и производные от них) с числительным 100 в первой части также имеют два ударения: побочное на первой части (*сто-*) и основное на второй части: *стёрублёвый*, *стопроентный*, *стокилометровый*, *стометровый*, *стомиллионный*, *стопудовый*. Ср., однако, случаи с основным ударением на первом слоге второй части: *столе́тний*, *столе́тие* (без побочного ударения), с побочным ударением на первой части: *сто́тысячный* при возможном *стоты́сячный*, *стокра́тный* (обычно без побочного ударения), но *сто́усть* (с побочным ударением; отметим, что последний пример представляет книжное образование).

Числительные 300 и 400, которые в форме *трёхсо́т*, *четырёхсо́т* имеют два ударения: основное и побочное, сохраняют оба эти ударения в первой части сложных прилагательных. Однако основное ударение в последних падает на вторую часть образования. Таким образом, в этих сложных прилагательных оказывается по три ударения, причем основное ударение числительных в форме *трёхсо́т*, *четырёхсо́т* превращается в сложных прилагательных в побочное: *трёхсо́тле́тний*, *четырёхсо́тты́сячный*. Побочные ударения здесь неодинаковы: первое является более ослабленным по сравнению со вторым (основным по отношению к первому), второе также является более ослабленным по сравнению с третьим—основным ударением сложения. Иными словами, здесь имеет место не однолинейное сочетание трех ударений, а их соединение парами, т. е. не по формуле $1+2+3$, а по формуле $(1+2)+3$. Здесь первое ударение по отношению ко второму является слабым, побочным, точно так же, как первое и второе ударения, вместе взятые, являются слабыми по отношению к третьему, основному словесному ударению.

В сложных прилагательных, первая часть которых состоит из числительных составных (например, 23, 25, 28, 39, 48, 93, 148, 244 и т. д.), основное ударение, как и в других случаях, падает на вторую часть; однако первая часть сохраняет все

свои ударения, одно из которых является побочным по отношению к основному ударению (т. е. ударению второй части), будучи в то же время наиболее сильным (т. е. как бы основным) в пределах первой части сложения: *двадцатипрѣхлѣтний*, *двадцатипятилѣтний*, *двадцативосьмиднѣвный*, *тридцатидевятиминутный*, *сорокавосьмиднѣвный*, *девятидотрѣхсуточный*, *стасорокавосьмиднѣвный*, *двухсотсорокачетырѣхметровый*.

С побочным ударением произносятся некоторые слова иноязычного происхождения, сложные по своему составу: *брандмайор*, *мѣтрдотѣль*, *табльдот*, *рейхсканцлер*, *подскрипtum*, *подфактум*, *кольдкрѣм*, *Донжуан*, *Донкихот*.

Побочное ударение всегда имеется в сложных по своему составу словах как иноязычного происхождения, так и исконно своих, пишущихся через дефис: *трѣд-юнион*, *яхт-клуб*, *генерал-майор*, *лейб-гвардия*, *контр-адмирал*, *кают-компания*, *дѣд-мороз*, *жар-птица*, *плац-палатка*, *крѣм-сода*, *рыба-кит* и др.

Отметим также наличие побочного ударения в словах *дѣфакто*, *дѣюре*.

Во многих случаях, в том числе и приведенных выше, побочное ударение является факультативным: оно имеется в более отчетливом произношении и отсутствует в более беглом или имеется в произношении одних лиц и отсутствует в произношении других. Ср., например, слова *машиностроение*, *сельскохозяйственный*, *законопроект*, которые могут произноситься двояко: [машын'страјѣн'иѣ] и [мышн'н'страјѣн'иѣ], [с'ѣл'скъхлз'ајс'т'в'ьн'ѣ] и [с'ъл'скъхлз'ајс'т'в'ьн'ѣ], [закон'ьпраѣкт] и [зъкън'ьпраѣкт].

Наличие побочного ударения в некоторых случаях, обычно в не указанных условий, характеризует просторечный стиль речи; ср. произношение: *жилá в Ленинградѣ*, *в общежити́и*, а также *пятьсѣ́дт*, *шестьсѣ́дт*, *семьсѣ́дт*, *восемьсѣ́дт*, *девятьсѣ́дт* (в последних случаях, видимо, с основным ударением на первой части сложения и побочным на второй).

При наличии в сложном слове трех основ возможно в нем три ударения—два побочных и последнее основное: *электромашин'ностроѣ́ние* (при этом первое побочное ударение здесь сильнее второго, так как данное слово образовано путем сочетания элемента *электро-* со словом *машиностроение*). Ср. также: *аэрофотосъѣ́мка*, *теплослѣ́ктроцентра́ль*, *автомоб'тогони́чик*.

Кроме сложных слов, побочное ударение имеют многие сложносокращенные слова, представляющие собой сложные части первого слова с полным вторым словом.

гос-: *госаппа́рат*, *госбюдже́т*, *госконтр'оль*, *госарбитра́ж*, *госкреді́ты*, *госкапита́лизм*;

агит-: *агитбрига́да*, *агитколлектив*, *агиткампанія*, *агитпое́зд*;

лит-: *литмонта́ж*, *литкружо́к*, *литконсульта́ция*;

метео-: *метеостан́ция*, *метеослужба*;

мото-: мотогонки, мотодивизия, мотодрезина, мотоколяска, мотопехота;

прод-: продотряд, подразвёрстка, продналог;

полит-: политкружок, политучёба, политшкола, политуправление, политредакция;

проф-: профдвижение, профбилет, профорганизация, профсобрание, профделегат, профактив (но профсоюз, произносится [прѣфсѣлѹс]);

соц-: соцдоговор, соцсоревнование, соцстрах;

строй-: стройдетали, стройматериалы;

парт-: партбилет, парткабинет, партактив, партучёба, партязыканье, партсобрание, парттысячник, партконференция, партсъезд.

То же в отдельных единичных образованиях: колдоговор, драмкружок, техминимум, хозрасчёт, домработница, земснаряд.

Побочное ударение имеют также некоторые сокращённые названия организаций и учреждений, как собственные, так и нарицательные: Моссовет, Ленсовет, Мосэнерго, Энергосбыт, Мосгаз, Моснаб, Сельэнерго, облисполком, райисполком, райсовет, облит, политпросвет и др.

К сложносокращённым словам близки такие образования, как велогонка, велокамера; бензозаправщик, бензоколонка, кожзаменитель и др., которые также имеют побочное ударение.

Если сложносокращённое слово представляет собой сложение частей двух слов с третьим полным словом, оно может иметь три ударения—два побочных и третье основное: сельхозартель, сельхозобъединение, совпартшкола, Мосшвейартель, Волгодонстрой.

Наконец, побочное ударение на приставке обычно имеют слова с приставками после-, сверх-, около-, меж-, внутри-, вне-, а также с приставками иноязычного происхождения архи-, анти-, ультра-, супер-, транс-, контр-, про-, прото-, квази-.

после-: послевоенные годы, послеоктябрьский период, послеобеденный перерыв, послеродовой период, послеоперационное течение болезни;

сверх-: сверхприбыли, сверхплановый, сверхвысотный, сверхдальный, сверхмощный, сверхъестественный;

около-: окололитературный, околосердечный, окологлоточный, околоцветник;

меж-: межвидовой, межбиблиотечный, межклеточный, межкомнатный, межкостный, межрайонный, межобластной, межреспубликанский, межсоюзнический;

внутри-: внутрипартийный, внутриобластной, внутризаводский, внутрицеховой, внутриполитический, внутриклеточный;

вне-: вневойсковой, внеслужебный, вневузовский;

анти-: антиобщественный, антихудожественный, антидемократический, антимарксистский, антипедагогичный, антиклерикальный;

ультра-: ультрамикроскоп, ультрафиолетовый, ультракороткий;

супер-: суперобложка, суперарбитр;

транс-: трансатлантический, трансарктический, транссибирский, трансоеанский, трансполярный;

контр-: контришансы, контрудар, контрнаступление, контратака, контратаковать, контрманёвры, контрразведка;

про-: проамериканский, прогерманский, проанглийский, профашистский;

прото-: протославянский, протоисторический, протославяне, протобалты;

квази-: квазиучёный, квазиспециалист, квазиобъективный.

Побочное ударение могут иметь некоторые из слов с приставками иноязычного происхождения *де-*, *ре-*.

де-: денационализация, денацификация, деаэрация, денатурализация, децентрализация, демунципализация; в некоторых случаях возможно произношение как с побочным ударением, так и без него: демилитаризация и демилитаризация, деквалификация и деквалификация. Есть также слова, которые всегда произносятся без побочного ударения, например: демобилизация, деморализовать, демонтировать.

ре-: ремилитаризация, ремилитаризованный, ренатурализация, ренатурализированный, редубликация, реэвакуация, реэмигрант, реэмиграция, реэкспорт, реэкспортировать; в некоторых случаях возможно произношение как с побочным ударением, так и без него; ср.: репатриация и репатриация.

ВОПРОСЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГОВОРОВ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Поставленная в заголовке тема требует специального разъяснения. В самом деле, можно установить совокупность звуков русского языка как простую сумму звуков, встречающихся в разных его диалектных разновидностях. Но можно ли говорить о фонетической системе применительно к современному русскому языку в целом, с охватом всех его диалектов и общего литературного стандарта? Ведь понятие фонетической системы предполагает понятие лежащей в ее основе фонемы. Фонетическая система, которая представляет собой прежде всего систему противопоставленных друг другу фонем, различающихся в одних условиях и закономерно изменяющих свое качество (возможно, частью также совпадающих в своем качестве)— в других, реально существует лишь в пределах одной какой-то разновидности языка, ограниченной в территориальном и социальном отношениях, а также в отношении жанровом. Можно ли говорить при таких условиях о фонетической системе русского языка в целом, имея в виду как его многочисленные диалекты, так и литературный язык?

При ответе на этот вопрос надо иметь в виду, что диалект всегда представляет собой часть целого, т. е. входит в состав более обширного языкового образования, и потому он всегда противопоставлен другому диалекту (или другим диалектам), и что вне такого противопоставления, в сущности, нет диалекта. Надо иметь в виду также, что в структуре языка диалекты могут занимать разное положение, быть разных «рангов» (ср., например, понятия «северно-великорусское наречие», «олонецкая группа говоров», «говоры Пудожского района», «говор дер. Келкозеро»).

В структуре языка и диалектов следует различать общие и различительные признаки. Благодаря общим признакам два диалекта более мелкого деления входят в состав одного диалекта более крупного деления; точно так же благодаря общим признакам диалектов более крупного деления они могут входить в состав одного языка. Напротив, сами диалекты выделяются благодаря раз-

личительным признакам, которыми они и противопоставляются друг другу.

Следует иметь в виду относительность понятий «общие признаки диалектов» и «различительные признаки диалектов»: различительные признаки диалекта, при помощи которых выделяется данный диалект, противопоставляясь другим, в то же время являются общими признаками для более дробных диалектов, на которые подразделяется данный диалект. И напротив, общий признак данных диалектов может оказаться их различительным признаком в пределах более крупного диалекта «высшего ранга».

Итак, мы говорим о южновеликорусском наречии, что оно представляет собой диалект русского языка, потому что, с одной стороны, в нем по отношению к северновеликорусскому наречию выделяются определенные различительные признаки, по которым они противопоставляются друг другу; с другой стороны — потому что оба они разделяют общие признаки русского языка вообще.

Отсюда следует, что при всем различии фонетических систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных фонетических системах отдельных русских говоров, но также и — в несколько, правда, ином смысле — об общей фонетической системе русского языка в целом. Эта последняя заключает в себе, с одной стороны, черты общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, мобильные, в которых и проявляются диалектные различия. Поэтому наряду с частными диалектными фонетическими системами возможно построение фонетической системы «высшего ранга», можно сказать «системы фонетических систем» русского языка в целом, включая все его диалектные разновидности и литературный язык.

Однако понятие общей фонетической системы русского языка требует своего обоснования еще с другой стороны. Как известно, само происхождение диалектов связано с большей или меньшей разобщенностью их носителей в прошлом. Диалекты обособляются или, наоборот, объединяются в зависимости от того, существует ли общение между соответствующими коллективами, насколько оно интенсивно и как долго оно продолжается. Принимая во внимание все это, можно ли считать общую фонетическую систему русского языка со всеми его диалектными разновидностями некоторой языковой реальностью или она представляет собой лишь чисто абстрактную схему? Этот вопрос правильно может быть разрешен лишь при учете конкретных условий данного языка в данную эпоху.

Мы не можем считать правильной индивидуалистическую концепцию, характерную для младограмматиков, согласно которой языковой реальностью является лишь язык индивида, а язык даже самого маленького коллектива и, следовательно, всякий диалект, не говоря об общем национальном языке, объявляется фикцией,

создаваемой в уме ученого абстракцией, а не реально существующим явлением¹. Язык индивида, как такового, конечно, есть реальность, но реальность физическая (акустическая), физиологическая, психологическая, но никак не собственно языковая, т. е. социальная, так как вне коллектива нет языка. Язык индивида становится реальностью собственно языковой (т. е. социальной) лишь в той мере, в какой он является представителем, образцом, типичным примером языка коллектива (т. е. диалекта в широком смысле слова). Таким образом, именно диалект (т. е. язык коллектива), а не язык отдельного индивидуума, как таковой, является собственно языковой реальностью. Такой же реальностью является и фонетическая система диалекта в той мере, в какой тому или иному диалекту свойственна известная, более или менее последовательно выдерживаемая система.

Но если диалект является безусловной языковой реальностью, то в какой мере можно принять за языковую реальность национальный язык вместе с его диалектными разновидностями? Этот вопрос также разрешается не абстрактно, а с учетом конкретно-исторических условий: одно дело, если мы имеем в виду диалекты и общий письменный язык эпохи феодализма разных периодов, другое дело — современные диалекты и соответствующий национальный литературный язык. По-разному разрешается вопрос также для разных современных национальных языков, например для русского языка, с его хотя и многообразными, но весьма близкими друг другу диалектами, с одной стороны, и для таких языков, как немецкий, итальянский с их диалектами, весьма отличными друг от друга как в фонетическом и структурно-грамматическом отношениях, так и по лексическому составу.

В далеком прошлом, в эпоху формирования диалектов непосредственное языковое общение между представителями разных диалектов не имело такого значения, как в позднейшие эпохи: диалекты и развивались-то в значительной мере вследствие обособления соответствующих групп населения. Однако уже в эпоху капитализма, в связи с ростом промышленных центров и торговли, в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню, языковое общение между носителями разных диалектов значительно расширяется. Особенно расширяется оно в эпоху социализма. Наши но-

¹ См: Н. Paul. *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 1909, s. 37—38; А. А. Шахматов („Очерк современного русского языка“, изд. 4, 1941, стр. 69): „Реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он складывается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов“. Ср. особенно резкое высказывание по этому поводу И. А. Бодуэна де Куртэна („Введение в языковедение“, изд. 5, литогр., 1917, стр. 41): „Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию. Никакой русский язык, точно так же как и никакой другой племенной или национальный язык, вовсе не существует. Существуют... одни только индивидуальные языки. Племенной же или национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков“.

востройки, механизированные и электрифицированные колхозы и совхозы явились и являются местом, где происходит широкое междиалектное общение. Книга и газета, радио и телевидение, звуковое кино представляют собой, между прочим, разные формы (правда, одностороннего) общения носителей диалектов с литературным, общенациональным языком. Школа также является местом встречи носителей разных диалектов. Все это приводит, как это уже отмечалось в литературе, к известному двуязычию носителей современных русских диалектов: наряду с местным диалектом они в какой-то мере владеют и общим литературным языком, хотя бы пассивно узнают формы этого языка, которые являются для них неким языковым идеалом¹.

Применительно к описанным условиям общую фонетическую систему современного русского языка в целом, включая его диалектные разновидности, можно считать известной реальностью не только в структурно-языковом отношении, но также и как явление культурно-историческое, т. е. как целостное средство общения.

Признание общей фонетической системы русского языка в целом как своего рода системы фонетических систем отдельных его диалектных разновидностей значительно раздвигает рамки синхронного описания фонетической системы языка: обычно синхронное описание ограничивается описанием фактов, сосуществующих в одной какой-то системе, в одном каком-то типе языка, т. е. в одном каком-то диалекте в широком смысле слова. Между тем, признав русский язык в целом со всеми его диалектными разновидностями языковой реальностью в определенном, выясненном выше аспекте, мы тем самым признаем и возможность его синхронного описания². Это значительно раздвигает горизонты одновременно сосуществующих языковых явлений. Наша мысль может быть пояснена такой аналогией: представить себе равнину и человека среди нее; горизонт его, т. е. то, что открывается его взору с одной и той же точки во все стороны, ограничен ростом человека; если он влезет на дерево, то с вершины дерева его горизонт заметно раздвинется; если же он заберется на пожарную каланчу, то его горизонт раздвинется еще более. Чем выше точка, с которой ведется наблюдение, тем шире горизонт наблюдения, но, правда, тем менее конкретно наблюдаемое: детали скрылись из виду, но зато целое предстает четче в его основных чертах. Попытка представить общую фонетическую систему русского языка и есть взгляд на русский язык с такой, так сказать,

¹ См.: А. М. Иванов и Л. П. Якубинский. Очерки по языку. ГИХЛ, 1932; В. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. ГИХЛ, 1936. Я не касаюсь здесь вопросов нивелировки диалектов под воздействием литературного языка.

² Нужно сказать, что синхрония общей фонетической системы языка в целом в его диалектных разновидностях представляет вместе с тем и диахронию его — историю данного языка, так как многообразие диалектных различий — это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов.

высоты, с которой можно обозреть русский язык в целом, со всеми его диалектными разновидностями. То, что откроется перед нами, естественно, будет более абстрактно, менее конкретно, чем наблюдаемый ближе, с более «низкой» позиции тот или иной частный диалект, но оно не станет от этого меньшей реальностью: оно представляет собой реальность, но реальность иного, высшего порядка, в котором представлено целое и его основные части, но не детали. Задача такого обследования — синтез, обобщение, генерализация, а не анализ, детализация: то и другое помогает нам представить разные стороны русского языка в его диалектных разновидностях как языковой реальности, доступной наблюдению.

Отрицать реальность общей фонетической системы русского языка — это то же самое, что отрицать, например, реальность аэрофотосъемки ввиду «неконкретности» или «абстрактности» последней. Но ведь реальность аэрофотосъемки, которой пользуется авиаразведка, ее соответствие действительности доказаны на полях сражений: вслед за нею падали бомбы на заснятые вражеские объекты. Но верно одно, что аэрофотосъемка охватывает общие контуры целого, минуя детали. Можно снять с птичьего полета Москву, снять панораму Кремля, снять Спасскую башню, снять, наконец, какую-нибудь архитектурную деталь этой башни. Все снимки будут реальны и соответствовать действительности в ее разных аспектах. Но ближе всего к действительности во всей ее конкретности явятся все они, вместе взятые.

Предмет научного изучения всегда реален в своей конкретности, многосторонних связях. Но научный анализ не может одновременно схватить свой предмет во всей его конкретности, во всех его связях. Отсюда — различные аспекты исследования: исследование общих контуров фонетической системы языка в его диалектах с целью не столько детализации, сколько обобщения; с другой стороны — исследование звуковой стороны отдельного диалекта с целью установления его фонетической системы, обязательной для всех носителей данного диалекта. Рядом с этим может быть и такой аспект — изучение частного объекта, так сказать, под микроскопом: исчерпывающее изучение говора отдельного населенного пункта путем наблюдения над языком многих (а в принципе и всех) его жителей с учетом социальной, возрастной, половой, жанровой и прочей дифференциации с целью установления динамики говора, происходящих в нем живых процессов¹. Если этот последний аспект изучения назвать м и к р о с к о п и ч е с к и м, то первый тип исследования — обобщающее изучение фонетической структуры языка в целом в его диалектных разновидностях — может быть назван аспектом м а к р о с к о п и ч е с к и м.

¹ Такого рода опыты у нас делались, например, Н. Н. Дурново в „Описании говора д. Парфенок Рузского у. Моск. губ.“ (Варшава, 1903) и Н. М. Каринским в „Очерках языка русских крестьян, говор д. Ванилово“ (Соцэкгиз, 1936).

Итак, фонетическая система русского языка в его диалектах включает в себе, с одной стороны, черты стабильные, устойчивые, общие для русского языка в целом или того или иного диалекта, с другой стороны — черты мобильные, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия разной степени дробности.

Частные фонетические системы разных диалектов, входящих в состав одного более обширного языкового образования, тождественны в одних своих звеньях (элементах) и отличаются друг от друга в других. Языковые черты, отличающие разные диалекты, образуют одно соответственное явление языкового образования, в состав которого они входят. Из таких соответственных явлений и состоят подвижные элементы фонетической системы русского языка. Соответственность проявляется в частных различиях диалектов на фоне общности их в той или иной степени в своем лексическом составе, грамматической системе и фонетической структуре. Соответственность заключается в том, что в тождественных условиях одному диалекту присуща одна языковая особенность, другому — соответствующая другая; таким образом, в фонетической системе одного и того же диалекта эти особенности взаимно исключаются. Именно такие особенности и образуют соответственное явление (подвижной элемент фонетической структуры). Соответственное явление всегда двучленно или многучленно. При этом разные члены его взаимно исключаются в одной и той же языковой системе и, напротив, взаимно замещают друг друга, соответствуют друг другу в разных системах. Благодаря этому различные частные проявления (члены) соответственного явления, т. е. подвижного элемента фонетической системы, по отношению друг к другу функционально тождественны, эквивалентны. Таким образом, соответственным явлением, или, иначе, подвижным элементом языковой структуры, здесь названо такое языковое явление разных систем (диалектов), частные проявления (члены) которого в одной и той же системе взаимно исключаются, а в разных системах соответствуют друг другу, образуя функциональное тождество.

Подвижные элементы фонетической структуры могут быть весьма различны в зависимости от того, что представляют собой в функциональном отношении их частные проявления (члены) в фонетических системах соответствующих диалектов.

Подвижные элементы фонетической структуры могут касаться состава фонем, т. е. их количества; качества отдельной фонемы; различия или неразличия тех или иных фонем в определенных условиях; качества слабых фонем в тождественных условиях; фонетических условий, в которых происходит нейтрализация определенных сильных фонем в тех или иных слабых фонемах; качества вариантов фонем в определенных фонетических условиях и т. д.

Мы коснемся лишь соответственных явлений первого рода, т. е. различий в составе фонем, и притом лишь в области вокализма.

СИЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕГО ГОВОРАХ

Выше было уже указано, что состав фонем по русским говорам может быть неодинаков. В дальнейшем мы рассмотрим различия в составе гласных фонем в разных русских говорах.

Состав фонем определяется по их сильному положению. Напомним, что сильным положением для фонемы является такое положение, в котором ее звуковое качество в наименьшей степени обусловлено позицией, где она выступает в своем основном виде и противопоставлена наибольшему количеству других звучаний — фонем. Напротив, слабым положением является такое, в котором звуковое качество фонемы в большей степени обусловлено позицией, в которой она находится. Фонемы, в которых — в связи с возможным совпадением некоторых фонем в одном общем варианте — могут различаться не все фонемы.

Для гласных фонем акающих говоров, в частности литературного языка, сильным положением является положение под ударением, где все фонемы различаются, а слабым — положение в безударных слогах, где некоторые гласные фонемы различаются, совпадая в одном общем варианте. Ср., например, под ударением <о> и <а> при предударном [а] (или [ъ]) в соответствии как с ударным [о], так и ударным [а]: [пал'ош':ьт'] 'ск'ь], но [п'ял'аск'ат'] ([п'яль'ск'ат']) в значении 'полоскать белье', 'поласкать ребенк'а'; или [бок] и [бак], но [бач'ок] — уменьшительное как от [бок], так и от [бак]. Ср. также в акающих говорах [т'ану́], [н'асу́], [в л'асу́] или [т'ину́], [н'ису́], [в л'ису́] — одинаковым гласным в предударном слоге — вариантом разных гласных фонем — ср.: [т'анут], [н'ос], [л'ес] ([л'ес]) с различающимися разными гласными фонемами под ударением.

Можно подумать, что для северновеликорусских говоров понятие гласной фонемы по отношению к ударению несущественно, так как при оканье гласные фонемы различаются не только под ударением, но и в безударных слогах. Однако такой взгляд был бы неправилен. Можно указать, что фонемы <о> и <ѐ> не только в акающих, но и в окаяющих говорах различаются только под ударением. Ср., например, [год] и [кѐт], но [годо́в], [кѐто́в], [гадо́в], [като́в] с общим вариантом для обеих фонем — [о] в окаяющих говорах и [а] в акающих. Можно указать также и на обстоятельство, что гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге по северновеликорусским говорам далеко не всегда различаются ([в л'есу́], [н'осу́], [т'ану́]); чаще эти фонемы почти совпадают и могут совпадать даже все: возможно произношение в [л'осу́], [н'осу́], но [т'ану́] (или [т'ену́]); [в л'есу́], [т'есу́], но [т'ану́]; [в л'есу́], [т'ену́], но [н'осу́] и т. д. и даже [л'есу́], [н'есу́], [т'ену́]. Таким образом, не все гласные фонемы существенно различаются в каждом северновеликорусском говоре даже в 1-м предударном слоге. Что же касается других безударных слогов, то известно, что многим северновеликорусским говорам

(владимирско-поволжским) свойственны в этих слогах сильная редукция гласных и качественные изменения, приводящие к совпадению некоторых гласных фонем в одном общем варианте. Ср. в таких говорах [съдовѠд] и [въдовѠз], [выпѣл'у] от *палѣть* и от *полѠть*, где звук [ѣ] выступает в качестве варианта фонем <о> и <а>.

Все это свидетельствует о том, что фактор ударения для системы гласных фонем северновеликорусских говоров не является безразличным. Правда, в общем, он имеет для них меньшее значение, чем для говоров акающих. Однако его значение, в особенности для некоторых северновеликорусских говоров, все же достаточно велико.

Таким образом, и для северновеликорусских говоров положение гласных фонем в безударных слогах не является сильным положением: в окающих говорах, как и в акающих, сильным положением для гласных фонем является положение под ударением.

Однако и это последнее положение не всегда является сильным для вокализма северновеликорусских говоров: здесь вторгается другой весьма важный для системы гласных северновеликорусских говоров фактор — качество соседних согласных (в особенности твердость или мягкость). Этот фактор имеет известное значение для любого русского говора: после мягких согласных гласные фонемы испытывают большую или меньшую передвижку артикуляции вперед и вверх, в связи с чем они реализуются в своих более передних и закрытых вариациях. На этом основано, между прочим, различие аканья в собственном смысле слова и яканья. Особенно значительна эта передвижка в положении между мягкими согласными. Это положение весьма важно в диалектологическом отношении, так как по разным русским говорам в этом положении гласные изменяются не в одинаковой степени, что вносит существенные различия в системы вокализма разных русских говоров. В литературном языке, в южновеликорусских говорах, в большей части средневеликорусских и части северновеликорусских говоров фонемы <а>, <о>, <у> выступают в своих передних и переднесредних вариациях [ǎ], [ǫ], [ǔ]. Однако для большей части северновеликорусских говоров этот фактор приобретает принципиальное значение, так как при помощи его формируется специфически северновеликорусская система вокализма: в положении между мягкими согласными некоторые гласные фонемы в значительной части северновеликорусских говоров изменяются так сильно, что совпадают с другими фонемами, выступая, таким образом, в своих вариантах; ср.: [п'ǎтој] — [п'ет'], [вз'ал], [вз'эл'и], [стр'ел'ǎл], [стр'ел'эл'и], [гул'ǎл] — [гул'эјут] и т. д. Или: [л'это] — [в л'йт'е], [с'эно] — [в с'ин'е], [б'элој] — [б'ыл'ен'кој], [в'этра] — [в'йт'ор], [хл'эп] — [хл'иб'ец], [в'эра] — [в'ир'ит] и т. д. Что здесь мы имеем дело с вариантами фонем, видно из таких примеров, как [п'эл ф хѠр'е] и [п'ил

ту], но [п'йл'и ф хór'е] и [п'йл'и во́ду]; [м'ёра] и [м'ир], но [по м'и́р'е карто́шк'и] и [жы́л'и в м'и́р'е]. Следовательно, для значительной части северновеликорусских говоров положение под ударением между мягкими согласными является слабым положением. Сильное положение для них можно определить как положение под ударением не между мягкими согласными.

Из предыдущего можно сделать следующие выводы: модификации гласных фонем русского языка в его говорах зависят от двух факторов: места гласной по отношению к ударению и качества соседних согласных. Система вокализма акающих говоров определяется главным образом местом гласной по отношению к ударению, а качество соседних согласных является хотя и существенным, но дополнительным фактором. Для окающих говоров, напротив, место гласной по отношению к ударению имеет вообще меньшее значение, хотя все же довольно значительное, но зато для большей части окающих говоров первостепенное значение имеет качество соседних согласных.

Какое же фонетическое положение гласных фонем можно считать сильным по отношению к любому русскому диалекту? Иначе — какое фонетическое положение гласных фонем можно считать абсолютно сильным, т. е. применимым к русскому языку в целом? Абсолютно-сильным положением гласных фонем для всех русских говоров является положение под ударением после твердой согласной перед твердой или мягкой или на конце слова (*tat, tat', ta*)¹, в абсолютном начале слова перед твердой или мягкой согласной (*at, at'*), после мягкой согласной перед твердой и на конце слова (*t'at, t'a*), не между согласными (а), короче — под ударением не между мягкими согласными.

РАЗЛИЧИЯ В СОСТАВЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ПО РУССКИМ ГОВОРАМ

В значительной части русских говоров, как и в литературном языке, — пять гласных фонем: [и], [е], [а], [о], [у]². В говорах, где имеются эти фонемы, все они различаются в абсолютном сильном положении — под ударением не между мягкими согласными. Однако количество гласных фонем по говорам может варьироваться, в некоторых из них доходя до семи. Неодинакова по говорам и сфера употребления отдельных фонем — боль-

¹ Здесь и ниже *a* является символом гласной фонемы, а *t* и *t'* — символами твердой или мягкой согласной.

² Если считать, как это делается здесь, звук *ы* вариацией фонемы <и>. См.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. 1945, стр. 46—47, а также стр. 40, 56. См. ниже.

О некоторых отличиях в сфере употребления фонемы <е> в литературном языке, с одной стороны, и в большей части говоров, в том числе в говорах по составу гласных фонем, не отличающихся от литературного языка, — с другой, см. ниже.

шая или меньшая широта их употребления в определенных морфемах.

Различия в составе гласных фонем по говорам объясняются тем, что, кроме устойчивых, стабильных элементов фонетической структуры русского языка, имеются также подвижные, мобильные элементы—соответственные явления, которые в разных говорах реализуются в разных своих конкретных проявлениях (членах).

Таковыми подвижными элементами в структуре вокализма русского языка в его говорах, точнее—в составе гласных фонем, являются:

1) Наличие под ударением после мягких согласных перед твердыми звука <о> или произнесение в соответствии с <о> в указанном положении звука <е>: [прин'о́с], [бе́р'о́за] или [прин'е́с], [бе́р'е́за] (подробнее об этом см. ниже). С исторической точки зрения—наличие или отсутствие по говорам результата изменения [е] (из старых [е] и [ь]) в [о];

2) Наличие или отсутствие под ударением после твердых парных согласных и задненёбных особой фонемы <ъ> („о закрытое“) или <ѹ> в отличие от фонемы <о> („о открытое“). С исторической точки зрения—различение или неразличение, замена старого <о> под восходящим ударением, с одной стороны, старых ъ и о под нисходящим ударением—с другой;

3) Наличие или отсутствие под ударением особой фонемы <ѐ> („е закрытое“) или (реже) <и̑> в отличие от других гласных фонем, в том числе от <е> („е открытое“) в той мере, в какой по говорам представлена эта последняя фонема. С исторической точки зрения наличие на месте ѣ (= <ѐ>) под ударением разных замен, в том числе <ѐ> (или <и̑>), с одной стороны, и <е> („е открытое“) или <и>—с другой.

Рассмотрим в отдельности перечисленные подвижные элементы, иначе—соответственные явления, в составе гласных фонем русских говоров.

1) В системе вокализма подавляющей части русских говоров и в литературном языке после мягких согласных и шипящих под ударением перед твердой согласной широко представлена фонема [о]. Ср.: [л'о́н], [ов'о́с], [св'о́кла], [кл'о́н], [бе́р'о́за], [вес'о́ло], [че́р'о́муха], [па́т'в'о́рст], [д'о́н], [с'о́л]; [зав'о́ртыват'], [тв'о́рдо], [кош'о́лка], [д'еш'о́во]; [кот'о́нок], [галч'о́нок], [м'едв'е́ж'о́нок]; [н'ес'о́м], [в'ез'о́м], [пл'ет'о́м], [в'ед'о́м], [гр'еб'о́м]; [дн'о́м], [кул'о́м], [бел'јо́м], [земл'о́ј]; [кул'о́к], [огон'о́к], [д'ен'о́к], [п'ен'о́к].

Однако в некоторых говорах звук <о> под ударением после мягкой согласной представлен только в падежных окончаниях ([дн'о́м], [кул'о́м], [м'ед'в'ед'о́м], [з'емл'о́ј], [конап'ло́ј]) и в уменьшительном суффиксе -ок ([п'ен'о́к], [д'ен'о́к], [кул'о́к], [огон'о́к]), а также в суффиксе -ов ([хм'ал'о́ф]). Можно с уве-

ренностью утверждать, что [о] в этих категориях случаев появился нефонетическим путем: под влиянием твердой разновидности склонения ([окно́м], [пило́й]), уменьшительного суффикса -ок после твердых согласных ([дубо́к], [возо́к], [домо́к])¹, суффикса -ов после твердых согласных ([ивано́ф]). В остальных же случаях сохраняется [е]: [л'ен], [ов'ес], [св'экла], [кл'ен], [б'ер'еза], [в'ес'ело], [ч'ер'ему́ха]; [п'ат'в'ерст], [д'ен], [с'ел]; [зав'ертыват'], [тв'ердо], [кош'елка], [д'ешево]; [кат'енок], [гал'енок], [м'едв'е́енок]; [н'ес'ем], [в'ез'ем], [пл'ет'ем], [в'ед'ем], [гр'еб'ем]. Следует отметить, что звук [е] под ударением в личных окончаниях глаголов I спряжения широко представлен также и в говорах, вообще знающих <о> после мягких согласных, и особенно в южновеликорусских.

Отсутствие в таких говорах — не в падежных окончаниях и не в уменьшительном суффиксе — звука [о] после мягких согласных ведет к тому, что <о> и <е> после мягких согласных различаются в немногих случаях, в которых примеры с <о> падают на падежные формы или уменьшительные образования с -ок; ср.: [з'амл'о́] и [пал'е́]; [м'ед'в'ад'о́м] и [пр'ив'ед'е́м]; [лар'о́к] и [поп'ер'е́к]. Как правило же, в таких говорах <о> и <е> взаимно исключаются в одном положении: после твердых согласных произносится <о>, после мягких — <е>².

В говорах, в которых вследствие изменения <е> в <о> последовательно представлено под ударением перед твердой согласной [о], в положении перед мягкой согласной закономерно с точки зрения исторической фонетики выступает <е>. Ср.: [с'о́ла] — [с'е́л'ско], [в'е́с'бло] — [в'ес'е́л'jo], [нап'о́рсток] — [п'е́рс'т'е́н'] и т. д. В эпоху, когда чередование <е>//<о> после мягких согласных в зависимости от положения перед твердой согласной (сильное положение) или мягкой согласной (слабое положение) было абсолютно закономерным, звуки [о] и [е] после мягких согласных были разновидностями одной и той же фонемы. Такое положение отчасти держится и сейчас в некоторых говорах. Однако почти во всех говорах русского языка — в большей

¹ Об этом подробнее см. в моей статье „Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению реки Пры“ в I томе „Материалов и исследований по русской диалектологии“ (Изд.-во АН СССР, 1947).

² Говоры, не знающие результатов изменения <е> в <о>, до недавнего времени были мало известны в русской диалектологии. В 1939 и 1940 г. я обнаружил компактный район таких говоров в северо-западной части Рязанской области. В дальнейшем эта территория была довольно значительно расширена благодаря диалектологическим поездкам В. Г. Орловой, В. К. Чичагова, Л. Н. Булатовой и др. Среди говоров, не знающих изменения <е> в <о>, можно отметить говор с. Новоселки Ряз. у. (см.: „Труды Моск. диал. ком.“, III, стр. 57—60), говор западной части Вадского р-на Пенз. обл. (см. статью А. Н. Гвоздева в „Учен. записках Куйбышевского пед. ин-та“, вып. V, 1942), подробно описанный мною в 1940 г. говор с. Кидусово Спаского р-на Ряз. обл. (см. упомянутую выше мою статью о диалектологии рязанской мещеры) и др. Говоры, не знающие изменения <е> в <о>, известны в Рязанской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Куйбышевской областях.

или меньшей степени — нефонетическим путем в слабом положении (между мягкими согласными) появилось [o]: появились формы *на* [б'ер'о́з'е], [кл'о́н'е] — по образцу [б'ер'о́за], [кл'о́н]; [з'ел'о́н'ен'кој] — по образцу [з'ел'о́ној]; [н'ес'о́т'е], [в'ед'о́т'е] — по образцу [н'ес'о́м], [в'ед'о́м]; [т'о́т'а] — по образцу [т'о́тка]; [з'емл'о́] — по образцу [пил'о́] и т. д. Благодаря этому в положении между мягкими согласными <е> и <о> стали различаться ср.: [в'ес'ел] и [в'о́с'ел], [вес'е́л'jo] — [в'ес'о́лен'кој], [ол'е́н'] — [л'о́н'а], [т'о́м'ен'] — [т'е́м'ен']. Иначе говоря, слабое положение перестало быть таковым: вследствие нефонетических причин (действия аналогии) произошла качественная перестройка фонетической модели слова — слабое положение стало сильным. В результате этого [o]/[õ] в таких говорах, как звуки, находящиеся в отношениях регулярного фонетического чередования ([в'ес'о́лој] — [в'ес'о́л'ен'кој]), стали разновидностями одной фонемы [o], а звук [e] между мягкими согласными ([в'ес'е́л'jo]), освободившись от уз фонетической позиции, представляет уже иную фонему — <е>.

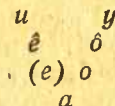
Однако место этой фонемы в вокализме разных русских говоров весьма различно: во многих из них фонема <е> отличается большой неполноценностью, слабой противопоставленностью другим фонемам, в других — она полноценна и употребляется весьма широко. Но об этом будет сказано ниже, так как степень полноценности фонемы <е> обусловлена другими смежными явлениями вокализма.

2) В ряде самых разных русских говоров (как северновеликорусских, так и южновеликорусских), кроме фонемы [o], сходной по образованию с соответствующей фонемой литературного языка, имеется фонема <õ> („о закрытое“), которая может произноситься так же, как дифтонг <uo>. В говорах, знающих фонемы <о> и <õ>, эти фонемы различаются во всех ударных слогах, кроме конечного открытого слога, где обычно произносится <õ>. Это объясняется тем, что старое *о* не в первом слоге слова могло иметь ударение только восходящее (на месте такого *о* мы и находим под ударением [õ]); старое же *ѡ* в конечном открытом слоге, будучи в слабом положении, утратилось.

В говорах, различающих <о> и <õ>, произносят [гот], но [кõт]; [пóл'о], но [вóл'а]; [вы́шол вóн], но [вóн там]; [дубо́к], но [глубо́к]; [носо́к], но [высо́к]; [мох], но [н'е мо́к]; [сыро́] хл'е́п; но [в сыро́] з'емл'е́; [п'оро́м], но [поро́м]; в конечном открытом слоге: [с'оло́], [окно́], [в'едрó], [давнó].

Однако замечено, что в говорах, различающих [o] и [õ], в конечном открытом слоге нередко вместо [õ] произносится [o]. Это относится прежде всего к местоименным формам *его*, *чего*, *кого*, *того*, *всего* и др., что объясняется, видимо, их частой слабуюдаремостью, а также относится и к другим случаям

после твердой — перед твердой произносится <о>. Звук [е] в этом положении может быть представлен лишь в немногих церковно-славянизмах и книжных заимствованиях, попавших в говор.¹ Кроме того, звук [е]² в таких говорах может употребляться в слабом положении — под ударением между мягкими согласными ([д'ен'], [с'ёл'ској]); но так как в том же положении по причинам нефонетического порядка может произноситься и [о] (об этом см. выше), то положение между мягкими согласными из слабого перерастает в сильное, а звук [е] между мягкими согласными становится фонемой <е>. Звук [е] между мягкими согласными в таких говорах может произноситься также в старом сочетании *tbrt*, в котором [p] перед губной или задненёбной нередко сохраняет свою мягкость: [п'ёр'вој], [с'ер'п], [ч'ет'в'ёр'г], [в'ер'х], [д'ер'гát'], [з'ёр'кало]. Из таких случаев и комплектуется в таких говорах фонема <е>, которая в системе гласных оказывается слабо-противопоставленной как фонеме <о>, так и фонеме <ê>, что и дало нам основание считать ее неполноценной. Таковы говоры с. Леки Коробовского р-на Московской обл. по описанию А. А. Шахматова³, б. Тотемского у. Вологодской губ. по описанию О. Брока⁴, б. Никольского у. Вологодской губ. по описанию Мансикка⁵, с. Пыщуг Пыщугского р-на б. Горьковской (ныне Костромской) обл. по описанию Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова⁶. Можно думать, что сюда относились также говоры б. Обоянского у. Курской губ., где сделаны обширные записи Машкиным, а также и некоторые другие южно-великорусские говоры. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

Неполноценность фонемы [е] обозначена здесь и ниже заключением в скобки.

¹ Впрочем, в старых заимствованиях, да и не только в старых, звук <е> перед твердой согласной нередко приравнивается к своему [ê]; так, например, по северновеликорусским говорам широко известно произношение: [л'ента], [кор'ета], [кор'ела], мне пришлось слышать в тех же говорах [ê] и в новых заимствованиях: [ц'ентр], [л'эки'ија], [котл'эта].

² Точнее, [ê]; но здесь закрытость не свободная, а вынужденная — обусловленная положением перед мягкой согласной.

³ См.: „Описание Лекинского говора Егорьевского у. Рязанской губ.“. „Изв. ОРЯС“, т. XVIII, кн. 4.

⁴ См.: „Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда“. „Сб. ОРЯС“, т. 83, № 4.

⁵ См.: „О говоре северо-восточной части Никольского у. Вологодской губ.“. „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4.

⁶ См.: „Говоры верхнего Поветлужья, фонетика и диалектические группы“. Нижний Новгород, 1931.

3. Шестифонемный состав гласных с неполноценной фонемой [e], не различающий фонем <ô> и <о>, имеющий фонему <ê>. Относящиеся сюда говоры отличаются от предыдущих лишь неразличением <ô> и <о>: наличием вместо обеих этих фонем одной, а именно <о>. Говоры с таким составом гласных фонем весьма широко известны на северновеликорусской территории и встречаются также среди южновеликорусских. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и	у
ê	
(e) о	
а	

4. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой <е>, которая выступает вместо <ê>, не различающий фонем <ô> и <о>. В относящихся сюда говорах также представлен результат изменения [e] в [о], и потому под ударением после мягких перед твердыми согласными широко употребительно <о> ([н'ос], [в'ол], [б'ер'бза]). Полноценность фонемы <е> объясняется тем, что в указанном только что положении вместо [ê] произносится [e] („е открытое“): [л'это], [с'это], [в'этра] и т. д. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и	у
е	о
а	

Говоры с таким составом гласных фонем широко известны как на юге, так и на севере. К их числу относится и литературный язык. Следует особо отметить, что в литературном языке в отличие от относящихся сюда говоров фонема <е> пополняется не только за счет <ê>, но и за счет слов книжного церковнославянского происхождения (типа *крест*, *перст*, *мёрзкий*, *дёрзкий*, *хребёт*) и западноевропейских заимствований (типа *атлёт*, *котлета*, *билёт*, *балёт*, *валёт*, *сонёт*, *манёра*).

Здесь уместно следующее замечание. Принято считать, что старое <ê> на месте ъ, по крайней мере в литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах, совпало с <е>. С таким утверждением нельзя согласиться, так как оно основано на сопоставлении соответствующих фонем вне их употребления в определенных позициях, без учета функциональной стороны. Ведь если <ê> (на месте старого ъ) в этих говорах под ударением перед твердой согласной заменилось звуком <е> (открытым), то само <е> в том же положении изменилось в <о>; ср.: [с'эла] (из *сѣла*) и [с'ола] (из *сѣла*). Следовательно, „совпадения“ здесь нет. Совпадение старых [ê] и [e] имеется только в слабом положении — между мягкими согласными; ср.: [с'эл'и] (из *сѣли*) и

[с'ѣл'око]] (из *сельский*). Таким образом, можно констатировать, что в относящихся сюда говорах старые [ѣ] и [е] совпали лишь в определенных условиях, т. е. в такой же мере, в какой совпали в системе литературного языка, например, фонемы <о> и <а> (ср.: [вада́], [трава́], но [во́ды], [тра́вы]).

По отношению к литературному языку можно сказать лишь, что замена старого <ѣ> (на месте ъ) под ударением перед твердой согласной совпала с <е> в словах книжного церковнославянского происхождения, в словах иноязычного происхождения, а также в словах типа *верх*, *первый*. Что касается относящихся сюда говоров, то надо учесть, что в них окажется значительно меньше слов церковнославянского и западноевропейского происхождения и потому по отношению к ним еще меньше окажется оснований для утверждения о совпадении [ѣ] (на месте ъ) и [е]¹.

5. Пятифонемный состав гласных с неполноценной фонемой <е>, не различающий фонем <ѣ> и <о> и имеющий <и> вместо <е>. Неполноценность фонемы [е] объясняется совершенно так же, как и в говорах под пунктом 2 (см. выше). Фонема <е> в относящихся сюда говорах не может пополняться за счет <ѣ>, так как характерная особенность этих говоров заключается в полном совпадении фонемы <ѣ> с <и>, т. е. в том числе и в сильном положении (под ударением перед твердой согласной). Это значительно увеличивает сферу употребления фонемы <и>, которая выступает как на месте *и* ([н'йтка], [л'йпа], [в'йлы]), так и на месте *е* ([н'йт], [л'йто], [в'йтра]). Одновременно это также значительно ослабляет позиции фонемы <е>: ведь если под ударением перед твердой согласной вместо <ѣ> выступает <и>, а вместо <е> — <о>, то на долю <е> остаются лишь могущие быть в говоре отдельные церковнославянизмы и книжные заимствования, а также немногие случаи с <е> перед поздно отвердевшей [р] (типа [п'ёрвој], [в'ёрх]). Такой состав гласных фонем встречается главным образом в западноновгородских говорах, а также в некоторых говорах вологодско-вятской группы. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

$$\begin{array}{cc} \text{и} & \text{у} \\ (е) & о \\ & а \end{array}$$

Мы сделали обзор состава гласных фонем по русским говорам, начиная с говоров, различающих наибольшее количество гласных фонем, до говоров с наименьшим количеством гласных фонем. Однако, кроме описанных выше пяти типов, можно отметить еще один тип, который легче всего описать

¹ Действительное совпадение фонем <ѣ> и <е> имеет место в отдельных русских говорах, но о них см. ниже, под пунктом 5а.

исходя из говоров с максимальным составом гласных фонем, с которыми соответствующие говоры и генетически тесно связаны, так как тоже представляют говоры, не знающие результата изменения <е> в <о>. Опишем здесь этот тип под пунктом 5а.

5а. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой <е>, которая выступает как вместо <е>, так и вместо <ê>, не различающий <ô> и <о>. В относящихся сюда говорах не представлен результат изменения <е> в <о>: вместо <е> перед твердой согласной звучит [e] ([п'рин'эс], [п'ат' с'ел], [п'ат' д'ен]); вместо <ê> в том же положении звучит также [e] ([с'эл на лавку], [л'это]). Благодаря этим двум обстоятельствам фонема <е> оказывается полноценной, весьма широко употребляющейся.

Относящиеся сюда говоры отличаются по составу гласных фонем от говоров, описанных под пунктом 1, совпадением <ô> и <о> и совпадением <ê> и <е>, но сходны с ними отсутствием результатов изменения <е> в <о>. Такой говор отмечен в с. Кидусово Спасского р-на Ряз. обл.¹, в дер. Картоновое Солотчинского р-на той же области и в некоторых других пунктах. Схему состава гласных фонем этого говора не даем, так как она не отличается от говоров, описанных выше, под пунктом 4. Однако вокализм тех и других весьма существенно отличается такими особенностями, которые в схеме переданы быть не могут: особой широтой употребления фонемы <е> в сильном положении, т. е. под ударением после мягких перед твердой согласной; отсутствием в том же положении фонемы <о> (кроме некоторых морфем формального значения, о которых было сказано выше, см. стр. 120—121); и как следствие этих особенностей — слабой дифференциацией <е> и <о>: <е> употребляется только после мягких согласных, <о> (не в указанных выше формальных морфемах) — только после твердых согласных. Звуки [o] и [e] вообще взаимно исключаются в одном и том же положении, кроме случаев в падежных окончаниях и в суффиксе -ок, где после мягких согласных может употребляться не только [e], но и [o], иначе — где <е> и <о> различаются.

В заключение проиллюстрируем на нескольких примерах различия в составе гласных фонем русских говоров. Цифра в начале группы тождественных примеров соответствует только что рассмотренной группировке:

1

1. [л'йпа], [м'ир], [п'ил], [б'ил], [с'йла]; 2. [л'это], [м'эра], [п'эл], [б'эло], [с'эла], [р'эзат']; 3. [д'ен'], [с'эл'ско], [п'эр'во] или [п'эр'во]; [кр'ест]; [пр'ин'эс], [кл'ен], [б'ер'эза], [кот'енок],

¹ Говор с. Кидусово описан мною в статье „Очерки диалектологии рязанской мещеры. 1. Описание одного говора по течению реки Пры“ (см. выше, сноску на стр. 121).

[с'эла] (им. п. мн. ч.); 4. [год], [сон], [пóл'о], [кусóк], [дубóк], [с'олóм], [сырóй] (им. п. ед. ч. м. р.); 5. [кóт]; [вóл'а], [высóко], [глубóко], [сырóй] (косв. падежи ед. ч. ж. р.), [ст'енóй]; 6. [дуб], [суk], [лук], [л'ук]; 7. [мал], [стал], [рад], [бросáл], [м'ал], [т'ага], [р'ад], [с'аду].

2

1. То же¹; 2. то же; 3. [д'ен'], [с'эл'ской], [п'эр'вой] или [п'эрвой]; [кр'ест]; 4. [пр'ин'ós], [кл'он], [б'ер'óза], [кот'óнок], [с'óла]; [год], [сон], [пóл'о], [кусóк], [дубóк], [с'олóм], [сырóй] (им. п. ед. ч. м. р.); 5. то же; 6. то же; 7. то же.

3

1. То же; 2. то же; 3. то же; 4. [пр'ин'ós], [кл'он], [б'ер'óза], [кот'óнок], [с'óла]; [год], [сон], [пóл'о], [кусóк], [дубóк], [с'олóм], [сырóй] (им. п. ед. ч. м. р.); [кот], [вóл'а], [высóко], [глубóко], [сырóй] (косв. падежи ед. ч. ж. р.), [ст'енóй]; 5. то же, что п. 6 в предыдущей группе; 6. то же, что п. 7 в предыдущей группе.

4

1. То же; 2. [л'это], [м'эра], [п'ел], [б'élo], [с'эла], [р'эзат']; [д'ен'], [с'эл'ской], [п'эр'вой] или [п'эрвой]; 3. то же, что п. 4 в предыдущей группе; 4. то же, что п. 5 в предыдущей группе; 5. то же, что п. 6 в предыдущей группе.

5

1. [л'йпа], [м'ир], [п'ил], [б'ил], [с'йла]; [л'йто], [м'йра] (сущ. ж. р. им. п.), [п'ил] (=пел), [б'йло], [с'йла] (прош. вр. глагола); 2. [д'ен'], [с'эл'скóй], [п'эр'вой] или [п'эрвой]; [кр'ест]; 3. то же; 4. то же; 5. то же.

5а

1. То же; 2. [л'это], [м'эра], [п'ел], [б'élo], [с'эла] (прош. вр. глагола), [р'эзат']; [д'ен'], [с'эл'ской], [п'эр'вой] или [п'эрвой]; [кр'ест]; [пр'ин'és], [кл'ен], [б'ер'эза], [кот'éнок], [с'эла] (им. п. мн. ч.); 3. [год], [сон], [пóл'о], [кусóк], [дубóк], [с'олóм], [сырóй] (им. п. ед. ч. м. р.); [кот], [вóл'а], [высóко], [глубóко], [сырóй] (косв. падежи ж. р. ед. ч.), [ст'енóй]; 4. то же, что п. 6 в группе 1; 5. то же, что п. 7 в группе 1.

¹ Замечание „то же“ означает, что в данной группе говоров ударные гласные в соответствующих примерах произносятся так же, как в предыдущей группе. Если одни и те же примеры в данной группе говоров и предыдущей даны под разными порядковыми номерами, то это соответствующим образом оговаривается.

То же наглядно показано в таблице:

5а 1 2 3 4 5

и	и	и	и	и	
е	ê	ê	ê	е	и
	е	е	е		е
о	о	о	о	о	о
	ô	ô			
у	у	у	у	у	у
а	а	а	а	а	а

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

1. При всем многообразии диалектных разновидностей русский язык отличается значительным единством. Последнее в фонетической области заключается не только в наличии большого количества общих черт в разных говорах — в наличии устойчивых элементов фонетической системы русского языка, но также и в том, что фонетические различия между диалектами сохраняют свою соответственность: различия в составе фонем обнаруживаются в тождественных морфемах; различия в вариантах и вариациях всегда отличаются своей фонетической обусловленностью, т. е. принципиальной возможностью для данного диалекта и в данной позиции только одного из членов соответственного явления.

Соответственное явление фонетическое с течением времени может стать морфологическим или лексическим, а также и вообще перестать существовать, как таковое. Некогда чередования $d//\tilde{z}d$ в одних славянских диалектах, $d//\tilde{z}$ в других, $d//d'\tilde{z}'$ в третьих и т. д. были целиком позиционно обусловлены. В эту эпоху, следовательно, существовало фонетическое соответственное явление: $d//\tilde{z}d$: $d//\tilde{z}$: $d//d'\tilde{z}'$... Позднее позиционная обусловленность утратилась, но результаты фонетического процесса еще сохранялись. В эту эпоху соответственное явление также сохранялось, но перестало быть фонетическим, ставши явлением морфологическим или лексическим. Наконец, когда в диалекте, имевшем нефонетическое чередование $d//\tilde{z}$, по тем или иным причинам появляется также

чередование $d/\dot{z}d$, ранее свойственное другому диалекту (или языку), т. е. когда в одной и той же языковой системе становится возможным как $[\dot{z}]$, так и $[\dot{z}d]$ — соответственное явление тем самым разрушается, перестает существовать, так как объединявшиеся в нем языковые особенности перестают быть отличительными признаками языковых систем разных диалектов. То же можно сказать о некогда фонетическом соответственном явлении *-oro-: -pa-: -po-*, которое позднее стало лексическим, а затем и вовсе утратилось как соответственное явление в русском языке.

Дело исторической фонологии и вообще истории русского языка детально изучить историю соответственных явлений русского и других славянских языков, т. е. представить историю диалектных фонетических систем в их взаимоотношениях в разные исторические периоды. Наша задача в данной статье ограничивается лишь объяснением единства фонетической системы русского языка, несмотря на многообразие диалектных различий, и, в связи с этим, указанием на возможность построения общей фонетической системы русского языка в целом. Из сказанного выше становится ясным, почему, например, невозможно построение общей фонетической системы славянских языков или иных из современных национальных языков; современные славянские языки уже достаточно сильно отличаются друг от друга по грамматическому строю и лексическому составу. Фонетические отличия между ними также ушли довольно далеко, причем во многих случаях утратилась позиционная обусловленность их в разных языках. Наконец, современные славянские языки не обладают чертами единства культурно-исторического. Поэтому естественно, что они не образуют в настоящее время единой общей фонетической системы. Это не исключает возможности сравнительно-фонологического изучения славянских языков, как и других групп языков или диалектов любого языка. Что же касается русского языка, то можно не только дать главу из сравнительной фонологии русских говоров, но и представить их фонетическую систему как некое структурно-языковое единство, как своеобразную систему систем.

2. Из того понимания фонетической структуры языка, которое было обосновано выше, с необходимостью вытекает, между прочим, следующий вывод: точно так же, как о составе фонем в пределах системы одного говора мы судим по сильному положению, так как именно в сильном положении различается максимальное количество фонем, — о составе фонем русского диалектного языка в целом мы должны судить по абсолютно сильному положению (т. е. положению, которое является сильным применительно к любому говору русского языка), и притом с точки зрения говора, в котором различается максимальное количество фонем.

Это значит, что если, например, в системе русского литературного языка в слове [стол] мы констатируем фонему <о>, то применительно к русскому языку в целом со всеми его диалектами в том же слове мы должны констатировать фонему <б> (хотя во многих гово-

рах реально будет наличествовать фонема <о>), так как в абсолютно сильном положении при максимальном фонеморазличении в этом слове (или морфеме) звучит фонема <ѵ>; такое понимание означает, что перед нами неустойчивый, подвижной элемент общей фонетической системы русского языка <ѵ>, который реализуется в отдельных частных системах либо в фонеме <ѵ>, либо в фонеме <о>. Обозначить тот же элемент общей звуковой системы русского языка через <о> никак нельзя, так как не всякому <о> данного говора соответствует в других говорах <ѵ>, в то время как всякому <ѵ> того или иного говора в других говорах соответствует <о>. Точно так же применительно к русскому языку в целом в словах *сѣно*, *на столѣ* надо констатировать фонему <ѣ>, так как в этих словах (или морфемах) в говорах с максимальным фонеморазличением звучит <ѣ>; в словах *принѣс*, *черѣмуха*, *утѣнок* по той же причине надо констатировать <е> и т. д. Итак, если в части русских говоров различается та или иная фонема, то, следовательно, она наличествует в качестве фонемы в общей системе русского языка в целом. Вот почему выше мы имели основание говорить, что построение общей фонетической системы русского языка значительно раздвигает рамки синхронии, смыкаясь по существу с историческим подходом к фактам языка: с точки зрения общей системы русского языка в словах *стол*, *нѣс*, *сѣно* мы находим полифонемы <ѵ>, <е>, <ѣ>, так как в абсолютно сильном положении при максимальном фонеморазличении в них выступают фонемы <ѵ>, <е>, <ѣ>; но то же с другого конца утверждается и при историческом подходе, когда констатируется, что <о> в слове [стол] восходит к старому *o* под восходящим ударением, [o] в слове [н'ос] — к старому *e*, <е> в слове [с'ѣно] — к старому *ь* и т. д.

Абсолютно сильное положение при максимальном фонеморазличении, дающее нам возможность установить состав фонем русского языка в целом, представляет собой как бы костяк общей фонетической системы, на основе которого устанавливаются ее стабильные и подвижные элементы и который помогает нам соотносить факты разных говоров и построить как бы единую общую систему частных фонетических систем.

3. Из представленного выше материала можно сделать и следующий, как мне представляется, немаловажный вывод конкретно-исторического характера.

Применительно к русскому языку различия в составе гласных фонем имеют значительно меньшее значение для группировки и истории русских говоров, чем различия в принципах реализации гласных фонем в вариантах: именно на основе последних строится главным образом группировка русских говоров по наиболее существенным для их истории признакам. В самом деле, наиболее отличные друг от друга, можно сказать — полярные, русские говоры могут иметь одинаковое количество гласных фонем. Достаточно указать, что некоторые говоры б. Тотемского у. Вологодской губ. (по описанию О. Брока) и б. Землянского у. Воронежской губ. (по материалам и описанию Тростянского) тождественны в отношении

состава гласных фонем (тип 2), между тем как трудно назвать более отличающиеся друг от друга русские говоры. С другой стороны, существеннейшее для русских говоров деление на окаящие и акающие, весьма важное не только для группировки их, но и, прежде всего, для выяснения происхождения русского языка и его диалектов, не связано с составом гласных фонем, а строится на том, в каких условиях те или иные гласные фонемы, не различаясь в безударном положении, совпадают в своих вариантах: если упомянутые выше тотемские и землянские говоры не отличаются по составу гласных фонем, то они существенно, можно сказать — принципиально, отличаются по тому, различается ли большая часть гласных фонем в безударных слогах или в этом последнем положении фонемы не верхнего подъема совпадают в том или ином своем общем варианте. Сюда относятся и типы яканья, еканья, иканья и пр., которые также основаны на различиях в вариантах фонем, а не в самом их составе. Думается, что это связано с тем, что развитие аканья, с одной стороны, совпадение <ô> с <о> и утрата <ê> как особой фонемы — с другой, хронологически относятся к разным периодам истории русского языка: первое предшествовало второму. Первое знаменовало собой эпоху формирования основных диалектов русского языка и в истоках своих старше времени образования русского языка, в то время как второе относится к более позднему времени, когда основные диалекты уже полностью оформились. Именно поэтому аканье, связанное со всей системой вокализма, сопутствуется рядом специфических явлений в консонантизме, а также в других сторонах языка (в особенности в морфологии и лексике), причем все это тесно связано с историей самих носителей соответствующих диалектных явлений и их материальной культурой. По этой же самой причине развитие <о> на месте фонемы <ô> или <е> (а также <и>) на месте фонемы <ê>, напротив, представляет собой явление, не находящееся в таком широком комплексе сопутствующих явлений, оно не может быть столь четко связываемо с историей и материальной культурой соответствующего населения. Это объясняется тем, что фонемы <ô> и <ê> в прошлом характеризовали собой если не все, то во всяком случае значительную часть русских (великорусских) говоров. Утрата <ô> и <ê> по говорам происходила в разное время: в одних говорах раньше, но в значительной их части — в позднейшее время, в связи с причинами, требующими специального рассмотрения¹. Достаточно указать, что фонемы <ô> и <ê>, между прочим, представляют специфические признаки русских говоров в отличие от украинских и белорусских: на-

¹ По говорам [ê] вообще обладает, видимо, большей стойкостью, нежели [ô]. Причины этого, равно как и причины утраты [ô] и [ê] как особых фонем, ждущие еще своих исследователей, связаны со всей языковой системой русских говоров.

Вопросам о гласных [ô] и [ê] посвящен ряд работ таких выдающихся ученых, как А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, В. В. Виноградов. И тем не менее они требуют еще детальных исследований.

личие в кое-каких белорусских говорах указаний на <б> связано с тем, что в образовании белорусского языка приняли участие, между прочим, и те элементы, которые составили южновеликорусское на-
речие. Украинские замены гласной на месте ъ ([и], [иѐ]), как изве-
стно, генетически и хронологически обособлены от соответствующих
процессов русских говоров¹. Все это до известной степени объясняет,
почему наличие или отсутствие звуков [ô] и [ê] как особых фонем
не имеет первостепенного значения в группировке русских говоров
по признакам, существенным для их истории.

* * *

В заключение следует сказать, что впервые учение о частных и
общих фонетических диалектных системах, а также фонологиче-
ское описание ударного вокализма русского диалектного языка в
основных его частных системах было изложено мною в статье, опу-
бликованной в 1947 г. в «Известиях АН СССР. Отделение литературы
и языка» (т. VI, вып. 3), материалы которой использованы в этом по-
сении.

Основные положения этой статьи с точки зрения общей теории
языка были рассмотрены в статье А. В. Десницкой (см. «Известия
АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VIII, 1949, вып. 4),
а также А. Н. Гвоздевым в статье «К вопросу о влиянии междиалект-
ного общения на фонетические системы русских говоров» (см.
«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, 1948,
вып. 3), который, к сожалению, не понял основной установки, за-
ключающейся в том, чтобы дать чисто синхроническое описание си-
стемы ударного вокализма в разных частных русских диалектных
системах в их взаимоотношениях.

Теория диалектных различий разрабатывалась мною в после-
дующие годы (см. вступительную статью к «Атласу русских народных
говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1958; раз-
делы «Введение», «Звуковые диалектные различия» в книге «Вопросы
теории лингвистической географии». М., 1962). Эта теория легла в
основу «Диалектологического атласа русского языка» и «Дыалек-

¹ Иначе обстоит дело с [e] или [o] вместо [e]:[e] сохранилось без изме-
нения в [o] главным образом в части старых рязанских говоров, и притом
большей частью в наиболее спокойном для населения районе Рязанского
уезда — за Окой, в глухой, лесистой и болотистой „мещерской стороне“,
тогда как правобережье Оки и центральные части рязанской территории,
подвергавшиеся постоянным набегам степняков, чаще испытывали в связи с этим
приливы и отливы населения и поэтому редко могли сохранить эту черту
старого рязанского говора. Говоры без изменения <е> в <о> на территории Пен-
зенской, Куйбышевской, Тамбовской и Тульской областей — все, видимо, при-
надлежат более или менее поздним рязанским переселенцам. Изменение <е>
в <о>, которое первоначально имело место в части русских говоров, а затем
распространилось на остальные, оставив лишь небольшой островок говоров,
не затронутых этим процессом, относится ко времени падения глухих, причем
процесс этот продолжал действовать также долгое время после падения глухих.

талагічнага атласу беларускай мовы» (Минск, 1963), а такжэ создаваемых ныне атласов языков народов СССР. Она нашла отражение и в учебном пособии «Русская диалектология» под ред. П. С. Кузнецова (М., «Просвещение», 1972).

Идея общей системы, в которую входят частные системы и о максимальной модели, сворачивая которую можно получить любую реальную частную систему, была поддержана Вяч. Вс. Ивановым, который, зная о длительном творческом содружестве моем с В. Н. Сидоровым, приписал ее нам обоим. Между тем В. Н. Сидоров не разделял эту теорию, а вслед за ним не принял ее и П. С. Кузнецов.

Наше описание диалектных систем от семифонемной до пятифонемной с «неполноценной», иначе, функционально мало нагруженной, фонемой [e] было продолжено С. С. Высотским. В статье «Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах» (см. сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967) С. С. Высотский на материале экспериментального изучения северных русских говоров значительно точнее установил материальный субстрат каждой фонемы в каждой из частных диалектных систем, а также установил некоторые частные системы, ранее мне неизвестные.

ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ

ВОКАЛИЗМ 1-го ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

Оканье и аканье

Здесь имеется в виду положение после твердых парных и заднеязычных (<к>, <г>, <х>), иначе — после исконно твердых. При оканье в 1-м предударном слоге после твердых разграничены три ступени подъема языка, так как различаются <о> и <а>. При аканье разграничены только два подъема, причем гласный нижнего подъема соответствует ударным гласным (сильным гласным фонемам) <о> и <а>. Вот модели оканья и аканья:

Оканье	Аканье
и(ы) у	и(ы) у
о	
а	а

С учетом чередования безударных слабых фонем с ударными гласными (сильными гласными фонемами) схемы оканья и аканья представляются следующими:

Под ударением	Оканье	
	о ъ а	и(ы) у
	┌───┐	
	о а	и(ы) у
В 1-м предударном слоге	Аканье	
Под ударением	о ъ а	и(ы) у
	┌───┐	
В 1-м предударном слоге	а	и(ы) у

Ср. при оканье: [дом]—[домá], [сто́л]—[стола́], [брал]—[брала́], [был]—[была́], [сук]—[сукá]. При аканье: [дом]—[дама́], [сто́л]—[стала́], [брал]—[брала́], [был]—[была́], [сук]—[сукá]. Из приведенных схем и примеров видно, что в говорах, не различающих <о> и <ъ> и имеющих в соответствии с этими двумя сильными фонемами одну —<о>, положение в 1-м пред-

ударном слоге после твердых согласных является сильным, так как в этом положении различаются те же четыре единицы, которые различаются в ударном слоге.

Для оканья существенно разграничение в 1-м предударном слоге, кроме [ы] и [у], еще двух единиц; такими обыкновенно являются [а] и [о], но на путях перехода от оканья к аканью могут быть также [а] и [ъ] или [а] и [о^а] (слаболабиализованный гласный, более открытый, чем [о]): [дъма́], [стълы́]; [брала́]; [была́]; [сук'и́] или [до^ама́], [сто^алы́]; [брала́]; [была́]; [сук'и́].

Такой вокализм встречается, например, в Калининской и Новгородской областях. Ср. схемы обычного оканья и его видоизменения на путях развития аканья:

Оканье	Оканье, переходное к аканью			
ы у	1) ы	у	2) ы	у
о	ъ		о ^а	
а	а		а	

Если оставить в стороне [ы] и [у], то [о] и „не-о“ отличаются наличием или отсутствием лабиализации ([о] и [ъ]) или более высоким и более низким образованием при одновременно большей или меньшей степени лабиализации ([о] и [о^а]). Таким образом, модель оканья (различения четырех единиц в предударном слоге) здесь не нарушена, изменяется лишь образование одной из этих единиц, чем подготавливается почва для качественного изменения самой модели вокализма—перехода к системе аканья (различению трех или даже менее единиц) в предударном слоге.

Переходные модели предударного вокализма

Отметим ряд переходных систем от оканья к аканью, систем, отличных по своей модели как от оканья, так и от аканья.

1. Оканье с ассимилятивным аканьем. В 1-м предударном слоге на месте <о> и <а> произносится [а] при ударной гласной нижнего подъема—<а>, при других ударных гласных <о> и <а> различаются: [вада́], [трава́], но [води́], [травы́], [воде́], [траве́], [столу́], [траву́]; [столо́м]. Встречается в Московской, Калининской, Горьковской областях.

2. Полновский тип предударного вокализма. В 1-м предударном слоге на месте <о> и <а> произносится [а] при ударных гласных верхнего подъема—<и> ([ы]) и <у>, при других ударных гласных <о> и <а> различаются: [вады́], [травы́], [вад'и́ць], [трав'и́нкъ]; [сталу́], [траву́], но [вода́], [травá]; [столо́м]; [вод'е́], [трав'е́]; [водо́], [траво́]. Встречается в нескольких северных районах Псковской области.

3. Гдовский тип предударного вокализма. В 1-м предударном слоге на месте <о> и <а> произносится [а] при ударных гласных нижнего и верхнего подъёмов — гласных <а>, <и>, <у>, при других ударных гласных <о> и <а> различаются: [ва-да́], [трава́]; [вады́], [травы́], [вад'и́ць], [трав'и́нкъ]; [сталу́], [траву́], [вод'е́], [трав'е́]; [водо́и], [траво́и]. Встречается в северных районах Псковской области.

3. Аканье с ассимилятивным оканьем. В 1-м предударном слоге на месте <о> и <а> произносится [а] при всех ударных гласных, кроме <о>, при ударном же <о> гласные <о> и <а> различаются: [вада́], [трава́]; [вады́], [травы́], [вад'и́ць], [трав'и́нкъ]; [сталу́], [траву́]; [воде́], [траве́], но [столо́м], [водо́и], [траво́и]. Встречается на территории Калининской области.

Переходные системы вокализма — от оканья к аканью (от системы почти полностью окающей до системы почти полностью акающей) — могут быть представлены в следующей таблице:

Ударные гласные	1	2	3	4
<i>a</i>	<i>a</i>		<i>a</i>	<i>a</i>
<i>и</i>		<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>у</i>		<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>ê</i>				<i>a</i>
<i>e</i>				<i>a</i>
<i>ô</i>				
<i>o</i>				

Примечание.

Цифры указывают на типы предударного вокализма: 1 — оканье с ассимилятивным аканьем; 2 — полновский тип предударного вокализма; 3 — гдовский тип предударного вокализма; 4 — аканье с ассимилятивным оканьем. Буква *a* указывает на неразличение <о> и <а> и произношение на их месте [а], пустые клетки указывают на различие <о> и <а> в данных позициях.

Аканье недиссимилятивное и диссимилятивное

Как мы видели, аканье заключается в различении в 1-м предударном слоге после твердых согласных гласных двух подъемов — верхнего и неверхнего. Это относится к аканью вообще, т. е. и диссимилятивному аканью. Однако при диссимилятивном аканье качество гласного неверхнего подъема неодинаково в зависимости от качества ударной гласной. Обычный наиболее распространенный тип диссимилятивного аканья заключается в том, что в 1-м предударном слоге гласный неверхнего подъема при любой ударной гласной, кроме <а>, звучит как [а], а при ударной гласной <а> — как [ъ]. Качество этого гласного — „не-а“ при этом типе диссимилятивного аканья может быть очень разнообразным — кроме [ъ] от довольно открытых звуков типа [ъ^а] до глубоких, отодвинутых назад гласных среднего подъема [э], оно сильно варьируется также в зависимости от образования соседних согласных. Однако в целом модель аканья не нарушается, что очевидно из следующей таблицы:

Аканье
недиссимиля-
тивное

ы у
 а

Аканье диссимилятивное

ы у
 а
перед ударным
слогом с любой
гласной, кроме <а>

ы у
 ъ
перед ударным
слогом с гласной
<а>

Кроме уже рассмотренного основного наиболее распространенного типа диссимилятивного аканья, которое можно назвать белорусским, так как оно широко известно на территории Белоруссии, известен еще такой тип диссимилятивного аканья, который совершенно параллелен диссимилятивному яканью архаического типа (об этом типе диссимилятивного яканья см. ниже) и может быть назван архаическим типом диссимилятивного аканья. При таком типе диссимилятивного аканья „не-а“ (т. е. [ъ]) выступает при ударных гласных <а>, <о>, <е>, а при ударных гласных <и>, <у>, <ê>, <ô> выступает [а]. Этот тип открыт в недавнее время Т. Ю. Строгановой; он встречается в нескольких районах на территории Белгородской, Липецкой и Воронежской областей. Наконец, можно отметить и такой тип диссимилятивного аканья, при котором „не-а“ (т. е. [ъ]) звучит перед слогом со всеми ударными гласными, кроме <и> и <у>, а перед слогом с <и> и <у> звучит [а]. Этот тип, отмеченный на территории Белгородской области, почти не встречается самостоятельно, а в сосуществовании с основным белорусским типом диссимилятивного аканья и, видимо, может быть объяснен отходом диссимилятивного аканья белорусского типа, а также, возможно, влиянием соседних украинских говоров,

Иллюстрируем примерами аканье недиссимилятивное и диссимилятивное в его разных разновидностях.

Аканье недиссимилятивное: [вада́], [нага́], [трава́]; [сол'ен'іѣ], [вар'ен'іѣ], [вар'онѣ], [сал'онѣ]; [сталомъ], [ф-такомъ]; [вад'е́], [трав'е́], [вадо́], [траво́], [паіу́], [даіу́], [вады́], [травы́], [вади́ць], [трав'інькѣ].

Аканье диссимилятивное „белорусского“ типа: [вада́], [трѣва́], [скѣза́л], [тѣта́р'ин], [дѣва́л], [стѣка́н]; перед остальными гласными — как в аканье недиссимилятивном.

Аканье диссимилятивное архаического типа: [вада́], [нѣга́], [трѣва́], [скѣза́л], [тѣта́р'ин], [дѣва́л], [стѣка́н]; [сол'ен'іѣ], [вѣр'ен'іѣ], [сѣл'онѣ], [вѣр'онѣ]; [стѣломъ], [двѣромъ], [тѣкомъ]; но: [вад'е́], [наг'е́], [нѣ-стал'е́], [нѣ-двар'е́]; [сталовъ], [дваровъ], [вадо́], [траво́]; [паіу́], [даіу́], [вады́], [травы́], [вад'іць], [трав'інькѣ].

Аканье диссимилятивное, спорадически встречающееся в отдельных населенных пунктах на территории Белгородской области: все примеры произносятся как при архаическом типе диссимилятивного аканья, за исключением положения перед ударными <ѣ> и <о>: [вѣд'е́], [нѣг'е́], [нѣ-стѣл'е́], [нѣ-двѣр'е́]; [стѣловъ], [двѣровъ], [вѣдо́], [трѣво́].

Разновидности диссимилятивного аканья могут быть представлены в следующей таблице:

Ударные гласные	1	2	3
<i>и</i>			
<i>у</i>			
<i>ѣ</i>			ѣ
<i>ѣ</i>			ѣ
<i>о</i>		ѣ	ѣ
<i>е</i>		ѣ	ѣ
<i>а</i>	ѣ	ѣ	ѣ

Примечание.

Цифры указывают на типы диссимилятивного аканья: 1—диссимилятивное аканье «белорусского» типа; 2—диссимилятивное аканье архаического типа; 3 — диссимилятивное аканье, спорадически встречающееся на территории Белгородской области в сосуществовании с белорусским типом; буква *ъ* указывает на произношение гласного [ъ], а пустые клетки—на произношение гласного [а] в предударном слоге в соответствии с <о> и <а>.

При диссимилятивном аканье качество гласного „не-а“, выступающего в определенных, описанных выше позициях, может колебаться не только от [ъ^а] до [э], но также быть более высоким, типа [ы]. Это приводит к качественному изменению всей модели, так как при таком произношении оказывается, что в позициях, где выступает [а], различаются две ступени подъема (верхний подъем и неверхний), а в позициях, где выступает „не-а“, разные ступени подъема не различаются (так как произносятся гласные одного подъема—верхнего). См. в следующей таблице:

<i>ы</i>	<i>у</i>	<i>ы</i>	<i>у</i>
<i>а</i>			
В позициях, где вы-	В позициях, где вы-		
ступает [а]	ступает „не-а“		

Качественный характер этого различия, появление новой модели объясняется тем, что в звуке „не-а“, когда он звучит как [ы], совпадают не только сильные фонемы неверхнего подъема <о> и <а>, но также сильная фонема верхнего подъема <и> (после твердых согласных [ы]).

С учетом чередования безударных слабых фонем с ударными гласными (сильными гласными фонемами) схема диссимилятивного аканья со звуком „не-а“, равным [ы], представляется следующей:

Под ударением	<i>о</i>	<i>ô</i>	<i>а</i>	<i>и(ы)</i>	<i>у</i>	<i>о</i>	<i>ô</i>	<i>а</i>	<i>и(ы)</i>	<i>у</i>
	—					—				
В 1-м предударном слоге		<i>а</i>		<i>и(ы)</i>	<i>у</i>		<i>ы</i>		<i>у</i>	

В позициях, где вы-	В позициях, где вы-
ступает [а]	ступает „не-а“

Примеры. В позициях, где выступает [а]: [скаж^у], [дар'йт'^у], [ма^у], [к-стал^у]; в позиции, где выступает „не-а“: [скыз^ал], [дыр^ам], [мыл^а], [сь-стыл^а]. При диссимилятивном аканье с „не-а“, равным [ы], случаи типа *сар^ая* (род. п. ед. ч.) и *сыр^ая* (им. п. ед. ч. жен. р.), *бок^а* (им. п. мн. ч.) и *бык^а* (род. п. ед. ч.), *размок^ать* и *размык^ать*, *мал^а* и *мыл^а* (им. п. мн. ч.) произносятся одинаково: [сыр^айъ], [бык^а] ([бык^а бал'ат'] и [бык^а пр'ив'язал'и]), [рзымык^ат']. На этой почве поддается произношение [бал^а] (ед. ч. жен. р.) при [был], [сар^айъ по^уодъ], [дар^а] при [дыры],

т. е. [а] в предударном слоге в соответствии с сильной гласной фонемой <и> ([ы]).

Таким образом, в 1-м предударном слоге при оканье различаются три подъема—верхний, средний и нижний, при аканье два—верхний и неверхний. Однако имеется и такая разновидность диссимилятивного аканья, где в позициях, имеющих „ис-а“, подъемы вовсе не различаются.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Вокализм с той или иной степенью различения гласных неверхнего подъема

В разных частных русских диалектных системах различаются от пяти до двух единиц. Для северных говоров имеет значение положение перед твердой или мягкой согласной. Ср.: [т'ану́] и [т'ен'и́] в одних частных системах и [т'ану́] и [т'ан'и́] в других; [н'осу́] и [н'ес'и́] в одних и [н'есу́] и [н'ес'и́] в других; [р'ека́] и [р'икé] или [р'ока́] и [р'ик'é] в одних говорах и [р'ека́] и [р'ек'é] в других.

В зависимости от разных комбинаций в реализации предударных соответствий сильным гласным фонемам <а>, <е> (<'о>) и <ê> (иначе—этимологическим „а“, „е“, „ê“) в положении перед твердой согласной представлены следующие основные типы вокализма:

и	у	и	у	и	у	и	у	и	у
е	о	е		о				е	
а		а		а		а			

Во всех этих типах предударного вокализма представлены [и] и [у] в соответствии с сильными гласными фонемами <и> и <у>: [л'иса́], [л'ила́], [пр'иду́], [кр'ука́], [т'ука́м].

Наличие того или иного типа предударного вокализма определяется тем, различаются ли предударные соответствия сильным гласным фонемам <ê>, <е> (<'о>), <а> или они частично или полностью совпадают. При этом могут совпадать, т. е. нейтрализоваться, в одном гласном [о] или [е] предударные соответствия гласных фонем <ê> и <е> (<'о>). Могут совпадать в одном гласном [е] предударные соответствия всех трех сильных гласных фонем неверхнего подъема, т. е. <ê>, <е> (<'о>), <а>. Наконец, могут совпадать с гласной фонемой <и> предударные соответствия сильной гласной фонемы <ê> или двух сильных гласных фонем <ê> и <е> (<'о>).

Эти пять типов можно проиллюстрировать произношением следующих трех слов: *река*, *несла*, *тяну*.

1 тип: [р'ека́], [н'осла́], [т'ану́];

2 тип: а. [р'ека́], [н'есла́], [т'ану́];

б. [р'ика́], [н'есла́], [т'ану́];

3 тип: а. [р'ока́], [н'осла́], [т'ану́];

б. [р'ика́], [н'осла́], [т'ану́];

4 тип: [р'ика́], [н'исла́], [т'ану́];

5 тип: [р'ека́], [н'есла́], [т'ену́].

Последний тип предударного вокализма, в котором нейтрализуются все три сильные гласные фонемы неверхнего подъема в гласном [е], встречается не только в окаяющих говорах, но также и в акающих (так называемое „еканье“).

В положении перед мягкой согласной отметим следующие системы предударного вокализма после мягких согласных.

1	2	3
и у	и у	и у
е		е
а	а	

Эти типы можно проиллюстрировать произношением следующих трех слов: *реке́, несú, тянú*.

1 тип: а. [р'ик'е́], [н'ес'ú], [т'ан'ú];

б. [р'ек'е́], [н'ес'ú], [т'ан'ú];

2 тип: [р'ик'е́], [н'ис'ú], [т'ан'ú];

3 тип: а. [р'ик'е́], [н'ес'ú], [т'ен'ú];

б. [р'ек'е́], [н'ес'ú], [т'ен'ú].

В зависимости от той или иной комбинации характера вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в положении перед твердой и перед мягкой согласной образуется большое многообразие предударного вокализма в северных русских говорах.

Вокализм, не различающий гласных неверхнего подъема.

Сильное и умеренное яканье

Акающие говоры, как известно, не различают гласных неверхнего подъема в положении после мягких согласных в 1-м предударном слоге. Они образуют большое количество различных систем: кроме отмеченного уже еканья, им известно так называемое сильное яканье, иканье и ряд других, кроме сильного яканья, типов яканья.

Модель сильного яканья ничем не отличается от уже рассмотренного еканья. Сравни:

Еканье	Сильное яканье
и у	и у
е	а

Отличие заключается лишь в качестве гласного неверхнего подъема—заместителя всех трех сильных гласных фонем неверхнего подъема: это [е] при еканье и [а] при сильном яканье. Так как для некоторых типов яканья существенна позиция перед твердой или мягкой согласной, а для других типов еканья—по-

позиция перед разными по качеству ударными гласными, отметим, что для сильного яканья эти позиции не имеют значения: гласный [а] произносится как перед твердой, так и перед мягкой согласной и при наличии в ударном слоге любого по качеству гласного. Ср.: [р'акá], [нъ-р'акý], [зъ-р'акó], [нъ-р'ак'э], [с-р'ак'й]; [н'асý], [н'аслá], [н'ас'эш], [н'ас'й]; [пр'адý], [пр'ад'эш] и т. д.

Остальные типы яканья отличаются от сильного тем, что в соответствии с сильными гласными фонемами <ê>, <е> (<о>), <а> не во всех позициях имеют [а], а в одних [а], в других [е] или [й]. В зависимости от того, представляет ли собой гласный „не-а“ звук [е] или [й], различаются две позиции.

Модель первая		Модель вторая	
и у	и у	и у	и у
а	е	а	
1-я группа позиций	2-я группа позиций	1-я группа позиций	2-я группа позиций

Сами позиции, в которых выступает [а] и „не-а“ (т. е. [е] или [й]), очень различны. Не вдаваясь в детали, отметим, что для умеренного яканья это — положение перед твердой согласной, где выступает [а], и перед мягкой, где выступает „не-а“. Для разных типов диссимилятивного яканья это — степень подъема. При ударных гласных верхнего подъема (<и>, <у>) в предударном выступает [а], а при ударной гласной нижнего подъема — в предударном „не-а“. Что касается положения перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъема (<ê>, <ô> и <е>, <о>), то перед ними предударные гласные [а] и „не-а“ в разных типах диссимилятивного яканья распределяются неодинаково.

Итак, при умеренном яканье произносится:

а) перед твердой согласной: [н'асý], [с'алó], [с'алóm], [н'аслá], [у-с'астры]; [в-л'асý], [зъ-р'акó], [л'асók], [р'акá], [цв'аты]; [път'анý], [п'атнó], [п'атнóm];

б) перед мягкой согласной: [н'ис'й], [в'ил'ý], [в'ил'él], [н'ис'óm], [път'ир'ál]; [б'ил'йт'], [к-с'т'ин'э], [цв'ит'ót], [з'м'ийú], [стр'ил'át']; [гл'ид'й], [гл'ид'эль], [нъпр'ид'óm], [гл'ид'át], [д'ис'ит'jú]; или: [н'ес'й], [в'ел'й], [в'ел'él], [н'ес'óm], [път'ер'ál]; [б'ел'йт'], [к-с'т'ен'э], [цв'ет'ót], [з'м'еjú], [стр'ел'át']; [гл'ед'й], [гл'ед'эль], [нъпр'ед'óm], [гл'ед'át], [дис'ет'jú].

Типы диссимилятивного яканья

Различается ряд типов диссимилятивного яканья. В любом типе диссимилятивного яканья при ударных гласных верхнего подъема — <и>, <у> — в предударном слоге звучит [а], а при ударной гласной нижнего подъема — <а> — „не-а“ (т. е. [е] или [й]).

Например:

а) при ударной <и>: [н'ас'и́], [б'ал'и́т'], [п'ы́гл'ад'и́], [у-с'а́стри], [цв'а́ты], [р'а́бых]; при ударной <у>: [н'асу́], [в-л'асу́], [п'ы́тану́], [в'ал'у́], [с'м'а́жу́тца], [д'ис'а́жу́];

б) при ударной <а>: [н'исла́], [б'ида́], [пр'има́жь], [в'ил'а́т'], [м'ин'а́т'], [гл'ид'а́т']; или: [н'есла́], [б'еда́], [пр'ема́ја], [в'ел'а́т'], [м'ен'а́т'], [гл'ед'а́т'].

Остальные ударные гласные, а именно гласные 'верхне-среднего и среднего подъемов (т. е. <ê>, <ô> и <е>, <о>), при разных типах диссимилятивного яканья по отношению к гласному предударного слога ведут себя по-разному: или полностью как гласные верхнего подъема (и тогда в предударном слоге звучит [a]), или в разных комбинациях одни ведут себя как гласные верхнего подъема, другие — как гласные нижнего подъема (и тогда в предударном слоге при одних ударных гласных звучит [a], а при других — „не-а“), или, наконец, все они ведут себя как гласные нижнего подъема (и тогда в предударном звучит „не-а“).

В архаическом типе диссимилятивного яканья ударные гласные <ê> и <ô> ведут себя как гласные верхнего подъема, а гласные <е> (<'о>) и <о> как гласные нижнего подъема. В щигровском типе <ê>, <ô> и <о> ведут себя как гласные верхнего подъема, а гласная <е> (<'о>) как гласная нижнего подъема. В дмитровском типе¹ гласная <ô> ведет себя как гласная верхнего подъема, а гласные <ê>, <е> (<'о>) и <о> как гласные нижнего подъема. В суджанском типе гласные <о> и <ô> ведут себя как гласные верхнего подъема, а гласные <ê> и <е> (<'о>) как гласные нижнего подъема. В мосальском типе гласные <ô>, <о>, а также <'о>, которое развилось из <е>, ведут себя как гласные верхнего подъема, гласная <ê>, а также <е>, не развившееся в <'о>, как гласные нижнего подъема². Наконец, в жиздринском (иначе — белорусском) типе все четыре гласные неверхнего подъема (т. е. <ê>, <е> (<'о>), <ô> и <о>) выступают как гласные верхнего подъема, а в донском типе — как гласные нижнего подъема.

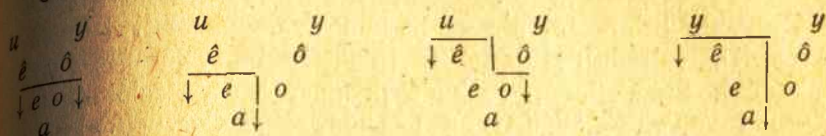
Сказанное можно иллюстрировать схемами ударных гласных применительно к системе с максимальным составом ударных гласных фонем и, как правило, без учета расщепления фонемы <е> на <е> и <'о>, так как оно не отражается в типах диссимилятивного яканья (кроме его мосальского типа, схема которого учитывает <е> и <'о>). В схемах указывается, как ударные сильные гласные фонемы неверхнего подъема функционируют по отноше-

¹ Дмитровский тип диссимилятивного яканья был открыт в начале 20-х годов моим покойным другом С. И. Дмитриевым, сообщение которого посмертно опубликовал в „Бюллетене диалектологического сектора“, затем был отмечен в нескольких населенных пунктах Курской и Белгородской областей.

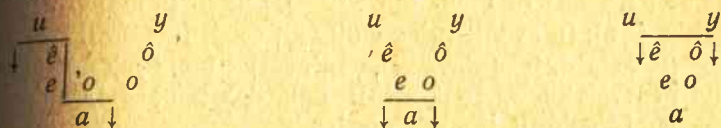
² Этот тип диссимилятивного яканья отмечен в Усвятском и Невельском районах Великолукской области. На территории БССР, смежной с РСФСР, этот тип известен шире; он открыт Н. Т. Войтович, которая называет его витебским типом диссимилятивного яканья.

нию к качеству гласных предударного слога. Линия разделяет гласные на две группы, в одной из которых они функционируют как гласные верхнего подъема (т. е. в предударном слоге звучит [а]), а в другой (эта группа выделяется стрелками), — как гласные нижнего подъема (т. е. звучит „не-а“: [и] или [е]).

Архаиче- Шигров- Дмитров- Суджанский
ский тип ский тип ский тип тип

Мосальский тип Жиздринский тип Донской тип

Стрелками, как уже было сказано, выделяются ударные гласные, при наличии которых в предударном слоге произносятся „не-а“, т. е. [и] или [е]. Приведем материал, иллюстрирующий эти типы диссимилятивного яканья (ниже не приводим положений перед ударным <и> (и его вариантом [ы]) и <у>, так как во всех типах диссимилятивного яканья при наличии под ударением этих гласных в предударном звучит [а]); в позициях, где в предударном слоге выступает „не-а“, для краткости везде указывается гласный [и], но следует иметь в виду, что может произноситься и [е].

Архаический тип: при <ō> — [с'алō], [с'астрōи]; [зъ-р'а-хōи], [сл'апōвъ]; [п'атнōи], [р'абōвъ]; при <о> — [с'илōм], [з'ирнōм]; [с'л'апōи], [л'исōк]; [п'итнōм], [р'ибōи]; при <ē> — [ф-с'ал'ē], [в'ал'ēл]; [нъ-с'т'ан'ē]; [үл'ад'ēл]; при <е> (<о>) — [д'ир'евн'ъ], [в'ис'бл'и] (или [в'ис'ēл'и]), [н'ис'ōм] (или [н'ис'ēm]), [нъпр'ид'ōм] (или [нъпр'ид'ēm]).

Шигровский тип: при <ō> — [с'алō], [с'астрōи]; [зъ-р'а-хōи], [сл'апōвъ]; [п'атнōи], [р'абōвъ]; при <о> — [с'алōм], [з'арнōм]; [с'л'апōи], [л'асōк]; [п'атнōм], [р'абōи]; при <ē> — [ф-с'ал'ē], [в'ал'ēл]; [нъ-с'т'ан'ē]; [үл'ад'ēл]; при <е> (<о>) — [д'ир'евн'ъ], [в'ис'бл'и] (или [в'ис'ēл'и]), [н'ис'ōм] (или [н'ис'ēm]), [нъпр'ид'ōм] (или [нъпр'ид'ēm]).

Дмитриевский тип: при <ō> — [с'алō], [с'астрōи]; [зъ-р'а-хōи], [сл'апōвъ]; [п'атнōи], [р'абōвъ]; при <о> — [с'илōм], [з'ирнōм], [с'л'ипōи], [л'исōк]; [п'итнōм], [р'ибōи] или [с'елōм], [з'ернōм], [с'л'епōи], [л'есōк]; при <ē> — [ф-с'ил'ē], [в'ил'ēл]; [нъ-с'тин'ē]; [үл'ид'ēл]; при <е> (<о>) — [д'ир'евн'ъ], [в'ис'бл'и] (или [в'ис'ēл'и]), [н'ис'ōм] (или [н'ис'ēm]).

Суджанский тип: при <ѵ>—[с'алѵ], [с'астрѵ]; [зъ-р'акѵ], [с'л'апѵвъ]; [п'атнѵ], [р'абѵвъ]; при <о>—[с'алѵм], [з'арнѵм], [с'л'апѵ], [л'асѵк]; [п'атнѵм], [р'абѵ]; при <ѣ>—[ф-с'ил'ѣ], [в'ил'ѣл]; [нъ-с'т'ин'ѣ]; [үл'ид'ѣл]; при <е> (<'о>)—[д'ирѣвн'ѣ], [в'ис'ѵлѣ] (или [в'ис'ѣлѣ]), [н'ис'ѵм] (или [н'ис'ѣм]); [нъпр'ид'ѵм] (или [нъпр'ид'ѣм]).

Мосальский тип: при <ѵ>—[с'алѵ], [с'астрѵ]; [зъ-р'акѵ], [сл'апѵвъ]; [п'атнѵ], [р'абѵвъ]; при <о>—[с'алѵм], [з'арнѵм], [сл'апѵ], [л'асѵк]; [п'атнѵм], [р'абѵ]; при <ѣ>—[ф-с'ил'ѣ], [в'ил'ѣл]; [нъ-с'т'ин'ѣ], [үл'ид'ѣл]; при <'о>—[в'ас'ѵлѣ], [н'ас'ѵм]; [нъпр'ад'ѵм]; при <е>, не развившемся в <'о>, —[д'ирѣвн'ѣ], [в'ис'ѣл'ѣ].

Жиздринский тип: при <ѵ>—[с'алѵ], [с'астрѵ], [зъ-р'акѵ], [сл'апѵвъ]; [п'атнѵ], [р'абѵвъ]; при <о>—[с'алѵм], [з'арнѵм], [с'л'апѵ], [л'асѵк]; [п'атнѵм], [р'абѵ]; при <ѣ>—[ф-с'ал'ѣ], [в'ал'ѣл]; [нъ-с'т'ан'ѣ]; [үл'ад'ѣл]; при <е> (<'о>)—[д'ар'ѣвн'ѣ], [в'ас'ѵлѣ], [н'ас'ѵм]; [нъпр'ад'ѵм].

Донской тип: при <ѵ>—[с'илѵ], [с'истрѵ]; [зъ-р'икѵ], [с'л'ипѵвъ]; [п'итнѵ], [р'ибѵвъ]; при <о>—[с'илѵм], [з'ирнѵм], [с'л'ипѵ], [л'исѵк]; [п'итнѵм], [р'ибѵ]; при <ѣ>—[ф-с'ил'ѣ], [в'ил'ѣл], [нъ-с'т'ин'ѣ]; [үл'ид'ѣл]; при <е> (<'о>)—[д'ир'ѣвн'ѣ], [в'ис'ѵлѣ] (или [в'ис'ѣлѣ]), [н'ис'ѵм] (или [н'ис'ѣм]), [нъпр'ид'ѵм] (или [нъпр'ид'ѣм]).

Качество «не-а» и его роль для развития яканья

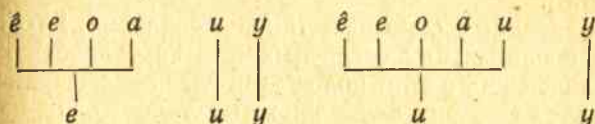
Итак, мы видели, что при всех типах яканья, кроме сильного, в одних позициях выступает [а], в других „не-а“. Было упомянуто, что это „не-а“ может звучать как [и] или [е]. Здесь уместно добавить, что „не-а“ может звучать также в целой гамме звуков между [е] и [и], приближающихся в большей или меньшей степени к [е] или [и], например: [е], [е^и], [и^е], [и].

Необходимо подчеркнуть, что наличие [е] или [и] существенно меняет всю систему предударного вокализма после мягких согласных, так как при [е] различаются гласный верхнего подъема [е], в котором совпадают сильные гласные фонемы <ѣ>, <е> (<о>), <а>, и гласный верхнего подъема [и] (в соответствии с сильной гласной фонемой <и>), а при [и] гласные по подъему не различаются, звучат гласные только верхнего подъема, причем в гласном [и] совпадают как перечисленные выше сильные гласные фонемы, так и фонема <и>; иначе говоря, различается только [и] и лабиализованный верхний гласный [у] (схемы см. выше).

При наличии в разных типах яканья (кроме сильного) в предударном слоге, в позициях, где выступает „не-а“, гласного [и]

Сильная фонема <и> наряду с сильными гласными фонемами неверхнего подъема (<ê>, <е> (<'о>), <а>) вовлекается в чередование со слабой фонемой [и]. Ср. чередование [ê]/[и] и [и]/[и]: [л'исá] (леса и лиса), [в-л'исý] (в лесу и в лису) при [л'ès] и [л'ис] (род. п. мн. ч.); [о]/[и] и [и]/[и]: [м'илá] (мела и мила) при [м'ол] и [м'ил]; [а]/[и] и [и]/[и]: [пр'идú] (пряду и приду) при [пр'ал] и диалектном [пр'иду].

Чередование слабых гласных фонем 1-го предударного слога после мягких согласных при яканье с „не-а“, выступающим в виде [е] и в виде [и], можно представить в следующей схеме:

Чередование сильных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге со слабой фонемой [и], с которой чередуется и сильная фонема <и>, может повести и во многих случаях ведет к далеко идущим последствиям в динамике предударного вокализма: в результате воздействия чередования слабой фонемы [и] с сильной фонемой <и> слабая фонема [и] может появиться в позициях, где в соответствии с данным типом яканья следовало бы ожидать [а]. Под влиянием модели [п'ил] — [п'илá] вместо [м'ол] — [м'алá], [в'ол] — [в'алá] может появиться [м'ол] — [м'илá], [в'ол] — [в'илá] и т. д., т. е. осуществится изменение, которое от умеренного яканья постепенно привело бы к иканью; под влиянием модели [п'ил'ý] — [п'ил'иш] вместо [д'ал'ý] — [д'эл'иш], [т'анý] — [т'ан'иш] может появиться [д'ил'ý] — [д'эл'иш], [т'инý] — [т'ан'иш], что может привести к изменению диссимилятивного яканья в иной тип вокализма. Такие изменения ведут к изменению типа яканья, к развитию разного рода переходных типов, к непоследовательности в системе, а также к развитию иканья, свойственного разговорному стилю современного литературного произношения, внелитературному просторечию, городским „полудиалектам“ (так называемым „мещанским говорам“) на территории якающих говоров. Но возможен и иной путь развития — под влиянием постоянства [и] в соответствии с [и] стремление к постоянству [а] в соответствии с <ê>, <е> (<'о>), <а>, т. е. развитие тенденции к сильному яканью. Например, вместо исходных [пр'адý], [пр'илá], [пр'ад'й]; [в'адý], [в'илá], [в'ад'й]; [с'акý], [с'иклá], [с'ак'й] под воздействием единства гласной во всех предударных позициях в [пр'идý], [пр'ишлá], [пр'ид'й] может появиться единство типа [пр'адý], [пр'алá], [пр'ад'й]; [в'адý], [в'алá], [в'ад'й]; [с'акý], [с'аклá], [с'ак'й]. Подобного рода процессы не переживают говоры с разными типами яканья, при которых гласный „не-а“ в предударном слоге ра-

вен [e], так как сильная фонема верхнего подъема <и> в этих говорах не вступает ни в какие позиционные контакты с гласными фонемами неверхнего подъема.

Возможен и обратный процесс — проникновение [а] в 1-й предударный слог вместо гласного [и], чередующегося с <и>: по образцу [в'ол] — [в'алá], [пр'ал] — [пр'алá] может появиться [п'ил] — [п'алá] (вм. [п'илá]), [в'ил] — [в'алá] (вм. [в'илá]). Вероятно, этим объясняется произношение [а] в предударном слог вместо [и] в ряде заимствованных слов с предударным [и], не „проясняемым“ в той же морфеме в ударном слог: [бр'ауáдь], [р'асу́ньк], [ърт'ал'ёр'иъ].

Кроме описанных основных типов вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в частных диалектных системах, неразличающих в этом положении гласных неверхнего подъема, существует еще ряд более сложных типов, одни из которых образуются путем введения принципа ассимилятивности, который как бы накладывается на один из „чистых“ типов предударного вокализма, другие — путем сочетания принципа диссимилятивности с принципом умеренного яканья.

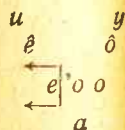
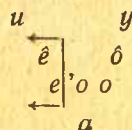
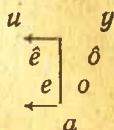
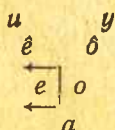
Ассимилятивно-диссимилятивное яканье

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье заключается в ассимилятивности при ударном <а> (в этом положении в предударном слог произносится [а]) и в наличии принципа диссимилятивности в той или иной разновидности при ударных других гласных.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье новоселковского типа заключается в сочетании щигровского типа диссимилятивного яканья с ассимилятивностью. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье кидусовского типа — в сочетании суджанского типа диссимилятивного яканья с ассимилятивностью. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье култуковского типа — в сочетании мосальского типа диссимилятивного яканья с ассимилятивностью. Наконец, ассимилятивно-диссимилятивное яканье ореховского типа — в сочетании особого типа диссимилятивного яканья, при котором в 1-м предударном слог звучит [и] только при ударном <е>, не изменившемся в <'о>, а перед остальными ударными гласными звучит [а].

Покажем это на схемах и проиллюстрируем примерами.

новосел- ковского типа	кидусов- ского типа	култуков- ского типа	орехов- ского типа
------------------------------	------------------------	-------------------------	--------------------------

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье новоселковского типа: при ударном <ѐ>—[с'алѐ], [с'астрѐѝ]; [зѣ-р'акѐѝ], [с'л'апѐвъ]; [п'атнѐ], [р'абѐвъ]; при ударном <о>—[с'алѐм], [з'арнѐм]; [с'л'а-пѐѝ], [л'асѐк]; [п'атнѐм], [р'абѐѝ]; при ударном <ѐ>—[ф-с'ал'ѐ], [в'ал'ѐл], [нѣ-с'т'анѐ]; [ѳ'ад'ѐл]; при ударном <е> (<'о>)—[д'ир'ѐвн'ѣ], [в'ис'ѐлѝ] или [в'ис'ѐлѝ], [н'ис'ѐм] (или [н'ис'ѐм]); [нѣ-пр'ид'ѐм] (или [нѣ-пр'ид'ѐм]); при ударном <а>—[н'асл'а], [б'ад'а], [пр'ам'аѝ]; [в'ал'ат'], [м'ан'ат'], [ѳ'ад'ат'].

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье кидусовского типа: при ударном <ѐ>—[с'алѐ], [с'астрѐѝ]; [зѣ-р'акѐѝ], [с'л'апѐвъ]; [п'атнѐ], [р'абѐвъ]; при ударном <о>—[с'алѐм], [з'арнѐм]; [с'л'а-пѐѝ], [л'асѐк]; [п'атнѐм], [р'абѐѝ]; при ударном <ѐ>—[ф-с'ил'ѐ], [в'ил'ѐл]; [нѣ-с'т'ин'ѐ]; [ѳ'ид'ѐл]; при ударном <е> (<'о>)—[д'ир'ѐвн'ѣ], [в'ис'ѐлѝ] (или [в'ис'ѐлѝ]); [н'ис'ѐм] (или [н'ис'ѐм]); [нѣ-пр'ид'ѐм] (или [нѣ-пр'ид'ѐм]); при ударном <а>—[н'асл'а], [б'ад'а], [пр'ам'аѝ]; [в'ал'ат'], [м'ан'ат'], [ѳ'ад'ат'].

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье култуковского типа: при ударном <ѐ>—[с'алѐ], [с'астрѐѝ]; [зѣ-р'акѐѝ], [с'л'апѐвъ]; [п'атнѐ], [р'абѐвъ]; при ударном <о>—[с'алѐм], [з'арнѐм]; [с'л'а-пѐѝ], [л'асѐк]; [п'атнѐм], [р'абѐѝ]; при ударном <ѐ>—[ф-с'ил'ѐ], [в'ил'ѐл]; [нѣ-с'т'ин'ѐ]; [ѳ'ид'ѐл]; при ударном <е>, не изменившемся в <'о>, —[д'ир'ѐвн'ѣ], [в'ис'ѐл'ѝ], [н'ис'ѐм] (если не произносится [н'ас'ѐм] с ударным <о>!); при ударном <е>, изменившемся в <о>, —[в'ас'ѐлѝ], [н'ас'ѐм], [нѣ-пр'ад'ѐм]; при ударном <а>—[н'асл'а], [б'ад'а], [пр'ам'аѝ]; [в'ал'ат'], [м'ан'ат'], [ѳ'ад'ат'].

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье ореховского типа: при ударном <ѐ>—[с'алѐ], [с'астрѐѝ], [зѣ-р'акѐѝ], [с'л'апѐвъ]; [п'атнѐ], [р'абѐвъ]; при ударном <ѐ>—[с'алѐм], [з'арнѐм]; [с'л'апѐѝ], [л'асѐк]; [п'атнѐм], [р'абѐѝ]; при ударном <ѐ>—[ф-с'ал'ѐ], [в'ал'ѐл]; [нѣ-с'т'анѐ]; [ѳ'ад'ѐл]; при ударном <е>, не изменившемся в <'о>, —[д'ир'ѐвн'ѣ], [в'ис'ѐл'ѝ], [н'ис'ѐм] (если не произносится [н'ас'ѐм] с ударным <о>!); при ударном <е>, изменившемся в <о>, —[в'ас'ѐлѝ], [н'ас'ѐм], [нѣ-пр'ад'ѐм].

Сопоставляя помещенные выше схемы разных типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья и иллюстративный материал к ним, не трудно заметить особую близость новоселковского типа к култуковскому и кидусовскому с ореховским: второй тип каждой пары отличается от первого только одной чертой—неодинаковой реакцией качества гласного предударного слога на ударный гласный <е> (<'о>). В то время как при новоселковском и кидусовском типах наличие ударного <е> или развившегося из него <'о> не имеет значения для качества гласного предударного слога (в обоих случаях в предударном звучит „не-а“: [д'ир'ѐвн'ѣ],

¹ Здесь и ниже при характеристике типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья примеров для безударных гласных при ударных гласных верхнего подъема <и> и <у> не даем (в этом положении в предударном—[а]).

[в'ис'эл'іъ], [в'ис'ол'і] или [в'ис'элы], [н'ис'эм] или [н'ис'ом] в култуковском и ореховском типах при сохранении <е> звучит „не-а“: [д'ир'эвн'ъ], [в'ис'эл'іъ], а при его изменении в <о> — [а]: [в'ас'ол'і], [н'ас'ом].

Диссимилятивно-умеренное и умеренно-диссимилятивное яканье

Диссимилятивно-умеренное яканье заключается в наличии принципа диссимилятивности перед твердыми согласными и при изношении „не-а“ перед мягкими. Диссимилятивно-умеренное яканье 1-е заключается в том, что „не-а“ произносится перед твердыми согласными при ударном <а>, при остальных ударных гласных перед твердыми и при всех ударных гласных перед мягкими произносится „не-а“.

Диссимилятивно-умеренное яканье 2-е заключается в том, что перед твердыми согласными „не-а“ произносится при ударных <и> и <о>, при остальных ударных гласных перед твердыми и при всех ударных гласных перед мягкими произносится „не-а“. Иллюстрируем сказанное примерами.

Диссимилятивно-умеренное яканье 1-е: перед твердыми — [н'исл'а], [р'ик'а], [р'иб'а'іъ], но [с'ал'ом], [л'ас'ок], [п'атн'ом], [с'ал'о], [з'р'ак'оі], [п'атн'о]; [у-с'астры], [цв'аты], [р'ад'ы]; [н'ас'у], [в-л'ас'у], [пр'ад'у]; перед мягкими — [п'ят'ир'ал], [стр'ил'ат'], [үл'ид'ат'], [д'ир'эвн'ъ], [пр'ид'ом], [цв'ит'от'], [в'ил'эл], [н'с-т'ан'э], [үл'ад'эл]; [н'ис'й], [б'ил'йт'], [үл'ид'й]; [в'ил'у], [з'м'айу], [д'ис'ит'ју].

Диссимилятивно-умеренное яканье 2-е: перед твердыми — [н'исл'а], [р'ик'а], [р'иб'а'іъ]; [с'ил'ом], [л'ис'ок], [п'итн'ом], но перед твердыми согласными при остальных ударных гласных и перед мягкими при всех ударных гласных произносится „не-а“ (т. е. так, как при диссимилятивно-умеренном яканье 1-м).

Умеренно-диссимилятивное яканье заключается в наличии принципа диссимилятивности перед мягкими согласными и принципа умеренного яканья перед твердыми, в соответствии с которыми перед твердыми произносится [а]: [н'асл'а], [р'ак'а], [р'аб'а'іъ], [с'ал'ом], [л'ас'ок], [п'атн'ом]; [с'ал'о], [з'р'ак'оі], [п'атн'о], [у-с'астры], [цв'аты], [р'ад'ы]; [н'ас'у], [в-л'ас'у], [пр'ад'у].

Различаются два типа умеренно-диссимилятивного яканья. Умеренно-диссимилятивное яканье 1-е заключается в том, что перед мягкими при ударном <а> в предударном произносится „не-а“, а при остальных ударных гласных — [а]: [п'ят'ир'ал], [стр'ил'ал], [үл'ид'ат'], но [д'ар'эвн'ъ], [пр'ад'от'], [цв'ат'от'] [в'ал'эл], [н'с-т'ан'э], [үл'ад'эл]; [н'ас'й], [б'ал'йт'], [үл'ад'й], [в'ал'у], [з'м'айу], [д'ас'ат'ју].

Умеренно-диссимилятивное яканье 2-е заключается в том, что перед мягкими согласными при всех ударных согласных, кроме

и <у>, в предударном слоге произносится „не-а“, а при ударных <и> и <у>—[а]: [пѣт'ир'а́л], [стр'ил'а́л], [үл'ид'а́т']; [д'ир'евн'ѣ], [пр'ид'о́т'], [цв'ит'о́т']; [в'ил'е́л], [нѣ-с'т'ин'е́], [үл'ид'е́л], [н'ас'и́], [б'ал'и́т'], [үл'ад'и́], [в'ал'у́], [з'м'а́ју], [д'ис'ат'ју́].

Еканье и иканье

Для полноты картины отметим систему еканья, при котором гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е], различаясь с гласным [и] (это уже упоминалось выше), и систему иканья, при котором гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных совпадают с гласным верхнего подъема [и]. Еканье свойственно некоторым северным говорам, а также средневеликорусским. Иканье—некоторым средневеликорусским, а также так называемым „мещанским“ говорам городов на южновеликорусской территории. То и другое также свойственно литературному языку: еканье—его старшей системе, иканье—младшей. Из ниже помещенных схем видно, что при еканье в 1-м предударном слоге различаются две степени подъема, а при иканье подъемы не различаются (произносятся только гласные верхнего подъема).

Еканье Иканье

и у и у
е

Еканье: [р'ека́], [б'еда́], [зѣ-р'екó], [нѣ-р'ек'е́], [р'ек'и́], [л'еса́], [л'есóк], [л'ес'н'и́к]; [н'есу́], [н'есла́], [н'ес'л'и́], [н'ес'о́ш], [н'ес'и́], [м'ела́], [м'ету́], [м'ет'и́]; [пр'еду́], [пр'ед'о́ш], [пр'ед'и́] и т. д. при [л'иса́] (*лисица*), [м'ила́] (к *мил*), [пр'иду́] (к *прийти*) и т. д.

Иканье: [р'ика́], [б'ида́], [зѣ-р'икó], [нѣ-р'ик'е́], [р'ик'и́], [л'иса́], [л'исóк], [л'ис'н'и́к]; [н'ису́], [н'исла́], [н'ис'л'и́], [н'ис'о́ш], [н'ис'и́], [м'ила́], [м'иту́], [м'ит'и́]; [пр'иду́], [пр'ид'о́ш], [пр'ид'и́] и т. д. при [л'иса́] (*лисица*), [м'ила́] (к *мил*), [пр'иду́] (к *прийти*).

Ассимилятивное и ассимилятивно-умеренное яканье

Ассимилятивное яканье заключается в ассимилятивности при ударном <а> (в этом положении в предударном слоге произносится [а]) и в иканье при всех других ударных гласных как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Например, при ударном <а>: [н'асла́], [р'ака́], [р'абáѣ]; [пѣт'ар'а́л], [стр'ал'а́л], [үл'ад'а́т']; при ударных других гласных: [с'илó], [р'икó], [п'итнó]; [с'илóм], [п'итнóм]; [н'ису́], [б'иду́], [нѣпр'иду́], [в'ил'у́], [с'м'и́ју́с], [үл'ид'у́], [н'ис'и́], [б'ил'и́т'], [пѣүл'ид'и́]; [цв'иты́], [р'ибых]; [ф-с'ил'е́], [нѣ-с'т'ин'е́], [үл'ид'е́лѣ]; [д'ир'евн'ѣ], [б'ир'о́зѣ]; [нѣпр'ид'о́м], [пр'ин'ис'о́м].

Ассимилятивно-умеренное яканье заключается в ассимилятивности при ударном <а> (в этом положении в предударном слоге произносится [а]) и в умеренном яканье в остальных положениях (в произнесении [а] перед твердыми согласными и „не-а“ перед мягкими) вне зависимости от качества ударной гласной. Так как при умеренном яканье перед твердой согласной, в том числе при ударной <а>, произносится [а], то отличие между умеренным яканьем и яканьем ассимилятивно-умеренным заключается только в произношении предударного [а] перед мягкой согласной при ударной <а>, т. е. в произношении [път'ар'ál], [стр'ал'ál], [үл'ад'át']. В остальном ассимилятивно-умеренное яканье не отличается от умеренного—в предударном слоге перед твердой согласной произносится [а], а перед мягкой „не-а“.

О СООТНОШЕНИИ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Как известно, вокализм и консонантизм русского языка теснейшим образом связаны друг с другом. Категория мягкости-твердости охватывает значительную часть системы согласных и определяет собой не только качество следующей гласной¹, но также—для ряда частных диалектных систем—самую возможность наличия в данном положении той или другой гласной фонемы.

Если исходить из максимальной модели системы ударного вокализма², то возможность той или другой гласной фонемы после твердых и мягких согласных можно представить в таблице:

Фонемы		<и>	<ê>	<е>	<а>	<о>	<ô>	<у>
Их реализация	после твердых	ы	—	—	а	о	ô	у
	после мягких	и	ê	е	а	о	(ô)	у

Гласные фонемы <и>, <а>, <о>, <у> употребляются как после твердых, так и после мягких согласных. Ср.: [мыл]—[м'ил], [тыкът']—[т'ыкът']; [мал]—[м'ál], [вал]—[в'ál]; [вол]—[в'ол], [роф]—[р'оф]; [тук]—[т'ук], [рук]—[ур'ук]. Фонема <ê> употребляется только после мягких (ср.: [л'êс], [с'êл]), как и фонема <е> (ср.: [д'в'ер'], [с'êл'ит]); при отсутствии изменения <е> в <о>—[л'ен], [кл'ен], [ав'êс]. Фонема <ô> практически упо-

¹ Мягкость-твердость согласных имеет значение также для качества предшествующей гласной.

² О ней ниже.

употребляется только после твердых согласных. Ср.: [двѡр], [стѡл], [з'ѡрнѡ], [водѡі]. Однако по аналогии она может попадать и в положение после мягких (во флексии); ср.: [с-радн'ѡі] (по образцу [с ж'енѡі]), [з'ат'јѡф] (по образцу [сталѡф]). Эта ограниченная возможность <ѡ> после мягких обозначена в таблице скобками.

Характерно, что в подавляющем большинстве частных диалектных систем утрачиваются именно те гласные фонемы, которые употребляются только после мягких или только после твердых согласных. Сравни утрату <ѣ> как особой фонемы, а также утрату <ѡ>. Борясь за свое утверждение, фонема <о>, как уже было отмечено, проникала в положение после мягкой согласной. Однако употребление <ѡ> после мягких согласных всего в нескольких флексиях было ограничено, кроме того, сравнительно немногими диалектными системами и потому не было устойчиво и легко уступало место фонеме <о>. Что касается фонемы <е>, то она в подавляющей части частных диалектных систем в ударном слоге перед твердым согласным изменилась в <о>; благодаря этому, а также благодаря нефонетически появившейся гласной <о> во флексиях (ср.: [моѡб], [кон'ѡм] и т. д. под воздействием [то], [стѡлом]) фонема <о> стала широко употребляться как после твердых, так и после мягких согласных. Известно, что фонема <ѣ> в большей части частных диалектных систем изменилась в <е>. Все это привело к тому, что после твердых и мягких согласных стали употребляться одни и те же фонемы, лишь видоизменяясь в своем качестве в зависимости от качества предшествующей согласной. Конечно, ударный вокализм после твердых и мягких согласных неодинаков в разных частных диалектных системах, но параллелизм в употреблении гласных после твердых и мягких согласных в той или иной форме характерен для всех них. В литературном языке и значительной части не отличающихся в этом отношении от него диалектных систем он принимает следующий характер:

После твердых	ы	„э“	а	о	у
После мягких	и	е	а	о	у

Буква „э“ в графе „после твердых“ заключена в кавычки, так как употребление фонемы <е> после твердых парных ограничено положением не на стыке с флексией; ср.: [п'урѣ], [клшнѣ], но [п'ил'ѣ] — [п'ил'ѣ], как [з'и'мл'а] — [з'и'мл'е].

Возникает вопрос: существует ли такой параллелизм в употреблении гласных после мягких и твердых согласных в безударных слогах? Коснемся этого вопроса на материале 1-го предударного слога. Фонетической системе литературного языка, если иметь

в виду ту ее разновидность, которая различает в предударном слоге после мягких [и] и [и^е], свойствен полный параллелизм. Он показан в таблице:

После твердых	ы	л	у
После мягких	и	и ^е	у

Если слова [пытáт'] и [п'итáт'], равно как [луп'йт'] и [л'у-б'йт'], в предударном слоге каждой пары слов имеют одну и ту же фонему—в первой паре слов <и>, которая реализуется в [ы] после твердых, во второй паре—<у>, которая реализуется в [у] после мягких, то с полной уверенностью можно утверждать, что в случаях типа [пълажы́] и [пъл'и^ежы́], [тану́] и [т'и^ену́] такая одна и та же фонема—слабая фонема (ее можно обозначить знаком α), которая реализуется в [л] после твердых и в [и^е] после мягких. Слабая фонема, обозначаемая знаком α, находясь в отношении позиционного чередования с сильными фонемами неверного подъема, входит в возглавляемые последними фонемные ряды: ср.: [пълажы́]—[палóжым], [пъл'и^ежы́]—[л'óжъ], [тану́]—[тó-нут], [т'и^ену́]—[т'áнут], [плáч'у́]—[плáт'иш], [пл'и^ету́]—[пл'óткъ], где налицо позиционное чередование [о]//[л], [а]//[л] после твердых и [о]//[и^е], [а]//[и^е] после мягких.

Однако фонетической системе литературного языка свойственна и другая разновидность предударного вокализма после мягких согласных—„икающая“, которая не различает [и] и [и^е], а имеет вместо обеих этих гласных один [и]. Иканье, как известно, свойственно также и некоторым частным диалектным системам. При иканье параллелизм в системе вокализма оказывается нарушенным, в чем можно убедиться из таблицы:

После твердых	ы	л	у
После мягких	и		у

Здесь один гласный [и] после мягких соответствует двум гласным—[ы] и [л] после твердых; ср.: [м'илá] („она *мила*“ и одновременно „она *мела* пол“) и [мылá] (им. п. мн. ч. в особом значении), [малá]. Если гласный предударного слога [л] соответствует ударным гласным неверного подъема (ср.: [млá]—[мал], [дмá]—[дом]) и различается с гласными верхнего подъема [ы] и [у], то гласный предударного слога после мягких согласных [и] соответствует всем ударным гласным нелабиализованным, будучи противопоставлен только гласному [у]: [п'итáт']—[нлп'йткъ],

[м'илá]—[м'ил], [м'илá]—[м'ол], [п'итáк]—[п'áтъї], [л'исá]—[л'ис], [л'исá]—[л'ес], [с'л'идá]—[с'л'ет], но [с'л'удá], [т'уч'ók]—[т'ук], [кр'уч'ók]—[кр'ук] и т. д.

Полный параллелизм в реализации гласной фонемы 1-го предударного слога в положении после твердых и мягких согласных мы наблюдаем при диссимилятивном аканье наиболее распространенного типа, так называемого жиздринского, или белорусского. При жиздринском, иначе белорусском, типе диссимилятивного аканья „не-а“ и [а] как после мягких, так и после твердых согласных произносится в одной и той же позиции—при ударной <а> в предударном слоге наличествует „не-а“, а при ударной любой другой гласной в предударном—[а]; ср.: [н'еслá]—[н'асу́], [н'ас'ї́], [н'ас'є́ш] и [р'єслá]—[р'асту́], [р'аст'ї́], [р'аст'óш]; [л'еса]—[л'асóф], [л'асу́] и [д'ьмá]—[дамóф], [в-даму́]; [п'еклá]—[п'аку́], [п'ак'ї́], [п'ач'óш] и [т'ылкá]—[талку́], [талк'ї́], [талч'óш] и т. д.

Полный параллелизм можно отметить также в тех частных диалектных системах, в которых архаический тип диссимилятивного аканья (в задонской его разновидности) сочетается со сравнительно недавно ставшим известным архаическим типом дисси-

Ударная гласная	После твердых согласных	После мягких согласных
<и>	[вады́], [травы́], [пас'ї́], [рас'т'ї́], [дал'ис']	[р'ак'ї́], [з'амл'ї́], [н'ас'ї́], [т'ан'ї́], [вз'ал'ис'], [ц'в'аты́], [р'ады́]
<у>	[ваду́], [траву́], [пасу́], [расту́], [вал'у́], [вар'у́]	[р'аку́], [з'амл'у́], [с'ам'ї́], [в'аду́], [в'ал'у́]
<ó>	[т'ьлакно́], [вадо́], [траво́], [тар'óв'ї́]	[п'атно́], [о'ало́], [р'акóї́], [б'адо́], [б'адо́в'ї́]
<є>	[вад'є́], [трав'є́], [пат'є́л], [п'ьбал'є́л]	[р'ак'є́], [в'ас'н'є́], [в'ал'є́л], [с'ад'є́л], [п'ьбал'є́л]
<о>	[т'ьлькно́м], [пл'ьто́къ], [с'ьво́к], [п'рьсто́ї] (им. п. ед. ч. муж. р.)	[с'ело́м], [п'есóк], [с'евóк], [р'ебо́ї] (им. п. ед. ч. муж. р.)
<е> <’о>	[п'сь’óш], [р'ьст’óм], [п'сь’óльк]	[н'ес’óш], [пл’ет’óм], [н’пр’ид’óм], [пл’ет’є́н']
<а>	[в'ьдá], [т'р'ьвá], [п'ьслá], [р'ьслá], [ст'ьлá], [д'ьмá]	[б'едá], [з'емл'á], [н'еслá], [пр'елá]

милятивного аканья. При этих типах аканья и яканья позиции, в которых выступают [а] и „не-а“, тождественны: при ударном гласном нижнего подъема <а> в предударном — гласный „не-а“ (а именно [е]), при ударном гласном верхнего подъема (т. е. <и> с его вариантом [ы]) в предударном выступает [а]. Ударные гласные <о> и <е> (<'о>) выступают как гласные нижнего подъема (в предударном „не-а“), а ударные гласные <ô> и <ê> как гласные верхнего подъема (в предударном [а]). Это показано в таблице на стр. 163.

При диссимильативном аканье и диссимильативном яканье параллелизм предударного вокализма после твердых и мягких согласных частично оказывается нарушен, если в позициях, где выступает „не-а“, звучит [и].

В позициях, где выступает [а]

В позициях, где выступает „не-а“

После твердых	ы	а	у	ы	ъ	у
После мягких	и	а	у	и		у

Как видно из таблицы, в позициях, где выступает [а], параллелизм сохранен (ср.: [сырѡк], [сарѡк], [сурѡк] и [л'исѹ], [в-л'асѹ], [л'убл'ѹ]). Что же касается позиций, где выступает „не-а“, который реализуется в [и], то параллелизм в них оказывается нарушенным: после твердых различаются три гласных, а после мягких только два, причем один гласный [и] в положении после мягких эквивалентен двум гласным — [ы] и [у] — положения после твердых; ср.: [сырѡѣ] (прил.), [сърѡѣ] (род. п. ед. ч. к сущ. *сарай*), [с-урѡѣ]; [л'исѡ] („*лисица*“), [л'исѡ] (им. п. мн. ч. к сущ. *лес*), [пѣл'усѡ] (разгов. форма им. п. мн. ч. к сущ. *пѣлюс*).

Однако, если „не-а“ после твердых согласных звучит как [ы] (при наличии [и] после мягких согласных), устанавливается новое „равновесие“ — параллелизм предударного вокализма после твердых и после мягких с различием двух единиц в каждом из этих положений.

В позициях, где выступает [а]

В позициях, где выступает „не-а“

После твердых	ы	а	у	ы	у
После мягких	и	а	у	и	у

Левая часть таблицы здесь не отличается от предыдущей таблицы. Поэтому считаем достаточным иллюстрировать лишь ее левую часть: [сыра́йъ] (им. п. ед. ч. жен. р. к прил. *сырой* и одновременно род. п. ед. ч. к сущ. *сарай*), [с-ура́ль]; [л'иса́] и одновременно им. п. мн. ч. к сущ. *лес*), [пы́л'уса́] и им. п. мн. ч. к сущ. *полюс*).

Можно предполагать, что более старым является предударный вокализм с параллелизмом в реализации гласных фонем в положении после твердых и мягких согласных, с различием в ударном из этих положений трех гласных. Но, несомненно, нарушение такого параллелизма после мягких согласных, а также развитие нового вида параллелизма, при котором в позициях *не-а* выступают два гласных как после твердых, так и после мягких, является важным фактором разрушения старых типов вокализма и развития новых. Это объясняется тем, что в «пучок» гласных гласных фонем, нейтрализующихся в 1-м предударном слоге в [и]—[ы], в этом случае входят не только сильные фонемы неверхнего подъема, но также и сильная гласная фонема верхнего подъема—<и>. В этих условиях воздействие одних позиций на другие может привести к появлению [а] в позициях, где ожидался бы гласный [и]—[ы] (например, [бала́] вм. [была́], [ла́] вм. [п'ила́], сюда же можно присоединить такие случаи, как [р'асу́ньк], [бр'ауа́дъ] и т. д.), и, наоборот, к появлению [и]—[ы] в позициях, где ожидался бы гласный [а] (например, [п'ако́], [ны́бо́]).

ПРЕДУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И СИНХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Как видно из предыдущего изложения, типы предударного вокализма после мягких согласных определяются одним из двух факторов: 1) положением предударного гласного перед твердым или мягким согласным; 2) положением предударного гласного перед слогом с ударным того или иного качества, его зависимость от качества ударной гласной. Есть и более сложные типы вокализма, при которых определенное значение имеет как первый, так и второй фактор.

С точки зрения чисто синхронных отношений, если позиционная обусловленность гласного предударного слога налицо и появление того или другого предударного гласного целиком определяется позицией, то тип предударного вокализма можно считать в полной мере относящимся к фонологическому уровню. Так, например, [в'асло́], но [в'исло́м], [к-с'л'апо́и] (старухе), но [л'апо́и] (старик), [үл'ад'эль], но [д'ир'евн'ь] и т. д. (в предударном слоге разные гласные, что определяется их положением перед разными по качеству ударными гласными); или: [н'асла́], [н'асу́], но [н'ис'ош]; [р'ака́], [р'аку́], но [нъ-р'ик'э́], [р'ич'но́],

[м'ин'át'], [абм'ин'ý] и т. д. (в предударном слоге разные гласные, что определяется положением перед твердой или мягкой согласной).

Однако широко известны случаи, когда предударный вокализм в его современном состоянии не определяется в полной мере позицией, когда позиционная зависимость в какой-то степени нарушена. В этих случаях тип предударного вокализма выходит за рамки фонологической системы, он как бы заостеневает, грамматикализуется или лексикализуется и характеризует уже не определенное звено фонологической системы, как таковой, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово.

Так, например, при ёканье перед сочетанием твердой согласной с последующей мягкой в предударном слоге нередко произносится не [о], как следовало бы ожидать, перед твердым согласным, а [и] (или [е]): [п'ókлá], но [п'икл'й], [т'окýт], [т'оклá], но [т'икл'й], [с'т'ир'огý] — [с'т'ир'игл'й], [запр'огý], но [запр'игл'й]; [с'т'оклó], но [ф-с'т'икл'é], [в'одрó] — [нъ-в'идр'é], [т'оплó] — [ф-т'ипл'é] и т. д. Аналогичное отклонение наблюдается при переходе от ёканья к умеренному яканью; ср.: [п'аклá], но [п'икл'й], [т'акýт], [т'аклá], но [т'икл'й], [с'т'ир'агý], но [с'т'ир'игл'й], [зъпр'агý], но [зъпр'игл'й]; [с'т'оклó], но [ф-с'т'икл'é], [в'адрó] — [нъ-в'идр'é], [т'аплó] — [ф-т'ипл'é] и т. д.¹ Несомненная доказанная В. Н. Сидоровым² генетическая связь ёканья с умеренным яканьем. Однако происхождение этой „аномалии“ при ёканье и умеренном яканье не может считаться окончательно установленным. Возможно, они объясняются воздействием со стороны тех же грамматических форм других слов, которые не имеют сочетания согласных или имеют сочетания мягких согласных (т. е. случаи [п'икл'й], [л'игл'й] появились под воздействием случаев типа [в'ил'й], [н'ис'л'й]; [нъ-ст'икл'é], [в-в'идр'é] появились под воздействием случаев типа [ф-с'ил'é], [нъ-в'ис'л'é]). Однако не все случаи могут быть объяснены грамматической аналогией. Поэтому некоторые исследователи предпочитают фонетическое объяснение, т. е. исходят из предположения, что в прошлом первый согласный сочетания был в той или иной степени мягким под воздействием второго — мягкого

¹ Эта „аномалия“ при умеренном яканье была отмечена в сопроводительной статье к „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“ (Ярославль, 1945), см. также мои „Очерки русского диалектологического“ (М., 1949, стр. 80). Аналогичная черта при ёканье была описана Л. Н. Булатовой. См. „Об акающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области“ („Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР“, 1949, вып. 9, стр. 73). Происхождение умеренного яканья средневеликорусских говоров на базе ёканья исследовано В. Н. Сидоровым в статье „Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье“ (см. его книгу „Из истории звуков русского языка“, М., 1966).

² См. указ. соч.

согласного: в этом случае отсутствие гласного [о] при ёканье или гласного [а] при аканье оказывается вполне закономерным. Весьма вероятно, что в образовании этой „аномалии“ имели значение оба эти фактора. Однако как ни объяснять происхождение описанной „аномалии“ при ёканье или умеренном яканье, если не считать, что сочетание твердого согласного с последующим мягким действует на предшествующий предударный гласный так, как действует мягкий согласный, со строго синхронной точки зрения она, эта особенность, остается „аномалией“, так как выходит за пределы позиционной обусловленности, а тем самым и за пределы фонологической системы. Качество предударной гласной в случаях типа [т'икл'й], [к-с'истр'е] при ёканье и умеренном яканье не определяется позицией: оно грамматикализовано или лексикализовано, т. е. принадлежит данной парадигме или характеризует звуковой состав данного слова. Таким образом, формы [п'оку] — [п'икл'й], [ст'окло] — [ф-ст'икле], а также [п'аку] — [п'икл'й], [ст'акло] — [ф-ст'икл'е] образуются не только при помощи соответствующих флексий, но также при помощи свойственных данным парадигмам нефонетическим, т. е. позиционно необусловленным, чередованиям слабых фонем в предударном слоге.

Приведем другой пример. При определенных типах диссимилятивного яканья, когда под ударением находится гласная <о>, в предударном слоге звучит то [а], то „не-а“; ср.: [в'асло], но [в'ислом], [к-с'л'апó] (старухе), но [с'л'ипó] (старик). Нам известно историческое объяснение этого явления: старое „о“ под восходящим ударением в случаях, когда в предударном слоге звучит [а], и [о] из „ъ“, когда в предударном слоге — „не-а“. Знаем мы также, что это историческое различие сохранено в других русских частных диалектных системах: имею в виду системы, при которых неодинаковым гласным в предударном слоге соответствуют неодинаковые гласные в ударном слоге (<ò> и <о>): [в'асло], [в'ислом]; [к-с'л'апó] (старухе), [с'л'ипó] (старик). Отсюда следует, что первоначально была налицо позиционная обусловленность: наличие в предударном слоге [а] при ударном <ò> и „не-а“ при ударном <о>. Позднее в некоторых частных диалектных системах различие <ò> и <о> в ударном слоге утратилось, на месте этих двух фонем стала произноситься одна фонема <о>, а следствие бывшего различия двух фонем сохранилось в предударном слоге. Но это — историческое объяснение. С чисто синхронной точки зрения при произношении [в'асло] — [в'ислом] налицо неопределяемость предударного гласного ударной гласной, позиционная необусловленность. Отсюда — грамматикализация яканья, которая характеризует уже не фонологическую систему, как таковую, а данную парадигму, т. е. приобретает грамматическое значение. Склонение [в'асло], [в'ислом] и т. д. осуществляется при помощи не только флексий, но также и чередования [а]//[и] ([а] в им. п. ед. ч., [и] — в твор. п. ед. ч.).

То же можно сказать о произношении разных гласных при одной и той же ударной гласной <е>, встречающемся при некоторых типах диссимилятивного яканья, т. е. когда произносится, например, [д'ир'евн'ъ], [в'ис'эл'іъ]; [үл'ад'эль], [үл'ад'эл'и]. Здесь также отсутствует определяемость гласного предударного слога ударной гласной, так как в предударном слоге звучат разные гласные: [а] и „не-а“, в то время как в ударном — одна и та же фонема — <е>. С исторической точки зрения это объясняется тем, что в прошлом в ударном слоге были разные гласные фонемы: <е> (из „е“ и „ь“) в одних случаях и <ѐ> (из „ѐ“) в других. Различение фонем <е> и <ѐ> сохранилось и до нашего времени в ряде частных диалектных систем. В таких частных системах при различении ударных гласных различаются и предударные: [д'ир'евн'ъ], [в'ис'эл'іъ] и [үл'ад'эль], [үл'ад'эл'и], т. е. сохраняется позиционная обусловленность. С течением времени различение <е> и <ѐ> утратилось, а следствие этого различения сохранилось в предударном слоге. С синхронной точки зрения при произношении [д'ир'евн'ъ], но [үл'ад'эль] мы отмечаем утрату непосредственной позиционной обусловленности, тем самым выход за пределы собственно фонологической системы, „закостенение“ типа яканья.

Необходимо указать и на такой факт, как известное при некоторых типах диссимилятивного яканья неразличение гласного предударного слога при наличии под ударением <е> или <о> после мягких согласных (на месте старых „е“ и „ь“) не в падежных окончаниях и некоторых суффиксах: [в'ис'эл'іъ] и [в'ис'олы], [б'ир'эз'ник] и [б'ир'о́за]. Однако если <о> после мягких согласных находится в падежных окончаниях и некоторых суффиксах, то в предударном звучит [а]; ср.: [пл'ач'ом], [з'амл'о́], [п'ан'ок] и т. д. Конечно, не трудно сделать вывод, что гласная <о> после мягких согласных в этих падежных флексиях оказалась до формирования данного типа диссимилятивного яканья, а в других случаях — после его формирования. Поэтому в первых случаях в предударном слоге, как при всякой ударной гласной, <о> звучит [а], а в других случаях в период формирования данного типа яканья в ударном слоге было <е>, поэтому в предударном слоге звучало „не-а“. Лишь впоследствии перед твердой согласной вместо <е> появилась гласная <о>, но это изменение уже не оказало влияния на качество предударного гласного¹. Однако это объяснение генетическое. С чисто же синхронной точки зрения здесь мы опять должны отметить неопределяемость предударного гласного гласной фонемой ударного слога: [в'ис'эл'іъ], [в'ис'олы], [в'ид'ом]; [м'ид'в'ад'ом], [пл'ач'ом], т. е. выход за рамки собственно фонологической системы.

Однако имеются и такие типы яканья с элементами диссимилятивности, при которых гласный предударного слога всегда

¹ Подробнее об этом выше.

различно реагирует на ударный гласный <е> или <о> после мягких согласных, при которых произносится [в'ис'ёл'іъ], но [в'ас'бъл'і], [б'ир'éz'н'ик], но [б'ар'бъз]; [н'ис'эш], [в'ид'эш], но [п'ас'ош], [в'ад'ош] и т. д. По-видимому, в этих говорах изменение <е> в <о> предшествовало образованию соответствующего типа яканья. Здесь важно отметить, что с синхронной точки зрения обусловленность гласного предударного слога качеством ударной гласной в данном случае сохраняется.

Общий вывод из нашего рассмотрения заключается в том, что яканье, не являясь актуальным процессом в настоящее время, склонно заостриваться, переходить за рамки позиционной обусловленности, грамматикализироваться (т. е. становиться элементом парадигмы) или лексикализироваться (т. е. характеризовать звуковое оформление слова).

* * *

Первая попытка сводного фонологического описания систем предударного вокализма русского диалектного языка была сделана мною в книге „Очерки русской диалектологии“ (ч. I. М., 1949). Стремясь к строго синхронному описанию, я не избежал тогда некоторых элементов диахронического порядка (см. последний раздел этой главы). Не была также отмечена важность качества гласной „не-а“ при оканье (см. стр. 154—156). Далее, предударный вокализм после твердой и мягкой согласных в этой книге был изложен в отрыве друг от друга, в то время как они тесно связаны (см. об этом раздел на стр. 160—165). Наконец, естественно, что не были учтены позднее собранные богатые материалы диалектологического атласа русского языка (см.: „Русская диалектология“. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Изд. 2. М., 1965; С. К. Пожарицкая. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. „Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия“, вып. III, 1962).

В дальнейшем я вернулся к этой теме в статьях „Русский вокализм 1-го предударного слога“ (см. сб. „Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970“. М., 1972), „О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке“ (см. „Известия АН СССР. Серия литературы и языка“, т. XXIX, вып. 6), „Русский диалектный предударный вокализм после мягких согласных и синхроническая фонологическая система“ (см. „Serta slavica in memoriam Aloisii Schmaus. Gedenschrift für Alois Schmaus“. München 1971). Материалы этих статей нашли отражение в этом разделе.

эти и подобные согласные русского языка следует квалифицировать как двойные согласные, т. е. как сочетания фонем.

Долгие согласные не на стыке морфем в русском языке встречаются главным образом в словах иноязычного — западноевропейского происхождения, следовательно, в значительной мере в литературном языке. Ср. такие слова, как *ва́нна, бо́нна, ка́сса, ма́сса, га́мма, Э́мма, Э́лла, Э́ллада* и т. д. В словах исконно русских долгие согласные не на стыке морфем встречаются в единичных случаях (например, *ссу́да,ссора́*). Несвойственность русскому языку долгих согласных не на стыке морфем сказывается, между прочим, в том, что слова иноязычного происхождения в живой, литературной речи и, конечно, в говорах — в той мере, в какой подобного рода слова попадают в них, — обычно утрачивают долготу. Например, слова *профе́ссор, алле́я, оппози́ция, профе́ссия, дифференци́ация, металличе́ский* и т. д. обычно произносятся без долготы, сохраняя лишь в правописании двойное написание. Даже в пределах литературного языка в подобных случаях долгие согласные произносят лишь лица, обладающие особым, „книжным“ произношением. Тенденция к утрате долготы так сильна, что она проникает даже в правописание: в ряде слов еще недавно допускалось как двойное написание, так и одиночное — *аттестат* и *атестат, коммерческий* и *комерческий, комментарий* и *коментарий*, а в некоторых словах за последнее время окончательно утвердилось написание с одной согласной, например *атака, коридор, официа́льный*.

ДОЛГИЕ ШИПЯЩИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В одном случае для русского языка вопрос о долготе согласных может решаться иначе. Речь идет о долгих шипящих. Дело в том, что долгие шипящие в отличие от других согласных часто встречаются не только на стыке морфем, но и в пределах данной морфемы, причем в этом последнем случае они в литературном языке и ряде сходных с ним в этом отношении говоров отличаются по своему качеству от долгих шипящих на стыке морфем, а именно в пределах морфемы они мягки, а на стыке приставки и корня — тверды. Долгие шипящие в пределах морфемы, не будучи членимы и отличаясь по своему качеству (мягкостью) от членимых долгих шипящих на стыке приставки и корня (твердых), функционируют в системе согласных таких говоров, как особые, именно долгие фонемы. Если фонологический состав слова *сшит* ([ш:йт]) равен: [с+ш+и+т], то фонологический состав слова *щит* ([ш':ит]) равен: [ш':+и+т], т. е. не 4, а 3 фонемам.

Примеры долгих мягких шипящих фонем в пределах корневой морфемы: глухая — [ш':у́къ], [jǎш':ик], [jǎш':ур], [плш':а́дь], [л'э́ш':] — [л'и'э́ш':а́], [т'о́ш':ъ], [иш':у́], [пуш':у́], [ро́ш':ъ], [пу́ш':ъ], [п'и́ш':ъ]; звонкая — [jěж':у], [жуж':а́т'], [в'и́ж':а́т'],

[др'ьб'и'ж':â't'], [вôж':и], [дрôж':и], [дôш':]—[дж':â], [р'ьз-млж':û], [бр'и'ж':у], [бр'êж':ит], [пôж':ь].

Следует отметить, что глухая долгая шипящая употребляется в значительно большем количестве случаев, чем звонкая: в то время как последняя представлена в ограниченном круге слов и в немногих формах в чередовании с сочетанием [зд] или [зг] (*ездить*—*езжу*, *визг*—*визжать*), первая, кроме того, представлена в ряде морфологических и словообразовательных категорий, некоторые из которых весьма употребительны (например, суффикс *-щик*, причастия на *-ущий*, *-ащий*, глаголы, имеющие в 1-м л. ед. ч. звук [ш':], чередующийся с [ст] или [ск], а в словах книжного происхождения также с [т]; ср.: *грустить*—*грущу* ([груш':û]), *искать*—*ищу* ([иш':û]), *осветить*—*освещу* ([лс'в'и'ш':û]).

Таким образом, в отличие от долгих твердых шипящих, употребляющихся на стыке морфем и потому членимых и представляющих собой сочетания фонем, долгие мягкие шипящие встречаются внутри морфемы, потому нечленимы и образуют отдельные фонемы. Однако и в этом случае долгие шипящие фонемы не противопоставлены кратким, потому что первые мягки, а вторые тверды (ср.: [ш':ипât'] и [шып]), и, таким образом, они отличаются друг от друга не одним признаком, а двумя—мягкостью или твердостью и долготой или ее отсутствием.

Таким образом, в литературном языке и в сходных с ним в этом отношении говорах имеются особые долгие шипящие фонемы ([ш':ûкъ], [вôж':и]). Они выделяются как отдельные фонемы, потому что шипящие как сочетания фонем всегда тверды (ср.: [ш:ыл], [ш-шâпкъ]), [иж:â'р'ил], [ж-жы'ноі]).

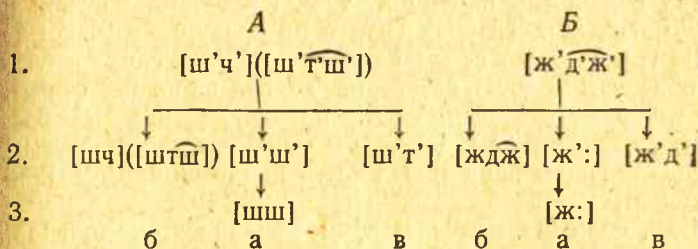
ДОЛГИЕ ШИПЯЩИЕ В ГОВОРАХ

Однако в соответствии с долгими мягкими шипящими фонемами литературного языка и части говоров в других говорах мы находим иные весьма разнообразные звуки, явившиеся в результате того, что они сохранили разные стадии имевшего места фонетического процесса, а отчасти потому, что ими были пережиты разные фонетические процессы. Однако исходные звуко сочетания, подвергавшиеся дальнейшим изменениям, были едины. Такими исходными звуко сочетаниями являются [ш'ч'] (= [ш'т'ш']) и [ж'д'ж'] (мягкие сочетания с аффрикатой во второй части), которые и сейчас употребляются в некоторых говорах. Что касается глухого сочетания, то оно было свойственно старому ленинградскому произношению: не чуждо ему было и аналогичное звонкое сочетание.

В результате ослабления, а потом и утраты взрыва (и, следовательно, упрощения второй части сочетания—аффрикаты в фрикативный звук) по говорам появляются [ш':], [ж':]; таково было орфоэпическое произношение по старым московским нормам. Долгая фрикативная шипящая имеет тенденцию к отверде-

нию и по говорам отвердевает — появляется [ш:], [ж:]. Таково главное направление изменения и его основные стадии, широко представленные по говорам. Но есть и побочные направления, менее распространенные в говорах: 1) в аффрикате исходных сочетаний ослабляется конечный фриктивный элемент, который в отдельных говорах может и вовсе утратиться: [ш'т'], [ж'д'] (такие сочетания свойственны, например, некоторым говорам Вологодской области); 2) исходные сочетания с аффрикатой во второй части отвердевают; появляется [шч] (= [штш]), [ждж]. Отверждение долгих шипящих при сохранении в той или иной степени взрывного элемента свойственно, например, белорусскому языку и некоторым пограничным русским говорам.

Указанные различия в произношении долгих шипящих, являющиеся результатами описанных процессов, могут быть представлены в следующих схемах.

Приведем по одному примеру. А: 1а — [ш'ч'·у́къ], 2а — [ш':·у́къ], 3а — [ш:у́къ], 2б — [шч'у́къ] (= [штш'у́къ]), 2в — [шт'·у́къ].

Б: 1а — [вож'дж'и], 2а — [вож':и], 3а — [вожжы], 2б — [вожджы], 2в — [вож'д'и].

Кроме указанных основных разновидностей произношения долгих шипящих, в говорах, которым свойственно шепелявое произношение шипящих или их замена свистящими, встречается произношение [с'ц'], [с':] вместо глухой ([с'ц'·у́къ], [с':·у́къ]) и [з':] вместо звонкой ([воз':и]).

В плане теоретическом изменения двух долгих шипящих — глухой и звонкой — протекают, как это явствует из схем, совершенно параллельно. Однако практически если иметь в виду конкретную реализацию долгих шипящих по отдельным говорам, то оказывается, что полного параллелизма нет: ведь, как известно, взрыв при звонких согласных вообще бывает слабее, чем при глухих (например, произношение слов *nána* и *bába* отличается друг от друга не только глухостью или звонкостью согласных, но также и более сильным взрывом глухих и более слабым взрывом звонких). В связи с этим ослабление и утрата взрыва легче и раньше начинается у звонких долгих шипящих, чем у глухих¹. Поэтому

¹ Слабостью взрывного элемента при образовании звонких аффрикат сравнительно с глухими аффрикатами объясняется то, что еще и в праславянском звонкие аффрикаты „обгоняли“ в своем развитии глухие в подавляющем

долгие шипящие звонкие могут „обгонять“ в своем изменении глухие: нередко в том или ином говоре глухая звучит как [ш'ч'] (т. е. еще с взрывным элементом), а звонкая уже как [ж':] (т. е. без взрывного элемента: [ш'ч'·у́къ], но [вóж':и]), или глухая звучит как [ш':] (без взрыва, но еще мягко), звонкая как [ж:] (т. е. не только без взрыва, но уже и твердо): [ш':·у́къ], но [вóж:ы]. Такое произношение, между прочим, широко известно в современном русском языке, хотя и не может считаться орфоэпическим.

ДОЛГИЕ ШИПЯЩИЕ КАК ФОНЕМЫ И КАК СОЧЕТАНИЯ ФОНЕМ ПО ГОВОРАМ

Благодаря различной реализации по говорам долгих шипящих в пределах одной морфемы последние находятся в разных отношениях к двойным шипящим, т. е. к сочетаниям фонем на стыке морфем. В одних говорах (как в литературном языке) те и другие не совпадают в своем качестве. В них, следовательно, первые образуют особую категорию долгих шипящих фонем. В других говорах они совпадают; поэтому в них, скорее можно считать, отсутствует категория долгих шипящих фонем: всякий долгий шипящий звук может быть квалифицирован как сочетание фонем.

Итак, если на стыке морфем произносятся долгие твердые шипящие [ш:ыл], [ж:ыл], а в пределах морфемы долгие мягкие шипящие [ш':у́къ], [вóж':и], то в говоре имеются особые долгие мягкие шипящие фонемы. Если в говоре произносится звук [ж'д̣ж'] или [жд̣ж] ([jéж'д̣ж'у] или [jéжд̣жу]), то его также нужно признать отдельной фонемой: его нельзя принять за сочетание фонем, так как вторая ее часть — аффриката [д̣ж'] или [д̣ж] — отсутствует в русском языке как особая фонема. Напротив, если в том или ином говоре, как в пределах морфемы, так и на стыке морфем, долгие шипящие произносятся одинаково (например, [ш:у́къ] и [ш:ыл], [jéж:у] и [иж:á'р'ил]), то можно скорее считать, что в таком говоре долгие шипящие как отдельные фонемы отсутствуют. То же можно сказать о говоре, в котором [ш'ч'] произносится как в пределах морфемы, так и в сочетаниях фонем [с+ч] или [з+ч] на стыках морфем [шч'·у́къ], [ш'ч'óк'и] и [ш'ч'йс'т'ит'], [иш'-ч'áс'т'и] (=из части); в таком говоре всякое [ш'ч'] можно квалифицировать как сочетание фонем. Сказанное

большинстве диалектов. В то время как глухие аффрикаты сохранялись, звонкие утрачивали взрывной элемент и изменялись в фрикативные. Ср. в праславянском по первой палатализации *к > [č], а *g > [d'ž'] > [ž], по второй и третьей палатализации *к > [c'], а *g > [d'z'] > [z']. Отсюда в русском *пеку* — *печёшь* (аффриката [ч'] из [к]), но *могу* — *можешь* (фрикативный согласный [ж] < [ж'], который через стадию аффрикаты [д̣ж'] восходит к [г]); *целый*, *отец* (глухая аффриката [ц] из [к]), но *зело*, *князь* (фрикативный согласный [з'], который через стадию аффрикаты [д̣з'] восходит к [г]).

полностью может быть отнесено и к говору, в котором произносятся [шч] при наличии в том же говоре фонемы [ч] твердой: [чисть], [малчы]; в таком говоре [шч] в пределах морфемы и сочетания фонем [с+ч] или [з+ч] на стыке морфем произносятся одинаково—([шчүкь], [ишчы]; [шчышчу], [иш-чашки] (= из чашки), следовательно, отсутствует долгая шипящая как особая фонема.

Итак, состав согласных фонем по русским говорам может быть не одинаков, в зависимости от того, имеет ли тот или иной говор в качестве особых фонем долгие шипящие (глухую и звонкую) или только одну из них.

Следует иметь в виду, что вопрос о наличии или отсутствии долгих шипящих как особых фонем очень затруднен еще тем, что в пределах одного и того же говора их произношение часто бывает неустойчиво. Например, может быть очень различной степень мягкости (произносятся то мягко, то полумягко или то полумягко, то твердо), нередко бывают различия по наличию или степени взрывного элемента. Поэтому практически удобнее всего долгие шипящие не на стыке морфем рассматривать как особые фонемы по отношению ко всем русским говорам, т. е. исходить из тех частных диалектных систем, которым свойственны в качестве особых самостоятельных фонем долгие шипящие в отличие от других частных систем, в которых им соответствует сочетание фонем.

О НЕКОТОРЫХ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ

В произношении долгих шипящих, как и в некоторых других фонетических явлениях, обращает на себя внимание судьба отдельных слов. Например, слово *щи*, как и любое другое слово с долгой шипящей глухой, может произноситься [ш'ч'и], [ш':и], [ш'т'и], [шчы], [с'ц'и] и т. д. Однако во многих говорах это слово произносится с сочетанием [ш'т'] ([ш'т'и], [ш'т'ец]), хотя во всех других случаях в них долгие шипящие произносятся иначе—как [ш:], [ш'ч'] и т. д. Следует отметить также слово *еще*: здесь также долгая глухая шипящая может произноситься самым разным образом; но в некоторых говорах обращает на себя внимание своеобразное исключение—в этом слове произносится [ш'т'] или [шт]: [jеш'т'ò], [jештò] (последнее, видимо, под влиянием слова [што]). Весьма своеобразно и слово *что*, некоторые варианты которого имеют отношение к нашей теме. Это слово наряду с обычным [што] по говорам произносится как [ш'т'ò], [ш'ч'ò], [шчо], [ш':ò], [чо], [ш:ò], [цо] и т. д. Различные произносительные варианты этого слова имеют разные—фонетические или морфологические—объяснения¹.

¹ О слове *что* и его вариантах см. работу П. Я. Черных „Очерки по географии русского языка. Местоимение „что“ и его варианты“. „Известия Иркутского государственного педагогического института“, вып. 11, стр. 102—122.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ДОЛГИХ ШИПЯЩИХ КАК ФОНЕМАХ И СОЧЕТАНИЯХ ФОНЕМ

Кроме высказанных выше, имеются еще некоторые данные на основе которых долгие шипящие одной морфемы, находящиеся в конце этой морфемы, можно, при наличии определенных соотношений, квалифицировать как сочетания фонем и как отдельную фонему. Речь идет, прежде всего, о тех случаях, когда долгая шипящая глухая чередуется с сочетаниями [ск] или [ст], а звонкая — с [зг] или [зд].

Как известно, [к] и [т] в русском языке могут чередоваться с [ч] (ср.: *плакать* — *плачу*, *платить* — *плачу*). Следовательно, [ск] и [ст] могли бы чередоваться с [с+ч]. Если принять во внимание, что твердая свистящая фонема ([с]) перед мягкой шипящей ([ч']) в результате ассимиляции реализуется в своей мягкой шипящей разновидности ([ш']), то получится чередование [ск] или [ст] с [ш'ч']. Таким образом, мы с новой точки зрения пришли к уже ранее сделанному выводу, что [ш'ч'] является не отдельной фонемой, а сочетанием фонем; ср.: *пу[ск]ать* — *пу[ш'ч']у*, *и[ск]ать* — *и[ш'ч']у*, *поло[ск]ать* — *поло[ш'ч']у*, *во[ск]* — *во[ш'ч']анка*, *до[ск]а* — *до[ш'ч']атый*, *ло[ск]* — *ло[ш'ч']онный* и рядом *пла[к]ать* — *пла[ч]у*; *гру[с'т']ить* — *гру[ш'ч']у*, *про[с'т']ить* — *про[ш'ч']у* и рядом *ка[т']ить* — *ка[ч']у*, *но́р[т']ить* — *но́р[ч']у*. Сюда относятся также случаи *про[ст]ой* — *про́[ш'ч']е*, *гу[ст]ой* — *гу́[ш'ч']е*, *чи[ст]ый* — *чи́[ш'ч']е* (ср.: *кру[т]ой* — *кру́[ч']е*, *бога́[т]ый* — *бога́[ч']е*)¹. Иные соотношения оказываются в говорах, в которых рядом с чередованием [к] или [т] с [ч] сочетания [с+к] и [с+т] чередуются с [ш:] или [ш':], где во второй части нет [ч]. В этих случаях, исходя из соотношений [ск] и [ст], долгая шипящая нечленима. Выше были изложены условия, в которых [ш:] членится, что же касается до [ш':], то оно вообще нечленимо.

Другой пример: если [г] чередуется с [ж] ([лгу] — [лжош]), то при чередовании [жг] с долгой твердой фрикативной шипящей ([жгу] — [ж:ош]) последнюю можно считать за сочетание фонем. Однако в говорах, которым свойственно чередование [жг] с долгой мягкой шипящей или с долгой шипящей с взрывным элементом ([лгу] — [лжош], но [жгу] — [ж':ош] или [ж'д'ж'ош]), последние не могут быть признаны за сочетания фонем, так как фонема [ж'] или [д'ж'] в русских говорах отсутствует. Долгие шипящие указанного только что образования представляют собой отдельные фонемы.

То же самое можно сказать о чередовании сочетаний [зг], [зд] с долгими звонкими шипящими: если они чередуются с долгими твердыми фрикативными шипящими, то они могут быть приняты за сочетание фонем; ср.: *бег* — *бе[ж]ать* и рядом *ви́зг* —

¹ „Ненормальным“ образованием, фонологически и морфологически не оправданным, является форма *слаще* от *сладкий*.

ви[ж:]ать, брызгать — бры[ж:]у, мозги — мо[ж:]ечок или бродить — бро[ж:]у и рядом ездить — ё[ж:]у¹. Но если те сочетания чередуются с долгими звонкими шипящими фрикативными или с звонким элементом во второй части, то последние никак нельзя считать за сочетание фонем: они нечленимы и образуют отдельные фонемы.

Особое замечание нужно сделать о долгих глухих шипящих на стыке корня и суффикса в случаях типа *разносчик, извозчик, переплетчик, подрядчик, перебежчик, банищик, пыльник* и т. д. являются ли долгие шипящие в таких случаях фонемами или сочетаниями фонем? Ответ на этот вопрос зависит от того, как в том или ином говоре реализуются долгие шипящие, и в особенности от того, какой здесь суффикс: *-чик* или *-щик*².

При решении этого последнего вопроса надо иметь в виду, что после согласных [з], [с], [ж], [ч], [т], [д] фонема [ч] и фонема или сочетание фонем, обозначаемые буквой *щ*, в русском языке не различаются: вместо сочетаний [з + ч'], [с + ч'], [ж + ч'] в результате оглушения и смягчения первой согласной, а также ее изменения (если она свистящая) в шипящую перед шипящей произносится [ш'ч'] с последующими заменами согласно нормам отдельных говоров (см. выше); то же произносится вместо сочетаний [з] + согласная на месте *щ*: если за исходное для второй части сочетания принять [ш'ч'], то в результате только что указанных процессов должно получиться [ш' + ш'ч'], а затем после упрощения [ш'ч']. Таким образом, в начале суффикса случаев типа *разносчик* и *извозчик* равно можно видеть как сочетание [с] (или [з]) + [ч'], так и сочетание [с] (или [з]) + [ш'ч'].

То же можно сказать о случаях, где суффикс следует за [т] или [д]: сочетание [т + ч'], [д + ч'] на стыке корня и суффикса произносится как [ч'] с долгим затвором (ср.: *переплетчик, подрядчик*: перепл[ч':]ик, подря[ч':]ик); такое же [ч'] с долгим затвором произносится и на месте [т] или [д] с последующим [ш'ч'] (на месте *щ*): вместо [тш'ч'] в результате упрощения (утраты среднего фрикативного элемента) и смягчения [т] образуется [ч'] с долгим затвором. Если считать, что в этих и подобных случаях [т] или [д] сочетается не с [ш'ч'], а с [ш':], то появление [ч'] с долгим затвором следует объяснить утратой долготы второго компонента — [ш':] (в положении после [т] или [д]) и образованием [ч'] с долгим затвором на месте [т] + [ш'] ([тш'] > [ч':]). Следовательно, в случаях типа *переплетчик, под-*

¹ Такого же рода образование представляет форма *по[ж:]е* (литературное *пож:*) от несохранившегося прилагательного *поздый* (ср. обычное в северо-великорусских говорах наречие *поздо* вм. *поздно*).

² О суффиксах *-щик* и *-чик* см. в статьях А. А. Дементьева „Агентивные суффиксы *-щик* и *-чик* в русском языке“ („Ученые записки Куйбышевского педагогического института“, вып. 2, 1938) и „Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке“ (там же, вып. 5, 1942). О замене *щ* на *ч* после ряда согласных см. также: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 1947, стр. 99.

рядчик тоже можно видеть как сочетание [т] (или [д]) + [ч'] так и сочетание [т] (или [д]) + [ш'ч'] или [ш':]¹.

Чтобы решить, с чего же начинается интересующий нас суффикс, надо взять такие случаи, в которых корень кончается иными, не перечисленными выше согласными, так как в положении после иных согласных на стыке корня и суффикса [ч] и [ш'ч'] (или [ш':]) различаются. Стоит принять во внимание такие случаи, чтобы стало ясно, что с агентивным значением употребляется суффикс *-щик*, а суффикс *-чик* имеет уменьшительное значение; ср.: *карманищик* и *карманчик*, *балаганищик* и *балаганичик*, *фонарищик* и *фонаричик*, *уборщик* и *уборчик*, *рубщик* и *рубчик*, *скупщик* и *купчик*. Некоторые индивидуальные образования (например, *амбарищик* при *амбарчик*, *графинщик* при *графинчик*), может быть, и не употребляются в общем языке, но их значение выступает вполне явственно.

Наличие агентивного значения в случаях типа *разносчик*, *грузчик* и *переплетчик*, *подрядчик* позволяет установить в них сочетания [с] (или [з]) + [ш'ч'] (или [ш':]; [т] (или [д]) + [ш'ч'] (или [ш':]) и признать фонологический состав следующим: *грузишч*, *подрядшч* и т. д. Вопрос же о том, как квалифицировать звук, обозначенный буквой *щ*, был разобран выше.

Следует отметить, что в связи с тенденцией избежать омономов, от слов на [с], [з], [д] и другие согласные, после которых [ч] и согласные на месте *щ* не различаются, образуются уменьшительные на *-ик*, а не на *-чик* (фонологически *-щик*) в отличие от слов на другие согласные; ср.: *глазик*, *носик*, *возик*, *песик*, *котик*, *ротик*, *бобик*, *клопик*, *этажик* и рядом *лимончик*, *станчик* и т. д.².

Если принять во внимание сказанное, то в слове *объездчик* надо видеть сочетание [зд] + то, что обозначается буквой *щ*; в слове *помещик* — если считать, что оно обозначает 'человек,

¹ Все сказанное относится к сочетаниям согласных на стыке корня и суффикса. На стыке приставки и корня действуют другие закономерности. Ср.: *отсчитать* и *отсчитать*: о[ч':]и^та^ть и о[тш':]и^та^ть (в беглой речи о[ч'ш']и^та^ть).

² Из предыдущего явствует, что после [т] звуки [ч] и [ш'ч'] (или [ш':]) не различаются, причем в агентивном суффиксе *-щик* вместо буквы *щ* пишется *ч*. Этому выводу как будто противоречат такие слова, как *комплиментщик*, *позументщик*, *процентщик*, *бриллиантщик*, *асфальтщик* и некоторые другие, где после *т* пишется *щ* и произносится [ш'ч'], [ш':] и др. Однако противоречие здесь лишь кажущееся: дело в том, что *щ* в этих словах находится не после *т*, а после *н* + *т*, *ль* + *т*; в сочетаниях же *нтишч*, *льтишч* звук на месте *т* оказывается произносимым; поэтому можно считать, что *щ* здесь находится не после *т*, а после *н* или *ль*, т. е. в таком положении, где фонемы [ч'] и [ш':] или сочетание [ш'ч'] различаются и обозначаются на письме в соответствии с произношением. Это прекрасно подтверждается словом, обозначающим музыканта, играющего на флейте, которое фонологически следовало бы писать как *флейтищик*, но которое В. И. Даль в своем словаре пишет *флейщик*: *щ* здесь после *йт*, в сочетании *йтишч* звук на месте *т* произносим; это и нашло отражение в словаре В. И. Даля (последний пример указан был мне А. Б. Шапиро).

обладающий помещьем' — сочетание [ст] + то, что обозначается буквой щ.

В связи с тем, что после одних согласных [ч] и [ш'ч'] или [ш:] не различаются, а после других различаются, в слове *женщина* (ср.: *женщина*) можно видеть сочетание [ж] + то, что обозначается буквой щ, а в словах *солдатчина*, *рекрутчина* (ср.: *барщина*) — сочетание [т] + то, что обозначается буквой щ.

Написания *жёстче*, *хлёстче*, *громоздче* (на месте сочетания произносится то же, что на месте буквы щ) отражают фонологический состав этих слов, если произносится [ш'ч'] (ср.: *мягкий* — *мяхче* с чередованием [к] и [ч] как и в случае *жесткий* — *жестче*). Если же долгая шипящая в этих словах произносится иначе ([ш':], [ш:] и др.), то вопрос о членимости их решается на основании сказанного выше.

* * *

Проблеме долгих шипящих в русском языке была посвящена моя статья, опубликованная в „Докладах и сообщениях филологического факультета МГУ“ (1948, вып. 6). Кроме того, эта тема была специально рассмотрена в „Очерках русской диалектологии“ (ч. I, М., 1949, § 121—123). В этих публикациях на основе анализа большого фактического материала утверждается монофонемность или бифонемность долгих шипящих в разных русских частных диалектных системах в зависимости от взаимоотношений между долгим глухим и звонким согласным, от их мягкости или твердости, от наличия в обоих или одном из них взрывного элемента, от их морфологической членимости или нечленимости и от других факторов.

В 1963 г. долгому мягкому шипящему [š:] была посвящена статья Л. Р. Зиндера „Фонематическая сущность долгого палатализованного [š:] в русском языке“ („Филологические науки“, 1963, № 2), где были выдвинуты положения о бифонемности [ш':] в русском литературном языке. Против этого положения, в защиту высказанной мною точки зрения о монофонемности долгих мягких шипящих в русском литературном языке, выступил А. А. Реформатский со статьей о долгом звонком мягком шипящем „ж“, где привел убедительную дополнительную аргументацию.

В статье о долгих шипящих Т. В. Булыгина (см. сб. „Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского“. М., 1971) рассматривает возможности их различной фонологической интерпретации и приходит к выводу, что [ж':] есть реализация двуфонемного сочетания, а [ш':] — одной фонемы.

Думаю, что вопрос о долгих шипящих как в литературном языке, так и в говорах должен быть еще предметом новых исследований, в особенности в связи с местом долгих шипящих в морфологических чередованиях.

КАЧЕСТВО ЗАДНЕНЁБНОЙ ФРИКАТИВНОЙ ЗВОНКОЙ СОГЛАСНОЙ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

ВОПРОС О РАЗЛИЧИИ В ПРОИЗНОШЕНИИ [ɣ'] И [j]

Еще в 1887 г. В. А. Богородицкий, указывая, что „физиология звуков русского языка представляет широкое поприще для более тонких наблюдений над произношением“ и что „в настоящее время некоторые даже элементарные вопросы по физиологии русского произношения не разрешены окончательно“¹, наметил ряд очередных вопросов, требующих своего разрешения, причем среди них под пунктом 4 поместил вопрос: „Различается ли произношение ɣ' и j в русском языке. Ср.: о бóуе, бójæ“².

Хотя вопрос этот как будто и не подвергался в дальнейшем специальному исследованию, однако в некоторых из последующих трудов по русскому языку мы находим ответы на него.

Один из ответов через много лет вызвал возражение В. А. Богородицкого. Мы имеем в виду мнение Д. Н. Ушакова, который в книге „Русское правописание“ отождествил [ɣ'] и [j], определив [j] как „средненёбный фрикативный звонкий, соответствующий, следовательно, звуку ɣ заднего ряда“ и указав, что звук [j] „близок к х мягкому, но отличается от него присутствием голоса (j звонкий, а х глухой звук)“³. Еще раньше так же определил звук [j] как средненёбный фрикативный звонкий согласный В. К. Поржезинский⁴.

Не соглашаясь с подобным мнением В. А. Богородицкий писал: „Отдельные исследователи (см., например: В. К. Поржезинский. Элементы языковедения, стр. 49—50; Ушаков.

¹ В. А. Богородицкий. Курс грамматики русского языка, ч. 1. Фонетика. Варшава, 1887 (отд. оттиск из „Рус. филол. вестника“), стр. 31.

² Там же, стр. 33.

³ Д. Н. Ушаков. Русское правописание, изд. 2, доп. М., 1917, стр. 29—30.

⁴ См.: В. К. Поржезинский. Элементы языковедения и истории русского языка. М., 1910, стр. 49—50. Еще более прямолинейное определение звуков [x'] и [j] как отличающихся друг от друга отсутствием или наличием голоса, а в остальном тождественных см. в курсе „Введение в языковедение“ того же автора (М., 1907, стр. 81). Там же см. неправильные замечания о немецком *ch* в *ich* как о „средненёбном несмягченном æ“.

Русское правописание, стр. 23) отрицают в русском языке звук γ' , отождествляя его с j ; они, таким образом, считают совершенно одинаковым произношение слов *боге* и *бое*, принимая для обоих произношение = *bóʃe*. Однако полученные нами палатотемы показывают, что тот и другой звуки довольно значительно различаются один от другого своей артикуляцией¹.

Нужно сказать, что мнение о тождестве $[\gamma']$ и $[j]$ было высказано до В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова такими крупными авторитетами, как А. И. Томсон и А. А. Шахматов².

А. И. Томсон в своем курсе „Общее языковедение“ к тверднёбным (по другой терминологии — средненёбным) относит русские мягкие: глухой затворный $[k]$ (например, в *кем*, *кисть*), звонкий затворный $[g]$ (*гибель*), глухой фрикативный $[x]$ (*хитрый*), звонкий фрикативный йот ($[j]$), „если в словах *елка*, *есть* слышится шумный согласный (*ёлка*, *есть*), а не i неслоговое“³. В другом месте того же труда мы читаем: „...положение передней спинки языка и губ, близкое к положению i , дает такой высокий шум резонатора, при котором k , g , x называются смягченными или мягкими, как в русских *кисть*, *хилый*. Все эти разновидности k , g , x и γ (последний как тверднёбный обозначается буквой j) имеют сходный специфический шум“⁴.

В таблице согласных, помещенной в „Очерке современного русского литературного языка“ А. А. Шахматова, $[j]$ определяется как средненёбный фрикативный звонкий и находится в паре с соответствующей глухой $[\chi']$ и соответствующей задненёбной $[ɣ']$ ⁵. В полном соответствии с этим в тексте книги А. А. Шахматовым к „средненёбным смягченным“ отнесены взрывные g' , k' , фрикативные j , χ'^6 .

Аналогичную точку зрения защищает М. Н. Петерсон⁷.

¹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5, перераб. М.—Л., 1935, стр. 18.

² С другой стороны, Д. Н. Ушакову не чуждо было различие γ' и j : в книге „Краткое введение в науку о языке“ (изд. 6, Гиз, 1923, стр. 35) Д. Н. Ушаков хотя и помещает γ' и j в одной клеточке таблицы, но не отождествляет их, судя по его замечанию о том, что j является „одной из более передних разновидностей смягченного звонкого фрикативного средненёбного звука γ' “.

³ А. И. Томсон. Общее языковедение, изд. 2. Одесса, 1910, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 200.

⁵ См.: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4. Учпедгиз, 1941, стр. 103.

⁶ Там же, стр. 106.

⁷ См. его „Лекции по современному русскому литературному языку“. Изд-во Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. М., 1941, стр. 35—36. Впрочем, тот же автор в своем курсе „Введение в языковедение“ (изд. Бюро заочного обучения при педфаке 2-го МГУ. М., 1939, задания № 1 и 2, стр. 32—33) различает южновеликорусское γ' в словах *ноге*, *сапоге* и j в *я*, *ем*, *ёрш*, *юрта*, хотя и не определяет различия в образовании этих звуков, в таблице (на стр. 34) одинаково отнесенных к категории средненёбных фрикативных звонких.

Кто же прав в этом научном споре, в котором в разных лагерях оказались такие фонетисты, как В. А. Богородицкий и А. И. Томсон?

С точки зрения общей фонетики не может быть сомнения в том, что палатализованные задненёбные, и в частности [ɣ'], представляют собой иное образование, нежели средненёбные, и в частности [j]¹. Вопрос стоит в плоскости конкретно-исторической — каково качество задненёбной фрикативной звонкой согласной перед гласными переднего ряда в тех говорах, где встречается такая согласная фонема. Думается, что первым условием правильного разрешения вопроса является учет диалектных отличий русского языка: не во всех русских говорах интересующая нас фонема в тождественных условиях произносится одинаково. И нельзя быть уверенным, что все упомянутые выше ученые, определяя качество задненёбной фрикативной звонкой согласной перед гласными переднего ряда, имели перед собой один и тот же объект наблюдений.

Во всех говорах русского языка задненёбные согласные перед гласными переднего ряда подвергаются палатализации. Но палатализирующая сила гласных переднего ряда неодинакова по говорам. Замечено, что части южновеликорусских говоров вообще свойственна большая степень палатализации, чем северновеликорусским (хотя встречаются и последние с высокой степенью палатализации).

В русском литературном языке и в значительной части русских говоров в результате приспособления задненёбных к артикуляции последующих передних гласных произносятся не средненёбные согласные, а задненёбные палатализованные. Это значит, что палатальность („йотовая артикуляция“) не становится для последних основной артикуляцией: задненёбная зона смыкания или сближения с соответствующей частью нёба сохраняется, становясь лишь менее глубокой, а дополнительная средненёбная артикуляция увеличивает спереди зону смыкания или сближения. В связи с этим происходит некоторая общая передвижка артикуляции вперед, и кончик языка, несколько отодвинутый назад при задненёбных, придвигается к нижним зубам. Так произносятся в русском литературном языке [к'], [х'] и [г'], а также исключительно редко встречающееся [ɣ'], ср.: [рукá] — [рук'й], [к'йслѣ]; [блахá] — [блах'й], [х'йтрьй]; [нагá] — [наг'и]; [г'йб'ьл'],

¹ О разграничении ɣ' и j см., например, в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова „Очерк грамматики русского литературного языка“ (М., Учпедгиз, 1945, стр. 33); также в книге М. И. Матусевич „Введение в общую фонетику“ (Изд-во ЛГУ, 1941, стр. 31, 45, 51—52 и др.), где, правда, нет вполне ясного высказывания по этому вопросу, но разграничение [ɣ'] и [j] явствует из содержания книги.

Такое произношение свойственно и многим русским говорам, в том числе и части южновеликорусских с [г] фрикативным: [нау́] — [нау'э́], [сьпау́] — [сьпау'э́], [п'ирау́] — [п'ирау'э́], [б'и'ру́] — [б'и'ру'эш], [з'пр'ау́] — [з'пр'иу'эш].

Однако в части русских говоров, в особенности южновеликорусских (например, рязанских, тульских), палатализирующая сила гласных переднего ряда особенно велика. В таких говорах задненёбные, приспособляясь к артикуляции последующей гласной переднего ряда, претерпевают в своем образовании особую сильную передвижку вперед, в связи с чем задняя зона смыкания или сближения языка с соответствующей частью нёба может сильно сократиться или даже совсем отсутствовать. Таким образом, средненёбная артикуляция из дополнительной может стать основной и вместо задненёбных палатализованных по говорам возможны средненёбные (иначе палатальные) согласные¹: [рукá] — [рук'й] — [рук'э́], [к'йслý] — [к'йсл'й] — [к'йсл'э́], [х'йтрý] — [х'йтр'й] — [х'йтр'э́]. Что касается задненёбной фрикативной звонкой, то в описанных выше условиях вместо нее может выступать средненёбный фрикативный звонкий звук, т. е. [j] (йот): [нау́] — [на́й], [на́й]; [сьпау́] — [сьпа́й], [сьпа́й]; [п'ирау́] — [п'ира́й], [п'ира́й]; [йблá] — [йбл'л'], [йр'а] — [йр'а], [йпкá]. Правда, надо иметь в виду, что средненёбные согласные особенно устойчивы в тех случаях, когда они не чередуются с задненёбными, т. е. по говорам возможно произношение [рукá] — [рук'й], но [к'йслá]; [блхá] — [блх'й], но [х'йтрý]; [нау́] — [нау'й], но [йр'ý].

При смешении говоров с разной степенью палатализирующей силы гласных переднего ряда, на путях приспособления говора с меньшей палатализирующей силой гласных переднего ряда к говору с большей палатализирующей силой гласных переднего ряда, в результате утрированного произношения и особенно сильной передвижки артикуляции вперед вместо заднего палатализованного [к] может образоваться переднепалатальное [т'] и даже, возможно, [т'], совпадающее с мягкой фонемой [т']: [рукá] — [рут'й], [рут'э́], [т'йслý]. Характерно, что и здесь [т'] наиболее устойчиво в тех случаях, когда нет чередования с задненёбной [к], т. е. возможно произношение [т'йслý], [т'йнул], [т'ис'эл'], [т'ирп'йч'], но [рукá] — [рук'э́]. В говорах с [г] взрывным перед гласной переднего ряда вместо задненёбного палатализованного звука также может произноситься звук [д'] того или иного образования: [ногá] — [нод'й], [нод'э́], [д'ён'д'и], [án'д'ел]. Предпо-

¹ Средненёбные [к], [х] обозначаю двойным знаком мягкости. Средненёбным фрикативным звонким, т. е. соответствующим задненёбному [γ] и задненёбному палатализованному [γ'], является [j] (йот).

² Диалектное русское средненёбное [x] ([x'']), видимо, представляет собой безголосое [j], т. е. отличается от [j] только отсутствием голоса и может быть поставлено рядом с немецким *ich-Laut* того же образования. См.: М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Изд-во ЛГУ, 1941, стр. 45.

ложение о том, что эта особенность появилась в процессе смешения разных русских говоров, подтверждается территорией его распространения: [т'], [д'] вместо [к'], [г'] встречаются главным образом в средневеликорусских говорах¹. Отсюда оно проникло в примыкающую к средневеликорусской территории часть северновеликорусских владимирско-поволжских говоров; [т'] вместо [к'], кроме того, встречается в соседней с средневеликорусскими говорами тульской группе говоров — южновеликорусской, издавна находящейся под влиянием средневеликорусских и московского говоров и заключающей в себе также ряд других средневеликорусских особенностей как в фонетике, так в морфологии и в лексике. За пределами этой территории [т'], [д'] вместо [к'], [г'] встречаются лишь в отдельных территориально разбросанных северновеликорусских говорах в ограниченном количестве случаев².

Процесс изменения [к'], [г'], в [т'], [д'] до известной степени параллелен процессу изменения [γ'] в [j].

Итак, в тех южновеликорусских говорах, в которых особенно сильна палатализирующая сила гласных переднего ряда, перед этими последними вместо задненёбной фриктивной звонкой ([ɣ]) может произноситься средненёбная ([j]), в особенности в случаях, в которых отсутствует чередование [γ] — [γ'], т. е. отсутствует положение данной согласной фонемы перед разными гласными — то непередними, то передними. Поэтому в них обычно произношение: [jír'ь], [jíb'ьл'], [jíbнут']; [пajíp], [маjйла], [с'ар'jéj] и др. Такое произношение я отметил в ряде пунктов Рыбновского и Спасского районов Рязанской области. Видимо, с таким же явлением столкнулся П. С. Кузнецов, который в статье „О говоре с. Морозовы-Борки Можарского района Рязанской области“ пишет: «В положении перед гласными переднего ряда γ смещается в среднеязычную область, сближаясь, а иногда и прямо совпадая по звучанию с j, например: д'én'ju, Шул'jún (фамилия Шульгин), пр'амъ jíb'ел' и γ'ибел'»³. Ср. с этим замечание Е. Ф. Будде для б. Скопинского, Ряжского, Данковского и других уездов б. Рязанской губ. о том, что звук [γ] «в произношении некоторых детей... доходил до звука j, т. е. до звука средненёбного звонкого фриктивного, так что произношение, например, слогов ge, gi можно было с трудом отличить от произношения je, ju, пока у этих детей не вырабатывался под влиянием школы особый звук γ, общий всему рязанскому наре-

¹ На почве этого же смешения появляется по говорам и обратная замена мягких [т'] и [д'] мягкими [к'] и [г'].

² Вопрос об изменении [к'], [г'] в [т'], [д'] исследован в неопубликованной работе С. С. Высотского. На почве неразличения звуков [к'] и [т'], [г'] и [д'] или их значительного сближения по говорам известна и обратная замена [т'] и [д'] соответственно звуками [к'] и [г']: [к'етра́т'], [к'ежелó].

³ Цитирую, с разрешения автора, по рукописи.

Можно думать, что язык школьников до воздействия на него сохраняет черты именно традиционного местного говора.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ [ʏ'] И [j] В ГОВОРАХ

Звуки [ʏ'] (при сильном смягчении) и [j] очень близки между собой. При непосредственном наблюдении на слух поэтому нельзя допустить неточность.

В связи с этим приведем некоторые объективные данные, свидетельствующие о том, что на месте фонемы [ʏ] перед гласными переднего ряда может звучать по говорам [j].

Обратимся прежде всего к малограмотным записям, а также к попыткам фонетической записи речи со стороны лиц, не имеющих лингвистической подготовки. В 1940 г. в с. Новоселки Рыбновского р-на Рязанской области (южновеликорусский говор с фрикативным ʏ) в сочинениях учеников IV и V классов среди других ошибок¹ я обнаружил и такие: 1) „*Турьнев*“, „*деньи*“ (деньги), „*деньими*“, „*на дорои*“, „*моила*“, „*иря*“; 2) „*воробьи*“, „*братьи*“ (им. п. мн. ч.), „*крыльгими*“, „*еих*“, „*гим*“ (им. их, им). Во второй группе ошибок мы находим букву г вместо обозначения [j] разделительным ь или вместо начального [j], которое может обозначать сочетание с [j] в местоимении [жих]. В первой группе, напротив, можно отметить обозначение [j] на месте буквы г. Это относится не только к первым трем примерам с разделительным ь, то также и к последним трем примерам (на дорои, моила, иря), поскольку буква и после гласной и в начале слова может обозначать сочетание [ji]; ср.: *мои*, *их* (которые могут произноситься *маји*, *ји*). Неразличение на письме [ʏ] и [j] является показателем реального неразличения говора-фонем [ʏ'] и [j] перед гласными переднего ряда.

Любопытна передача звука [j] на месте г в речи персонажей у М. А. Шолохова („Тихий Дон“, кн. II. ГИХЛ, 1945, стр. 229, 230): „Ежели он, Владимир *Илгич* — нашинский казак, батареец, то откель он мог такую огромную науку почерпнуть?“

О совпадении фонемы [ʏ] с [j] перед гласными переднего ряда также свидетельствуют фонетические записи говора того же села Новоселок, сделанные местным жителем Ф. М. Тоньшиным: *гисть*

¹ Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. «Русск. филол. вестник», 1892, № 2 (т. XXVII, стр. 218). Ср. почти аналогичное замечание у К. Филатова. («Очерк народных говоров Воронежской губернии». Варшава, 1898, стр. 90): «... в положении перед мягкими гласными воронежский г изменяется иногда в ј или только приближается к нему в произношении».

² Между прочим, любопытны написания с х вместо г, свидетельствующие о фрикативном образовании соответствующей фонемы: *хлухо*, *храдом побило*, *хлюдня*, *своего* (рядом с *своево*).

вместо [jis't'] ('кушать'), *гш* вместо [jijó]¹. Д. К. Зеленин в своем труде, посвященном неорганическому смягчению задненёбных, приводит запись А. Покровской (Кр. прогр. № 49) для б. Коломенского уезда: *сватгя* (вм. *сватья*), *свингя*, *судгя*, *белгё*, *платгя*, *згяйцами*² (вм. *с яйцами*). С замечанием автора, что здесь „з появилось вместо йота“³, никак нельзя согласиться: такое явление не известно русской диалектологии. Здесь мы имеем дело с неумелой попыткой наблюдателя, вероятно южновеликоруса по рождению, передать звук [j], для которого в русском алфавите нет особой буквы: наблюдатель обозначил его буквой *г* в сочетании с буквами *я*, *е*, так как на месте южновеликорусского [ʏ] перед гласными переднего ряда может произноситься [j] или, во всяком случае, звук, не отличающийся говорящими от [j].

Сюда примыкает также написание *егшцки* (*яшцкие*) в песенной записи XVIII в. в сборнике, вообще широко отразившем аканье формы типа *мене*, мягкое *т* в 3-м л. глагола, т. е., видимо южновеликорусского происхождения⁴.

Наконец, есть еще одно — и на этот раз безусловное — доказательство того, что по говорам вместо [ʏ'] произносится [j]. Дело в том, что [ʏ'] относится к категории звонких шумных согласных, а [j] — к категории сонантов. Одной из отличительных черт той и другой категории звуков является различие или неразличение перед ними звонких и глухих парных согласных: перед [ʏ'], как и перед всеми другими шумными согласными, глухие и звонкие согласные не различаются, так как глухая согласная озвончается, совпадая с парной звонкой; напротив, перед [j] глухие и звонкие различаются; ср.: [з-ʏары], [з-ʏост'ам], [зʏатóв'у], [зʏуб'ыл]. Также возможное по говорам [з-ʏ'ыр'ай], [з-ʏ'ерóйам], с одной стороны, и [с'-jóлк'и], [с'-jáблэк'им'и], [с'-jél'и] — с другой. Оказывается, что в говорах, в которых вместо [ʏ'] перед гласной переднего ряда произносится [j], перед этим [j], как и перед основной фонемой [j], глухие согласные не озвончаются. На это явление я обратил внимание впервые в 1940 г., наблюдая говоры села Новоселки и деревни Кузьминское Рыбновского р-на Рязанской области, где мне удалось записать примеры: [с'-jыр'ай], [с-jíпким прутóm], [с'jíнул].

Совершенно такое же наблюдение было сделано еще раньше Ю. В. Петровской для села Матыр б. Зарайского у. Рязанской губ. (ныне Московской области): „Относительно *р'* следует заме-

¹ См. „Труды МДК“, вып. 5. Варшава, 1914, стр. 59, а также книгу Л. Л. Васильева „О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв.“ (Л., 1929, стр. 162).

² См. у Д. К. Зеленина „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных“ (СПб., 1913, стр. 13). В последнем примере едва ли не ошибкой является начальное *з* предлога.

³ Там же.

⁴ См.: Н. М. Петровский. Рукописный песенник XVIII в., т. XII, кн. 1. „Изв. ОРЯС“, 1907, стр. 289.

тить. — пишет исследовательница, — что перед *и* за согласным или в начале слова он отличается очень значительной степенью палатальности, приближаясь к *й*, но не совпадая с ним совершенно, причем предшествующий ему глухой согласный не заменяется звонким, как перед *й*: с *γ(й)йр'им'и*, *γ(й)йр'а*, *сγ(й)ип* (сгиб)¹. Наблюдение это сделано очень правильно и тонко, однако автор не решился утверждать, что в говоре села Матыр вместо [γ] перед [и] произносится [j], и добавил ненужную оговорку „но не совпадая с ним совершенно“. Отсутствие озвончения перед этой согласной — в транскрипции Ю. В. Петровской *γ(й)* — является лучшим доказательством того, что в исследуемом говоре вместо [γ'] перед *и* звучит [j]. Об этом свидетельствует и последующее наблюдение автора: „Между гласными перед *и* *γ* исчезает (пайбла, княин'а, т. е. погибла, княгиня)², так как физиологически более оправдано предположение об ослаблении и утрате перед [и] среднеязычного [j], не отличающегося по месту своего образования от [и], чем об утрате задненёбного палатализованного [γ']³.

Если бы сделанное нами наблюдение было подкреплено достаточным количеством материала, то, быть может, появились бы некоторые данные для предположений об относительной хронологии данного явления: наличие глухой согласной перед [j] (*с'јинул*), быть может, можно было бы принять как свидетельство того, что изменение [γ'] в [j] произошло до озвончения глухих перед звонкими. В противном случае, если допустить, что изменение [γ'] в [j] происходило после озвончения глухих, то по говорам перед [j] из [γ'] были бы представлены звонкие согласные ([з'јинул]), чего нет. Однако возможно и иное предположение, а именно, что согласная предлога-приставки [з] перед [j], имевшаяся в более раннюю эпоху (*з'јинул*, *з'-јір'еј*), заменилась с (*с'јинул*, *с'-јір'еј*), так как перед *ј*, как и перед другими сонорными, в этом формативе звучит с (ср.: *свал'іл*, *сна-с'іл*, *с-во́зъм*, *с-ло́шкѣј*, *с'-јо́лкѣј*, *с'-ја́блѣкъм* и т. д.).

* * *

Наш ответ на вопрос, поставленный В. А. Богородицким заключается в следующем: звуки [γ'] и [j] безусловно имеют разное образование. Но также безусловно и то, что в некоторых русских

¹ Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр Зарайского уезда. 1922, стр. 29—30.

² Там же, стр. 30.

³ Описанное явление надо отличать от произношения [j] вместо [г] главным образом перед [е], а также перед [и] в заимствованных словах, широко известным в разных русских говорах, в том числе и в северных говорах с [г] взрывным: [јенерал], [јерой], [јеро], [јеран'], [јил'за], [јита́ра], [јимна́з'ија] и т. д. Эта особенность довольно широко отразилась в старых письменных памятниках; ср. написания *Ермоенъ* вместо *Гермогенъ*, *калуерь* вместо *калугер*, *княиня* вместо *княгиня*, *аньелъ* вместо *ангелъ* и др. Истоки ее относятся к весьма давнему времени (ср., например, *янтарь* и литовское *gentāras*), и она безусловно заслуживает специального рассмотрения.

говорах вместо [ʏ'] перед гласными переднего ряда может произноситься [j].

Неодинаковая трактовка этого вопроса разными исследователями отчасти может объясняться как неисследованностью проблемы, так и возможной неоднородностью объекта их наблюдений, различным диалектным окружением.

Интересное наблюдение принадлежит Л. Л. Касаткину, который, исходя из основных положений моей статьи о качестве задненёбного фрикативного звонкого согласного перед гласными переднего ряда, опубликованной в „Докладах и сообщениях Института языкознания АН СССР“ (Вып. 2, 1952), дал объяснение некоторых древнерусских написаний, а также выяснил происхождение севернорусского имени Оля (см. Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. М., 1968). На основании отмеченного мною факта чередования в южнорусских говорах [ʏ]—[j] Л. Л. Касаткин пришел к выводу о том, что в этих говорах фонемы <ʏ>—<j> представляют пару по твердости-мягкости.

Этот пример еще раз подтверждает положение о необходимости и плодотворности исследования вопроса о качестве задненёбного фрикативного звонкого согласного, исходя из всех языковых материалов (исторических, данных современного русского языка, диалектов).

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ РЯД НОСОВЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ПО ПРИЗНАКУ «ДЕНТАЛЬНОСТЬ-ЛАБИАЛЬНОСТЬ»

Как известно, дентальность-лабиальность в русском языке является дифференциальным признаком согласных фонем как смычно-взрывных (ср.: <т>, <д> и <п>, <б>), так и смычно-продольных, носовых <н> и <м>. Дентальность-лабиальность носовых служит единственным различительным признаком перед всеми гласными фонемами, на конце слова и перед всеми согласными фонемами, кроме смычно-взрывных дентальных и лабиальных <т>, <д>, <п>, <б>. Ср. перед гласными: [ныл] и [мыл], [нол'] и [мол'], [нүтрэц] и [мүдрэц], [нак] (*наг*) и [мак], [нүкь] (*ну-ка*) и [мүкь]; на конце слова: [сан] и [сам], [сон] и [сом], [тон] и [том], [зажын'] и [зажым], [слон] и [слом]; перед согласными — [нс] и [мс]: ко[нс]о́нaнс, ко[нс]у́л, ко[нс]о́ли, 'сеа[нс], авá[нс], шá[нс]ы, тра[нс] и ко[мс]омо́л, ка[мс]á, ха[мс]á, кро[мс]áть, блю[мс], ра[мс], [мс]пáть, Бра[мс]; [нз] и [мз]: лй[нз]а, брo[нз]а, бры[нз]а, це[нз], про[нз']йтъ; Пё[нз]а, пё[мз]а, грý[мз]а, ка[мз]о́л, Тё[мз]а; [нк] и [мк]: рá[нк]а и рá[мк]а, солó[нк]а и солó[мк]а, мá[нк]а и мá[мк]а, нё[нк]а и нё[мк]а, снежй[нк]а и зажй[мк]а; [нг] и [мг]: тá[нг]о, мá[нг]о, фла́мй[нг]о, ту[нг]у́з, шерé[нг]а, штá[нг]а, ю[нг]а и та[мг]á, сё[мг]а, чо́[мг]а, [мг]а, [мг]ла; [нх] и [мх]: ко[нх]о́з (= ко́вное или конево́дческое хозяйство) и ко́м[мх]о́з, ху[нх]у́з и [мх]а; [нш] и [мш]: хá[нш]а, великá[нш]а, опеку́[нш]а и за́[мш]а, чере́[мш]á, [мш]и́стый, са́[мш]и́товый; [нж] и [мж]: бо[нж]у́р, о́р[мж]е́вый, тра́[нж]и́рить, ха[нж]á, лó[нж]а и Лó[мж]а (название города); [н'ч'] и [мч']: го[н'ч']áр, ко[н'ч']áть, сара[н'ч']á, бревé[н'ч']áтый, клеё[н'ч']áтый и [мч']áться, ка[мч']áтый, ды́[мч']áтый, тесё[мч']áтый; [нц] и [мц]: ко[нц]о́вка, ле[нц]á, фра́нц]у́з, бу́бе[нц]á (здесь и в следующих примерах — род. п. ед. ч.), ту[нц]á, го[нц]á, сорва[нц]á, младе́[нц]а и [мц]ы́ри, са́[мц]á, безы́[мц]а, нё́[мц]а (ср.: нё́[нц]а), упря́[мц]а, пито́[мц]а, знако́[мц]а; [н'ш'] и [мш']: го[н'ш']:ик, за́чй[н'ш']:ик, до́ме[н'ш']:ик, об-ма́[н'ш']:ик и парó[мш']:ик, áто[мш']:ик, вы́ду[мш']:ик, я[мш']:ик; [н'] и [м']: тка[н']о, спа[н']о, хла[м']о, ха[м']о; [нл'] и [мл']: со[нл']и́вый, чва[нл']и́вый, бра[нл']и́вый и глу[мл']и́вый, шу[мл']и́-

вий, [мл']еть, [мл']а́дший; [нр] и [мр]: [нр]а́виться, [нр]ав и [мр]ак, [мр]а́мор¹.

Различаясь в указанных позициях, фонемы <н> и <м> различаются в положении перед тождественными по месту образования смычно-взрывными дентальными и лабиальными: перед дентальными <т> и <д> употребляется только дентальный [н], а перед лабиальными <п> и <б> — только лабиальный [м].

Обратимся прежде всего к материалу.

Примеры с сочетанием [нт]: абоне́[нт], аге́[нт], адъютá[нт], а[нт]агонизм, а[нт]е́на, де́са[нт], це́ме[нт], а[нт]ра́кт, а[нт]о́новка, ви[нт], гара́[н'т']ия, гига́[нт], бу[нт], ба[нт], би[нт], горизó[нт], аспи́ра[нт], докторá[нт], пла[нт]а́ция, и[нт]ерни́ровать, и[н'т']ере́с, кви́[нт]а, комме[нт]а́рий, ле́[нт]а, ко[нт]о́ра, ма[нт]о́, ме́[нт]ор, о[нт]оло́гия, па[нт]о́мия, пе́[н'т']ух, саба[нт]у́й, са[н'т']име́тр, ре́[нт]а, серпа[н'т']и́н, тара[нт]е́лла, фа[нт]а́зия, фи[н'т']и́ть, фро[нт], эве[нт]уа́льный, э[нт]ропи́я, я[нт]а́рь и др.

Примеры с сочетанием [нд]: а[нд]а́нте, аре́[нд]а, ба́[нд]а, ба[н'д']и́т, бли[нд]а́ж, бло[н'д']и́н, буру[нд]у́к, ва[нд]а́л, гирля́[нд]а, гоми[нд]а́н, го[нд]о́ла, де́[нд']и, дуры́[нд]а, жи́ро[нд]а, ха[нд]ра́, и[н'д']ивид, и[нд]у́кция, и[нд]у́с, кома́[нд]а, ко[н'д']и́тер, ле́е[нд]а, ма[нд]а́т, ми[нд]а́ль, па́[нд]е́мия, па́[нд]ус, полу́[нд]ра, ра[нд]еву́, ротó[нд]а, рефе́ре́[нд]ум, са́за[нд]а́р, секу́[нд]а, ска́[нд]а́л, су[нд]у́к, те́[нд]ер, фо́[нд]овый, фро́[нд]а, фу[нд]у́к, э[нд]ога́мия.

Примеры с сочетанием [мп]: акко[мп]ане́мент, а[мп']е́р, а[мп']и́р, а[мп]ли́туда, а[мп]лу́а, а[мп]ута́ция, ва[мп']и́р, вы́[мп']ел, де́[мп']инг, дже́[мп']ер, и[мп']е́ратор, и[мп']е́рия, и́[мп]орт, и[мп]ресса́рио, и́[мп]ульс, ко[мп]а́ктный, ко[мп]а́ния, ко[мп]а́ртия, ко́[мп]ас, ко[мп']е́нса́ция, ко[мп']е́тентный, ко[мп']и́ляция, ко́[мп]лекс, ко[мп]оне́нт, ко[мп]о́ст, ко[мп]о́т, ко[мп]ре́сс, ко[мп]роми́сс, ла́[мп]а, ла́[мп]а́сы, оли́[мп']иа́да, по́[мп]а, по́[мп]аду́р, ра́[мп]а, си́[мп]о́зиум, си́[мп]то́м, та́[мп]о́н, те́[мп], те́[мп']е́ра, те́[мп']е́рату́ра, ти́[мп]а́н, че́[мп']ио́н, ши́[мп]анзе́, ша́[мп]а́нское, ша́[мп]у́нь, шо́[мп]ол, шта́[мп], экзе́[мп]ля́р, эста́[мп].

Примеры с сочетанием [мб]: а[мб]а́р, а[мб']и́ция, а́[мб]ра, а́[мб]разу́ра, бо́[мб]а, да́[мб]а, дифи́ра́[мб]ы, кала́[мб]у́р, ка́[мб]уз,

¹ Мы привели примеры, свидетельствующие о различении <н> и <м> перед всеми согласными фонемами (кроме смычно-взрывных дентальных и лабиальных, а также фонемы <ж':> и губных фрикативных <в> и <ф>), без учета, однако, наличия пар фонем по признаку твердости-мягкости <н> и <н'>, <м> и <м'> и т. д., так как последнее для нашей темы не имеет значения. Фонема <ж':> после согласных не употребляется. Что же касается фонем <в> и <ф>, то вопрос о наличии перед ними <н> и <м> заслуживает особого рассмотрения в специальной статье. В современном русском языке <н> и <м> различаются перед <в> и <ф>; ср.: ка́[нв]а́ и тра́[мв]а́й, а́[нф']и́лада и а́[мф']и́бра́хий. Наличие <н> или <м> перед <в>, <ф> во многих случаях связано с тем, из какого языка заимствовано слово, а также какого происхождения <в> или <ф>. При этом в живом разговорном языке, в особенности в просторечии, существует тенденция к неразличению носовых <н> и <м> перед <в>, <ф>. Ср. обычное тра́[нв]а́й и более редкое и́[мф]а́ркт.

а[мб]áрд, ме[мб]ра́на, рока[мб]о́ль, ро[мб']йческий, рѹ[мб]а, са[мб]о, са[мб]ѹк, си[мб']ио́з, су[мб]ѹр, та́[мб]ѹр, тра[мб]ова́ть, тро[мб]о́н, тѹ[мб]а, шта́[мб]овый, э[мб]áрго, э[мб]лѣ́ма, э[мб]рио́н, а[мб']йский.

Мы привели лишь небольшое количество примеров. Их значительно больше. Для нашей цели нет необходимости приводить исчерпывающий материал.

Если иметь в виду, что в русском языке фонетические процессы ассимиляции и диссимиляции обычно носят регрессивный характер, то на основе приведенного материала можно установить закономерность: дентальность-лабиальность носовой согласной, иначе — смычно-проходной, не различается перед дентальностью-лабиальностью смычно-взрывных. Это означает, что перед <т>, <д> и <п>, <б> произносится субстрат носовой фонемы вообще, а признак дентальности-лабиальности у него является позиционным, целиком определяющимся положением перед дентальным или лабиальным. Субстрат носовой фонемы вообще можно определить как слабую фонему по признаку дентальности-лабиальности, если употребить термин, применявшийся мною в книге „Фонетика русского литературного языка“ (1956). Обозначим эту слабую фонему („носовую вообще“) знаком ∞. Тогда случаи типа ра́нта и ра́мпа, ба́ндит и бомби́т мы можем записать <ра ∞ та> и <ра ∞ па>, ба ∞ дит и бо ∞ б'ит>. Реально произносится перед <т> и <д> — [н], перед <п> и <б> — [м]. Однако на самом деле картина здесь сложнее.

Дело в том, что слова, в которых встречается сочетание дентальных или лабиальных носовых и смычно-взрывных, по своему происхождению обычно являются словами заимствованными¹, а в отдельных случаях неясными по происхождению словами с яркой эмоционально-экспрессивной окраской (например, пѣ́нтюх, финти́ть, дури́нда). С точки зрения структуры русского языка интересующие нас сочетания находятся в пределах одной морфемы, иначе — тавтоморфемны. Поэтому компоненты каждого из этих внутриморфемных одинаковых по месту образования сочетаний <нт>, <нд> и <мп>, <мб> неотделимы друг от друга: дентальность-лабиальность является признаком „связанным“, характеризующим сочетание в целом, а не каждую из входящих в него фонем в отдельности. В сочетаниях <нт>, <нд> и <мп>,

¹ Слов с интересующими нас сочетаниями исконных (незаимствованных), восходящих к праславянскому, в русском языке нет и не может быть, так как гласная вместе с последующей носовой в положении между согласными (точнее — перед согласной) изменилась еще в дописменный период в [ɔ] или [e] ([o] или [e] носовое), а затем соответственно в [y] и [ʼa] ([a] с мягкостью предшествующей согласной). Ср.: русск. зуб, ст.-слав. зѣбъ (= [zɔbʲ]) при латов. *zambas*, русск. пя́тый ([п'áты]), ст.-слав. пѣтѣи (= [pɛntʲi]), польск. *piąty* при литов. *peiktas*, греч. *ῥεμπτος*. Однако заимствованные слова с интересующими нас сочетаниями стали проникать рано. Ср. слово талант, которое имеется в Остромировом евангелии, Изборнике 1073 г. и других древнерусских памятниках.

<мб> у второй фонемы самостоятельна, позиционно необусловлена глухость-звонкость, а также и ее смычно-взрывной характер (ср. возможность удвоенной носовой, например: <ва́нна>, <га́мма>). В тех же сочетаниях у первой фонемы самостоятельна, позиционно необусловлена носовость (как выше определили „носовость вообще“); ср. возможность удвоенных смычно-взрывных <отта́ска́т'>, <подда́т'>, <о́б-пол>—[о́п-пы́л], [а́бба́т]. Что же касается места образования, общего для каждого из наших сочетаний признака „дентальность-лабиальность“, то оно не только представляет собой признак „связанный“, но также для каждой из фонем сочетания—взаимно обусловленный. Так как эти сочетания встречаются в пределах одной морфемы и не могут быть отделены друг от друга путем членения слова по его структурным элементам, то можно считать, что место образования первой фонемы обусловлено местом образования второй фонемы (в особенности, если учесть, что русскому языку в большей степени свойственна ассимиляция регрессивная). Но нельзя отрицать и другой возможности: что место образования второй фонемы обусловлено местом образования первой фонемы. Однако если рассматривать каждое из этих сочетаний как особого рода цельные элементы, то признак места образования „лабиальность-дентальность“ для них окажется необусловленным, самостоятельным. Выше признак „носовости вообще“ мы обозначили знаком $\text{~}^{\text{т}}$. Обозначим теперь взрывно-смычный характер дентальной или губной согласной знаком $\text{~}^{\text{п}}$ (лигатурой „т“ и „п“). Звонкость смычно-взрывной согласной обозначим знаком $\text{~}^{\text{т}}$ под буквой т (отсутствие этого знака под буквой будет обозначать глухость). Связанность элементов сочетания обозначим дужкой (—), охватывающей сверху соответствующие буквы. Наконец, справа около дужки обозначим соответственно буквой т или п дентальный или лабиальный характер сочетания в целом. В этом случае вышеприведенные примеры *ранта* и *рампа*, *бандит* и *бомбит* мы запишем следующим образом: <ра́ $\text{~}^{\text{т}}$ па> и <ра́ $\text{~}^{\text{п}}$ па>, <ба́ $\text{~}^{\text{т}}$ йт> и <бо́ $\text{~}^{\text{п}}$ йт>. Таким образом, знаки в пределах дужки (—) символизируют самостоятельные, позиционно необусловленные признаки компонентов сочетания: „носовость вообще“ первой фонемы и взрывно-смычный характер второй ($\text{~}^{\text{п}}$) (а также самостоятельную мягкость второй фонемы, если она представлена). Следовательно, написания <те́ $\text{~}^{\text{т}}$ па> и <те́ $\text{~}^{\text{п}}$ па> означают *тента* и *темпа*, <гла́ $\text{~}^{\text{т}}$ пи> и <ла́ $\text{~}^{\text{п}}$ пи>—*гланды* и *лампы*, <ту́ $\text{~}^{\text{т}}$ пра> и <те́ $\text{~}^{\text{п}}$ пра>—*тундра* и *тембра*, <фро́ $\text{~}^{\text{т}}$ па>, <фро́ $\text{~}^{\text{п}}$ па> и <ро́ $\text{~}^{\text{п}}$ па>—*фронта*, *фронда* и *ромба*, <гру́ $\text{~}^{\text{т}}$ па> и

«блѣ^ппа» — грунта и румба, <пла^пп'йр>, <ва^пп'йр>, <блѣ^пп'йн> — пломбир, вампир, блондин.

Описанная закономерность сложилась еще в языке-источнике: обычно нашим сочетаниям [нт], [нд] и [мп], [мб] в языке-источнике (чаще всего в латинском, греческом, французском, а также в немецком и др.) соответствуют аналогичные сочетания. В этом можно убедиться, проследив происхождение приведенных выше слов и многих других. Особенно ярко об этом свидетельствуют, например, слова с латинскими приставками *con-* ('с', 'вместе'), *in-* ('в', 'на'), отрицательной частицей *in-* ('не', 'без'), греческими приставками *syn-* ('с', 'вместе с'), *en-* ('в', 'при'), которые уже в языке-источнике употребляются не только с [н] на конце, но также и с [м] в зависимости от положения перед дентальными или лабиальными. Это свидетельствует о том, что уже там имелось позиционное чередование *n//m* в зависимости от положения перед [t], [d] или [p], [b]. Ср., например: *конденсатор* (лат. *condensare*), *контакт* (лат. *contactus*), но *комбинация* (лат. *combinatio*), *компания* (фр. *compagnie*; из лат. с префиксом *com* < *con*); *интервенция* (лат. *interventio*), *индивидуум* (лат. *individuum*), *индуктор* (лат. *inductor*), но *императив* (лат. *imperativus*), *имбибиция* (лат. *imbibere*), *имперсональный* (лат. *impersonalis*), *синтез* (греч. *synthesis*), *синдикат* (греч. *syndikos*), *синдесмология*, *синдесмоз* (греч. *syndesmos*), но *симпатия* (греч. *sympatheia*), *симбиоз* (греч. *symbiosis*).

Имеются данные, свидетельствующие о том, что распределение согласных [н] и [м] в зависимости от положения перед дентальными и лабиальными является актуальной чертой современной русской литературной фонетической системы. Об этом говорит судьба некоторых заимствованных слов, в которых в языке-источнике отсутствовало единство носовой фонемы и последующей взрывно-смычной по месту образования. Укажем на слово *имбирь*, еще сравнительно недавно имевшее орфографический вариант *инбирь*, которое непосредственно представляет собой заимствование из нем. *Ingber*, *Ingwer* (в немецком из санскрита). На русской почве утвердилось произношение [им'б'йр'] вне зависимости от еще недавней двойственности написания. Укажем еще на технический (морской) термин *кράмбол* из голланд. *kraanbalk* или на слово *бомбоньёрка*, имеющее орфографический вариант *бонбоньёрка*¹ при нормальном произношении [б'ъмбан'йэрък]. Сочетание букв *нп* встречается в отдельных заимствованных словах, но произношение [нп] в литературном языке сомнительно в активно усвоен-

¹ *Бомбоньёрка* — в словаре под ред. Д. И. Ушакова (т. I, стр. 173), *бонбоньёрка* в „Орфографическом словаре русского языка“ (1956, стр. 75). Д. И. Ушаков, чуткий к живой произносительной форме слова, с полным основанием дал это слово в написании с буквой *м*.

ных общераспространенных словах. Отметим слово *монпансье*, которое обычно произносится [мъмпас'жэ]. Ср. также географическое название *Монблан* и известную мне фамилию *Момбланов*. Можно думать, что в живой литературной речи в этих случаях наличествует произношение с сочетанием [мб]. Укажу фамилию нашей известной поэтессы *Веры Инбер*, которую обычно произносят с сочетанием [мб]: [ймбер], не замечая этого, как не замечают многие позиционные чередования, проходящие мимо сознания. Укажу также на фамилии *Анпилогов*, *Ханпира*, которые обычно произносят: *А[мп']илогов*, *Ха[мп']ира*, а также *Гри[мб']ерг*, *Розе[мб]люм*, *Розе [мб']ерг*, *Розе[мб]лит*, *Эре[мб]уре*; ср. у А. С. Пушкина: „книгопродавца *Эдимбургского*“ в статье „Последний свойственник Иоанны Д'Арк“ (А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 7. М., 1958, стр. 509). Однако подобные фамилии могут произноситься и с сочетанием [нп]. Дело в том, что в русском просторечии в положении перед лабиальной взрывно-смычной именно в силу того, что перед ней лабиальность-дентальность носовой не является существенным признаком и дентальность носовой лишена различительной роли, фонологически не используется, могла иметь место диссимилиация по месту образования, свойственная русскому просторечию. Так объясняется произношение *Та[нб]ов*, *бо[нб]а*, *ту[нб]а*, *а[нб]др*, *ла[нп]а*, *ко[нб]ина́т*, *ко[нб]и́орм*, *ла[нп]асы*, *дже[нп]ер*, *ко[нп]ания*, *ко[нп]от*, *ко[нб]айн* и др. Естественно, что при произношении *бо[нб]а*, *ла[нп]а* и т. п. может вторично появиться произношение *Мо[нб]лан*, *мо[нп]ансье* с сочетаниями [нб] и [нп], имевшимися в этих случаях в языке-источнике. Но для определения места носовой перед [т], [д] и [п], [б] с фонологической точки зрения важно то, что в обоих случаях (при отсутствии имевшей место диссимилиации и при наличии ее результатов) носовые, разные по месту образования — дентальные и лабиальные, — не различаются перед смычно-взрывными дентальными и лабиальными: перед этими согласными дентальность-лабиальность носовых нейтрализована и выступает в слабой фонеме *ɤ* („носовой вообще“). Эта последняя воплощается в звуке [н] перед дентальными и в звуке [м] перед лабиальными, если не было в прошлом диссимилиации [м] > [н] перед губными смычно-взрывными. При наличии же результатов диссимилиации [м] > [н] слабая фонема *ɤ* воплощается в звуке [н] как перед дентальными, так и перед лабиальными смычно-взрывными. Первое свойственно литературному языку, второе широко известно в просторечии.

Описанная закономерность имеет определенное ограничение: она относится к отрезкам в пределах одной морфемы (с точки зрения членения слова в русском языке). В отрезках же, которые разделены морфемной границей, сочетания [нп], [нб] и [мт], [мд], невозможные внутри морфемы, оказываются возможными. В совершенно исключительных случаях это представлено на

сте корня и суффикса (ср.: [ган'ба́], [бъран'ба́]). Видимо, сюда следует отнести [лѳмт'ик] при [ламѳт'], а также фамилию Ломтѳв при более правильном Ломтѳв). Чаще же это бывает в слове одного рода сложениях на стыке частей сложносокращенных слов, причем нередко в словах, имеющих наряду с основным ударением (') ударение побочное ('); ср.: пѳн-бѳрхѳт [нб], трѳнѳнѳ [н'б], пѳн-псѳхѳз, прѳдмѳйн-плѳн, сѳнпрѳпускнѳк [нп], лѳмтѳвѳры, сѳм-трѳтѳй, тѳмтѳм, ѳмтѳѳсовѳц [мт], пѳдмѳдирѳкѳра, зѳмдирѳкѳтора, сѳм-дрѳѳѳ, сѳм-дѳвѳѳт, кѳмдѳѳѳ [мд] и т. д. Здесь же можно отметить сочетание [мт'] в совместной форме ч. повелительного наклонения (пѳйдѳѳмѳте, пѳнесѳѳмѳте, возѳѳѳмѳте), лишний раз свидетельствующее о наличии здесь особого рода — агглютинирующего морфемного шва. Однако эти случаи не нарушают описанной закономерности, а лишь определяют те границы, в рамках которых она функционирует.

Однако возникает вопрос: а имеются ли факты, нарушающие описанную закономерность? Имеются, хотя их и очень немного. Случай *сенбернар* едва ли можно считать нарушением этой закономерности: это слово еще недавно писалось через дефис — *сен-бернар*, *сен-бернарский*¹, т. е. здесь был стык морфем и, вероятно, побочное ударение на первой части сложения (при основном ударении на второй части). Поэтому этот пример может быть дан наряду с предыдущими, в которых на стыке морфем встречаются сочетания носовых с последующими смычно-взрывными, компоненты которых (дентальные и лабиальные) отличаются по месту образования. Отметим, что в живой речи (например, среди „собашников“) это слово обычно произносилось [сѳмб'ѳрнѳр]. В большей степени исключением, хотя также легко объяснимым, является слово *экспромт* с сочетанием [мт]. Однако еще в словаре под ред. Д. И. Ушакова наряду с произношением *экспрѳ*[мт] указано как устарелое *экспрѳ*[мпт]. Последнее отмечено и в „Словаре иностранных слов“ (изд. 3, 1949). Следовательно, еще недавно „исключения“ не было: наличествовало, как и в языке-источнике (ср. лат. *expromptus*), сочетание [мп], в целом лабиальное. Единственным исключением в полном смысле является слово *почтамт* (ср. нем. *Postamt*)². Проникновение такого рода исключений в большом количестве может расшатать описанную закономерность, освободить дентальность-лабиальность носовой согласной перед дентальными и лабиальными смычно-взрывными от позиционной обусловленности, в связи с чем слабая позиция может постепенно превратиться в сильную. Однако об этом пока говорить рано. Так же, как, например, аканье мы считаем важ-

¹ Такое написание дано в „Словаре иностранных слов“ под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (изд. 3, 1949).

² Это слово несколько десятилетий назад в московском просторечии я слышал в виде [плѳтѳнт], [плѳтѳндѳ], т. е. с подравнением под общую закономерность.

ной чертой фонематической системы русского литературного языка, несмотря на наличие в нем некоторого количества слов, в которых произносится безударное [o] ([отѣл'ъ], [боа́] и т. д.), и в нашем случае, несмотря на отдельные исключения, соотносительность носовых согласных фонем по признаку „дентальность-лабиальность“, которая различается в одних позициях и нейтрализована в других, следует считать элементом фонетической системы современного русского языка.

Описанная закономерность, хотя она и относится к очень частному элементу фонетической системы, интересна с разных точек зрения. Ведь позиционная зависимость у согласных относится к признаку „глухость-звонкость“ или к признаку „твёрдость-мягкость“. В первом случае они ограничивают в каждой данной позиции выбор между глухой и звонкой, т. е. по признаку наличия или отсутствия голоса, во второй — между твёрдой и мягкой согласной, т. е. по признаку наличия или отсутствия дополнительной йотовой артикуляции. Только в одном случае можно говорить о том, что место образования согласных также позиционно ограничивается: перед шипящим невозможны свистящие, в связи с чем не различаются согласные по признаку „дентальность-альвеолярность“; ср.: [ш-шум'ъм], [иж-жар'ит'], (с шумом, *изжарить*) и [уж-жар'ит'] (в выражении *уж жарить*, так жарить). Описанная закономерность представляет нам другой случай соотносительности группы согласных носовых по месту образования (и притом как твёрдых, так и мягких, т. е. [н], [н'], [м], [м']), по признаку дентальности-лабиальности, различаемому в одних позициях и нейтрализованному в других.

Описанная закономерность интересна еще в том смысле, что она показывает, что фонетические позиционные распределения звуков могут быть связаны с лексическим составом языка. Сочетания [мп], [мб] и [нт], [нд] в пределах одной морфемы встречаются, как было уже отмечено, обычно в заимствованных словах, многие из которых являются уже освоенными и общепотребительными. Процесс ассимиляции по месту образования в большинстве случаев определил качество носовой согласной уже в языке-источнике. Усвоение русским языком массы этих слов определило формирование и в русском языке такой же фонетической закономерности. Известно, что заимствование слов с определенной системой аффиксов может в некоторых случаях повлечь за собой усвоение заимствующим языком этих аффиксов и общей грамматической модели. Меньше известны случаи, когда заимствованные слова импортируют в заимствующий язык определенные позиционные закономерности в фонематической системе. Так случилось с описанными сочетаниями: почти все они принадлежат заимствованным словам. Количественно увеличиваясь в словарном составе русского языка, они определили формирование известных произносительных привычек и этим способствовали появлению новой фонетической закономерности.

О ФОНЕМЕ <Н>

Как известно, в русском языке фонема <н> является переднеязычной по активному органу, зубной по пассивному. При русском <н>, как и другие зубные фонемы, носит дорсальный характер, т. е. образуется не кончиком языка, а примыкающей к нему передней частью спинки языка, которая смыкается верхними зубами и нижним краем альвеол. Однако является признак переднеязычности постоянным и неизменным или он может в определенных позициях изменяться? По нашим наблюдениям этот признак не является постоянным: в определенных позициях образование фонемы <н> может отодвинуться назад, тогда она реализуется не в переднеязычном [н], а в заднеязычном [ŋ] с преградой между задней частью спинки языка и мягким небом. В части позиций такая реализация фонемы <н> является факультативной и при том относится обычно к разговорному, аллегровому типу произношения. В других позициях она необходима и характеризует устную речь в целом, ее фонетическую систему.

Переднеязычный согласный [н] произносится перед гласными, практически перед всеми согласными кроме губных смычных¹ (смягчаясь перед некоторыми из них), а также на конце слова: [нѣт'], [нѣп], [нам], [нос], [ну]²; [в'интлѣбѣ], [бѣндѣ], [с'в'инцѣвѣ], [лѣвѣнсѣвѣ], [влѣзнѣт'], [слѣнл'ѣвѣ], [хѣншѣ], [хѣнжѣ], [клѣнвѣ]; [тон], [сан], [сын], [лгун]. Выделим особо положение перед заднеязычными <к> и <г>³. Фонема <н>, следующая за ударной гласной, перед <к> или <г> с последующей гласной, как правило, сохраняет свое переднеязычное образование. Ср.: [бѣнкѣ], [лсѣнкѣ],

¹ О невозможности согласной <н> перед смычными губными <п>, <п'>, <б>, <б'> ввиду нейтрализации носовых фонем <н> и <м> перед смычными зубными и губными см. выше, стр. 182—189.

² Здесь и ниже мы не касаемся соответствующей фонемы <н'>, поскольку только твердая фонема <н> может реализоваться в заднеязычном варианте.

³ Перед заднеязычной <х> практически <н> не употребляется. Ср. единичное [шлѣнхѣ].

[ср'йнкъ], [суконкъ], [нанкъвь], [тонкъ], [санк'и]; [фллангъ], [јунгъ], [тунгъвь], [конгъ], [анг'ъл]¹. При отсутствии последующей гласной, т. е. на конце слова при обычном переднеязычном [н], в небрежной аллеговой речи возможно также и заднеязычное [н]. Имею в виду такие слова как *ранг*, *фланг*, *бумеранг*, *мустанг*, *пеленг*, *тубинг*, *крёкинг*, *викинг*, *смокинг*, *браунинг*, *ишллинг*, *рислинг*, *блюминг*, *ринг*, *дансинг*, *митинг*, *гонг*, *дифтонг*, *лбзунг*, *тунг*, *Бандунг*; *банк*, *бланк*, *танк*, *эвёнк*, *цинк*. При обычном [н]—в одних из таких слов чаще, в других реже встречается также [н]. Заднеязычный согласный [н] чаще встречается, кажется, в словах, носящих стилистическую окраску „иноязычных“ слов, а также в словах, где фонема <н> следует за одной из гласных заднего образования—<о> или <у>. Ср. возможное в индивидуальном произношении [гоңк], [туңк], [лангутанк], [ск'ёт'иңк-р'иңк], [п'иңк-поңк], [в'еткоңк], (*Ветконг*), [гонкоңк] (*Гонконг*), [бандуңк] (*Бандунг*), [гёрнуңк] (фамилия—*Горнунг*). Заднеязычный [н] встречается также нередко в конце заударного слога перед заднеязычной согласной на конце слова или перед гласной. Ср. возможное произношение [смоб'иңк], [смоб'иңгъ], [данс'иңк], [стёрл'иңгъвь'и зонъ], [кл'ир'иңгъвь'и].

Во всех рассмотренных позициях согласный [н] выступает факультативно наряду с [н]. Однако есть позиции, где употребление [н] необходимо. Это прежде всего положение перед заднеязычной смычной (<к> или <г>)+согласная <т> или <ц>. Сюда относятся случаи с сочетанием носовой язычной+[кт] на конце слова ([инс'т'иңкт] [пункт], [ад'јуңкт]) или перед гласной ([пункт'ир], [инс'т'иңкт'ивнъ], [кёнтралпунктнъ], [куңктатър], [планктон]; [вашыңктон], [в'ел'иңктон], [рэм'иңктон]), а также случаи с сочетанием носовой язычной+[ки] перед гласной ([санкцы'и], [пункцы'и], [функцы'и], [сыңкцы'и'р'ьвт'], [функцы'и'р'ьвьт'], [пунктуацы'и], [в'еткоңкцы]). Заднеязычный носовой обычно произносится также перед сочетанием <к> или <г>+<ск> с последующей гласной в случаях типа [бандуңкск'и], [фраңкск'и]. Отметим, что заднеязычный носовой [н] закономерно появляется, видимо, только перед такими сочетаниями, которые не могут начинать собою слово, а именно перед сочетаниями <кт> (в начале слова имеется только *кто*), <ки> или <ги>, <кск> или <гск>. Если язычная носовая фонема находится перед такими сочетаниями с <к> или <г> в качестве первого элемента, которое встречается в начале слова, то она сохраняет свое переднеязычное образование. Например, [банкно́ты] (ср.: [кнут], [кно́пкъ]); [банкро́т], [лбанкро́тилсъ] (ср.: [крот], [кра́скъ]); [а́нгл'и'и] (ср.: [гл'и́нь]); [л'и́нгв'и́ст], [п'и́нгв'и́н] (ср.: [гвос'т'и]).

Таким образом, фонема <н> может реализоваться не только в звуке [н], но также и в звуке [н]. При этом в одних положениях

¹ Согласно старшей норме было [а́нг'ъл], а также [а́рха́нг'ъл'ск] (с мягким [н]).

вариант [н] характеризует индивидуальное произношение или отдельные слова с определенной стилистической окраской, в других он закономерен и необходим. Вариант [н] закономерен и необходим в позиции, когда заднеязычная смычная фонема (<г> или <к>) находится между переднеязычными зубными — после носовой <н> и перед одной из неносовых — <т>, <ц>, <с>. Именно в этой позиции приспособление артикуляции переднеязычной носовой фонемы <н> к артикуляции заднеязычной смычной <г> или <к> оказывается необходимым. В устной небрежной речи такое приспособление может быть и в позиции, где фонема <н> с последующей заднеязычной смычной находится перед гласной. Как видно из иллюстративного материала, описываемое явление встречается в словах иноязычного происхождения, книжно-литературных по своему характеру. Поэтому оно относится к литературному языку.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФОНЕМЫ <j>

Как известно, фонема <j> занимает особое, изолированное положение в фонологической системе: она не входит ни в один из соотносительных рядов — более общих (по признаку звонкости-глухости или по мягкости-твердости) или частных; в отличие от других сонорных она не может употребляться в начале слова перед согласной или в конце слова после согласной (ср.: *лгать, много, ртуть, нрав* и *шторм, подл, песнь*). Она может реализоваться в вариантах [j] или [i], причем последние не разграничены между собой сколько-нибудь строго. В определенных условиях она может отсутствовать, в особенности в небрежной аллегровой речи¹. Наконец, что особенно важно для нашей темы, в определенных фонетических условиях она регулярно отсутствует в соответствии с законами фонологической системы современного русского литературного языка, проявляясь в своем нулевом варианте. Не вдаваясь здесь во всестороннее рассмотрение проблемы, отметим, что нулевой вариант фонемы <j> выступает прежде всего в положении перед <i>. Ср.: [мáй] [твáй], [свáй], [крáйт'], [плáйт], [крáйш], [дáйш] и т. д. В этих и подобных случаях на основании форм [мáйú], [твáйê], [свáйóm]; [крáйú], [крáйát], [дáйú], [дáйát] и т. д. фонологический состав приведенных словоформ необходимо представить следующим образом: <мо́й>, <тво́й>, <сво́й>; <кро́йт'>, <по́йт'>, <кро́йш>, <по́йш> и т. д.

Задача настоящей статьи — дать фонологическую интерпретацию личных форм глаголов 1 спряжения с ударной основой на <j>: 1) „средних“ форм (т. е. 2-е и 3-е л. ед. ч. и 1-е и 2-е л. мн. ч.), словоформ типа [игра́йш], [игра́йм], [игра́йт]; [д'эльйш], [д'эльйм], [д'эльйт]; [б'и'л'ейм], [б'и'л'ейт], [мо́йш], [мо́йм],

¹ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, § 21. Фонема <j>. См. также: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 5. М., 1972, § 35. „Согласный [j]“.

[мо́ут], [ду́иш], [ду́им], [ду́ит] и т. д.; 2) форм 3-го л. мн. ч., типа [игра́ют], [д'е́л'ьют], [б'и'л'е́ют], [мо́ут], [ду́ут]. Сюда же по существу относится и форма 1-го л. ед. ч. [игра́у].

* * *

Интерпретация первой группы форм не будет одинаковой для старшей нормы заударного вокализма после мягких согласных <j>, частично сохранившейся и сейчас, и для младшей нормы, основной для настоящего времени.

В соответствии со старшей нормой в конечном закрытом слоге после мягких согласных и <j> ударной гласной <о> в заударном слоге фонетически соответствует <ъ>, а ударным <е> и <и> — [ь]. Например, [гвзл'д'ом] — [м'и'д'в'ед'ьм], [ро'ьм], но [л'эзу] — [л'эзу], [р'эжу] — [выр'эжу], [сл'ит] — [выл'ьт], [грлз'йт] — [гз'ьт]. Иначе говоря, мы констатируем фонемные ряды <о> // [ъ], <е> // [ь], <и> // [ь]. Если это так, то соотношение ударной <о> с заударным [ь] (ср.: [н'ос] — [вын'ьс], [грыз'ом] — [л'эз'ьм]) является нефонетическим, оно позиционно не обусловлено, т. е. члены этого соотношения выходят за пределы фонемного ряда, принадлежат разным фонемным рядам¹. Это означает, что в членах пар как [грыз'ом] и [л'эз'ьм] или [грыз'от] и [л'эз'ьт], [грыз'ош] и [л'эз'ьш] следует видеть разные флексии: с гласной фонемой <о> при ударении на флексии и со слабой гласной фонемой, в которой нейтрализованы сильные гласные фонемы <е> и <и> в слоге заударном, т. е. при ударении на основе (отметим эту слабую гласную фонему как $\langle \frac{е}{и} \rangle$).

Такая интерпретация вытекает из положения: одной единице сильной позиции на уровне фонем не могут соответствовать две единицы в слабой позиции². Поэтому в случаях типа [гвзл'д'ом], [л'д'ом] (одна единица <о> в сильной позиции) и [м'и'д'в'ед'ьм], [л'ед'ьм] (две единицы в слабой позиции) соотношение [о] и [ъ] представляет собой чередование сильной гласной фонемы со слабой и морфологически идентично, а соотношение [о] и [ь] выходит за пределы фонемного ряда и следовательно морфологически иначе.

Итак, в приведенных случаях констатируем по две флексии для каждой личной формы: <ом>, <от₂>, <ош₂> при ударении на флексии и $\langle \frac{е}{и} \rangle$, $\langle \frac{е}{и} \rangle$, $\langle \frac{е}{и} \rangle$ при ударении на основе³. Те же

¹ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 129—130.

² Нормально для русского языка обратное: двум (или нескольким) единицам сильной позиции может соответствовать одна единица слабой позиции. Ср.: [вол], [вал] и [валы].

³ Цифра 2 у буквы согласной здесь указывает на неразличение, нейтрализацию звонкости-глухости в данной позиции.

разные флексии следует признать и в основах на <j>, т. е. в случаях типа [дл'ѡм], [дл'ѡт], [дл'ѡш] и [зн'аим], [зн'аит], [зн'аиш] с тем однако различием, что безударный гласный [и] здесь принадлежит как основе так и флексии, т. к. здесь [и] = <j> + слабая гласная фонема, в которой нейтрализованы сильные фонемы <е> и <и>.

Однако старшей норме произношения наряду с соотношением [л'ѣз'ѡм], [зн'аим] было свойственно также соотношение [л'ѣз'им] — [зн'аим]. В этом случае в формах типа [зн'аиш], [ум'ѣит], [мѡим] следует констатировать нулевой вариант фонемы <j> перед слабой фонемой — гласным [и], в которой нейтрализованы сильные фонемы <е> и <и>. Иначе говоря, в этом случае гласный [и] целиком относится к флексии.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим образом: форму типа [зн'аим] на словофонематическом уровне при наличии [л'ѣз'ѡм] следует трактовать как [зн'а₁ + ѡм], а при наличии [л'ѣз'им] как [зн'а₀ + им]. Таким образом в первом случае в гласном [и] воплощается конечная согласная (<j>) основы и гласная флексии, а во втором случае только гласная флексии, перед которой фонема <j> позиционно отсутствует, выступая в своем нулевом варианте. На уровне морфофонематическом при обоих соотношениях констатируется фонема <j> и последующая слабая фонема [е_и]: (л'ѣз'ѡ_им), (зн'а₁ѡ_им)¹ и т. д.

В соответствии с младшей нормой произношения, господствующей в наше время в конечном закрытом слоге после мягких согласных не только ударной гласной <о>, но также и ударным <е> и <и> соответствует [ь], т. е. наличествуют фонемные ряды <о> // <ь>, <е> // <ь>, <и> // <ь>. Ср.: [гвлз'дѡм] — [м'и'ѣд'в'ѣд'ѡм], [л'ѣзу] — [вѣл'ьзу], [р'ѣжу] — [вѣр'ьжу], [с'л'ит] — [вѣл'ит], [грлз'йт] — [вѡз'ьт]. Это означает, что в случаях типа [н'ѡс] — [вѣн'ьс], [грыз'ѡм] — [л'ѣз'ѡм] следует констатировать соотношение гласных — ударного и заударных — как находящихся в пределах одного фонемного ряда. Следовательно случаи типа [грыз'ѡм] — [л'ѣз'ѡм], [грыз'ѡш] — [л'ѣз'ѡш], [грыз'ѡт] — [л'ѣз'ѡт] имеют одну и ту же флексию, которую морфофонематически можно обозначить как <ѡм>, <ѡш₂>, <ѡт₂>: <грыз'ѡм>, <л'ѣз'ѡм> и т. д.

Одну и ту же флексию следует видеть и в основах на <j>, т. е. в случаях типа [дл'ѡм], [дл'ѡт], [дл'ѡш] и [зн'аим], [зн'аит], [зн'аиш]. Здесь на словофонематическом уровне, в гласном [и] следует видеть реализацию фонемы <j> и слабой фонемы, в которой нейтрализовались сильные фонемы <о>, <е>, <и>. На морфофонематическом уровне здесь мы имеем флексии <ѡм>, <ѡш₂>, <ѡт₂>: <даѡм>, <даѡш₂>, <даѡт₂>; <знаѡм>, <знаѡш₂>, <знаѡт₂>.

¹ Цифра 1 у буквы согласной здесь указывает на неразличение, нейтрализацию мягкости-твёрдости в данной позиции.

На примере рассмотренных форм мы видим, что современные процессы в области заударного вокализма привели к уменьшению функциональной нагрузки заударных гласных после мягких согласных и <j>. Ср. в соответствии со старшей нормой различение флексий твор. п. ед. ч. существительных и 1-го л. мн. ч. глаголов: [м'и^ед'в'эд'ъм], [р'о^иъм] и [јэд'ъм], [р'о^им] при их неразличении в соответствии с младшей нормой: [м'и^ед'в'эд'ъм], [р'о^им] и [јэд'ъм], [р'о^им]. Морфофонематически следует констатировать в твор. п. ед. ч. флексию <ом>, в 1-м л. мн. ч. глаголов (^е/_им)

в старшей произносительной системе и омономическую флексию <ом> для обеих форм для младшей произносительной системы.

Современные процессы в области заударного вокализма после мягких согласных и <j> привели также к морфологической идентификации ударных и заударных глагольных флексий. Одно и то же соотношение [в'и^ед'ом], [јэд'ъм], [р'о^им]; [в'и^ед'ош], [јэд'ыш], [р'о^ииш], [в'и^ед'от], [јэд'ът], [р'о^иит] в связи с различиями в фонологической системе старшей и младшей норм по-разному интерпретируется: для старшей нормы здесь разные флексии: ударные <ом>, <ош₂>, <от₂> и безударные (при ударении на основе) (^е/_им),

(^е/_иш₂), (^е/_ит₂); для младшей нормы, господствующей в настоящее время, здесь одна и та же флексия — как на флексии, так и на основе — <ом>, <ош₂>, <от₂>.

Отметим, что в старшей произносительной норме глаголы так называемого 1 и 2 спряжения с ударной основой не различались флексиями, которые совпадали во всех личных формах, в том числе в 3-м л. мн. ч. (ср.: [јэд'ыш] и [х'од'ыш], [л'эз'ът] и [в'оз'ът], и т. д., а также [јэдут] и [х'од'ут], [л'эзут] и [в'оз'ут]). Глаголы 1 и 2 спряжения различались лишь характером чередований согласных основы. В частности глаголы, типа [једу], [јэдут] и [јэд'ыш], [јэд'ът] и т. д., [л'эзу], [л'эзут] и [л'эз'ыш], [л'эз'ът] и т. д. могли быть отнесены к 1 спряжению лишь по признаку чередования согласных — твердой в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. и мягкой в остальных личных формах.

Для младшей же произносительной нормы глаголы так называемого 1 и 2 спряжения отграничены не только различиями в чередовании согласных основы, но также и флексией 3-го л. мн. ч., так как флексия <ут> вытесняется из глаголов 2 спряжения и становится признаком 1 спряжения (ср. современные [х'од'ът], [в'оз'ът] при старых [х'од'ут], [в'оз'ут]).

Однако имеется группа глаголов с основой на <р>, <л>, <j> в 1-м л. ед. ч., которым не свойственно чередование согласных в личных формах. Поэтому — в связи с совпадением флексий — они не различали в старшей произносительной норме 1 и 2 спряжения. Ср.: [п'о^р'ыш], [п'о^р'ът], [п'о^р'ут] (от *пороть*) и [сп'о^р'ыш],

[спó'р'ѣт], [спó'р'ѣт] (от *спорить*), [м'ѣл'ѣш], [м'ѣл'ѣт], [м'ѣл'ѣт] (от *молоть*) и [мó'л'ѣш], [мó'л'ѣт], [мó'л'ѣт] (от *молить*), [рóу], [рóиш], [рóут] (от *рыть*) и [стрóу], [стрóиш], [стрóут] (от *строить*). Что касается младшей производительной нормы, то по мере того, как флексия <ут> вытесняется из глаголов 2 спряжения, сохраняясь только в глаголах 1 спряжения (т. е. устанавливается норма [м'ѣл'ѣт], но [мó'л'ѣт], [пó'р'ѣт], но [спó'р'ѣт]), 1 и 2 спряжения начинают разграничиваться флексиями 3-го л. мн. ч.

* * *

Нам осталось разобрать формы 3-го л. мн. ч. глаголов 1 спряжения с ударной основой на <ј>. Эти глаголы в нейтральном стиле произносятся без <ј>. См. примеры: глаголы с основой на <а> после твердой согласной: [лаут], [играут], [знаут], [уб'иваут]; [д'ѣлѣут], [в'ѣдѣут]; глаголы с основой на <у> после твердых согласных: [дѣут], [р'исѣут], [буксѣут], [таскѣут], [аг'итируѣут], [п'ик'ируѣут]; глаголы с основой на <о> после твердых согласных: [рóут], [крóут], [мóут], [нóут]; глаголы с основой на <а> после мягких согласных [вл'аут], [зъл'аут], [умал'аут], [стр'и'л'аут], [кашл'аут], [м'и'н'аут], [л'ин'аут], [выл'ин'аут], [сч'ин'аут], [т'и'р'аут], [ныр'аут], [ч'аут], [с'и'аут]; глаголы с основой на <у> после мягких согласных: [чѣут], [выкл'ѣут], [выпл'ѣут]; глаголы с основой на <е> после мягкой согласной: [рѣут], [бр'ѣут], [с'м'ѣут], [с'ѣут], [в'ѣут]. Во всех приведенных случаях и во многих других в обычном произношении фонема <ј> реально отсутствует. Однако о ней свидетельствует переднесреднее образование <у>. Ср. [играут] и [раут], [знаут], [аут], [лскаут] и [скаут], [нóут] и [дреднóут]. Таким образом фонема <ј> „растворилась“ в <у>, фонологически гласный [у] здесь равен сочетанию фонем <ју>. В тех случаях, когда гласный предыдущего слога находится в положении после мягкой согласной, о фонеме <ј> свидетельствует не только переднесреднее образование фонемы <у> во флексии, но также и характер предшествующей гласной: переднесреднее образование фонем <а>, <у> и верхнесреднее образование фонемы <е>. Ср.: [ныр'аут] и [раут], [р'ѣут] и [р'ѣутъ] (*Реутово*), [ч'ѣут]. Здесь фонема <ј> „растворилась“ не только в последующей фонеме <у>, но также и в одной из предшествующих <а>, <у> или <е>. Здесь о ней напоминает как фонема <у>, так и одна из указанных предшествующих гласных фонем. Поэтому следует считать, что фонологически каждое из реально произносимых сочетаний [ау], [ѣу], [ѣу] соответственно одному из сочетаний <ају>, <ују>, <еју>. Отсюда следует, что в реально произносимых в нейтральном стиле формах 3 л. мн. ч. глаголов с ударной основой на <ј> морфемную границу провести нельзя. Перед нами один из примеров, когда реальной, произносимой непрерывности соответствует фонологическая дискретность, Ср.

различительные [дўут], [ч'ўут], отчетливо произносимые [дўіут], [ч'ўіут] при их фонологическом эквиваленте <дўјут₂>, <ч'ўјут₂> с морфемным швом после <ј>.

Если бы на морфофонематическом уровне фонема <ј> отсутствовала, то на основе соотношений [знāут] — [āут], [лствл'āут] — [лаут] можно было бы констатировать наличие фонемы <у>, противопоставленной фонеме <у> и даже возможно наличие фонемы <а>, противопоставленной фонеме <ā>. Однако фонема <ј> тут несомненно имеется. Можно подчеркнуть далее, что отсутствие фонемы на фонетическом (произносительном) уровне не всегда представляет собой ее нулевой вариант; она может „раствориться“ в соседней или соседних фонемах, отразившись в их качестве. В этом случае последнее свидетельствует о наличии данной фонемы — в нашем случае <ј>.

ФОНЕМА <j> В ЗАУДАРНЫХ СЛОГАХ ПОСЛЕ СОГЛАСНЫХ

Как известно, в русском языке корреляция по мягкости твердости охватывает значительную часть консонантизма, оставляя в стороне лишь небольшую группу согласных фонем. Известно также, что гласные (кроме [и]) после мягких согласных произносятся с [и]-образным приступом, причем, последний бывает тем более сильным и заметным, чем более далек по своему образованию от [и] последующий гласный. Наконец, известно, что существуют слоги не только типа „согласная + гласная“, но также типа „согласная + <j> + гласная“, причем, парная по мягкости-твердости согласная перед <j> произносится мягко¹. Ср.: [л'ju], [р'jan], [в'рлн'jó], [с'jэл], [из'ján], [мыт'jó], [д'jákън], [б'jот], [п'jan].

Из всего сказанного вытекает, что согласные, парные по мягкости-твердости (не на стыке с приставкой) образуют три типа слогов: „твердая согласная + гласная“, „мягкая согласная + гласная“, „мягкая согласная + <j> + гласная“. Что же касается согласных внепарных по этому признаку, то все они образуют слог типа „согласная + гласная“, а согласные <ч>, <ж>, <ш> образуют еще, кроме того, слоги типа „согласная + <j> + гласная“². Ср. слоги с начальными парными твердыми и мягкими согласными и слоги с начальными внепарными согласными:

<ра> — <р'а> — <р'ja>	<ша> — <шja>
<ну> — <н'у> — <н'ju>	<жу> — <жju>
<по> — <п'о> — <п'jo>	<чо> — <чjo>

„Промежуточный“ слог (типа „мягкая согласная + <j> + гласная“) представлен с согласными парными по мягкости-твердости и отсутствует для внепарных <ж>, <ш>, <ч>.

Ввиду наличия [и]-образного приступа при переходе от мягкой согласной к гласной, наиболее контрастными оказываются

¹ С определенными ограничениями на стыке с приставками. См.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 5, 1972, стр. 126—128.

² Согласная [ж':] перед [j] не встречается, а о согласной [ш':] в этом положении будет сказано ниже.

«согласная (немягкая) + гласная» и «согласная + <j> + гласная». Только эти слоги представлены с <ш> и <ж> в начале. [наш'у] и [наш'ју], [туж'у] и [руж'ју]. Менее контрастными являются слоги типа «мягкая согласная + гласная» и «мягкая согласная + <j> + гласная». Это объясняется тем, что [и]-образный ступ по своему образованию близок к [i], а в звуке [i] очень часто в одних случаях факультативно, а во многих позициях обязательно реализуется фонема <j>. Эти слоги безусловно различаются и абсолютно четко противопоставлены при ударности слогов. Ср.: [вал'у] и [вал'ју] (*валю* и *волью*), [л'от] и [л'јот] (*лёт* и *льёт*), [д'ит'а] и [з'и'т'ја], [блгр'анъ] и [р'јанъ], [клн'а] и [клн'јак], [суд'а] и [суд'ја] и т. д. Однако этого нельзя сказать по отношению к заударным слогам¹.

Для сохранения, ослабления или утраты <j> после мягкой согласной имеют значение многие факторы, среди них важнейшие: в каком из заударных слогов находится изучаемое явление — в непосредственно заударном или во 2-ом заударном и т. д.; находится ли оно в пределах одной морфемы или на стыке морфем, в последнем случае — на стыке корня и суффикса, основы флексии; находится ли <j> в исходе предшествующей морфемы или в начале последующей; к какой морфологической категории оно относится; к какому стилю относится слово, и каков стиль произношения (высокий, нейтральный или разговорный).

Сочетания согласных с последующей <j> широко представлены в заударных слогах для разных морфологических категорий.

Отметим раньше всего группу глаголов с внутриморфемным (точнее с внутрикорневым) сочетанием согласной с последующей <j>: [въл'ју], [въл'ју], [въл'ју] [въл'ју]. У этих глаголов <j> безусловно наличествует во всех стилях произношения в форме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. [въл'јут], [въл'јут]. Что касается остальных личных форм (перед [и]), то после согласных парных по мягкости-твёрдости <j> присутствует в высоком стиле (а также обычно в нейтральном), но может отсутствовать в разговорном стиле (особенно в аллеговой речи). Ср.: [въл'јиш], [въл'јим], [въл'јит], [въл'јит'ъ] и [въл'иш], [въл'ит], [въл'им], [въл'ит'ъ]. Ср. также в разговорном стиле: [въл'иш], [въл'им], [въл'ит], [въл'ит'ъ]; [въл'иш], [въл'им], [въл'ит], [въл'ит'ъ].

¹ Впрочем, в структурно немотивированных случаях <j> может отсутствовать даже в ударном слоге. Ср., например, обычное произношение [кр'и'с'т'ан'ъ] при написании *крестьяне*; возможное в разговорной речи [кр'и'с'т'ан'ъ] наряду [кр'и'с'т'јан'ъ] и [кр'и'с'т'јан'ъ] в нейтральном и высоком стилях при написании *христиане*. Отметим возможное уменьшительное *Илюша* и фамилию *Илюшин* (наряду с *Ильюша*, *Ильюшин*), предполагающие произношение [ил'ушъ], [ил'ушын]. Не всегда <j> произносится в таких словах, как *интервью* ([интерв'у] и [интерв'ју]), *Нью-Йорк* ([н'у-јорк] или [н'у-йорк]).

О неразличении слогов типа «мягкая губная согласная + гласная» и «мягкая губная согласная + <j> + гласная» говорит фамилия *Завьялов*, утвердившаяся в написании с *ъ*, возможно, не без диалектного влияния.

Ср. форму страд. причастия прош. вр. [выб'ит], [вып'ит] и форму 3 л. ед. ч. [вып'ит], [выб'ит] при возможном разговорном [выб'ит], [вып'ит]. Возможность подобного произношения объясняется положением [i] перед [и] — гласным близкой к [i] артикуляции. Произношение без <j> невозможно после внепарной по твердости-мягкости <ш>: [выш'иу], [выш'иут] и [выш'им], [выш'ит], [выш'ит'ь]. Невозможность произношения этих форм без <j> после <ш> объясняется отмечавшимся уже выше отсутствием троичного типа слогов (после [ш] нет среднего, промежуточного члена триады — „мягкая согласная + гласная“) и наличием только крайних его наиболее контрастных членов („согласная + гласная“ и „согласная + <j> + гласная“). Поэтому пара *вышит* и *вышьет* в любом стиле произношения отличается: [выш'ит] и [выш'ит].

Существительные на *-е* имеют в исходе основы фонему <j> во всей парадигме. Это обстоятельство, а также то обстоятельство, что для многих типов этих существительных наряду с ними имеются существительные на *-ие*, нередко с одной и той же непроемной основой или одной и той же корневой частью (ср.: *гуденье* и *гудение*, *вязанье* и *вязание*, *купанье* и *купание*, а также *поверье* и *доверие*, *безделье* и *издѣлье* и т. д.), способствуют сохранению <j> (обычно в виде [i]) во всех формах. См. в непосредственно заударном слоге: [в'ис'ѣл'иъ], [в'ис'ѣл'иу]; [подвó'р'иъ], [плмó'р'иъм], [п'ѣн'иъм], [ф-плá'т'и], [пълавó'д'иъ], [ф-плá'ѣс'и], [плдгlá'з'иъ], [лхлó'п'иъ], [лтр'ѣб'иу], [г-з'имó'в'иу], [рлздúм'иъм]. Следует отметить, что звук [i] особенно отчетливо произносится после губных. Это, видимо, объясняется, с одной стороны, тем, что губные перед <j> склонны к отвердению, с другой стороны, тем, что практически мягкие губные перед <у> в заударном конечном слоге не встречаются, что приближает губные в рассматриваемом отношении к шипящим, которые так же не знают слогов „промежуточного типа“ и четко различают слоги „шипящая + гласная“ и „шипящая + <j> + гласная“. Напротив, звук [j] бывает ослаблен после двух согласных. Ср.: [плá'ѣс'т'иъ], [плá'ѣс'иу], [зъхлá'у'с'т'иъ], [ý'с'т'иъ]. В разговорной речи некоторые из таких слов могут произноситься без [i] (в особенности перед флексией, звучащей как [и]): [ф-плá'ѣс'т'и] (в подобных случаях возможно удлинение [и]); [к-ус'т'у] (к *устью*). Ср.: *Устю*. Характерно, что Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании» однажды написал *Настышка* вместо *Настышка*. Подобное произношение, возможно, объясняется стремлением к изохронности слога, т. е. стремлением к произношению слога, находящегося в одинаковом отношении к ударению, в равный отрезок времени, несмотря на наличие перед гласным разного количества согласных (например, слогов [т'у], [с'т'у], [с'т'ју]. С другой стороны, такому произношению способствует также слабая нагруженность заударных слогов типа [с'т'а], [с'т'у] при значительной нагруженности слогов [ст'ја], [ст'ју], что делает не необходимым их разграничение.

енно благодаря внепарности согласной по мягкости-твер-
и отсутствию слогов „промежуточного“ типа (мягкий со-
+ гласный), звук [i] всегда сохраняется после <ш>, <ж>,
р.: [пѣб'и'р'ѣжѣ], [б'ѣздѣрѣжѣ], [зѣл'ѣшѣ], [удѣшѣ],
ѣ], [плр'ѣч'ѣ], [лбл'ѣч'ѣ]. Отметим, что <j> наличест-
же перед флексией, звучащей как [и]: [нѣ-пѣб'и'р'ѣжѣ],
ѣшѣ], [в-лбл'ѣч'ѣ].

Для сохранения или утраты [i] имеет значение также место
ия. В слогѣ непосредственно после ударения [i] сохра-
в большей степени, а во 2-ом или 3-ем заударном слогѣ
ются более благоприятные условия для утраты [i]. Ср.
жалованье, кушанье, которые в разговорном стилѣ могут
носиться без [i]: [жѣлѣвѣн'ѣ], [кѣшѣн'ѣ]; [жѣлѣвѣн'у],
н'у]. Впрочем, значительная часть подходящих случаев
сится к отглагольным существительным на -нѣ, к которым
ется параллель на -нѣе, что содействует сохранению [i]: ср.:
нѣе и рѣжение, звѣканье и звѣканѣе, глаженье и глаженѣе,
нѣе и гиканѣе и многие другие случаи.

Существительные на -ѣя в исходе основы также имеют фонему
во всей парадигмѣ. Это обстоятельство, как и то, что рядом
существительными женскаго рода на „мягкий согласный +
+ <j> + а“ для некоторых парных мягких согласных существи-
тельных имеются существительные того же склонения на „мяг-
+ согласный + <а>“, т. е. что используется „промежуточная“
нѣа, содействует сохранению [i]. Ср.: тѣлѣя, кѣлѣя, мѣнтѣлѣя и
нѣя, дѣлѣя, вѣлѣя, дѣлѣя и т. д.; бѣтѣлѣнѣя, хѣврѣнѣя, игѣмѣнѣя и
нѣя, нѣлѣя, нѣстѣлѣя и др.; Мѣрѣя, Дѣрѣя и бѣрѣя, хѣрѣя, гѣрѣя
и т. д.; свѣтѣя и тѣтѣя, тѣтѣя, олѣдѣя и дѣдѣя. Однако в разго-
ворном стилѣ все же часто встречается произношение некоторых
слов (в особенности слов на -нѣя) без [i], например [бѣт'в'ѣн'ѣ],
[бѣт'в'ѣн'у], [хѣврѣн'у], [п'ѣтѣн'ѣ], [глѣзѣн'ѣ], [влѣрѣн'ѣ],
[п'ѣвѣн'ѣ], [гѣрѣн'ѣ] и т. д. Женские имена на -ѣя (Дѣрѣя,
Мѣрѣя, Анѣсѣя, Настѣсѣя, Сѣфѣя и др.), употребляемые вместе
с отчествами, произносятся без [i], [мѣр'ѣ-п'ѣтрѣвѣн'ѣ], [настѣс'ѣ-
фѣл'ѣпѣвѣн'ѣ]. В разговорном стилѣ эти имена могут произно-
ситься без [i] также и при их употреблении без отчества. Как
уже отмечалось, звук [i] бывает слабѣе выраженъ после двух
согласных. К этому типу существительныхъ относится слово
гѣстѣя. Ср. произношение некоторых падежныхъ формъ словъ
гѣстѣя и гѣстѣ: гѣстѣя (им. п. ед. ч. жен. р.) и гѣстѣя (род. п.
ед. ч. муж. р.); гѣстѣю (вин. п. ед. ч. жен. р.) и гѣстѣю (дат. п.
ед. ч. муж. р.); гѣстѣи (им. п. мн. ч. жен. р.) и гѣстѣи (им. п.
мн. ч. муж. р.). Сохранению [i] в падежныхъ формахъ слова
гѣстѣя способствуетъ то, что оно находится за пределами разго-
ворнаго стиля и скорѣе относится къ высокому стилѣ.

Существительные во множественномъ числѣ при именительномъ
на -ѣя (типа дѣрѣвѣя) в разговорномъ стилѣ в однихъ словахъ
обычно сохраняютъ [i], — в другихъ могутъ произноситься и безъ [i]

(в особенности в косвенных падежах, т. е. в формах на *-бѣм, -бѣми, -бѣх*). Ср.: [з-брат'ѣм'и], [д'и'р'ѣв'ѣф], [в-лах-мѣт'ѣх], [паллѣз'ѣм'и], [кар'ѣн'ѣм], [ф-кллѣс'ѣх], [ф-хлѣп'ѣх] и [з-брат'ѣм'и], [д'и'р'ѣв'ѣф], [в-лахмѣт'ѣх], [паллѣз'ѣм'и], [кар'ѣн'ѣм], [ф-кллѣс'ѣх], [ф-хлѣп'ѣх] при [брат'ѣх], [д'и'р'ѣв'ѣх], [лахмѣт'ѣх], [паллѣз'ѣх], [кар'ѣн'ѣх], [кллѣс'ѣх], [хлѣп'ѣх]. Впрочем, в некоторых словах отсутствие [i] не было отмечено. Например, [кѣл'ѣх] и [кѣл'ѣф], [кѣл'ѣм], [кѣл'ѣм'и], [ф-кѣл'ѣх]. Естественно, что [j] всегда наличествует после внепарных <ж> и <ч>: [рѣж'ѣх], [рѣж'ѣм]. Фонема <j> в виде [i] всегда присутствует после внепарной <ч>: [сѣч'ѣх] и [сѣч'ѣф], [сѣч'ѣм], [сѣч'ѣм'и], [ф-сѣч'ѣх]; [кр'ѣч'ѣх], [кр'ѣч'ѣф], [кр'ѣч'ѣм], [кр'ѣч'ѣм'и], [нл-кр'ѣч'ѣх].

В существительных типа *кость* лишь форма творительного падежа ед. ч. имеет в окончании <j>. Наличие <j> в начале одной из флексий парадигмы является более избыточным и не необходимым в отличие от <j> в исходе основы всей парадигмы. Видимо, не без связи с этим после парной мягкой согласной даже в непосредственно заударном слоге фонема <j> в разговорном стиле может отсутствовать. Ср.: [крѣв'ѣу] и [крѣв'ѣу], [брѣв'ѣу] и [брѣв'ѣу], [дрѣб'ѣу] и [дрѣб'ѣу]; [с'т'ѣп'ѣу] и [с'т'ѣп'ѣу], [цѣп'ѣу] и [цѣп'ѣу]; [м'ѣд'ѣу] и [м'ѣд'ѣу] (ср.: [м'и'д'ѣд'ѣу]; [мрѣз'ѣу] и [мрѣз'ѣу], [с'в'ѣз'ѣу] и [с'в'ѣз'ѣу] (ср.: [кн'ѣз'ѣу]); [ѣмѣл'ѣу] и [ѣмѣл'ѣу], [д'и'ѣтѣл'ѣу] и [д'и'ѣтѣл'ѣу], [глѣстрѣл'ѣу] и [глѣстрѣл'ѣу]; [рвѣн'ѣу] и [рвѣн'ѣу], [глртѣн'ѣу] и [глртѣн'ѣу]; [д'ѣв'ѣр'ѣу] и [д'ѣв'ѣр'ѣу], [хвѣр'ѣу] и [хвѣр'ѣу], [шѣр'ѣу] и [шѣр'ѣу]; [с'м'ѣс'ѣу] и [с'м'ѣс'ѣу], [с'п'ѣс'ѣу] и [с'п'ѣс'ѣу], [ѣс'ѣу] и [ѣс'ѣу]; [крѣвѣт'ѣу] и [крѣвѣт'ѣу] и т. д. Особенно часто [i] отсутствует в произношении после сочетания согласных. Ср. возможное произношение [влѣс'ѣу], [мѣс'ѣу], [пѣс'ѣу], [кѣс'ѣу], [лѣс'ѣу]; [кѣз'ѣу], [жѣз'ѣу], [рѣз'ѣу], [пр'ѣз'ѣу], [блѣз'ѣу]; [ч'ѣр'ѣу], [с'т'ѣр'ѣу], [т'ѣв'ѣр'ѣу], [жѣр'ѣу]; [с'м'ѣр'ѣу], [бѣрт'ѣу].

Произношению этой формы без [i] способствует положение флексии в не непосредственно заударном слоге. Например: [прѣруб'ѣу] (ср.: [гѣлуб'ѣу]); [цѣр'ѣв'ѣу], [пѣстѣу], [ѣш'ѣуп'ѣу], [нѣсы'ѣу], [ч'ѣр'ѣу]; [лѣшѣд'ѣу], [плѣш'ѣд'ѣу], [испѣвѣд'ѣу], [ѣч'ѣр'ѣд'ѣу]; [пр'ѣвѣз'ѣу], [прѣр'ѣз'ѣу]; [зѣвѣл'ѣу], [ѣдѣл'ѣу], [м'ѣбѣл'ѣу], [г'ѣбѣл'ѣу], [ѣтѣмѣл'ѣу], [кѣфѣл'ѣу]; [рѣгѣн'ѣу], [пр'ѣстѣн'ѣу], [ѣс'ѣн'ѣу], [плѣсѣн'ѣу]; [ѣтѣвр'ѣу], [мѣтѣвр'ѣу], [дѣчѣвр'ѣу]; [пр'ѣмѣс'ѣу], [ѣкѣис'ѣу], [ѣпѣис'ѣу]; [мѣа'ѣкѣт'ѣу], [кѣпѣт'ѣу], [с'ѣлѣа'ѣкѣт'ѣу]. В третьем заударном слоге: [кѣнѣвѣз'ѣу], [п'ѣрѣвѣис'ѣу], [лѣтѣпѣис'ѣу], [кѣлѣнѣпѣис'ѣу], [п'ѣрѣкѣис'ѣу].

Естественно, что [i] в произношении особенно часто отсутствует в случаях, когда окончание находится одновременно после сочетания согласных и в не непосредственно заударном слоге. Ср. произношение: [лѣпѣс'ѣу], [пѣвѣс'ѣу], [прѣпѣс'ѣу], [ѣчѣс'ѣу], [сѣвѣс'ѣу], [ѣблѣс'ѣу], [дѣблѣс'ѣу], [жѣднѣс'ѣу], [мѣдѣрѣс'ѣу], [ѣзѣрѣчѣтѣс'ѣу], [зѣмѣкнѣтѣс'ѣу], [блѣжѣтѣвѣнѣс'ѣу],

[п'ър'т'у], [ч'ѣт'в'ър'т'у], [п'ап'ър'т'у]; [з'ър'с'л'у], [п'ор'с'л'у]
[п'ор'с'л'у] и т. д.

Остается сказать, что слоги с одной из внепарных по мягкости-твердости согласных <ш>, <ж>, <ч> и последующей гласной или последующим сочетанием „<j> + гласная“ различаются во всех стилях произношения. Например, после <ж>: [л'ож'іу] (ср.: [л'ожу]), [л'ож'іу] (ср.: [р'ожу]), [бл'аж'іу], [др'ож'іу], при этом звук [і] на месте <j> сохраняется и в не непосредственно заударном слоге: [в'ыл'ѣж'іу] (ср.: [в'ыл'ѣжу]), [у'пр'ѣж'іу]. После <ш>: [бр'ѣш'іу], (ср.: [бр'ѣшу]), [пл'ѣш'іу], [бр'ѣш'іу] (ср.: [бр'ѣшут]), [в'ѣш'іу], [ф'ал'ш'іу]; то же и в не непосредственно заударном слоге: [п'уст'ѣш'іу], [р'ѣтуш'іу]. Та же, в общем, картина наблюдается после <ч>: [с'ѣч'іу] (ср.: [с'ѣч'у]), [р'ѣч'іу] (ср.: [гр'ѣч'у]), [п'ѣч'іу], [д'ѣч'іу], [н'ѣч'іу]; то же обычно и в не непосредственно заударном слоге: [с'в'ѣл'ч'іу], [н'ѣм'ч'іу], хотя в этом положении возможно также произношение без <j>: [м'ѣл'ч'у], [г'ор'ч'у], [ш'ѣл'ч'у], [с'в'ѣл'ч'у]. Однако в разговорной речи при беглом произношении, в особенности, в наречном *ночью* и в слоге непосредственно заударном возможно отсутствие [і] при значительно передвинутном вперед (передне-среднем) <у>: [н'ѣч'у], [р'ѣч'у]. Обычно без [і] произносится в разговорной речи форма *жѣлчью*: [ж'ѣлч'у].

Особо приходится говорить о слоге, состоящем из „<ш':> + гласная“ и „<ш':> + <j> + гласная“. Дело в том, что <ш':> вне зависимости от его фонологической нечленимости или членимости и в соответствии с этим его однофонемности и двуфонемности на фонетическом уровне благодаря своей долготе не отличается от сочетаний из двух согласных. Поэтому „<ш':> + <j>“ произносится также, как „сочетание согласных + <j>“, т. е. имеет склонность к утрате звука [і] на месте <j>. Ср.: *вещью*, *мощью*, *помощью*: [в'ѣш':у], [м'ѣш':у], [п'ѣм'ш':у]. Ср. форму твор. п. ед. ч. от существительного жен. р. *овощь* и форму дат. п. ед. ч. от существительного муж. р. *овощ* (т. е. *овощью* и *овощу*), которые могут совпасть в одном произношении [ѣв'ш':у]. Ср. также форму твор. п. ед. ч. от *тощ* и форму вин. п. ед. ч. от *тоща*, которые могут совпасть в одном произношении: [т'ѣш':у].

Притяжательные прилагательные от имени на -ий и соответствующие им фамилии имеют в непроезвонной основе <j>. Однако, в разговорном стиле, в особенности не в конечном слоге (т. е. во всех формах, кроме формы им. п. ед. ч. муж. р.) <j> обычно отсутствует. Ср.: [а'ф'на'с'ѣв'ѣ], [а'ф'на'с'ѣв'ѣ]; [и'гна'т'ѣв'ѣ], [и'гна'т'ѣв'ѣ]; [п'а'ф'н'ѣв'ѣ], [п'а'р'к'ѣв'ѣ]; [п'а'р'ф'и'р'ѣв'ѣ], [п'а'р'ф'и'р'ѣв'ѣ]; [г'р'и'г'ѣв'ѣ], [г'р'и'г'ѣв'ѣ], [ѣ'р'ѣв'ѣ], [ѣ'р'ѣв'ѣ]; [и'ѣв'ѣв'ѣ], [и'ѣв'ѣв'ѣ]; [а'р'с'ѣв'ѣ], [а'р'с'ѣв'ѣ]; [а'на'т'ѣв'ѣ], [а'на'т'ѣв'ѣ]; [с'а'в'ѣл'ѣв'ѣ], [с'а'в'ѣл'ѣв'ѣ]; [в'а'с'ѣл'ѣв'ѣ], [в'а'с'ѣл'ѣв'ѣ]. Отсутствие <j> является едва ли не нормой после двух согласных: [д'и'ѣм'ѣн'ѣв'ѣ], [в'и'ѣк'ѣн'ѣв'ѣ], [и'на'к'ѣн'ѣв'ѣ]¹.

¹ В мужских и женских отчествах от имен на -ий фонема <j> в них

Фонема <j> отсутствует в разговорной речи также в притяжательных прилагательных от женских имен на -ья: [лн'йс'инь]; [нлст'ас'ин], [нлст'ас'инь]; [м'ар'инь р'ош':ъ], [д'ар'инь].

Среди случаев, имеющих в основе <j>, большое место занимают притяжательные прилагательные на -ий, -ья, -ье, где основа включала в себя фонему <j> после согласной во всех формах, кроме формы им. п. ед. ч. муж. р. Формы этих прилагательных, совпадающие с формами качественно-относительных прилагательных, обычно не имеют в разговорном произношении <j>: [слб'ол'ьв'ь], [слб'ол'ьх]; [бл'ан'ьму], [бл'ан'им'и]; [т'ьрк'ан'ьв'ь], [т'ьрк'ан'ьх]; [т'ул'ен'ьму], [т'ул'ен'им'и]; [л'йс'ьв'ь]; [в-л'йс'ьм], (или [в-л'йс'ьм]); [в-б'аб'ь], [б'аб'им'и]; [р'ьб'ьв'ь], [в-р'ьб'ьх]; [к'р'ов'ьв'ь], [к'р'ов'ьму], [к'р'ов'им'и]; [вд'ов'ьму], [вд'ов'им'и].

Специфические формы этого типа притяжательных прилагательных, а именно формы им. и вин. пп. ср. и жен. родов, могут сохранять фонему <j>, а форма им. п. мн. ч., видимо, обязательно сохраняет <j>. Первые (т. е. формы на -ье, -ья, -ью) в разговорном стиле могут произноситься без фонемы <j>, сохраняя ее в высоком стиле (нейтральный стиль допускает двойное произношение). Ср.: [л'йс'ь] или [л'йс'и'ь] (шкура), [бл'ан'ь] или [бл'ан'и'ь], [вл'о'в'ь] или [вл'о'в'и'ь] (мясо), [б'аб'ь], [б'аб'ь] или [б'аб'и'ь] (доля), [р'ьб'ь], [р'ьб'ь] или [р'ьб'и'ь] (кость), [к'р'ов'ь] или [к'р'ов'и'ь] (молоко). Вторая (т. е. форма на -ьи) произносится: [бл'ан'ьи], [т'ьрк'ан'ьи], [л'йс'ьи], [б'аб'ьи], [р'ьб'ьи], [к'р'ов'ьи], [вд'ов'ьи] и т. д.

Специального замечания требует слово *третий*. В падежных формах этого слова [i] обычно отсутствует не только в формах, совпадающих с формами качественно-относительных прилагательных, но обычно и в формах специфических. Ср.: [т'р'эт'ьв'ь], [т'р'эт'ьму], [т'р'эт'им], [ф-т'р'эт'ьм], [т'р'эт'ьх] и т. д., а также [т'р'эт'ь ч'исл'о], [т'р'эт'ь н'ид'эл'ь], [т'р'эт'ь н'ид'эл'у] и т. д. При этом в разговорной речи несомненна тенденция эти специфические формы заменить формами качественно-относительных прилагательных: [т'р'эт'ь ч'исл'о], [т'р'эт'ь н'ид'эл'ь], [т'р'эт'ь н'ид'эл'у] или [т'р'эт'ь н'ид'эл'у], [т'р'эт'ьи] и т. д.

В рассмотренных случаях фонема <j> находится после парной мягкой согласной. После непарной <ч> так же, как и после парных мягких, фонема <j> в нейтральном стиле отсутствует в формах, совпадающих с формами качественно-относительных прилагательных. Ср.: [слб'ач'ьв'ь], [слб'ач'ьму], [ф-слб'ач'ьм] или [ф-слб'ач'ьм], [слб'ач'ьх], [слб'ач'ьм], [слб'ач'ьм'и]; [р'ьб'ач'ьв'ь], [б'ьч'ач'ьму]; [в-лв'еч'ьм] или [в-лв'еч'ьм]; [пт'ич'ьв'ь], [пт'ич'ьх]; [вл'оч'ьв'ь], [вл'оч'ьх] и т. д. Однако, после непарной <ч> фонема <j>, в особенности в разговорном стиле, может отсутствовать также

случаях закономерно отсутствует, в других может отсутствовать в разговорном стиле. См. об этом: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. изд. 5. М., 1972, стр. 178—179.

и в специфических формах этого типа притяжательных прилагательных (т. е. в формах на *-би, -бе, -бя, -бю*). Например: [слаба́ч'и] (упряжки), [быча́ч'и] (нервы), [лаве́ч'и] (следы), [во́лч'и] (ягоды), [сла́ро́ч'и] (яйца); [рыба́ч'ь] (судно), [во́лч'ь] (племя), [сла́ро́ч'ь] (яйцо); [во́лч'ь] или [во́лч'ь] (яма), [лаве́ч'ь] или [лаве́ч'ь] (шерсть), [рыба́ч'ь] или [рыба́ч'ь] (лодка); [рыба́ч'у] (лодку), [лаве́ч'у] (шерсть), [во́лч'у] (шкуру). Наряду с этим, рассматриваемые формы в разговорной речи могут иметь окончания качественно-относительных прилагательных: [слаба́ч'ии] (упряжки), [быча́ч'ии] (нервы), [лаве́ч'ии] (следы), [во́лч'ии] (ягоды), [сла́ро́ч'ии] (яйца); [рыба́ч'ьы] (судно), [во́лч'ьы] (племя), [сла́ро́ч'ьы] (яйцо); [во́лч'ьы] (яма), [лаве́ч'ьы] (шерсть), [рыба́ч'ьы] (лодка); [рыба́ч'иу] (лодку), [лаве́ч'иу] (шерсть), [во́лч'иу] (шкуру) или [рыба́ч'уу] [лаве́ч'уу], [во́лч'уу]¹. Здесь, как и в отсутствии <ј> в остальных надежных формах, мы имеем дело с результатом грамматической аналогии — воздействием склонения качественно-относительных прилагательных.

Формы на *-би, -бе, -бя, -бю* сохраняют <ј> только в очень старательном произношении (т. е. по преимуществу в высоком стиле): [слаба́ч'и́и], [лаве́ч'и́и], [во́лч'и́и]; [слаба́ч'и́ь], [лаве́ч'и́ь], [во́лч'и́ь]; [слаба́ч'и́у], [лаве́ч'и́у], [во́лч'и́у] и т. д.

Все сказанное в полной мере относится и к прилагательным, у которых окончание после фонемы <ч> приходится не на непосредственно заударный слог. Ср.: [рлзбо́јн'ич'ьвь], [плот'н'ьчму], [влхот'н'ич'ьм], [пам'эш':ич'их], [стару́шч'им'и] и т. д.; [рлзбо́јн'ич'и́и] (повадки), [пам'эш':ич'и́и] (усадыбы), [плот'н'ич'ь́и] (дело), [влхот'н'ич'ь́и] (ружье); [изво́ш':ич'у́] (пролетку), [пам'эш':ич'у́] (усадыбу) и т. д. Для этих форм также возможны окончания качественно-относительных прилагательных: [рлзбо́јн'ич'и́ии] (повадки), [пам'эш':ич'и́ии] (усадыбы); [плот'н'ич'ь́и] (дело), [влхот'н'ич'ь́и] (ружье); [изво́ш':ич'и́у] (пролетку), [пам'эш':ич'и́у] (усадыбу) и т. д.

Несколько иначе обстоит дело с произношением форм рассматриваемых прилагательных после твердых шипящих <ж> и <ш>. Здесь также в результате воздействия склонения качественно-относительных прилагательных формы, совпадающие с формами последних, обычно произносятся без <ј>. Ср.: [м'и́д'в'е́жъвь], [м'и́д'в'е́жъму], [в-м'и́д'в'е́жъј]; [л-в'и́ербл'у́жъм], [в'и́ербл'у́жъх]; [л'и́еб'а́жъвь], [л'и́еб'а́жъх]; [глав'а́жъм], [глав'а́жъм'и]; [с'т'и́ерл'а́жъвь], [с'т'и́ерл'а́жъму], [с'т'и́ерл'а́жъј]; [ч'ьр'и́епашъвь], [ч'ьр'и́епашъму], [ч'ьр'и́епашъм] и т. д. Только в высоком стиле возможно произношение этих слов с <ј>: [л'и́еб'а́жъвь], [к-л'и́еб'а́жъму] и т. д. Кажется, что только надежные формы слова

¹ Следует отметить, что так же может произноситься форма им. п. ед. ч. жен. р. качественно-относительных прилагательных мягкой разновидности. Ср.: [с'и́и'и́у], [гар'а́ч'и́у] или [с'и́и'у́у], [гар'а́ч'у́у].

божий несомненно произносятся с <j>: [бѡжѣвъ], [бѡжѣму], [бѡжѣих] и т. д.¹.

Что же касается форм специфических для этого типа прилагательных, то в них после <ж>, <ш> как внепарных твердых согласных фонема <j> сохраняется: [м'и'д'в'ѣжѣи] (следы), [ч'ьр'и'ѣпѣши] (шаги); [л'и'б'ѣажѣ] (стадо), [глв'ѣажѣ] (сало), [бѡжѣ] (слово); [б'и'лѣжѣ] (икра), [с'т'и'рл'ѣажѣ] (уха), [м'и'д'в'ѣжѣ] (берлога), [врѣжѣ] (сила); [с'т'и'рл'ѣажѣу] (уху), [м'и'д'в'ѣжѣу] (берлогу), [врѣжѣу] (силу).

* * *

Подведем некоторые итоги. Внепарные согласные (прежде всего <ш> и <ж>), не знающие слогов промежуточного типа („мягкая согласная + гласная“), четко различают в заударных слогах два типа слогов: „шипящая + гласная“ и „шипящая + <j> + гласная“. Ср.: [тѣшу]—[тѣшѣу], [плстѣшѣу]; [сѣшу]—[сѣшѣу], [брѣшу]—[брѣшѣу], [т'ѣшу] (*Тишу*)—[т'ѣшѣу]; [тѣшь]—[плстѣш'ѣ], [грѣшу]—[глѣшѣу], [рѣшу]—[старѣшѣу]; [рѣжу]—[рѣжѣу], [дрѣжѣу]; [лѣжу]—[лѣжѣу], [лѣжь]—[б'и'лѣжѣ]; [в'ѣжь]—[м'и'д'в'ѣжѣ]. Исключение составляют притяжательные прилагательные на -ий, -ья, -ье, которые все формы, имеющие одинаковые окончания с качественно-относительными прилагательными, образуют под воздействием последних без <j>.

Парные по мягкости-твердости согласные образуют три типа слогов, при этом всегда четко ограничен в произношении первый тип („твердая согласная + гласная“) от двух других. Что касается этих последних, то, как это было видно из рассмотренного выше материала, они различаются не всегда достаточно четко, что зависит от ряда фактов, уже отмеченных выше—места данного слога по отношению к ударному (непосредственно заударный слог или второй или третий заударный), от того, имеется ли в начале слога одна согласная или сочетание согласных, от того, в какой морфологической категории и в какой Части слова находится изучаемое явление, от стилистической окраски слова и стиля произношения.

Степень разграничения между собой слогов второго и третьего типов находится также в связи со степенью противопоставленности по признаку мягкости-твердости согласных, входящих в каждую данную коррелятивную пару, с большей или меньшей степенью использования этих типов слогов, т. е. их сравнительной функциональной нагрузкой. Так, например, согласные пары <л>—<л'> находятся по отношению друг к другу не в таких же отношениях, как согласные пары <п>—<п'> и т. д.

¹ В XIX в. это слово в им. п. ед. ч. жен. и ср. р. имело форму на -ия, -ие. Ср.: (*птичка*) божия, божие (слово), т. е. двусложное окончание, что для этого времени практически обозначало наличие формы качественно-относительных прилагательных, несмотря на своеобразное написание.

Приведем несколько примеров. Случаи с одной согласной непосредственно заударным слогом со звуком [i] и без него различаются в непосредственно заударном слого (однако эти различия могут уменьшаться и даже стираться в беглом произношении). Ср.: [в'эру]—[в'э́р'у]—[д'в'э́р'іу]; [ма́рь]—[ва́р'ь]—[ва́р'іу]; [и́м'элу]—[и́м'э́л'у]—[м'э́л'іу]; [ра́ну]—[ра́н'у]—[ра́н'іу]; [и́ѣн'у]—[ла́тын'іу], [со́н'ь]—[спрлсо́н'іъ]; [ба́т'ь]—[ба́т'іу]. Однако во втором заударном слого это различие чаще стирается. Ср.: [б'с'ьн'у], и [ја́бл'ьн'у], [о́тм'ьл'у] и [и́д'ьл'у], [вы'в'ьр'у] и [ма́т'ьр'у], [до́ч'ьр'у] (только в очень быстром и чеканном произношении слышится [б'с'ьн'іу], [и́д'ьл'іу], [ма́т'ьр'іу], [до́ч'ьр'іу]). Убедиться в незначительности различия в произношении со звуком [i] и без него и даже в отсутствии различия в беглом произношении можно, сопоставив форму твор. п. ед. ч. от *постель* с формой вин. п. ед. ч. от *старелого постеля*: *постелью* и *постелю*. Эти формы различаются в чеканном произношении и сближаются, едва ли не совпадая в беглом произношении. Ср.: [плас'т'э́л'іу] и [плас'т'э́л'у] и [плас'т'э́л'у] (для обоих случаев). Подобное совпадение даже непосредственно заударным слогом легко заметить в тех случаях, когда в начале слога имеются два согласных, например, в случаях *песнью*, *баснью* (от устарелых *песнь*, *баснь*) и *песню*, *басню* (от *песня*, *басня*), а также *мыслью* (от *мысль*) и *мыслю* (1 л. ед. ч. глагола): разговорным произношением для каждого из этих случаев является [п'э́с'н'у], [ба́с'н'у], [мы́с'л'у]. Могут не различаться также случаи с сочетанием [с'т']: *Настю* и *снастью*, *тестю* и *местю*, *Устю* и *устю* и т. д.

Не исключено, что нахождение фонемы <j> в составе суффикса способствует его сохранению в отличие от случаев, где <j> входит в одну из флексий парадигмы. Ср.: *медью* (в беглой речи может произноситься [м'э́д'у]) и *поводья*, *поводья* и т. д. (обязательно произносится с [i]: [паво́д'іъ], [паво́д'іѣ] и т. д.).

Приведенные наблюдения свидетельствуют о том, что фонетический процесс действует не в инертной, гомогенной среде, а в сложной структуре. Изучаемые явления по-разному ведут себя внутри морфемы и на стыках морфем и при том неодинаково на разных стыках. Фонетические процессы конца слова и суффиксация и словообразование тесно связаны между собой.

Отсутствие <j> в иных случаях факультативно, в других характеризует определенный стиль произношения (обычно разговорный). В этом случае применительно к данному стилю можно говорить об отсутствии <j> в составе данной морфемы. Однако такое утверждение будет справедливо только применительно к данному стилю. Дело в том, что разные стили не существуют изолированно, каждый сам по себе; они как бы накладываются один на другой. И о грамматическом строе, морфемном составе слова и фонемной репрезентации каждой морфемы следует судить не по разговорному стилю произношения, а по высокому стилю,

в котором фонемный состав выступает наиболее четко и расчленинно применительно к каждой морфеме. Если рядом с разговорной формой [м'эльч'у] существует форма высокого стиля [м'эльч'iu], то в языке как целом существует <j> в составе флексии <ju>.

Отсутствие [i] в разговорном стиле не всегда свидетельствует об отсутствии фонемы <j> даже в пределах данного стиля. Как мы видели из обзора материала, слова одной и той же словообразовательной модели могут утрачивать звук [i] в одних фонетических условиях (в сочетании с одним предшествующим согласным) и сохранять его в других (в сочетании с другими предшествующими согласными). Например, произношение [пр'пс'т'у], [м'акт'у] еще не свидетельствует об отсутствии фонемы <j> в составе флексии, если рядом, в том же стиле произношения и в том же словообразовательном типе слов слышны шипящих наличествует [i]: ср. [л'ож'iu], [р'ож'iu]. В случаях типа [пр'опс'т'у], [м'акт'у] можно констатировать лишь нулевую форму фонемы <j>, свойственную разговорному стилю произношения. О морфологическом строении и фонемном составе слова можно судить только на основании в принципе исчерпывающего материала слов данной словообразовательной модели.

Только в тех случаях, когда в пределах одного стиля в разных фонетических условиях и в разных стилях в пределах одних и тех же фонетических условиях и одних и тех же флексийных и словообразовательных моделей фонема <j> отсутствует, можно считать ее отсутствующей и в слове как структурной единице. К такого рода случаям приближаются притяжательные прилагательные на -ий, -ья, -ье, которые в разговорном стиле как после парных мягких-твердых согласных, так и после внепарных не имеют <j> и которые в каждом данном фонетическом положении в разговорном и высоком стилях также могут не иметь <j>. Ср.: [бл'ан'им'и], [м'и'д'в'е'жым'и], [изв'ош':ич'им'и], возможное во всех стилях произношения. В случаях типа [бл'ан'ьвь], [м'и'д'в'е'жьму], [изв'ош':ич'их] написание „разделительного“ ь становится в определенной мере не оправданным. Таким образом, эти явления приобретают определенное практическое значение (для теории орфографии и методики ее преподавания). Однако и здесь дело не дошло до конца, т. к. в высоком стиле возможно произношение [бл'ан'jими], [м'и'д'в'е'жжим'и].

Сделанные выше наблюдения требуют экспериментальной проверки, возможно кое-что в них субъективно. Однако несомненно, что сочетания парной мягкой согласной с гласной и парной мягкой согласной с <j> и последующей гласной в заударных слогах в современном русском языке не вполне разграничены в отличие от сочетаний с внепарной шипящей. Изучение этого неразграничения, степени его развития в разных фонетических условиях, морфологических категориях и словообразовательных моделях имеет теоретическое и практическое значение.

УДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ [e] И [o] ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯКАНЬЯ¹

Как известно, при архаическом типе диссимилиативного яканья в предударном слоге произносится [a] при наличии под ударением <ô>; если же под ударением находится <о>, а также <у>), то в предударном слоге произносится „не-а“.

Фонема <ô>, как правило, произносится после твердых парасогласных и задненёбных, т. е. после исконно твердых слоговых. Она возникла на месте старого о под восходящим ударением. Однако есть категории случаев, когда звук <ô> ([yô]) исторически появлялся и после мягких согласных (а также шипящих, бывших ранее мягкими) на месте старого [e]; например: [хъраш^ô] под влиянием [в'ис'ал^ô], [дит'^ô] под влиянием [с'ад'^ô], [с-радн'^ô] под влиянием [ст'ан^ô], [з'ат'jóв] по типу [с'ад'ôф] и т. д.

Такое <ô> после мягких согласных и шипящих, восходящее к старому e, по отношению к гласным предударного слога функционирует так же, как и всякое другое <ô>, т. е. восходящее к старому о: в предударном слоге на месте гласных фонем не-е-е-е подъема после мягких согласных выступает гласный [a]; например: [уър'ач'у^ô], [св'ажу^ô]; [пл'ач'у^ô], [б'ал'ју^ô], [в'ид'ан'ју^ô], [л'ид'ан'ју^ô], [м'ид'в'ад'ју^ô]; [кл'ашн'у^ô], [з'амл'у^ô], [з'амл'у^ô], [пъд-м'ажу^ô]; [в'идм'ад'у^ôф]; [з'ат'ју^ôф], [кн'з'ју^ôф], [хр'асу^ôф].

К приведенным материалам можно сравнить формы твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. на -ом после мягкой согласной, где под ударением <о> (о открытое), а в предударном слоге произносится „не-а“: [б'ил'jóм], [м'ид'в'ид'ом], [пл'ич'ом], [в'ид'ин'jóм]. (Ср. в твердой разновидности склонения: [с'илом], [в'идром],

¹ При изложении этой проблемы использованы материалы § 79 книги „Очерки русской диалектологии“ (М., 1949), а также статьи „Лингвистическая география и история русского языка“ („Вопросы языкознания“, 1952, № 6). Следует отметить, что сведения, излагаемые в этой главе, тесно связаны с материалами главы „Вопросы образования аканья“.

[ст'иклѡм] и пр., также о открытое под ударением, и поэто „не-а“ в предударном слоге.)

С явлением аналогического происхождения мы сталкиваемся при ближайшем знакомстве с диссимилиативным яканьем щигровского и суджанского типов и развившимися на их основе обонными типами ассимилятивно-диссимилиативного яканья.

Как известно, при этих типах яканья если под ударением находится <о> (или же <ѡ> и <о>), то в предударном слоге произносится <а>, если же под ударением <е> (<'о>), то в предударном слоге звучит „не-а“. Таким образом, при наличии под ударением <о> после мягких согласных в предударном слоге гласных фонем неверхнего подъема выступает „не-а“.

Однако от этого правила имеется одно отступление, которое нельзя считать исключением, так как оно характеризует саму систему этих типов яканья: если под ударением находится <е> после мягких согласных, входящее в состав именных форм в частности падежных окончаний, а также уменьшительного суффикса -ок и суффикса -ов, то в предударном слоге произносится <а>; например: [в'ис'ѡль], [б'ир'ѡза], [в'ид'ѡм], [н'ис'ѡм] но [пл'ач'ѡ], [б'ал'ѡ], [в'ид'ан'ѡ], [м'ид'в'ад'ѡ]; [з'амл'ѡ], [кл'ашн'ѡ], [з'м'ажѡ]; [м'ид'в'ад'ѡф], [з'ат'ѡф], [кн'аз'ѡф], [ѳ'р'ач'ѡ], [св'ажѡ]; [б'ал'ѡм], [с-м'ид'в'ад'ѡм], [пл'ач'ѡм], [в'ид'ан'ѡм], [жѡм]; [д'ан'ѡк], [п'ан'ѡк], [ч'ир'ажѡк], [м'ашѡк], [б'ир'ажѡк], [сн'ажѡк], [р'амн'ѡф], [хм'ал'ѡф].

Возникает вопрос: почему последовательно произносятся [в'ид'ѡм], но [м'ид'в'ад'ѡм]? Почему при наличии под ударением одной и той же гласной, а именно <о> после мягкой согласной в предударном слоге обычно произносится „не-а“, но в определенной категории случаев последовательно произносятся <а>?

Окончательный ответ на этот вопрос дадут данные говором, не знающих изменения [е] в [о], приводимые ниже. Пока же следует обратить внимание на то, что при ударном [о] после мягких согласных в предударном слоге звук [а] произносится в таких формах, где имеется твердая разновидность тех же форм, т. е. где возможна грамматическая аналогия. В словах [пл'ач'ѡ], [мид'в'ад'ѡ] звук <о> появляется под влиянием [с'алѡ]; в словах [з'амл'ѡ], [кл'ашн'ѡ] — под влиянием [п'илѡ], [ст'анѡ]; в словах [м'ид'в'ад'ѡф] — под влиянием [сталѡф]; в словах [плач'ѡм], [м'ид'в'ад'ѡм] — под влиянием [с'алѡм], [сталѡм]; [п'ан'ѡк], [б'ир'ажѡк] — под влиянием [дамѡк], [вазѡк], [дубѡк], в словах [хм'ал'ѡф], [р'амн'ѡф] — под влиянием [иванѡф]. Отсюда естественное предположение, что ударное <о> после мягких согласных в этих формах появилось нефонетически, в результате грамматической аналогии. Если это предположение правильно, то, следовательно, ударное <о> после мягких согласных в случаях типа [н'ис'ѡм], [в'ид'ѡм], [б'ир'ѡза], [в'ис'ѡль], с одной стороны, и [м'ид'в'ад'ѡм], [б'ал'ѡ], [п'ан'ѡк], с другой стороны, имеет разное происхождение. Это дает возможность объяснить двойствен-

ность в предударном слоге (то [а], то „не-а“) при наличии под ударением одной и той же гласной <о> после мягкой согласной тем, что ударное <о> в этих двух категориях случаев появилось в разное время, и потому оно по-разному воздействовало на гласную предударного слога.

Говоры, не знающие изменения <е> в <о> и имеющие в то же время один из интересующих нас типов яканья, полностью подтверждают высказанные выше предположения. В этих говорах звук [о] после мягких согласных произносится только в именных формах, главным образом в падежных окончаниях, в уменьшительном суффиксе -ок и в суффиксе -ов, в остальных случаях произносится [е]: [фс'о], [ап-ч'ом], [нъ-тва'ом], [д'ит'о], [дупл'о], [кан'ом], [радн'о], [зат'оф], [хъраш'о], [кул'ок], [акун'ок] (оку-ник), [квал'оф], но [кл'ен], [п'ат' в'ёрст], [б'ер'эза], [в'ес'эла], [ч'ер'эмуха], [п'ат' д'ён], [мно́уа с'ел], [кат'энак], [каз'л'энак], [н'ес'эш], [в'ед'эш], [п'ек'эш]; [н'ес'ёт'], [в'ед'ёт'], [п'ек'ёт']; [в'ес'ём], [в'ед'ём], [п'ек'ём].

Если на основе ранее приведенного материала можно было лишь предполагать аналогичное происхождение ударного [о] после мягких согласных и шипящих в именных формах и суффиксах -ок и -ов, то говоры, не знающие результатов изменения [е] в [о], не оставляют в этом никакого сомнения и позволяют утверждать, что [о] в указанных выше формах появилось нефонетически, под влиянием соответствующих форм твердой разновидности: всюду, где есть возможность такой аналогии, мы находим [о]; если же такой возможности нет, то под ударением звучит [е].

Далее можно утверждать, что говоры, знающие под ударением <о> после мягких согласных и шипящих только в указанных выше формах и сохраняющие <е> в остальных случаях, представляют собой в отношении этой черты более раннюю стадию развития, чем те говоры, в которых последовательно под ударением перед твердой согласной произносится [о]: говоры, не знающие изменения [е] в [о], под ударением [о] после мягких согласных и шипящих получили в результате морфологической аналогии в ту эпоху, когда еще складывался существующий в них тип яканья или, во всяком случае, когда последний еще представлял собой актуальную, действующую фонетическую закономерность. А так как в интересующих нас типах яканья при наличии под ударением [о] в предударном слоге произносится [а], то вновь появившееся [о] после мягких согласных и шипящих стало действовать по отношению к гласной предударного слога, как и всякое другое [о], т. е. в предударном слоге появилось [а]. Так появились [б'ал'jó], [б'ал'jom], [м'ид'в'ад'оф], [п'ан'ок] и пр. В остальных же случаях ударное <е> сохранялось, и потому в предударном слоге произносилось „не-а“. Такое произношение ([н'ес'ём], [в'ед'ём], [б'ер'эза], [в'ес'эла], но [м'ид'в'ад'ом], [м'ид'в'ад'оф], [з'амл'о], [м'ажо], [д'ан'ок]) сохранилось, например, в с. Кидусово Спасского р-на Рязанской обл., в с. Новоселки

Рыбновского р-на Рязанской обл., в Вадском р-не Пензенской обл. и др. В дальнейшем фонема [o] после мягких согласных и шипящих под влиянием говоров, знавших изменение [e] в [o], проникла во многие южновеликорусские говоры с интересующими нас типами яканья. Однако это было уже в позднейшую эпоху, когда типы яканья заостенели, не представляли собой действующей фонетической закономерности. Поэтому появление [o] под ударением в этих случаях не отразилось как-либо на качестве гласной предударного слога: было [б'ир'эза], [н'ис'эм]; стало [б'ир'óза], [н'ис'óм].

Итак, более раннюю ступень представляет произношение [б'ир'эза], [в'ид'эм], [м'ид'в'ад'óm]: под ударением разные гласные, и в зависимости от этого различно качество гласных предударного слога. Более позднюю ступень представляет произношение [б'ир'óза], [в'ид'óm], но [м'ид'в'ад'óm]: под ударением произносится одна и та же гласная, но в предударном — разные. Объясняется это тем, что [o] в первых двух случаях ([б'ир'óза], [в'ид'óm]) появилось в позднейшую эпоху, когда тип яканья уже не представлял действующей фонетической закономерности. Впрочем, в глагольных формах архаические южновеликорусские говоры знают нередко звук [e] ([н'ес'эш], [н'ес'эт'], [н'ес'эм]), который был в прошлом общим для южновеликорусского наречия; а широко распространенный теперь в этих формах звук [o], видимо, появился в южновеликорусских говорах под влиянием литературного языка или других говоров, знавших в них [o]. Что касается последней категории случаев ([м'ид'в'ад'óm]), то звук [o] появился в них в более раннюю эпоху, и потому он оказал такое же воздействие на качество гласной предударного слога, как и всякое другое [o]: в предударном слоге произносится [a].

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ АКАНЬЯ

Рассмотрим в свете данных лингвистической географии одно из очень важных для истории русского языка явлений — аканье на территории Европейской части СССР. Следует, однако, помнить, что история этих явлений может быть полностью разрешена только после составления атласа всех русских говоров Европейской части СССР, а также атласов белорусского и украинского языков.

Труднейшая проблема происхождения аканья все еще остается неразрешенной. Но она тесно связана с вопросами о времени и месте появления аканья, а история русского языка и лингвистическая география уже имеют серьезные данные для разрешения этих вопросов. Эти данные позволяют высказать предположение, что а к а н ь е есть новообразование, охватившее в разные периоды часть говоров русского языка и белорусский язык, и что, следовательно, мнение об изначальности аканья наряду с оканьем нельзя считать правильным.

В свете новейших данных оказывается несостоятельной и господствовавшая до недавнего времени теория раннего происхождения аканья (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново). Главным основанием для изведения аканья в доисторическую древность являлось для сторонников этого взгляда то, что оно свойственно не только южновеликорусскому наречию русского языка, но также и белорусскому языку. Упрощенное применение сравнительного метода вне учета реального исторического процесса приводило историков языка к выводу о том, что все общее, встречающееся в разных диалектах или родственных языках, относится к эпохе, предшествующей образованию этих диалектов или языков. Так и аканье было признано относящимся к эпохе, предшествующей образованию южновеликорусского наречия и белорусского языка, и возникновение его было отнесено к предположенному для этой эпохи А. А. Шахматовым восточнорусскому наречию. «Восточнорусское наречие восстанавливается путем сравнительного изучения южновеликорусского и белорусского наречий: общие тому и другому наречию явления могут

быть возведены к восточнорусской эпохе», — писал А. А. Шахматов¹. Важнейшая черта среди этих общих явлений — аканье.

Однако где, когда и при каких исторических условиях существовало восточнорусское наречие? Разве были когда-либо объединены верховья Березины и Свислочь, верхний Днепр и Сож с верховьями Сейма и течением Оки?² Если говорить о племенной эпохе, то здесь обитали и дреговичи, и радимичи, и кривичи, и северяне, и вятичи. Эти племена никогда не образовывали какого-либо единства. Если говорить об эпохе феодальной раздробленности, то здесь были расположены княжества Полоцкое, Смоленское, части Турово-Пинского, Черниговского, Новгород-Северского, значительная часть Рязанского. Эти территории также никогда не образовывали какого-либо единства.

Антиисторизм взглядов А. А. Шахматова на происхождение аканья в его отношении к другим языковым явлениям может быть иллюстрирован его высказываниями об истории аканья в белорусском языке. По А. А. Шахматову, аканье в белорусском языке — позднейший слой, полученный, однако, уже в X в., через радимичей. Этому слою предшествовал древнейший слой, объединяющий белорусский язык с украинским, а по отношению к отдельным чертам — также с польским. Для обоснования этого утверждения А. А. Шахматову пришлось сделать совершенно произвольное предположение о том, что радимичи в древнейшую эпоху жили на Оке вместе с вятичами. В этих условиях «радимичи, воспринявши речь вятичей, усвоили себе и эту звуковую особенность — аканье... Через их посредство эта звуковая особенность проникла в современный нам белорусский язык»³.

Не будем говорить о том, как особенность племенного диалекта радимичей вообще может проникнуть в современный белорусский язык, но посмотрим, какие же черты белорусского языка относятся, по А. А. Шахматову, к его древнейшему слою. Среди этих черт, роднящих белорусский язык с украинским, оказываются такие, как развитие <ў> из <л> на конце слова и перед согласными, развитие <ў> из <в> (ѡѡ, ѡѡ) в тех же условиях, образование дифтонгов в новых закрытых слогах и др.⁴ Но известно, что эти черты могли появиться только после падения редуцированных. Среди древнейших черт, роднящих белорусский язык с польским, мы видим у А. А. Шахматова дзеканье и цеканье, шепелявое приношение мягких <с>, <з>.

¹ А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 330.

² По сообщению Б. А. Рыбакова, так называемая «юхновская» культура, относящаяся к началу нашей эры, объединяла большую часть названной территории. Но историки русского языка не могут отнести образование особенностей южновеликорусских говоров к этой отдаленной эпохе.

³ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пг., 1916, стр. 107. Критику взглядов А. А. Шахматова на образование белорусского языка см. в моей статье «Вопросы образования русского языка в его говорах». «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 119—123.

⁴ См.: Там же, стр. 105.

образование <р>. Однако история белорусского языка доказывает еще более позднее образование этих черт и появление их вне связи с польской языковой средой¹.

В результате всего этого, согласно «концепции» А. А. Шахматова, получается: аканье — позднейший слой в белорусском языке, но появилось в X в. Ему предшествовал древнейший слой — явление, роднящие белорусский язык с украинским, и явления будто бы польского происхождения. Однако первые появились главным образом после падения редуцированных, а вторые еще позднее. Как же в этих условиях белорусское аканье может быть возведено к X в.? совершенно очевидно отсутствие каких бы то ни было данных для несения его в такую седую древность. История белорусского языка и данные лингвистической географии свидетельствуют о позднем появлении аканья в белорусском языке.

Историческое изучение аканья в его живом звучании в связи с данными относительной хронологии языковых явлений дает основания для утверждения о том, что аканье возникло после падения редуцированных. О том же свидетельствуют показания письменных памятников и данные сравнительно-исторического изучения безударного вокализма акающих говоров.

Как известно, первые робкие следы аканья обнаружены в письменных памятниках только начиная с первой половины XIV в. Ученые, вводящие появление аканья к доисторической эпохе или вошедшие к более давнему времени, позднее отражение аканья в письменных памятниках объясняют традиционностью письма. Но этот аргумент сам по себе едва ли достаточно убедителен: почему в XV—XVI в. так резко нарушились письменные традиции на определенных территориях? Почему аканье, ярко отразившееся в поздних памятниках белорусского и южновеликорусского происхождения, не отразилось в ранних смоленских и рязанских памятниках? Едва ли можно сомневаться в том, что если бы аканье искони было свойственно говорам Смоленской, Черниговской и Рязанской земель, то оно той или иной мере, прямо или косвенно отразилось бы в письменных памятниках более древней поры.

Далее, все признают, что образование аканья так или иначе связано с новым перераспределением динамической силы между разными слогами — с редукцией гласных в одних безударных слогах и, напротив, их усилением — в других. Трудно себе представить, чтобы массовое полное образование подвергалось редукции еще в то время, когда сами редуцированные гласные (ѣ, ѓ) продолжали существовать, не подвергаясь дальнейшей редукции. Если бы такой процесс имел место, то судьба новых редуцированных из гласных полного обра-

¹ См. об этом: П. А. Расторгуев. К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике. „Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка“, вып. 9, 1927; см. также статью: Н. Войтович. Да пытання аб паходжанні беларускага дзекання і пекання. „Мінскі дзяржаўны педагогічны Інстытут. Вучоныя запіскі“, Філалагічная серыя, вып. 1. Мінск, 1950, стр. 94—104.

зования в определенных безударных слогах и старых редуцированных (ѣ, ъ) совпала бы, т. е. и первые, как и ѣ, ъ в определенных условиях, утратились бы. Между тем этого нет ни в одном из акающих говоров. Поэтому естественно предположить, что появление аканья, связанное с новым перераспределением динамической силы гласных безударных слогов, относится ко времени после падения редуцированных.

Об этом же времени свидетельствует и изучение структуры вокализма акающих говоров. Как известно, в ней резко выделяются гласные 1-го предударного слога и прочих безударных, причем вокализм 1-го предударного слога имеет исключительно важное значение для истории русских говоров и их группировки: ср. разные типы и разновидности аканья и яканья. При этом надо иметь в виду, что гласные 1-го предударного слога современного русского языка в одних случаях и в прошлом занимали такое же положение по отношению к ударному слогу (например, *село, стена, слепой* и др.), а в других случаях соответствующие гласные оказались в 1-м предударном слоге только после падения редуцированных (например, *цветка́, пятка́, лесно́й*; ср.: др.-р. *цѣтъѣ́ка, пѣтъѣ́ка, лѣсъныѣ́*). Представляется весьма важным то обстоятельство, что это историческое различие совершенно не отразилось ни в одном из типов аканья; ср., например, при диссимилативном аканье [сѣ стѣла] и рядом [нѣска] (др.-р. *носѣ́ка*), но [к стѣлу] и рядом [нѣску]; при диссимилативном яканье произносится [с'ѣла́], [стѣна́], [р'ѣба́ѣ] и рядом [цвѣтка́], [пѣтна́], [лѣсна́ѣ], но [к сялу́], [стяну́], [рябу́ѣ] и рядом [цвѣтку́], [пѣтну́], [лѣсна́ѣ]. Если бы аканье в его известных нам старейших разновидностях сложилось до падения редуцированных, то не могло бы не быть структурных различий в реализации гласных фонем в 1-м предударном слоге; с одной стороны, тех из них, которые и до падения редуцированных были в этом положении, с другой стороны, тех, которые оказались в этом положении только после падения редуцированных. Если даже предположить какие-либо процессы выравнивания, то мы вправе были бы ожидать хотя бы отдельных реликтов, отражающих старые отношения.

Наконец, нельзя не отметить, что судьба редуцированных в сильном положении, оказавшихся после падения слабых редуцированных в 1-м предударном слоге, совершенно не отличается от судьбы гласных полного образования <о> и <е> в том же положении; ср.: *тонка, темно* (др.-р. *тънѣ́ка, тѣмьно*) и *вода, село*; произносится [тынка́], [выда́] или [танка́], [вада́]; [тямнѣ́], [сяло́] или [тимнѣ́], [сило́] и т. д. (впрочем, слово *темно́* во многих говорах имеет ударение на 1-м слоге: *тѣ́мно*). Это обстоятельство, как и указанные выше другие данные, ведет нас опять ко времени после падения редуцированных, как к эпохе образования аканья.

До сих пор остается неясным вопрос о соотношении между аканьем в собственном смысле и яканьем. В то время как яканье вообще и диссимилативное яканье в частности известно во многих своих структурных разновидностях, позволяющих на основе сравнительно-ис-

исторического изучения этих разновидностей в значительной мере воссоздать процесс его развития, аканье в собственном смысле известно лишь в двух разновидностях — недиссимилятивной и диссимилятивной. Является ли это результатом того, что в положении после твердых согласных структурные разновидности аканья почему-то утрачивались легче и раньше, чем в положении после мягких согласных? Или, возможно, в положении после твердых согласных не было такого многообразия структурных разновидностей? Эти вопросы требуют еще ответа¹.

Однако мы должны обратить внимание на следующий факт лингвистической географии: диссимилятивное аканье обычно сопровождается совершенно аналогичным ему и параллельным диссимилятивным яканьем жиздринского типа, т. е. [вѣдѣ] — [вад'ѣ] произносится рядом с [в'иснѣ] — [в'ас'н'ѣ]; [дѣлѣ] — [дајѣ], [дајош] произносится рядом с [н'ислѣ] — [н'асѣ], [н'ас'ош]. Это может свидетельствовать о том, что наличие жиздринского типа диссимилятивного яканья задерживало утрату диссимилятивного аканья.

Данные лингвистической географии указывают и на другой факт: диссимилятивное аканье, звучащее на западе русской языковой территории и в восточных говорах белорусского языка, охватывает область, находящуюся в большей своей части за пределами территории первоначального образования аканья. Предвосхищая последующее, отметим также, что диссимилятивное яканье жиздринского типа, как показывает структурно-историческое изучение безударного вокализма, является одним из наиболее новых типов диссимилятивного яканья.

Однако новые материалы свидетельствуют о диссимилятивном аканье в ряде районов Курской области и притом в сочетании с иными типами диссимилятивного яканья. Выяснению происхождения диссимилятивного аканья поможет установление территории его распространения и его изучение в связи с представленными в тех же говорах типами яканья. Эти вопросы требуют дальнейшего углубленного исследования. Но история русского языка и лингвистическая география на многие другие вопросы могут дать ответ и сейчас. Большинство исследователей безударного вокализма русского языка считает диссимилятивное яканье более древним по сравнению с другими его типами.

Изучение диссимилятивного яканья во всем многообразии его структурных разновидностей, а также яканья с элементами диссимилятивности свидетельствует о большей древности тех его типов, которые по-разному реагируют на ударные гласные среднего подъема различного происхождения, по говорам сохранившиеся как гласные среднего и верхне-среднего подъема. К числу таких типов пре-

¹ После наблюдений Т. Г. Строгановой, открывшей тип диссимилятивного аканья, параллельный с диссимилятивным яканьем архаического типа, первое предположение становится более обоснованным. См.: Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южновеликорусского вокализма. „Вопросы языкознания“, 1955, № 4, стр. 94—103.

жде всего относятся обоянский и задонский, которые в предударном слоге неодинаково реагируют на ударные гласные из *e* и *e* (*o*), а также из *o* под восходящим и *o* под нисходящим ударением и *ъ*. Далее, к ним относится щигровский тип, который сохраняет различие только при первой паре ударных гласных, приравнивая оба гласных второй пары к гласным верхнего подъема. Наконец, к ним можно присоединить с известными основаниями и суджанский тип. Правда, последний не реагирует на этимологически различные гласные первой и второй пары, но следы различия этих гласных он сохраняет в том, что первая пара приравнивается к гласным нижнего подъема, а вторая — к гласным верхнего подъема. Впрочем, возможно, что первоначально тут было дело не в подъеме, а в ряде (гласные типа <e> и типа <o> — передние и задние), так как исконные южно-великорусские говоры не знали, видимо, изменения [e] в [o]. Однако и в дальнейшем, когда в них появилось <o> на месте <e>, суджанский тип диссимилятивного яканья, как и все ранее упомянутые, никак не реагировал на эти позднейшие различия в ударном гласном — <e> или <o> на месте <e>; ср.: [в'ис'él'jъ] — [в'ис'ольjъ].

Различия между этими типами диссимилятивного яканья, возможно, представляют собою последовательные ступени в его развитии, появившиеся после его образования в результате постепенного процесса утраты различий между ударными гласными среднего и верхне-среднего подъема (обоянский и задонский типы → щигровский → суджанский).

Но не исключено и предположение о том, что различия между этими типами яканья обусловлены особенностями системы ударного вокализма в эпоху, предшествующую образованию диссимилятивного яканья. Это означало бы, что типы диссимилятивного яканья образовались в результате одного и того же процесса, но он имел место в говорах, отличающихся по системе своего ударного вокализма, чем и объясняются его нетождественные результаты.

Что касается других типов диссимилятивного яканья — донского и жиздринского, то в них отсутствуют какие бы то ни было указания на различия в предударном вокализме в зависимости от ударных гласных среднего или среднего и верхне-среднего подъема; по отношению к гласным предударного слога все они функционируют одинаково: в донском типе — как гласные нижнего подъема, ввиду чего в предударном слоге звучит «не-а», в жиздринском типе — как гласные верхнего подъема, ввиду чего в предударном слоге звучит [a]. Это дает основания считать, что донской и жиздринский типы диссимилятивного яканья являются более поздними по сравнению с другими его типами.

Данные лингвистической географии целиком подтверждают результат структурно-исторического анализа диссимилятивного яканья. Оказывается, что типы его, которые можно считать более новыми, распространены на периферии территории диссимилятивного яканья — юго-восточной (по преимуществу средний и нижний Дон,

нее течение Северного Донца, Северный Кавказ) для донского и северо-западной (Смоленск, Полоцк) для жиздринского (белоземского) типа. Это обстоятельство никак не может быть случайным. Верхний и нижний Дон и Северный Кавказ — это территории поздней и даже позднейшей колонизации. Они были заселены главным образом в конце XVI и в XVII в., а также в последующие эпохи с разных мест, по преимуществу южновеликорусских. Можно думать, что в эти поздние эпохи в результате взаимодействия между этими более старыми типами диссимильативного яканья и их подчинения образовался донской тип.

Иначе обстоит дело с жиздринским типом, который распространен на территории древнейшей восточнославянской колонизации. Это главным образом территория Смоленской и Полоцкой земель, а применительно к более ранней эпохе — территория в основном кривичей. Следует подчеркнуть, что пределы распространения этого типа диссимильативного яканья не совпадают с племенной территорией кривичей: последние жили и севернее Полоцка и Смоленска — в Псковской и Тверской землях, а также восточнее — в Ростово-Суздальской земле; между тем на этих территориях не только отсутствует диссимильативное яканье, но известно, что на них был распространен, а частью и сейчас распространен северный окающий диалект. С другой стороны, на этой территории частично жили и представители других племен (например, радимичи — по Сожу). Все это приводит нас к выводу, что образование диссимильативного яканья на территории его современного распространения не может быть отнесено к племенной эпохе.

Пределы распространения диссимильативного яканья жиздринского типа ближе соответствуют территории Смоленской и Полоцкой земель, взятых вместе. Однако если бы его возникновение относилось ко времени образования этих феодальных земель как самостоятельных «полугосударств» в XII в., то осталось бы неясным, почему оно охватило оба эти «полугосударства» или, во всяком случае, почему в структуре этого типа диссимильативного яканья на территории Смоленска и Полоцка отсутствуют сколько-нибудь заметные отличия. Наконец, почему этот тип яканья не охватил всю Смоленскую землю? А известно, что он отсутствует на востоке Смоленской земли — в юго-западном и западном Подмоскovie (Протва, верховья Москвы), где распространено умеренное яканье. Жиздринский тип отсутствует и западнее этой территории — между Гжатью и Вязьмой, где распространен суджанский тип.

Все это заставляет считать, что жиздринский тип, занимающий северо-западную часть современной территории распространения диссимильативного яканья, появился в более позднюю эпоху — в Великом княжестве Литовском, в составе которого примерно в середине XIV в. оказались «Верховские княжества» (бассейн верхней Оки) и Курск. Ввиду этого временем интенсивного распространения яканья вообще и диссимильативного яканья в частности на территории Смоленска и Полоцка можно считать XV—XVI вв. В это и по-

следующее время аканье распространялось и далее на запад на всю белорусскую языковую территорию. Однако, испытывая «сопротивление» местного языкового материала, оно качественно изменялось в своей структуре, перерождаясь в сильное яканье, неполное аканье и яканье и т. д., постепенно, так сказать, затухая (во всяком случае, в структурном отношении) по мере приближения к украинской языковой области.

Показания письменных памятников полностью подтверждают данные истории и лингвистической географии: смоленские грамоты, известные начиная с первой трети XIII в., не дают для XIII и XIV вв. материала, который мог бы свидетельствовать о наличии в это время в Смоленской земле аканья. Первые указания на аканье и притом в виде единичных случаев мы находим в смоленских и полоцких памятниках только XV в.

Мы разобрали вопрос о происхождении диссимильативного яканья в смоленских говорах и южновеликорусских говорах юго-востока. Если мы оставим в стороне эти территории позднего появления диссимильативного яканья, то южновеликорусское наречие окажется представленным тремя группами говоров, образующих сплошную территорию: курско-орловской, рязанской и тульской. Рязанская группа примыкает к курско-орловской с востока; тульская находится между ними, примыкая с севера к курско-орловской группе и с запада к рязанской. С географической точки зрения территории этих диалектных групп можно охарактеризовать как бассейн Оки (кроме низовьев) и ее правых по преимуществу притоков. В состав этой территории вполне естественно вхождение также верховьев Дона, который течет между верхней Окой на западе и одним из ее притоков — Цной — на востоке. Лишь в районе Курска эта территория выходит за пределы бассейна Оки, занимая верховья Сейма.

Между этими группами говоров имеются известные различия. Однако историческое их изучение свидетельствует о том, что эти различия носят по большей части вторичный, позднейший характер. Грамматический строй отличается лишь отдельными частными явлениями, главным образом позднего происхождения. Более заметны отличия фонетические, но и они также позднейшего происхождения. Среди последних наиболее существенно как раз отличие в типе яканья.

Курско-орловские говоры с их диссимильативным яканьем в наибольшей степени сохранили свой исконный тип предударного вокализма. Это объясняется историей края: он не только входил в состав территории, на которой возникло аканье, но в XIV—XV вв. представлял собой окраину развивающегося русского государства, будучи оторван от него Литвой.

Рязанским южновеликорусским говорам свойственно главным образом яканье ассимильативно-диссимильативное. Встречается среди них также умеренно-диссимильативное, представляющее собой как бы первый этап на пути развития диссимильативного яканья в ассимиль-

диссимилятивное, а затем последнего, при известных условиях в сильное. Принимая во внимание несомненность происхождения ассимилятивно-диссимилятивного яканья из диссимилятивного, а также то обстоятельство, что и в орловских говорах наряду с диссимилятивным яканьем представлено также умеренно-диссимилятивное и ассимилятивно-диссимилятивное, можно считать установленным единство происхождения яканья в курско-орловской и рязанской группах говоров.

Тульская группа говоров во всех своих решающих чертах весьма близка как к рязанским, так и к курско-орловским. Одно из заметных отличий ее — умеренное яканье. Чтобы понять появление умеренного яканья в тульских говорах, надо учесть историю тульского края. Последний ранее других основных южновеликорусских земель был присоединен к Москве, находясь на важнейшем стратегическом пути в «дикое поле», на линии Москва — Серпухов — Тула; он был особенно тесно связан со столицей, по нему проходила первоначальная оборонительная линия. Естественно в этих условиях сильное влияние говоров центральных районов страны — Москвы и Подмосковья. В процессе этого влияния в тульских говорах появилось умеренное яканье, заменившее собою диссимилятивное, а также некоторые другие черты, по которым они отличаются от курско-орловских и рязанских говоров, сближаясь со средневеликорусскими говорами центра. Все вышесказанное приводит нас к выводу, что курско-орловская, рязанская и тульская группы говоров весьма близки, а может быть и едины, в своей исторической основе в протисположность смоленским.

В отличие от остальных групп южновеликорусских говоров смоленские говоры находятся за пределами первоначального развития яканья; они развились в южновеликорусские из старосмоленских, северных по своему характеру говоров — окающих, цокающих, а также развивших <ѹ> и <у> на месте <в> (ѡѡ, ѡѡ) в известных условиях, <е> открытое на месте е, <о> открытое на месте о под восходящим ударением, а также <о> после мягких согласных на месте е (из е и ѡ) под ударением перед твердым согласным. Состав гласных фонем смоленских говоров, отсутствие в них категории гласных верхне-среднего подъема не только в настоящее время, но и в эпоху, предшествующую появлению в них аканья, в особенности изменение <е> в <о> (не имевшее места в других южновеликорусских говорах в качестве фонетического процесса до появления яканья), объясняют до известной степени образование именно жиздринского типа диссимилятивного яканья. Этот тип не различает в предударном слоге разных гласных ([а] и «не-а») в зависимости от разных по происхождению ударных гласных среднего подъема и приравнивает все эти гласные, возможно, в связи с наличием в них с давних пор о после мягких согласных ([плач'ом], [н'ас'ом] и т. д.), к гласным верхнего подъема.

Таким образом, первоначальная территория распространения диссимилятивного яканья, а также и южновеликорусского наречия

(ибо диссимилиативное яканье является одним из важных его признаков, а в прошлом было его конститутивным признаком) предположительно определяется следующим образом: верхний Сейм и бассейн Оки, кроме низовьев.

Когда же на этой первоначальной своей территории аканье могло возникнуть? Территория аканья в его современных пределах не соответствует какой-либо из племенных территорий древних восточнославянских племен или феодальных областей последующей эпохи, как не соответствует она и территории Русского государства того или иного периода. Аканье как черта, укрепившаяся в составе норманского языка, на протяжении истории расширялось в своем территориальном распространении, а также расширяется и теперь.

Однако изоглосса аканья-оканья в ее отношении к историческим границам дает весьма различную конфигурацию в зависимости от близости или отдаленности первоначальной территории аканья, где оно возникло. Например, в говорах центра, восточнее Москвы, изоглосса аканья-оканья проходит севернее Москвы в 60—70 км и затем следует на юго-восток. Она не повторяет границы между Рязанским княжеством, входившим в состав первоначальной территории аканья, и Ростово-Суздальской Русью, так как первоначальная граница аканья значительно передвинулась на север¹, но она имеет что-то общее в своем направлении со старой исторической границей.

Совершенно иную картину дает «Атлас северо-западных областей». На территории кривичей и словен в древнейшую эпоху, в Псковской и Новгородской землях — в последующую, конечно, не существовало аканья. В говорах части этой территории аканье возникло в более позднее время, после того как Псков и Новгород стали провинциями Русского государства со столицей в Москве. Именно поэтому изоглосса аканья-оканья не имеет ничего общего с историческими границами древней эпохи, в том числе эпохи самостоятельности Новгорода и Пскова.

Однако и первоначальная территория распространения аканья (точнее, диссимилиативного яканья), как она определена нами предположительно, также не совпадает ни с одной племенной территорией. Правда, она включает в себя почти всю племенную область вятичей, но нам известно, что та часть ее, которая с образованием государственности вошла в состав Ростово-Суздальской Руси, имела первоначально северновеликорусский характер говора (Москва). С другой стороны, в первоначальную территорию аканья входила также и часть территории северян. Однако на другой ее части впоследствии развился украинский язык. Все это свидетельствует о том, что аканье не может быть отнесено к племенной эпохе, а воз-

¹ Между прочим, сопоставление карт Московской диалектологической комиссии (1915) с картой аканья-оканья „Атласа русских народных говоров центральных областей“ свидетельствует о заметном передвижении границы аканья на север за последние 35—40 лет.

до после образования и развития государственности, не ранее XII в.

Естественно предположить, что общие языковые особенности обширной территории могут возникнуть при наличии связей между частями ее, а не при их разъединенности. Поэтому можно полагать, что аканье, в том числе в виде диссимилиативного яканья, возникло не позже времени вхождения территорий верхнего течения Оки и верхнего Сейма («Верховских княжеств» и Курска) в состав Великого княжества Литовского, имевшего место, как уже упомянуто выше, в середине XIV в. К этому времени в Курско-Орловском, Львовском и Рязанском краях имело место аканье и диссимилиативное яканье, развившееся в предшествующую эпоху, т. е. уже, видимо, в XII в. Вхождение «Верховских княжеств» и Курска с их южнорусским диалектом в состав Великого княжества Литовского оторвало их от южновеликорусских земель средней Оки, ранее развивавшихся самостоятельно; с другой стороны, оно способствовало, вероятно, распространению аканья среди восточнославянских диалектов севера Литовского княжества в XV в. Таким образом, Рязанское, Новгород-Северское, Черниговское княжества XII—XIII вв. — вот в основном место и время образования аканья.

Неясным остается вопрос о том, при каких обстоятельствах и в какое время на части территории Новгород-Северского и Черниговского княжеств мог развиваться украинский язык. Ответ на этот вопрос должны дать история украинского языка и атлас украинских диалектов.

Итоги структурно-исторического изучения и данные лингвистической географии в связи с данными истории и археологии привели нас к одному и тому же выводу о месте и времени образования аканья. Это не может быть случайным, хотя, разумеется, такой вывод не может еще считаться окончательным.

* * *

Проблема, изложенная в данной главе, была рассмотрена мною в ряде статей (см.: «Вопросы образования русского языка в его говорах». «Вестник МГУ», 1947, № 9; «Проблемы образования языка русской (великорусской) народности». «Вопросы языкознания», 1955, № 5; «Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности», в кн. «Вопросы формирования и дальнейшего развития русской народности и нации». М.—Л., 1958).

Вслед за Л. Л. Васильевым я полагаю, что аканье восходит к относительно позднему времени — появилось, как отмечено выше, в XII—XIII вв. Эту в настоящее время широко распространенную точку зрения разделяли П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, продолжают разделять многие советские и иностранные лингвисты — К. В. Горшкова, В. В. Иванов, Г. Бирнбаум, П. Ивич, Я. Риглер

и др. Многие ученые поддержали эту точку зрения во время дискуссии о проблеме возникновения аканья, которая прошла на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1963—1966 гг.

Существует и другая точка зрения о возникновении аканья. Придерживающиеся ее лингвисты — Ф. П. Филин, В. И. Георгиев, В. К. Журавлев в сб. «Общеславянское значение проблемы аканья» (София, 1968) и Ф. П. Филин в монографии «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (М., 1972) относят возникновение различия между аканьем и оканьем к VII—VIII в.

Доводы этих ученых мне представляются не совсем убедительными, т. к. они частично основаны на недостаточно критическом отношении к данным письменных памятников и недостаточно строгом применении сравнительно-исторического метода.

Думаю, что точка зрения о позднем появлении аканья более реалистична, хотя и она допускает различные толкования вопросов развития типов аканья.

Все вышесказанное еще раз говорит о том, что проблема возникновения и развития аканья ждет еще своего дальнейшего исследования.

ЗАДНЕЯЗЫЧНАЯ ЗВОНКАЯ СОГЛАСНАЯ ФОНЕМА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

Сравнительно-историческое изучение славянских языков со всей неопровержностью свидетельствует об исконности во всех этих языках взрывного заднеязычного образования g ($[g]$). Таким образом, фрикативное g ($[ɣ]$), свойственное южновеликорусскому наречию, есть новообразование, охватившее в известный период часть говоров. Следует отметить, что фрикативное g представляет собой такое новообразование, которое оказалось за пределами норм национального языка. Поэтому его первоначальная территория, как правило, не имела данных для расширения в русском языке. С другой стороны, g фрикативное является весьма устойчивой диалектной чертой, которая хотя и могла в известных условиях утрачиваться на части своей территории, но весьма медленно, с большим сопротивлением. Это придает значительный интерес данным лингвистической географии о том или ином образовании g .

Можно утверждать с полным основанием, что южновеликорусское $[ɣ]$ генетически связано с украинским $[h]$: $[g \rightarrow \gamma \rightarrow h]$ являются последовательными ступенями эволюции первоначально единой взрывной заднеязычной фонемы. Образование $[ɣ]$ из взрывного $[g]$ объясняется слабостью взрыва при звонких согласных. Дальнейшее развитие $[ɣ]$ в гортанное или, скорее, фарингальное образование в украинском связано с тем, что $[ɣ]$ образуется при малоэнергичном сужении, делающем эту артикуляцию очень открытой, в связи с чем преграда удаляется назад и получается глубокая артикуляция с относительно слабым фрикативным шумом.

Возможность звука $[x]$ на месте g в конце слова в украинском (dix — 'рог')¹ свидетельствует об образовании $[h]$ из $[ɣ]$ и вместе с тем указывает на время этого процесса — после утраты редуцированных и оглушения $[ɣ]$ на конце слова в части говоров. Относительно позднее время этого процесса явствует и из того, что украинские говоры сохранили многие переходные ступени между $[ɣ]$ и $[h]$, имея еще «частью велярный фрикативный или же фрикативный гортанный с остатками велярного сужения»².

¹ О. Брок утверждает, что такое произношение обычно для украинской интеллигенции. См.: О. Брок. Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 57.

² Там же.

На наличие заднеязычной артикуляции при образовании украинского *г* указывают и современные экспериментальные исследования в области фонетики украинского языка¹. Однако описанный Т. А. Бровченко украинский звук все же заметно отличается от типичного южновеликорусского [ɣ], и это отличие, видимо, объясняется тем, что заднеязычная артикуляция сопровождается определенной работой в области фаринкса или гортани.

Таким образом, до образования [h] украинская и исконно южновеликорусская зоны² в равной мере характеризовались фрикативным заднеязычным образованием *г*. Исследователь этого явления не может пройти мимо того факта, что обе эти зоны образовали сплошную территорию: бассейн Оки (кроме низовьев) и среднее Поднепровье, естественно, соединялись в водоразделе верховьев Оки и верховьев рек днепровской системы — Десны и Сейма с их притоками. Именно эту область, соответствующую Русской земле конца XI — начала XII в. (т. е. Киевскому, Переяславскому и Черниговскому княжествам) с некоторым расширением на северо-востоке по Оке (примерно, от Коломны до старой Рязани и еще несколько дальше), следует считать первоначальной территорией фрикативного *г*.

Нетрудно заметить, что северо-восточная часть этой области одновременно является территорией возникновения аканья (см. выше). Отсюда следует, что аканье образовалось в эпоху расчленения этой области (когда северо-восток ее, впоследствии южновеликорусский обособился от остальной части Русской земли), т. е. с переходом к феодальной раздробленности и в период возникновения начальных процессов образования украинского языка, с одной стороны, и южновеликорусского наречия — с другой. Скорее всего это произошло в XIII в. Иными словами, здесь с другого конца и на другом материале мы приходим к тому выводу, который уже был сформулирован выше при рассмотрении вопросов истории развития аканья.

В противоположность этому можно считать, что *г* фрикативное, распространившееся по всей Русской земле, образовалось в более ранний период ее относительного единства, т. е. до половины XII в. Осложняющим обстоятельством является то, что *г* фрикативное на северо-востоке выходит за пределы Русской земли и охватывает Рязанскую землю. Почему же именно здесь оказывается несовпадение зоны фрикативного *г* и территории Русской земли? Ведь глухой в то время Рязанский край был достаточно обособлен от Русской земли.

¹ См.: Т. А. Бровченко. Сравнительный анализ фонем украинского и английского языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 1-й Моск. гос. педагогич. ин-т иностр. языков, 1952, стр. 13.

² Выше на материале аканья было обосновано, что южновеликорусский характер смоленских говоров, равно как и южновеликорусские по происхождению черты в белорусском, являются вторичными.

Необходимо учесть, что расширение территории [ʏ] следует по отношению Оки, значительная часть которого (до Коломны) входила в Русскую землю. Необходимо учесть, кроме того, что среднее течение Оки (до старой Рязани и далее) издавна было связано со средним Поднепровьем. Рязань в XI—XII вв. входила, как известно, в Черниговскую епархию; связи с Черниговом порвались лишь в XIII в. Нельзя забывать, наконец, и того, что Ока как в своей «черновской» части, так и в «рязанской» была заселена потомками славян. Все это наводит на мысль о возможности более раннего образования фрикативного *g* — в эпоху, предшествующую образованию Русской земли (XI — первая половина XII в.).

Считая безусловной генетическую связь южновеликорусского [ʏ] и украинского [h] и относя изменение [g] в [ʏ] в раннюю эпоху, вместе с тем должны подчеркнуть, что образование [ʏ] и [h] в древних восточнославянских диалектах, как это в свое время было показано А. М. Селищевым¹, проходило независимо от аналогичного процесса в других славянских языках (чешском, словацком, словенском). Нужно полагать, что дальнейшее развитие [ʏ] в [h] на западе Русской земли относится к более позднему времени формирования украинского языка. Определить точнее время этого процесса представляется пока возможным. Можно допустить, что он имел место в разных диалектах неодновременно и, может быть, даже не во всех диалектах, так как и сейчас он в отдельных говорах не завершен. Мы видели, что структурный анализ привел к этому же выводу по вопросу о времени образования [h]: оно образовалось не только после падения редуцированных, но и после оглушения согласных в конце слова.

Нам остается сказать об истории *g* на территории смоленских говоров, а также белорусского языка. Южная часть территории белорусского языка входила в состав Русской земли XI — первой половины XII в., как она была очерчена нами выше, и относится, следовательно, к первоначальной зоне развития фрикативного *g*. Впоследствии эта территория составила Турово-Пинское княжество, а также Черную Русь, затем вошедшую в состав Полоцкой земли.

Остальная часть белорусской языковой территории и территории смоленских говоров русского языка находилась за пределами Русской земли: это — Смоленская и Полоцкая земли, севернорусские по составу своего населения и близкие в этом отношении к Ростово-Суздальской земле и Пскову. На месте Ростово-Суздальской земли до сих пор распространены главным образом северновеликорусские говоры. На месте древней Псковской земли частично распространены северновеликорусские говоры, частично — средневеликорусские северного происхождения. Ввиду всего этого можно считать,

¹ См.: А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. „Slavia“, VII, № 1, 1928, стр. 35—36. См. также рецензию А. М. Селищева на „Очерк истории русского языка“ Н. Н. Дурново в „Известиях Отделения русск. языка и словесности АН СССР“, т. XXXII. Л., 1927, стр. 303—330.

что Смоленская и Полоцкая земли были за пределами первоначальной территории фрикативного *г* и получили последнее позднее и что в смоленских и северо-восточных белорусских говорах невзрывное образование *г* носит вторичный характер.

Таким образом, в ту эпоху, когда уже существовало не только фрикативное *г*, но также и аканье, смоленские говоры еще имели некоторое время *г* взрывное и оканье, т. е. носили ясно выраженный северный характер. Некоторые данные позволяют предположить, что невзрывное *г* и аканье в Смоленской и Полоцкой землях появились в разное время и распространялись из разных исходных территорий.

Мы уже говорили о том, что аканье и в структурном отношении, и по полноте своего проявления претерпевает по направлению на запад такие изменения, которые свидетельствуют о его появлении в смоленских говорах и белорусском языке с востока, из основной, исконной южновеликорусской территории.

С другой стороны, гортанное, или фарингальное, образование *г* в белорусской языковой области, в особенности на северо-востоке и востоке, менее распространено, чем на юге (Черная Русь, Турово-Пинская земля), который входил в состав области первоначального образования [ʎ] и, надо думать, дальнейшего развития его в [h]. Во многих белорусских говорах (не на юге) известно заднеязычное фрикативное [ʎ], близкое к южновеликорусскому.

При изучении древнейшего периода истории белорусского языка следует иметь в виду, что он возник на территории двух весьма различных в языковом отношении областей: с одной стороны, говоров Турово-Пинского княжества и Черной Руси, однородных с теми, которые легли впоследствии в основу говоров северноукраинских; с другой стороны, говоров Полоцкой земли, в также части Смоленской, однородных с теми говорами, на почве которых образовались соседние северновеликорусские. При этом первые имели преобладающее значение в более древнюю эпоху: черты, свойственные им, широко распространялись по территории формирующегося белорусского языка, иногда захватывая ее полностью и нередко переходя в восточную часть Смоленской земли. Можно думать, что именно с этим процессом, идущим с юга на север и северо-восток, связано первоначальное распространение невзрывного *г* на территории Полоцкой и Смоленской областей.

В более позднюю эпоху приобретают ведущее значение процессы, идущие с востока на запад и принесящие аканье. Правда, и эти процессы могли способствовать усвоению на Смоленской и Полоцкой территориях невзрывного (точнее, фрикативного) *г*. Однако данные письменных памятников свидетельствуют о том, что аканье и невзрывное *г* на территории Смоленской и Полоцкой земель появились неодновременно: смоленские и полоцкие грамоты включают в себе указания на невзрывное *г* уже для XIV в., в то время как самые робкие элементы аканья находят в них отражение, как уже было выше упомянуто, только с XV в.

Более позднее появление невзрывного *г* на смоленском и полоц-
ком северо-западе, а также взаимодействие на этой территории раз-
личных диалектов, один из которых способствовал усвоению [ɣ]
и [h], другой — [ɣ], объясняют непоследовательность белорусского
языка в его говорах, а также смоленских говоров в отношении этой
черты — наличие в них не только [h], но и [ɣ], а также множества
переходных между ними артикуляций.

Поставленные выше вопросы свидетельствуют о том, что лингви-
стическая география дает важнейший материал для истории языка
в связи с историей народа, что лингвистическая география и внут-
ренние законы развития языка не являются такими антиподами,
как это обычно принято считать, что нельзя отрывать лингвистичес-
кую географию от изучения внутренних законов развития языка.
Что касается разрешения поставленных вопросов в плане конкретно-
историческом, то оно, несомненно, будет уточняться и углубляться
по мере обогащения советской науки новыми фактическими материа-
лами и углубления научного анализа. Следует только отметить,
что при изучении истории языков древнейших периодов нам не
обойтись без научных гипотез. Нужно только, чтобы они были воз-
можно более надежно аргументированы и оснащены фактическим ма-
териалом.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ВОКАЛИЗМА ЗВУКИ [i] И [y]

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Основной задачей исторической фонетики на современном этапе ее развития является не изучение истории отдельных явлений, а изучение самой фонетической системы: возникновения, развития и смены фонетических систем.

Здесь рассматривается история звуков [y] и [i], являвшихся в старшую пору двумя самостоятельными фонемами, а позднее функционально объединившихся в качестве разновидностей одной фонемы [i]. Эта функциональная перестройка была связана с рядом фонетических процессов и в первую очередь с развитием категории твердости-мягкости согласных, а также многими явлениями морфологическими, имевшими место в русском языке с доисторической поры до XV в.

Языковые ценности каждой последующей эпохи — а к числу таких ценностей относятся, между прочим, фонемы — создаются в противоречивой борьбе ценностей предыдущей эпохи. Это редко бывает борьбой одного против всех; чаще это бывает борьба между отдельными организованными «отрядами», ибо звуковая сторона языка в каждую данную эпоху представляет собой организованную сложную иерархическую систему противопоставленных друг другу фонем. Правда, эта система всегда характеризуется в той или иной мере внутренними противоречиями, в ней нередко бывают более слабые звенья и даже изолированные явления-одиночки, представляющие собой остатки отмирающих явлений или ростки новых. В таких случаях и результаты борьбы, дальнейшего развития бывают весьма различны.

В процессе этого развития возникают и отмирают фонемы. Слабое положение, в котором выступают позиционные разновидности фонемы, в результате осуществления ряда фонетических и морфологических процессов и постепенного количественного накопления, может перерасти в качественно новое — в сильное положение, и тогда одна фонема р а с ш и р я е т с я на две, каждая из которых взаимно все более отталкивается от другой. Другие фонемы, наоборот, сближаются и нередко в дальнейшем совершенно

объединяются в одну фонему позднейшей эпохи, причем это бывает обычно связано не только с изменениями самих фонем, но в значительной мере также с другими изменениями во всей системе языка.

Фонетические процессы, изменения физиологического порядка вносят «беспорядок», «хаос» в систему фонем. Постепенно подрывают ее также заимствованные слова, разного рода аналогические образования, само появление которых нередко свидетельствует о прекращении действия тех или иных фонетических процессов. Однако созидательная работа не прекращается ни на миг: проходит известное время — создаются новые соотношения, рождается новый «порядок», новая фонетическая система.

Основными «героями» исторической фонетики у нас до сих пор являются фонетические «индивидуумы». Отсюда и основные главы исторической фонетики русского языка — история носовых, история редуцированных, история [ê] и т. д. Между тем ее главным «героем» должна стать сама фонетическая система, а ее основной задачей — изучение эволюции фонетической системы, возникновения, развития и смены фонетических систем на почве того или иного языка или группы языков.

Как известно, отдельное частное фонетическое изменение обычно изменяет в той или иной степени и самое фонетическую систему. Кроме того, оно само нередко бывает обусловлено фонетической системой. Поэтому естественно требование изучать каждое частное фонетическое явление в соотнесенности со всей языковой системой и ее эволюцией. В нашей исторической фонетике даже тогда, когда рассматривается целое, по существу имеется в виду лишь простая сумма отдельных фонетических явлений. Между тем необходимо и при исследовании отдельного явления рассматривать его как некое звено целого — фонетической системы. Только постоянное соотношение «отдельного» с «общим» обеспечивает познание предмета, наиболее адекватное действительности.

При таком подходе оказываются существенными не только те звенья фонетической системы, которые подверглись изменениям (например, [ъ] и [ь], [ê] и др.), но и те, которые в общем оставались неизменными (например, [i] и [y]). Больше того, именно последние — в силу их неизменности — особенно ярко иллюстрируют выказанный выше взгляд на задачи исторической фонетики. В самом деле, например, слова [byl'i] и [bi'l'i] уже в течение многих столетий произносятся без изменений. Если иметь в виду «историю звуков», то здесь как будто никакой истории и нет. Между тем какие были перениты существенные внутренние, функциональные сдвиги! Поэтому с точки зрения истории звуковой системы соотношения между [i] и [y] — один из весьма значительных, можно сказать, «драматических» эпизодов исторической фонетики русского языка. Это — история функционального объединения двух первоначально резко противопоставленных друг другу фонем в результате утраты одной из них позиционной самостоятельности; история

их превращения в разновидности одной фонемы, обусловленная рядом фонетических процессов разных эпох, а также некоторыми морфологическими явлениями.

Читатель извинит, если мы, как бы следуя авантюрной традиции, начнем эту главу с конца — с «эпилога», с рассказа о том, к чему привела многовековая история изучаемых явлений в современном русском языке, а потом уже приступим к изложению нашего «сюжета» в хронологическом порядке.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Каков же этот «эпилог»? В фонетической системе современного русского языка, одной из существеннейших черт которой является различие парных твердых и мягких согласных фонем, звуки [i] и [y] являются разновидностями одной фонемы. Их принадлежность к одной фонеме определяется невозможностью употребления [i] и [y] в тождественных фонетических положениях, их чередованием в определенных различных фонетических положениях, наконец, их морфологической эквивалентностью, иначе — морфологическим тождеством.

В самом деле, звуки [i] и [y] взаимно исключаются в тождественной позиции ([i] произносится: после мягких согласных, после звуков [k], [g], [ch], приобретающих позиционную мягкость, в начале слова; [y] произносится только после твердых согласных); [i] и [y] чередуются друг с другом, как бы взаимно замещая, в различных позициях (ср.: [iskát'] — [syskát'], [izbál] — [v-ýzbu], [liván] — [s-uvápn'm] и др.). Морфологическая эквивалентность [i] и [y] сказывается в том, что, составляя флексию или начиная собой флексию, эти звуки образуют или начинают собой флексии, морфологически тождественные, причем наличие в них звука [i] или [y] определяется только фонетически — мягкостью или твердостью конечной согласной основы (ср.: [p'ilý] — [z'eml'i], [stóny] — [kón'i], [t'ómnych] — [s'in'ich], [ráznym] — [póz'n'im] и т. д.).

Наличие звука [y] целиком обусловлено положением после твердой согласной. Наличие же звука [i] не связано с положением после согласной: звук [i] (в противоположность [y]) употребляется также в абсолютном начале слова (ср.: [iskra], [izbál], [igrá] и др.). Это дает возможность квалифицировать [i] как основной вид фонемы, а звук [y] в его различных оттенках — как вариацию фонемы [i].

Итак, звуковая система современного русского языка не знает такого положения, в котором различались бы звуки [i] и [y]. В каждом данном положении употребляется или [i], или [y]; иначе говоря, наличие в данном положении одного из этих звуков исключает возможность употребления в том же положении другое. Отсюда естественный вывод о том, что эти столь разные в физиологическом отношении звуки в функциональном отношении образуют единство — одну фонему, разновидностями которой и являются.

Так как твердые и мягкие согласные в современном русском языке представляют собой отдельные самостоятельные фонемы, то такие случаи, как [pyt'] и [n'it'], [vyt'] и [v'it'], в отношении состава своих фонем с точки зрения современной звуковой системы отличаются друг от друга не гласной фонемой, а согласной — твердой или мягкой. Различия же в качестве гласной несамостоятельны: они обусловлены твердостью или мягкостью предшествующей согласной фонемы и представляют одну и ту же фонему [i] в ее основном виде после мягкой согласной и в ее вариации [y] — после твердой согласной¹.

Могут показаться противоречащими высказанной выше точке зрения такие существующие в современном русском языке категории случаев, как [stól] — [stól'ik], [tapór] — [tapór'ik], [z'ína] — [z'in'in], [k'ára] — [k'ár'in], с одной стороны, и [gus'] — [gus'yn'a], [súdar'] — [sudáryn'a], [m'ít's't'] — [m'ít'styn'a] — с другой. Однако если можно усмотреть здесь противоречие, то это противоречие относится не к высказанной выше точке зрения, а к самим языковым фактам, к развитию языковой системы; приведенные примеры — „родимые пятна“ истории; в них действительно отражается далекая история — та пора, когда [i] и [y] представляли собой отдельные фонемы и одним суффиксам было свойственно [i], а другим [y]. Поэтому историк языка и теперь в них видит разные гласные. Но в связи с полным оформлением категории твердости-мягкости согласных они давно уже перестали быть разными гласными фонемами. Произошла функциональная перестройка, в результате которой [i] и [y] здесь, как и во всех других случаях, стали разновидностями одной и той же фонемы, но зато соответствующие формы стали образовываться не только при помощи того или иного суффикса (-ik-, -in- или -in'- в [gus'yn'a]), но также и меной твердых согласных фонем основы на мягкую ([stól] — [stól'ik], [z'ína] — [z'in'in]) или, наоборот, мягкой согласной фо-

¹ Во взглядах на [i] и [y] нет единства в лингвистической литературе. Бодуэн де Куртене относил [i] и [y] к разновидностям одной фонемы [i], как это сделано и выше. Другие, напротив, считают [i] и [y] разными фонемами. Л. В. Щерба, подходя к фонологии с психологической точки зрения, в этом вопросе занимал половинчатую позицию, ясно видя, с одной стороны, теснейшие функциональные связи [i] и [y], но в то же время принимая [y] за отдельную фонему, хотя и „в значительной мере менее самостоятельную“, чем другие, так как „везде... где мы имеем дело с психологическими фактами, всякие деления относительно“ (см. „Русские гласные...“, 1912, стр. 50).

Не может быть сомнения, что с последовательно функциональной точки зрения звуки [i] и [y] в современном русском языке представляют собой разновидности одной фонемы ([i]). Однако следует подчеркнуть, что мы ставим задачи не теоретические, а исторические: дело не в том, как квалифицировать отношения между [i] и [y], а проследить, как установились эти отношения, всегда ли они существовали, какие факторы содействовали изменению ранее имевшихся отношений.

² Ср. также в [gus'] — [gus'ak]. Однако [graf'in'a] от [graf] образуется с меной твердой согласной фонемы на мягкую перед суффиксом -in'-.

немы на твердую ([gus']—[gusyn'a])¹, т. е. при помощи морфологического чередования твердых и мягких фонем. Но эти остатки прошлого будут яснее, когда будет рассмотрена история взаимоотношений [i] и [y].

Описанное выше положение вещей, при котором [i] и [y] не различаются ни в одном фонетическом положении и являются разновидностями одной фонемы, не всегда существовало. Наоборот, некогда они различались во всех положениях и представляли собой две самостоятельные фонемы, каждая из которых была противопоставлена как всем другим гласным фонемам, так и друг другу. Отсюда и история звуков [i] и [y] есть прежде всего история их функционального объединения в одной фонеме. Процесс этот, многообразный и длительный, был связан с рядом фонетических процессов, общих и частных, и в связи с этим с рядом перестроек всей фонетической системы, а также с некоторыми морфологическими явлениями. Начавшись ещё в доисторическую эпоху, он завершился одновременно по разным русским говорам, но во всяком случае в течение XV в.

Рассмотрим основные этапы этого процесса¹.

¹ История гласных [i] и [y] тесно связана с историей других передних и непредних гласных, а также историей образования категории мягких и твердых согласных и многими другими процессами. Этих вопросов касается Р. О. Якобсон в своей работе „Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves“ („Travaux du Cercle linguistique de Prague“, II, Prague, 1929).

Якобсон правильно указал на связь между историей [i] и [y] и других гласных, с одной стороны, и историей образования категории мягкости и твердости согласных—с другой (см. указ. соч. III, § 11, стр. 27—28; III, § 14, стр. 30—31 и др.). В его книге мы найдем ряд ценных замечаний по вопросу о развитии категории мягкости и твердости согласных, хотя и без необходимой детализации, что, впрочем, естественно в работе общего характера, задача которой заключается главным образом в постановке проблемы. Якобсон правильно оценил также значение падения редуцированных для категории твердости и мягкости согласных, хотя и не развернул его достаточно конкретно (см. там же, VI, § 3, стр. 50).

Что касается темы об [i] и [y], то его замечания очень лаконичны. Ряд весьма важных вопросов он вовсе не касается, например вопроса об отсутствии чередования [i] и [y] в одной морфеме в старший период, а также о постепенном процессе появления этого чередования; вопроса о морфологической корреспонденции [i] и [y] и о процессах, приведших к отождествлению [y] и [i] в составе флексии, которые имели весьма существенное значение в истории функционального объединения [y] и [i], и некоторых других. При рассмотрении и оценке мягких и твердых согласных и качества последующих гласных в эпоху до падения редуцированных Якобсон, мне кажется, не учитывает в полной мере невозможность в эту эпоху изолировать согласную и последующую гласную, благодаря чему для этой эпохи констатируется не односторонняя зависимость, а взаимозависимость.

Кроме того, надо отметить, что мое понимание фонетической системы (= системы фонем) и понятия фонемы, на котором в значительной мере зиждется последняя, существенно отличается от понимания Якобсона, в связи с чем нередко даже те вопросы, которые рассмотрены в настоящей статье и в книге Якобсона, получают различное освещение и оценку.

ИСТОРИЯ ЗВУКОВ [i] и [y] ПОСЛЕ СОГЛАСНЫХ

В эпоху до смягчения всех несмягченных согласных старшей группы — перед гласными переднего образования — несмягченные согласные ([t]) употребляются перед всеми гласными, в том числе перед [i] и [y], приобретая перед [i], как и перед другими гласными переднего ряда, позиционную полумягкость ([t']).

Наоборот, смягченные согласные ([t']) не могли сочетаться с последующим любым гласным: они не могли употребляться перед [o], [y], [ъ].

К смягченным согласным [r'], [l'], [n'], а также [s'], [z'] имелись соответствующие несмягченные [r], [l], [n], а также [s], [z]. К остальным несмягченным согласным соответствующих смягченных не было. Эти „парные“¹ согласные различались перед [a], [i], [e], [ъ], [i] (т. е. существовали слоги, например: [ga]—[g'a], [gu]—[g'u], [gъ]—[g'ъ], [gi]—[g'i] и с другими несмягченными и смягченными согласными), а также с большими ограничениями перед [ě] (например, [rě]—[r'ě]), так как [ě] после смягченных согласных, кроме свистящих, мог употребляться лишь в определенных флексиях (ср.: дат. — местн. пп. ед. ч. [v'ěgě] и род. п. ед. ч. [bur'ě], [zeml'ě], [von'ě] и др.) Наоборот, они не различались перед [o], [y], [ъ]: перед этими гласными известны только несмягченные согласные, так как [o], [y], [ъ] после смягченных согласных и [j] в более раннюю эпоху изменились соответственно в [e], [i], [ъ].

Необходимо указать следующие соотношения между „парными“ согласными и последующими гласными. Возможны сочетания:

lo }	no }	rъ }	zъ }	ly }	ny }	
l'e }	n'e }	r'b }	z'b }	l'i }	n'i }	и т. д.
l'e }	n'e }	r'b }	z'b }	l'i }	n'i }	

Три сочетания каждой группы образуют две пары (так как второе сочетание входит как в первую, так и во вторую пару). При этом сочетания первой пары (например, [lo]—[l'e] или [ny]—[n'i] и др.) отличаются друг от друга гласными фонемами при тождественности согласных: полумягкость согласных обусловлена положением перед гласной переднего ряда и потому представляет собой лишь вариацию несмягченных согласных фонем. Наоборот, сочетания второй пары (например, [l'e]—[l'e] или [n'i]—[n'i] и др.) отличаются друг от друга согласными фонемами при тождественности гласных. Ср.: [bylъ], [byl'ъ] (жен. р.; 'трава, растение'); [byl'ъ] (муж. р. род. п. мн. ч. от 'вельможа'); [kopъ], [kop'ъ] ('начало'); [kop'ъ] ('лошадь'); [ovъsъ], [vъs'ъ] (= *vicus*), [vъs'ъ] (= *omnis*), [vozъ], [gr'az'ъ], [kъp'az'ъ]; [b'er'i], [bur'i]; [ber'et'ъ], [bor'et'ъ] и др.

¹ Хотя и совсем в другом смысле, чем парные твердые и мягкие согласные современного русского языка, как это будет видно из дальнейшего.

При этом важно подчеркнуть морфологическую эквивалентность [o] и [e], [ъ] и [ь], отчасти также [y] и [i]. Составляя флексию или начиная собой флексию, звуки, входящие в первые две пары гласных, всегда морфологически тождественны, а звуки последней пары могут быть морфологически тождественными. Употребление второго звука каждой пары обусловлено лишь фонетически — положением после смягченной согласной; ср.: [s'elo] — [pol'e], [s'ъpъ] — [kon'ъ], [s'ely] — [pol'i] (тв. п. мн. ч.). Таким образом, звуковая система этой эпохи характеризуется наличием „соотносительных“ гласных, объединяющихся в пары, причем в каждую из таких пар входят звуки, находящиеся друг к другу в тех же отношениях, что и звуки, входящие в другую пару этого же ряда: [o]:[e] = [ъ]:[ь] = [y]:[i] (последняя пара с ограничениями, о которых см. ниже¹). При этом соотносительные пары гласных различаются после несмягченных согласных, не различаясь, совпадая после смягченных (после смягченных могут звучать только [e], [ь], [i]).

Для нашей темы важно подчеркнуть различие фонем [y] и [i] после несмягченных согласных при неразличении их после смягченных.

Однако пара [y] и [i], как это было уже отмечено выше, не вполне тождественна двум другим; правда, благодаря изменению [y] (из* ѱ) в [i] после смягченных согласных и [j] создалась морфологическая корреспонденция [y] — [i] во флексиях (ср.: [stoly] — [kon'i] в твор. п. мн. ч.). Но не обладая необходимой категоричностью и будучи по существу факультативной (ср. в тех же фонетических условиях морфологическую корреспонденцию [y] — [ě]: [stoly] — [kon'ě] в вин. п. мн. ч.), она не переросла сама по себе в фонетическую, не стала элементом звуковой системы.

Соотношения элементов фонетической системы существенным образом изменились, когда позиционно полумягкие согласные (т. е. несмягченные согласные в положении перед гласными переднего ряда) смягчились, т. е. когда образовались согласные „вторичного смягчения“. Следует различать следующие группы:

- а) несмягченные согласные, к которым в старшую эпоху не было соответствующих смягченных (например, [t], [d], [p], [b]);
- б) несмягченные согласные, к которым уже в старшую эпоху имелись соответствующие смягченные (например, [r], [l], [n]);
- в) смягченные согласные, к которым вообще не было соответствующих несмягченных (например, [š], [ž], [c], [č]).

В группе а) соотношения после смягчения полумягких не изменились: как раньше полумягкие (например, [t'], [d']) явля-

¹ В системе вокализма современного русского языка соотносительность отсутствует, но она широко известна в системе консонантизма. Ср. соотносительные пары глухих-звонких и твердых-мягких.

лись вариациями несмягченных фонем, так и после мягкие (например, [t'], [d']) явились вариациями тех же фонем, поскольку в старшую эпоху особые соответствующих мягких фонем не было.

Было: t	$\begin{bmatrix} t(o) \\ t'(e) \end{bmatrix}$	d	$\begin{bmatrix} d(\bar{o}) \\ d'(b) \end{bmatrix}$	p	$\begin{bmatrix} p(y) \\ p'(i) \end{bmatrix}$
Стало: t	$\begin{bmatrix} t(o) \\ t'(e) \end{bmatrix}$	d	$\begin{bmatrix} d(\bar{o}) \\ d'(b) \end{bmatrix}$	p	$\begin{bmatrix} p(y) \\ p'(i) \end{bmatrix}$

Иная картина в группе б): после смягчения полумягких здесь изменились и самые соотношения, поскольку уже до осуществления этого процесса существовали соответствующие смягченные согласные фонемы.

Было: r	$\begin{bmatrix} r(o) \\ r'(e) \end{bmatrix}$	l	$\begin{bmatrix} l(y) \\ l'(i) \end{bmatrix}$	n	$\begin{bmatrix} n(\bar{o}) \\ n'(b) \end{bmatrix}$
$r' - r'$	(e)	$l' - l'$	(i)	$n' - n'$	(b)
Стало: r	$\begin{bmatrix} r(o) \\ r' - r' \end{bmatrix}$	l	$\begin{bmatrix} l(y) \\ l' - l' \end{bmatrix}$	n	$\begin{bmatrix} n(\bar{o}) \\ n' - n' \end{bmatrix}$
	(e)		(i)		(b)

Таким образом, оказалось, что со старыми смягченными согласными фонемами (например, [r'], [l']) в определенных позиционных условиях стали совпадать разновидности несмягченных согласных фонем, явившиеся поэтому вариантами этих несмягченных согласных; когда-то, например, формы им. п. мн. ч. от [kopъ] и [kop'ъ] различались конечными согласными основы: [kop'i] и [kop'î]; после смягчения полумягких они совпали в одном общем звучании: [kop'î].

Это резко изменило положения, в которых различались „парные“ несмягченные и смягченные согласные. Когда-то последние различались перед [a], [u], [e], [ъ], [i], [ë], но не различались перед [o], [y], [ъ], т. е. возможны были, например, слоги [ga]—[g'a], [gu]—[g'u], [ge]—[g'e], [gъ]—[g'ъ], [gi]—[g'î], [gë]—[g'ë], но только [go], [gy], [gъ]. После смягчения полумягких „парные“ несмягченные согласные перестали различаться перед всеми гласными переднего ряда, продолжая различаться лишь перед [a], [u]. В эту эпоху возможны слоги, например, [ga]—[g'a], [gu]—[g'u], но только [g'e], [g'ъ], [g'î], [g'ë] и только [go], [gy], [gъ].

Для нашей темы существенно следующее: благодаря описанному только что процессу оказалось, что после согласных гласные [y] и [î] употребляются во взаимно исключающих позициях: [y] только после несмягченных согласных, а [î] только после смягченных.

¹ В скобках указывается одна из возможных после согласных передних и непередних гласных.

Для этой эпохи уже возникает вопрос о функциональном объединении [y] и [i], да и не только [y] и [i], но в еще большей мере [o] и [e], [ъ] и [ь] (ср. их полную тождественность в морфологическом отношении).

Однако для того чтобы утверждать, что [y] и [i] функционально объединились и представляют собой разновидности одной фонемы, нужно: 1) доказать, что мягкая согласная не есть вариант твердой согласной фонемы; иначе—что мягкие и твердые согласные уже в эту эпоху представляют собой особые, отдельные фонемы; 2) показать морфологическую эквивалентность [y] и [i], т. е. их функциональное тождество в формальных элементах слова; и шире—3) указать вообще на наличие фонетического чередования *i//y* в одних и тех же морфемах в зависимости от разных фонетических условий.

Рассмотрим каждый из этих трех моментов.

1. Что представляла собой категория твердости и мягкости в эпоху после смягчения полумягких согласных и до падения редуцированных? На основании таких форм, как [копу] и [коп'и] (тв. п. мн. ч. от [копъ] и [коп'ь]), можно, как будто, предположить, принимая во внимание морфологическую тождественность флексии, что [п] и [п'] являются разными фонемами, а [y] и [i]—разновидностями одной и той же. Но нельзя упускать из виду то, что форма им. п. мн. ч. от обоих этих слов совпадает в звучании: [коп'и]. Поэтому, отождествляя [y] и [i] в качестве разновидностей одной фонемы, следует признать, что форма им. п. мн. ч. от *копъ* (*коп'и*) образована не только при помощи флексии *-i—y* (причем после твердой согласной основы должен бы звучать звук [y]), но и при помощи „флексии основ“, т. е. морфологического чередования твердого *n* с мягким. Но имеются ли все необходимые основания, по которым [п] и [п'] и вообще все твердые и мягкие пары согласных в рассматриваемую эпоху можно считать разными фонемами, какими они являются, например, в современном русском языке? Для положительного ответа на этот вопрос необходимо „оторвать“, изолировать друг от друга мягкость или твердость согласных, с одной стороны, и качество последующей гласной—с другой. Но этого сделать нельзя, так как мягкие и твердые согласные в рассматриваемую эпоху употреблялись только перед гласными¹, и потому мягкость и твердость согласных были неразрывно связаны с качеством следующей гласной.

Ведь вот какова картина употребления парных мягких и твердых согласных перед разными гласными: 1) перед гласными переднего ряда употребляются только мягкие согласные; 2) перед гласными [o], [u], [ъ] употребляются только твердые согласные;

¹ Согласные употреблялись также в ряде сочетаний перед согласными в пределах одной морфемы, где поэтому нет возможности изолировать предшествующую согласную от последующей, например: *снѣгъ*, *зѣзѣа*.

3) перед [a] и [u] употребляются как твердые, так и мягкие, т. е. возможны слоги [ra]—[r'a], [ru]—[r'u], а также слоги [ta]—[t'a]. Как будто уже в этих последних случаях твердые и мягкие согласные можно считать разными фонемами перед одной и той же гласной. Однако даже здесь вопрос значительно сложнее: дело в том, что с акустико-физиологической стороны слоги [ra]—[r'a] (или [ru]—[r'u]) отличались друг от друга не только твердостью и мягкостью согласных, но и качеством гласных — [a] и [ä], [u] и [ü]. Чтобы доказать наличие твердых и мягких согласных как отдельных фонем, нужно доказать зависимость качества гласных от качества предшествующих согласных. Но возможна и другая точка зрения — что здесь разные гласные фонемы, от которых зависит твердость или мягкость предшествующих согласных. Решить этот вопрос можно лишь путем изолирования друг от друга согласных и последующих гласных. Однако сделать это, как уже отмечалось выше, нельзя. Поэтому вопрос о том, что перед нами — разные согласные фонемы при тождественности последующих гласных или разные гласные фонемы при тождественности предыдущих согласных, — остается открытым. Этот вопрос остается открытым не вследствие несовершенства наших знаний или нашего метода, а вследствие того, что в самой системе языка он не дифференцирован. Думается, что наиболее отражающим действительное положение вещей будет установление взаимозависимости, а не односторонней зависимости гласных от предыдущих согласных, или наоборот. Ввиду невозможности изолирования можно считать, что в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом. Можно сказать, что это промежуточная эпоха с и л а б е м, эпоха „междуправствия“, следующая за эпохой, когда в основном мягкость или твердость согласных зависела от гласных, но предшествующая эпохе, когда мягкость или твердость согласных стала независимой.

В эту эпоху существуют „твердые“ и „мягкие“ слоги: [ra]—[r'a], [ru]—[r'u], [ta]—[t'a]. При этом в такие же отношения вступают гласные [o] и [e], [ъ] и [ь], [y] и [i] после согласных, поскольку первая гласная каждой пары употребляется только после твердой согласной, а вторая после мягкой и поскольку в формальных элементах слова гласные этих пар могут образовывать морфологическое тождество. Так образуется следующая система „твердых“ и „мягких“ слогов: [ra]—[r'a], [ru]—[r'u], [ro]—[r'e], [r'ъ]—[r'ь], [ry]—[r'i] и т. д.¹.

¹ Ср. у Р. О. Якобсона более широкое понятие слогового сингармонизма, заключающегося в ассимиляции согласных гласным в отношении их собственного тона, а также гласных согласным в пределах слога (см. *Re-
marques*, III, § 2, стр. 20; там же, § 5, стр. 22). Впрочем, тот же автор употребляет также термины „твердые“ и „мягкие“ слоги. Для нашего изложения важно не столько единство в „гармонизации“ слога, сколько соотно-

Обратимся к [y]—[i]. Итак, в слогах типа [ty]—[t'i], [ry]—[r'i] и т. д. нельзя признать [y] и [i] разными фонемами, так как нельзя изолировать их от твердости или мягкости предшествующей согласной, когда к тому же в начале слова произносятся только [i]. Но и наоборот: нельзя еще признать разными фонемами твердые или мягкие согласные, так как их нельзя изолировать от качества последующей согласной: слоги [ty]—[t'i]—одна из соотносительных пар „твердых“ и „мягких“ слогов в ряду других, еще более тесно связанных пар.

II. Соотносительные „твердые“ и „мягкие“ слоги [ty]—[t'i] отличаются от других аналогичных пар, между прочим, тем, что на стыке основы и флексии (т. е. когда t или t' принадлежат основе, а y или i—флексии) соотношения между твердостью и мягкостью согласных, с одной стороны, и обязательным соответствием звуку [y] после твердой согласной в положении после мягкой согласной звука [i]—с другой, не выдерживаются. Соотношения [y] и [i] во флексиях при твердости конечной согласной основы в первом случае и мягкости ее во втором факультативны. Это дает еще меньше оснований для функционального отождествления [y] и [i].

Правда, в ряде форм эти соотношения выдерживаются. Ср., например, [stoly] и [kon'i] в тв. п. мн. ч. у прилагательных—*-ychъ*,—*-ichъ*, *-ymъ*—*-imъ*, *-ym'i*—*-im'i*, *-yma*—*-ima*. Однако эта корреспонденция в морфологической системе необязательна: корреспондентом [y] в положении после мягкой согласной может быть не только [i], но и [è] (ср.: вин. п. мн. ч. [stoly] и [kon'è], им.-вин. п. мн. ч. [ženy] и [zeml'è]). Наоборот, в соответствии с [i] мягких основ в твердых основах вообще может быть не только [y], но и [è] с позиционной мягкостью предшествующей согласной (ср.: [zeml'i], но [žep'è] в дат. и местн. пп. ед. ч., [kon'i]—[stol'è] в местн. п. мн. ч.). В связи с факультативностью корреспонденции [y]—[i] во флексиях последняя не образует морфологическое тождество, т. е. [y] и [i] не являются вполне эквивалентными единицами в морфологическом плане.

Из всего сказанного вытекает, что для признания твердости и мягкости согласных фонемообразующей категорией и вместе с тем (это другая сторона того же вопроса) для признания [i] и [y] разновидностями одной фонемы необходимы следующие условия: а) возможность взаимного изолирования твердости-мягкости и [y]—[i]; б) наличие полной морфологической эквивалентности [y] и [i] во флексиях; в) наличие и других фонетических чередований между [i] и [y] в одной и той же морфеме.

Первые два условия были подготовлены двумя совершенно

сительность входящих в состав „твердых“ и „мягких“ слогов звуков—как согласных „твердых“ и „мягких“, так и гласных „задних“ и „передних“, что ярко проявляется на стыках основы и флексии, когда „твердые“ и „мягкие“ слоги становятся членами: согласные в таких случаях относятся к основе, а гласные—к флексиям.

разнородными качественно процессами: фонетическим процессом падения редуцированных и морфологическим процессом выравнивания флексий в ряде форм.

Третье условие стало подготавливаться для ряда случаев задолго до падения глухих (еще с доисторической поры), но окончательно оформилось после падения редуцированных.

Падение редуцированных явилось тем процессом, который "переполнил чашу". В результате этого процесса совершился скачок, количество перешло в качество: твердость или мягкость согласных полностью превратилась в качество самостоятельное, позиционно не обусловленное. Падение редуцированных привело к возможности изолировать твердость и мягкость согласных от качества следующей гласной, так как именно после осуществления этого процесса появились твердые и мягкие согласные на конце слова ([stol], [stol']), а также некоторые твердые и мягкие согласные перед некоторыми согласными ([vǎrka], [vǎr'ka]). Твердость-мягкость согласных — качество, первоначально целиком зависимое от качества следующей гласной, на последующем этапе (после смягчения полумягких и до падения редуцированных) взаимозависимое, после падения редуцированных стало независимым, самостоятельным. Твердость-мягкость согласных полностью освободилась от позиционных условий и стала фонемообразующей категорией.

Это привело к далеко идущим последствиям во всей системе языка, в том числе и в рассматриваемом нами вопросе. Поясню на примере: [lýka] и [l'ika]. После падения редуцированных появилась возможность изолировать [l] и [l'] от качества следующей гласной; ср.: [stol] и [stol']. При этом надо помнить, что в абсолютном начале имеется только [i] ([iva]) и что, следовательно, изолировать [y] от качества предшествующей согласной нельзя.

Однако для оформления отношений, характеризующих фонетическую систему современного русского языка, важное значение имело еще выравнивание форм, которое привело к полному морфологическому отождествлению [i] и [y] во флексиях.

Выше уже была отмечена факультативность морфологической корреспонденции [y]—[i], рядом с которой существовали корреспонденции [y]—[ě] и [ě]—[i]. Благодаря унификации форм эти многообразные корреспонденции устраняются. Процесс устранения по диалектам протекает не одинаково, но с точки зрения интересующего нас вопроса приводит к одному результату — к устранению факультативности корреспонденции [y]—[i]; применительно к литературному языку вместо [ženy]—[zeml'ě] появляются формы [ženy]—[zeml'i]; вместо [stoly]—[kon'ě] появляются [stoly]—[kon'i]; вместо [stol'ě]—[kon'ě]; вместо [ženě]—[zeml'i]; [zen'ě]—[zeml'ě]. С появлением формы [stoly] в им. п. мн. ч. вместо [stol'i] ликвидируется чередование *l'/l* в основе; при этом если сохраняется мягкость в им. п. мн. ч.,

то она проводится по всей парадигме мн. ч. (ср. „соседи“). Эти морфологические процессы требуют еще углубленного исследования в связи с фонетической системой соответствующей эпохи, так как не только морфологические процессы способствовали перестройке фонетической системы, но, быть может, и сама фонетическая система, и оказавшиеся в ней противоречия толкали к осуществлению морфологических процессов.

Благодаря этим морфологическим процессам морфологическая корреспонденция [y]—[i], бывшая ранее частной и в целом факультативной, становится всеобщей и обязательной, т.е. необходимой не только для той или иной формы, но для всей системы флексий.

При самостоятельности, позиционной необусловленности твердости-мягкости после падения редуцированных морфологическая корреспонденция [y]—[i] приобретает все признаки корреспонденции фонетической, т.е. позиционно обусловленного чередования гласных [y] и [i] в зависимости от положения после твердых или мягких согласных.

В случаях типа *мыл—мил, выдана—видана*, где на протяжении многих столетий не было никаких внешних изменений, произошла внутренняя функциональная перестройка: основным различителем в этих парах слов стали выступать твердость и мягкость согласных, а наличие [y] или [i] стало зависеть от твердости или мягкости предшествующей согласной¹.

На фоне происшедшей перестройки случаи типа [z'in'in] от [z'ina] истолковываются как образования не только с суффиксом *-in-*, но и с морфологическим (т.е. позиционно не обусловленным) чередованием —меной твердой согласной основы на мягкую; равно как и случаи типа [gus'yn'a] от [gus'] образованы не только при помощи определенного суффикса (фонологически *-in'a*), но и при помощи морфологического чередования —смены мягкой согласной основы на твердую.

Происходит заключительный акт нашей „драмы“: „действующие лица“ поменялись ролями. Твердость и мягкость согласных — качества, некогда фонетически обусловленные, зависимые, разрывают „цепи“ этой зависимости, становятся самостоятельными, господствующими, обуславливающими; наоборот, качества, некогда господствующие и самостоятельные ([y] и [i]), становятся обусловленными, зависимыми, подчиненными. Между этими двумя конечными этапами был ряд промежуточных, в частности, была переходная эпоха „междоцарствия“, взаимной обусловленности, эпоха „твердых“ и „мягких“ слов.

Мы рассмотрели основную сюжетную линию развития интересующих нас явлений, так сказать, столбовую дорожку. Но для

¹ Надо учесть, что к этому времени укрепляются некоторые специфические явления в абсолютном начале слова (о них см. ниже), которые также приводят к установлению фонетического чередования [y] и [i] как разновидностей одной фонемы.

выработки современных отношений немалое значение имели и некоторые боковые пути и тропинки, побочные эпизоды, которые также надо рассмотреть. Среди них большое место занимают процессы, приведшие к взаимоисключаемости [i] и [y] в начале слова и фонетическому чередованию [i] и [y] в одной и той же корневой морфеме. Рассмотрим и их.

ИСТОРИЯ ЗВУКОВ [i] И [y] В НАЧАЛЕ СЛОВА

Процессы, которые привели к неразличению [y] и [i] в начале слова, относятся еще к доисторической эпохе. Старые *a и *t различались как фонемы во всех положениях, в том числе в начале слова.

В дальнейшем *a, делабиализуясь в [y], выделяло в начале особый лабиальный элемент [ɟ], который, после согласной, возможно, придавал лабиализованный характер этой согласной, а в начале слова сохранился в виде отдельной артикуляции [ɟ], позднее [w] или [v]. Поэтому уже с давней доисторической поры в славянских диалектах гласная [y] не употреблялась в начале слова, и это сохраняет свою силу и до сих пор в русском языке.

Перед начальными *i и *t также развивался согласный элемент — i (i): *i (b) → jb, *t → ji. Однако в дальнейшем начальное [jb] изменяется в [i], а начальное [ji] утрачивает [j] (ср. перед другими передними гласными, а также [a], где [j] сохраняется). Поэтому в дальнейшем звук [i] в начале слова, в противоположность звуку [y], оказывается возможным и сейчас встречается во многих словах русского языка; ср.: [igrá], [ískra], [idú] и [vúdra], [vúknut'] с [v] в начале.

Так было устранено различие [y] и [i] в начале слова. Это частный процесс весьма давней поры; когда он совершился, то не внес заметных изменений в фонетическую систему. Однако много веков спустя, когда имели место многие другие процессы, как те, о которых было сказано выше, так и, в особенности, те, которые будут рассмотрены ниже, он сыграл свою роль в объединении функций звуков [y] и [i].

В соответствии с [i] абсолютного начала слова после твердых согласных в современном русском языке выступает [y]; ср.: [igrá]; [sygrát']. В этом — одно из оснований считать [y] вариацией фонемы [i]. Рассмотрим историю этого явления.

Явление это могло иметь различное происхождение, в зависимости от времени появления тех или иных сложений и от характера этих сложений. Чем более тесным было еложение, тем раньше и сильнее происходили процессы ассимиляции в широком смысле слова, и наоборот. Однако конечный результат (за единичным исключением) был один: предшествующая согласная сохраняет свою твердость, а звук [i], начинающий собой корень, изменяется в [y].

Распределяя сложения, имевшие „твердую согласную + i“, по степени убывающей близости, спаянности, надо иметь в виду: а) сложения с приставками в первой части; б) сложения с предлогами в первой части; в) сложения с самостоятельными словами в первой части. В первых двух случаях следует также различать сложения с предлогами-приставками на -z и на другие согласные.

На стыке приставки на -z и корня в одном случае мы находим „мягкость + [i]: [vz'imat']“. Здесь надо отметить прежде всего книжный, церковнославянский характер этого слова и его пониженную морфологическую членимость (нет [imat'])¹. Далее следует учесть указания на то, что это сложение относится к весьма глубокой древности (ср. парный к нему глагол [vz'at'], звуковой вид которого указывает на то, что он появился до развития [j] перед начальным [e] носовым (*eⁿ) или, во всяком случае, тогда, когда начальный [j] был лишь признаком начала слова, а не самостоятельной фонемой и потому отсутствовал при префиксальных сложениях).

Однако при пониженной морфологической членимости полумягкая согласная перед [i] ([vʒz'imat'i]) могла смягчиться и в своих, незаимствованных словах так же, как в тех случаях, где нет стыка морфем. То, что образование мягкости конечной согласной приставки связано с притуплением морфологической членимости, а также с наибольшей древностью сложения, видно, между прочим, из сложений с приставками *sъn-*, *уъn-* [sn'imat'], [vn'imat'] (ср.: [sn'at'], [vn'at']), [sn'iskat'] — с мягкою [n'] в конце приставки и корневым [i]. Древность этих сложений доказывается наличием [n] в конце приставок, а также первоначальной несмягченностью [n] (ср. праслав. [sъn'eⁿti], [уъn'eⁿti]), эти сложения появились до утраты конечной [n] в приставках (в более новых сложениях нет [n]: [syskat'], [sygrat'] из [sъiskati], [sъigrati]), а также до появления [j] перед начальной *eⁿ. Морфологическая же членимость здесь рано притупилась, так как, как правило, эти приставки в дальнейшем были представлены в виде *сѣ-*, *уѣ-*, к тому же это были, как правило, слова книжного происхождения. Благодаря этому, как известно, появилось [n] аналогического происхождения: *поднимать*, *отнимать*, *занимать*, *унимать* (с сочетанием [n'i]) при *поднять*, *отнять*, *занять*, *унять*, указывающее на морфологическое переразложение: *под-нимать*, *за-нимать*, *у-нимать* и т. д. Таким образом, в сочетании [n] + [i] перестал функционировать как стык приставки и корня. Поэтому в этом сочетании, как и во всяком другом, не на стыке приставки и корня полумягкое [n] смягчилось.

Так обстоит дело с „исключением“ — *vz'imat'*. Во всех остальных случаях на стыке приставки на -z и корня, начинающегося

¹ Слово [imat'] имеется в ряде северновеликорусских говоров, но в них как собственно диалектах нет слова [vz'imat'].

1), мы находим [z] + [y]: [rozygrat'], [rozyskat'], [izymat'], [zyskat'], [vzygrat'], [vozym'et'] и т. д. Подобные случаи могли появляться в русском языке в разное время, причем появившиеся в более позднюю эпоху (например, *возыметь*, не говоря о случаях, вроде *безыдейный*), естественно, оформлялись по типу уже имевшихся.

Относительно происхождения подобных случаев можно высказать следующие предположения. Не исключено (хотя и менее вероятно), что приставки на -z у нас были известны и с [ъ] на конце и что случаи приведенного типа восходят к *rozъiskati* и т. д. При таком предположении наше *розыскать* следует объяснить так же, как и *отыскать*, *подыскать* (см. ниже). Ср.: [iz'mat'] — [vz'at'], [izymat'] — [iz'jat'] (не было ли стадии [zje'nti]?). Но те же факты можно объяснить, исходя из более принятого взгляда на то, что приставки на -z не имели на конце [ъ]; в этом случае следует только допустить, что сложение разбираемого типа (кроме *взимать*) появились позднее, а именно только после появления [j] перед начальным *eⁿ, но и когда из признака начала слова стал обычной фонемой и когда сочетание [zj] уже не смягчалось в [ž] (ср. парное к [izymat'] образование [iz'jat']).

Большая часть относящихся сюда случаев, видимо, объясняется следующим образом: это были слова живого языка с полной морфологической членимостью (т. е. отчетливой выделяемостью приставки и корня). В эпоху до смягчения полумягких здесь произносилась полумягкая вариация несмягченной фонемы [z]: [roz'iskat'i]. В эпоху смягчения полумягких в имевшихся сложениях, а также в новых сложениях, появившихся после начала действия этого процесса, смягчению согласной [z] приставки на стыке с корневой [i] препятствовала морфологическая членимость, яркое осознание морфологического стыка. Ведь эпоха до падения глухих — эпоха „твердых“ и „мягких“ слогов, когда в качестве различителей значения выступают слоги, в целом отличающиеся от соотносительных слогов как гласной, так и согласной, качество которых взаимно обусловлено.

При этом надо иметь в виду, что на стыке приставки и корня звук [z] (и вообще согласная приставки) мог сочетаться только с корневой [i], но никак не с [y], так как последний всегда имел перед собой [v]. Надо принять во внимание, что в других случаях звук [z] приставки (или предлога) мог входить только в состав „твердых“ слогов, но не „мягких“ (т. е. могли быть сочетания [za], [zu], [zo], но не [z'a]¹, [z'u]; ср.: [vъzalkati], [rozimëti], [izostriti]). В связи с этим вопреки „фонетическому закону“ смягчения полумягких восстанавливается твердость согласной z приставки, что влечет за собой изменение [i] в [y],

¹ Кроме случая *vz'at'*, который как раз и объясняется отсутствием четкой морфологической членимости.

так как сочетание твердых согласных с последующим [i] в русском языке было неизвестно.

Так же могут быть объяснены и сложения с предлогами на -z: [iz-yzby], [bez-ygry].

Приставки на другие согласные звуки (*под-, над-, от-, об-* и др.) имели на конце [ъ]. На месте старого сочетания „согл. + [ъ] + корневое [i]“ во всех говорах русского языка представлена „твердая согл. + [y]“, т. е. результат тот же, что и в случаях сложений с приставками на -z: [otyskat''], [podumat''], [syg-rat''], [otumat'']. Однако процессы, приведшие к тождественному результату, не были одинаковыми.

В тесных сложениях [ъ] перед [i] изменился в [ÿ], а затем сочетание [ÿi] в результате стяжения могло измениться в [y], причем этот процесс мог иметь место еще до падения редуцированных. Таким образом, [podъ + imati] → [podÿimati] → [podumat]. В менее тесных сложениях (например, с предлогом в 1-й части) сочетание [ÿi] могло сохраняться, не стягиваясь в [y]. А в сложениях наименее постоянных, наиболее случайных (например, в сложениях самостоятельных слов) могло сохраняться даже [ÿi]: [otÿ-izby]; [bratъ idetъ]. В обоих последних случаях, следовательно, сочетание „твердая согласная + у“ появилось после падения редуцированных.

После падения редуцированных ([ъ], [ÿ]) корневое [i] оказалось после твердой согласной приставки. Сочетание твердой согласной с [i] не могло сохраниться в русском языке. Процесс мог пойти в двояком направлении: 1) твердая согласная перед [i] могла смягчиться; 2) гласная [i] после твердой согласной могла измениться в [y]. Случилось второе. Все, что было выше сказано для объяснения сочетания [z] + [i] на стыке приставки и корня, относится и к разбираемым теперь случаям. Но особую важность приобретает то обстоятельство, что после падения редуцированных твердость-мягкость согласных окончательно оформляется в фонемообразующую категорию, а более заднее или переднее образование нелабиализованной гласной верхнего подъема (y — i) становится лишь разновидностью одной и той же фонемы и обусловлено твердостью или мягкостью предшествующей согласной. Оказывается существенным прежде всего сохранить твердость конечной согласной приставки (приставки на мягкие согласные фонемы у нас неизвестны), а сохранение [i] — несущественным, поскольку [y] уже является лишь позиционно обусловленной разновидностью той же фонемы. Итак, хронология рассмотренных явлений представляется, примерно, следующей:

1. roz + iskati, podъ + imati, otъ izby, bratъ idetъ (domъ);
2. rozyskati, podÿimati, otъ izby, bratъ idetъ (domъ);
3. rozyskati, podumat, otÿizby, bratъ idetъ (domъ);
4. rozyskat'i, podumat'i, ot-yzby brat-yd'et' (dom).

¹ Впрочем, приставка *от-* могла и не иметь на конце [ъ].

Само собой разумеется, что сочетание [ky] на стыке предлога и гласной [i] следующего слова или на стыке самостоятельных слов (*k-yvánu*, *k-yz'b'ě*, *sn'ěk-yd'ót*) появилось тогда же, когда и другие сочетания (например, [ot-yzbý], [s-yvánom], [brat-d'ót]), т. е. после падения редуцированных.

Однако судьба сочетаний [ky], а также [gy], [chy] не в указанных стыках требует особого рассмотрения.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ [ky], [gy], [chy]

Изменения [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] известно не только русскому языку, но также украинскому и белорусскому. Однако в русском языке оно произошло значительно позднее, чем в украинском, а именно после падения редуцированных, хотя само по себе оно не связано с этим процессом) и даже не непосредственно после падения редуцированных. Таким образом, это изменение в русском языке произошло тогда, когда твердость-мягкость согласных окончательно оформилась как фонемообразующая категория и когда осуществились те функциональные сдвиги в роли согласных и последующих гласных, о которых говорилось выше. Памятники письменности показывают, что этот процесс по русским говорам проходил неодновременно: начавшись едва ли ранее чем в XIV в., он завершился в течение XV в. О том же, быть может с еще большей доказательностью, свидетельствуют данные относительной хронологии: изменение [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] совершилось после того, как [y] в положении перед [i] и [j] ([j]) изменился в [o] в таких случаях, как *сухой*, *такой*, *другой*, причем [y] здесь получилось из [ÿ] при изменении сильных редуцированных в гласные полного образования. Следовательно, [ky], [gy], [chy] изменились в [k'i], [g'i], [ch'i] в русском языке не только после падения редуцированных, но и не непосредственно после этого процесса, а после того, как [y] (всякого происхождения) перед [i] ([j]) изменилось в [o]. Таким образом, относительная хронология интересующих нас двух процессов представляется в следующем виде: [gyb'ěl'ь], [drugýj] ([domъ]) → [gyb'ěl'ь], [drugŭj] ([domъ]) → [gyb'ěl'ь], [drugŷj] ([domъ]) → [gyb'ěl'ь], [drugyj] ([domъ]) → [gyb'ěl'ь], [drugoj] → [g'ib'ěl'ь], [drugoj].

Если бы изменения происходили не в указанной последовательности, то в русском языке под ударением имелись бы формы *сух'ий*, *так'ий*, *друг'ий*, чего нет¹.

Следует также иметь в виду, что изменение [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] произошло тогда, когда в системе языка на стыке с флексиями давно уже имелись [k'], [g'], [ch'], появив-

¹ Судьба соответствующих безударных форм по русским говорам была неодинакова; и среди них встречаются также формы на [k'i], [g'i], [ch'i].

шиеся нефонетическим путем ([ruk'è], [nog'è], [much'è], еще раньше в случаях типа [žen'ьs'k'è]); таким образом, необходимые артикуляционные навыки были уже налицо. Можно отметить также, что задолго до этого изменения сочетания [k'i], [g'i], [ch'i] были известны в книжном языке в словах иноязычных; однако последние, ассимилируясь в фонетической системе русского языка, могли сохранить задненёбные несмягченные с последующим [y] (ср. в древнерусских памятниках: *Логинъ, Никыта, кытъ, скыпътръ*) или заменить задненёбную на смягченный согласный (ср. украинский *ничипір*). Смягченные согласные (шипящие или свистящие) особенно часто появляются при наличии морфологического стыка. Ср. по памятникам: *ревечинъ, ольжинъ* или *ревецинъ, ользинъ* (от *Ревека, Ольга*); ср. то же в современном украинском языке: *Ольжин, Лучин* (от *Лука*), *свашин* (от *сваха*). Однако древнерусские памятники указывают на то, что в образованиях с притяжательным суффиксом *-in-*, в особенности от своих имен, в результате аналогии восстанавливается задненёбная согласная с последующей [y]: *Щукинъ, Кошкынъ, с мачехыными* и др. Подобного рода сочетания вместе с этимологическими [ky], [gy], [chy] внутри морфемы изменились в [k'i], [g'i], [ch'i]. Ср. современные: *Логин, Никита, кит, щукин, мачехин*.

Изменение *ky, gy, chy* в *k'i, g'i, ch'i* объясняется обычно делябиализацией [k] и последующей эволюцией этой согласной в более переднее образование, в связи с чем перемещается и место образования [y]. Вполне возможно, что истоки этого процесса и связаны с делябиализацией [k], [g], [ch]. Однако надо иметь в виду, что не всякая физиологическая потенция осуществляется. Ведь, по Шахматову, перед [y] делябиализации подверглись рядом с [k], [g], [ch] и другие согласные, например [t], [d], [s], [z] и др. Почему же сочетания [ty], [dy], [sy], [zy] и др. не изменились в [t'i], [d'i], [s'i], [z'i]? Необходимо указать на особые обстоятельства, которые способствовали изменению [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i]. Эти обстоятельства вполне выясняются при соотнесении нашего частного явления с фонетической системой в целом: в то время как парные твердые и мягкие согласные различались перед фонемой <i> (т. е. перед звуками [i] и [y]), задненёбные не различались — они употреблялись только перед [y] и только в твердом виде. Другими словами: существовали в языке слоги [ty] и [t'i], [dy] и [d'i], [sy] и [s'i] и [gy] и [g'i] и т. д. и рядом только [ky], [gy], [chy] ([k'i], [g'i], [ch'i] отсутствовали!). Таким образом, в то время как зона [ky] — [k'i], [gy] — [g'i], [chy] — [ch'i] была нерасчлененной, взаимно нейтральной, так как сочетания [k'i], [g'i], [ch'i] не использовались языком, сочетания [ty] и [t'i], [dy] и [d'i], [gy] и [g'i] представляли собой две резко противопоставленные друг другу зоны, используемые в целях смыслоразличения. Поэтому для изменения [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] не было препятствий в системе языка, в то время как сочетание [ty] и др. не могли измениться

[t'i] и др. — этому препятствовало наличие особой, используемой в языке зоны [t'i] и др. Точно так же как один из двух потоков растекается по равнине, не встретив препятствий, а другой задерживается, встретив на своем пути плотину, так и имеющаяся потенция фонетических изменений в тех случаях, когда она не встречается на своем пути препятствий, — осуществляется, а в других случаях, когда она встречается на своем пути достаточно сильные препятствия в фонетической системе языка, она задерживается и может не осуществиться.

Как уже было указано выше, сочетание [ky] на стыке предложения и следующего слова, а также сочетания задненёбных с [y] на стыке самостоятельных слов появились непосредственно после падения редуцированных. Таким образом, оказывается, что в эпоху изменения [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] в системе языка были сочетания задненёбных согласных с [y], которые не подвергались этому изменению, причем само [y] здесь образовалось из [i]. Эта как бы непоследовательность звукового процесса объясняется структурой языка: изменение [ky], [gy], [chy], в [k'i], [g'i], [ch'i], как и многих других звуковых процессов, имело место лишь внутри слова (точнее, в данном случае внутри корня и на стыке корня с флексией), но не на стыке слов, в том числе не на стыке с предлогом (ср. в современном русском языке аналогичные различия в произношении сочетаний согласных на стыке слов и внутри слова: *нет-ли* и *нетли*, *от вёдер* и *твёрдый*, *под Минском* и *Людмила*). Ввиду этого сочетания задненёбных с последующим [y] приобрели в русском языке особую выразительность, сигнализируя всегда о стыке слов. Ср.: *написал Кире*, *написал к Ире* (в произношении [к'и́р'ь] и [кы́р'ь], *слухи Рины* и *слух Ирины* (в произношении [слух'и-р'и́ны] и [слух-ы́р'и́ны]).

* * *

Мы рассмотрели интересующее нас явление на почве русского языка. Расширение наших наблюдений о других славянских языках раскрыло бы более многообразные пути фонетической эволюции и представило бы собой весьма благодарную задачу для сравнительной фонетики славянских языков.

Однако уже и сейчас можно указать на два диаметрально противоположных пути в эволюции рассмотренных нами явлений по разным славянским языкам, один из которых осуществился в русском языке, другой — в сербскохорватском. В русском языке, где полумягкие согласные смягчились, где широкое развитие получили «твердые» и «мягкие» слогги, а затем фонемообразующие категории твердых и мягких согласных, звуки [y] и [i] сохранились. Но они сохранились уже не как отдельные фонемы, а как качества, сопровождающие предшествующие твердые или мягкие согласные, как разновидности одной и той же фонемы [i]. Наоборот, в сербском языке, где полумягкие отвердели, где в связи с этим утратилась соот-

носительность «твердых» и «мягких» слогов и категория твердости-мягкости согласных не получила развития, звуки [y] и [i] совпали (ср. наряду с этим и совпадение [ъ] и [ь]) в нем, таким образом, [y] отсутствует. Другие славянские языки представляют в общем различные промежуточные этапы сравнительно с только что рассмотренными¹.

* * *

Мы рассмотрели, как некогда самостоятельные качества [y] и [i] — две разные фонемы — стали качествами несамостоятельными, обусловленными, зависимыми, как они превратились в разновидности одной фонемы. Мы видели также, что это другая сторона процесса, который привел к тому, что некогда несамостоятельные, зависимые, обусловленные качества — твердость и мягкость согласных — приобрели самостоятельность, независимость, стали фонемами образующей категорией. Мы убедились, что процесс функционального объединения [y] и [i] теснейшим образом связан с целым рядом других фонетических процессов, с рядом перестроек всей фонетической системы, а также со многими морфологическими явлениями.

Думается, что рассмотренный вопрос может служить яркой иллюстрацией выставленного вначале положения о том, что каждое частное фонетическое явление может быть плодотворно изучаемо лишь в связи со всей фонетической и шире — языковой системой и что важнейшей очередной задачей исторической фонетики является построение исторической фонетики как учения об эволюции фонетической системы, о развитии и смене фонетических систем.

* * *

В заключение следует сказать, что вопросы истории звука [i] и [y] были рассмотрены автором около четверти века тому назад (см. статью в журнале «Вестник Московского университета», 1947, № 1). В этой статье вопрос об истории фонем <i> и <y>, позднее объединившихся в одной фонеме <i>, рассматривался в связи с развитием категории твердости-мягкости, изменением [e] в [o], а также рядом морфологических процессов. В связи с рассматриваемыми процессами было выдвинуто понятие силлабемы. Во избежание неверного понимания взглядов автора, отметим, что силлабему не следует понимать как категорию, предшествующую фонемному уровню. Это была эпоха, которой предшествовала и за которой следовала эпоха фонемы как кратчайшей звуковой единицы. Эпоха силлабемы лишь характеризовала переходный период,

¹ См. об этом: Якобсон. Указ. соч., гл. VII.

когда нельзя установить, является ли доминирующим (необусловленным) признаком твердость-мягкость согласного или заднее-переднее образование гласного, когда то и другое качество были взаимно обусловлены. Эпоха силлабем — это переходный период от эпохи вокалической системы к системе консонантной, в которой доминирующую роль приняли на себя согласные: их твердость или мягкость стала безусловленной, а последующие гласные старшего периода, обычно разные фонемы, превратились в разновидности одной фонемы.

Эту точку зрения разделяют П. С. Кузнецов, В. В. Иванов, К. В. Горшкова, Л. Э. Калнынь и другие (см.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; В. В. И в а н о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1964; К. В. Г о р ш к о в а. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. «Славянская филология», 1963, вып. 5; Л. Э. К а л н ы н ь. Развитие твердости и мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Института славяноведения». Т. 13, М., 1956).

К понятию силлабемы близко понятие «группофонемы», выдвинутое В. К. Журавлевым (см.: В. К. Ж у р а в л е в. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке. «Вопросы языкознания», 1961, № 4; В. К. Ж у р а в л е в. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Опыт диахронической фонологии. Минск, 1963).

К ИСТОРИИ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассмотрим образование уменьшительных существительных от существительных мужского и женского рода. При этом не будем касаться семантики суффиксальных уменьшительных в их отношении к семантике соответствующих непроеизводных, а проанализируем самый механизм словообразования и сопровождающие его чередования согласных. Поэтому ниже рассматриваются как в собственном смысле уменьшительные, так и образования, которые были уменьшительными в прошлом (например, *порошок*, *мешок*)².

¹ Рассматриваемая тема ранее была изложена автором в статье, опубликованной в сб. „Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации“ (М., 1968), и статье „К истории морфологических чередований и фонемного состава корневых морфем при образовании уменьшительных существительных в русском языке“ (см. сб. „To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday“, Mouton), материалы которых были использованы в этой книге.

² Литература по славянским деминутивам довольно обширна. В ней особое место занимает богатая идеями и фактическим материалом статья А. Белича „Zur Entwicklungsgeschichte der slawischen Deminutiv und Ampliativsuffixe“ (см.: „Archiv für slawische Philologie“, XXIII). К ней примыкает также основополагающая работа по этой проблеме В. Дорошевского „Monografie slowotworcze. I. Formacje z podstawowym -k- w części sufiksalfnej“ (см.: „Prace filologiczne“, XIII, 1928). Русские деминутивы рассматриваются также в ряде работ А. А. Деметьева, в том числе в его докторской диссертации [см.: „Имена существительные с утраченной уменьшительностью“. „Русский язык в школе“, 1948, № 1; „Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами -ок, -к, -ко, -ец, -ца, -цо, -ица, -ице)“, Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та“, вып. 27, 1959; „Заметки по русскому словообразованию“. „Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та“, вып. 13, 1955].

В отличие от этих работ, в которых рассматриваются во всей полноте проблемы словообразования в собственном смысле, наш материал посвящен более специальному вопросу о чередованиях согласных, сопровождающих образования деминутивов, лишь частично затронутому в научной литературе. Рассмотрение этих чередований в связи с историей фонематической системы дает возможность установить историческую преемственность исследуемых строго ограниченных словообразовательных моделей деминутивов с приметой -к- (> -с-). Все славянские языки свидетельствуют об одних и тех же начальных этапах в истории рассматриваемых моделей деминутивов, хотя сохранили их в разной степени (больше других сохранили их южнославянские языки). Последующее развитие деминутивов в славянских языках оказалось неодинаковым в связи с различным общим ходом их истории и не в малой степени в связи с характером развития их фонологической системы. Нами использован по преимуществу материал восточнославянских языков.

Интересующие нас явления в образовании уменьшительных имен существительных, восходя к праславянскому, в разных формах отразились во всех славянских языках и ведут свое начало от еще более древних эпох индоевропейского.

Однако в целях компактности изложения позволим себе некоторую вольность и начнем свое повествование с «эпилога», с того, что мы находим в одном из современных славянских языков (а именно, в русском). Путем внутренней реконструкции установим основные этапы в развитии рассматриваемых явлений, подкрепив их данными предшествующих эпох.

В современном русском языке уменьшительные от имен существительных с основой на твердую парную согласную могут образовываться при помощи суффикса *-(о)к-* (с «беглым» *о*), например: *воз* — *возо́к*, *год* — *годо́к*, *го́род* — *горо́док*, *дуб* — *дубо́к*, *за́д* — *задо́к*, *час* — *часо́к*, *сын* — *сыно́к*, *цвет* — *цвето́к*, *котёл* — *котело́к*, *терем* — *теремо́к* и т. д.; *рыба* — *ры́бка* (ср. *ры́бок* — род. п. мн. ч.), *баба* — *ба́бка*, *губа* — *гу́бка*, *коро́ва* — *коро́вка*, *трава́* — *тра́вка*, *де́ва* — *де́вка*, *голо́ва* — *голо́вка*, *борода́* — *боро́дка*, *берёза* — *берё́зка*, *моги́ла* — *моги́лка*, *сте́на* — *сте́нка*, *тропа́* — *тро́пка*, *гора́* — *горо́ка*, *ча́ра* — *ча́рка*, *сви́та* — *сви́тка* и т. д. Суффикс *-(о)к-*, как известно, восходит к древнерусскому *-ѣк-*.

Однако от имен существительных с основой на одну из заднеязычных согласных образование производных с суффиксом *-(о)к-* сопровождается чередованием заднеязычной с шипящей: *г//ж*, *х//ш*, *к//ч*. Например, в именах мужского рода: *бе́рег* — *бережо́к*, *бог* — *божо́к*, *долг* — *должо́к*, *друг* — *дружо́к*, *круг* — *кружо́к*, *луг* — *лужо́к*, *пирог* — *пирожо́к*, *рог* — *рожо́к*, *снег* — *снежо́к*, *стог* — *стожо́к*, *торг* — *торжо́к*, *грех* — *грешо́к*, *ворох* — *ворошо́к*, *дух* — *душо́к*, *пух* — *пушо́к*, *слух* — *слушо́к*, *мех* — *мешо́к*, *порох* — *порошо́к*, *бык* — *бычо́к*, *жук* — *жучо́к*, *лук* — *лучо́к*, *сук* — *сучо́к*, *крюк* — *крючо́к*, *рак* — *рачо́к*, *дык* — *дычо́к*. В именах женского рода на *-я*: *нога́* — *но́жка*, *дуга́* — *ду́жка*, *кни́га* — *кни́жка*, *блѣха* — *блѣшка*, *крѣха* — *крѣшка*, *соха́* — *со́шка*, *река́* — *речка*, *строка́* — *стро́чка*, *мука́* — *му́чка*, *рука́* — *ру́чка*. С точки зрения синхронных отношений остается неясным, почему в образованиях современного русского языка с суффиксом *-(о)к-* при отсутствии чередования парных твердых согласных с соответствующими мягкими заднеязычные чередуются с шипящими. Ведь при наличии чередования *г//ж*, *х//ш*, *к//ч* следовало бы ожидать чередования *т//т'*, *с//с'* и т. д. Или: при отсутствии чередования *т//т'*, *с//с'* и т. д. (*цвет* — *цвето́к*, *сви́та* — *сви́тка*) следовало бы ожидать также отсутствия чередования заднеязычных с шипящими (т. е. *бог* — *бого́к*, *соха́* — *со́шка* и т. д.).

Отмеченная «аномалия» может быть понята только в том случае, если мы допустим, что в прошлом после парных твердых согласных, с одной стороны, и заднеязычных — с другой, в древнерусском были разные суффиксы: *-ѣк-* в первом случае и *-ѣк-* во втором; фонема *<*i>*, к которой восходит *<ь>*, смягчала предшествующую заднеязычную согласную в шипящую, поэтому имело место чере-

дование заднеязычной с шипящей. Однако и в этом случае остается неясным, почему от существительных одного и того же грамматического класса, одинаково относящихся к твердой разновидности склонения, в пределах одной и той же словообразовательной модели суффиксы отличались в фонемном составе и тем самым представляли собой два разных суффикса: *-ък-* и *-ьк-*. Непонятно и то, почему употребление того или другого суффикса зависит от места, занимаемого конечной согласной непроизводной основы в фонематической системе: *-ък-* употребляется после парных твердых согласных, а *-ьк-* после заднеязычных, закономерно заменяющихся на шипящие.

Прежде чем попытаемся объяснить эту «аномалию», рассмотрим образование уменьшительных от имен на мягкую парную согласную.

Уменьшительные от имен существительных на *-а* с основой на мягкую парную согласную обычно сохраняют ее; ср.: *недѣля — недѣлька, капля — капелька, дѡля — дѡлька, тѣря — тѣрька, бѡня — бѡнька, дѡня — дѡнька*. К кругу таких слов относятся также собственные имена, например: *Вѡря — Вѡрька, Вѡля — Вѡлька, Вѡся — Вѡська, Кѡтя — Кѡтька, Фѣдя — Фѣдька, Пѣтя — Пѣтька*, а также такие слова, как *дѣдя — дѣдька, тѣтя — тѣтька, бѣтя — бѣтька* и некоторые другие. Однако существительные, имеющие перед *⟨н'⟩* согласную, а также *⟨j⟩*, обычно образуют уменьшительное с заменой *⟨н'⟩* на *⟨н⟩*: *пѣсня — пѣсенка, сѡня — сѡтенка, квашнѣ — квашѡнка, вишнѣ — вишенка, спѣльнѣ — спѣленка, колокольнѣ — колоколѣнка, бойнѣ — бѡенка* и т. д.¹ С заменой мягкой парной согласной на соответствующую твердую образуют уменьшительные также отдельные слова с одной согласной в непроизводной основе, например: *тетѣря — тетѣрка* (но имеется также образование *тетѣрька*), *тѣтя — тѣтка*. Рядом с приведенными уже образованиями *тѣтя — тѣтька, бѣтя — бѣтька* нельзя не отметить *дитѣя — дѣтка*, а также *мѣть — мѣтка*.

Нет последовательности в образовании уменьшительных от имен существительных мужского рода без окончания с основой на мягкую парную согласную. Согласные *⟨н'⟩*, *⟨р'⟩*, *⟨л'⟩* обычно сохраняют мягкость в производных; ср.: *пень — пенѣк, тень — тенѣк, день — денѣк, окунь — окупѣк, конь — конѣк, огонь — огонѣк, клубень — клубенѣк, льнь — льнѣк, ларь — ларѣк, хорь — хорѣк, пузырь — пузырѣк, царь — царѣк, угорь — угорѣк; мотыль — мотылѣк, соболь — соболѣк, стѣбель — стѣбелѣк, кисель — киселѣк, руль — рулѣк, костыль — костылѣк*. Сохраняется мягкость в отдельных образованиях с непроизводной основой на *⟨т'⟩*, *⟨з'⟩*, а также, возможно, на *⟨с'⟩*: *зять — зятѣк, князь — князѣк* и, может быть, *гусь — гусѣк (?)*. Однако обычно при мягкой основе на *⟨б'⟩*, *⟨д'⟩*, *⟨т'⟩* непроизводных существительных — в производных наличествует чередование — замена этих мягких согласных на соответствующие твердые: *гѡлубь — гѡлубѡк, нѡготь — ногѡтѡк, кѡготь — коготѡк, лѡкоть —*

¹ Едва ли не единственным исключением является *⟨д'ер'ев'ѣн'ка⟩* от слова *⟨д'ер'ѣвн'а⟩*.

докоток, лапотъ — лапоток, гвоздь — гвоздок. Известны диалектные: медвѣдь — медведок, грузь — груздок. При хорь — хорек, ларь — ларек и др. (примеры см. выше) от зверь образуется не только зверек, но также (просторечное и диалектное) зверок.

Отсутствует последовательность также в образовании уменьшительных от имен существительных женского рода с основой на мягкую парную согласную; ср.: ступень — ступенька, но печень — печонка, колыбель — колыбелька, акварель — акварелька, но щель — щёлка, рель — рёлка, ель — ёлка, бутылъ — бутылка. Сюда можно отнести также диалектные кадь и общее кádка, а также мать — матка. Отметим уменьшительные образования от дверь — двёрка и разговорное двёрка, а также диалектное двёрька. Согласные <т'>, <л'>, а также согласная <в'> в образованиях рассматриваемого типа всегда чередуются с соответствующей твердой: тетрадъ — тетрадка, лошадъ — лошадка, площадь — площадка, сельдь — селёдка, плеть — плётка, сеть — сётка, грудь — грúдка, бровь — брówka, цѣрковь — цѣрковка, морковь — моркóвка.

Указанные непоследовательности и отклонения — лес — лесок, но друг — дружок, горá — гóрка, но ногá — нóжка, зверь — зверек, но также и зверь — зверок, зять — зятёк, но ноготь — ноготок, батя — батька, но мать — матка и т. д. — легко объясняются, если мы примем во внимание основные этапы в истории уменьшительных образований, с одной стороны, и истории фонологической системы — с другой, в частности отделение шипящих от заднеязычных как особых фонем и развитие корреляции мягких-твёрдых согласных как фонемообразующей категории.

На основе данных сравнительно-исторической грамматики славянских языков и истории русского языка (по показаниям как письменных памятников, так и диалектных источников) можно утверждать, что уменьшительные имена существительные образовались с элементом -к-, который присоединялся к теме *ĭ* или *ĭ*. Долгота и краткость, а также качество гласной темы были, видимо, обусловлены характером основы производного существительного: гласные верхнего подъема — долгая (т. е. *ā*) заменялась долгой гласной *ĭ*, краткая (т. е. *ǫ*) — краткой гласной *ĭ*; гласные верхнего подъема *ĭ* и *ĭ* сохранялись. Так получились суффиксы -*ĭk* > -*ic*-, -*ĭk* > -*ьc*-, -*ĭk* > -*ѣk*- (ср.: *gorica*, *dvorьcь*, *kletьca*, *zverьcь*, *domѣkъ*). Имена с основой на согласные и *h* обычно образовывали уменьшительные от основы косвенных падежей: *kamenьcь* (ср., впрочем, также *kamukъ* — достаточно древнее образование), *kremenьcь*; *сьгѣвьcьca*, *хорѣгъвьcьca*, *крѣвьcьca* (можно полагать, что *сьгѣвьcьca* образовано от *сьгѣвьca*); существительные *mati*, *dъt'ĭ* (из **dъkti*) образовали уменьшительные как от основы косвенных падежей, так и от основы именительного падежа, а также как с гласной *ĭ*, так и, видимо, с гласной *i*: *materica*, *dъt'ĭerica* или *matĭca* и, возможно, *dъt'ĭica*. Можно предполагать также *matьca*,

dŕt'ьsa, а на основании сербскохорватского *kŕerца*, также *materьsa*, *dŕt'ьerьsa*. С течением времени, однако, видимо, еще в позднем праславянском, в результате морфологической аналогии имеет место взаимное проникновение суффикса *-ьс-* в слова с основой на **й* (ср.: др.-русск. *домьць*) и суффикса *-ѣк-* в основы на **ѡ* (ср., например, *возѣкъ* вместо более раннего *возьць*). В результате не вполне ясных процессов суффикс *-ѣк-* проникает в образования от существительных мягкой разновидности **ѡ* основ. Ср. еще ст.-сл. *корабль* — *кораблиць*, а также др.-русск. *ножь* — *ножиць*, *мечь* — *мечиць* и др.

Естественно, что заднеязычные перед рефлексами *ĩ* смягчались, в связи с чем в позднем праславянском мы находим чередование *k/ĭc̣, g/dž > ž, x/š*. Остальные несмягченные согласные как фонемы сохранялись в этом положении без изменения, приобретая позиционную полумягкость, т. е. выступая в своих полумягких вариантах. Известно, что уже в дописменную пору шипящие эмансипировались от заднеязычных и стали самостоятельными фонемами. Напротив, полумягкие согласные еще в раннюю письменную пору представляли собой позиционные варианты соответствующих несмягченных фонем. Таким образом, было: *đeva* — *đevica* и *rěka* — *rěčica*, *lěsz* — *lěszьsь* и *měxъ* — *měszьsь*, *zverь* — *zverьsь*, *dvьrь* — *dvьrьsa*, *synъ* — *synъкъ*, *kamy* — *kamyкъ*.

Приведем выборочно материалы древнерусского языка¹. Древнерусский язык сохранил немало данных, характеризующих древнейшее состояние в образовании уменьшительных. От имен на *-а* с основой на несмягченную согласную (кроме заднеязычных): *бѣчела* — *бѣчелица*, *вода* — *водица*, *гора* — *горица*, *грамота* — *грамотица*, *дѣва* — *дѣвица*, *коза* — *козица*, *колода* — *колодица*, *кѣрста* — *кѣрстица*, *лава* — *лавица*, *метла* — *метлица*, *мязdra* — *мяздрица*, *понява* — *понявица*, *пѣта* — *пѣтица*, *рыба* — *рыбица*, *свита* — *свитица*, *уда* — *удица*; от имен на *-а* с основой на смягченную согласную, а также <ѣ>: *земля* — *землица*, *вѣтъшица* — *вѣтъжица*, *каша* — *кашица*, *чаща* — *чашица*, *кожа* — *кожица*, *лѣжа* — *лѣжица*, *роща* — *рожица*, *хыжа* — *хыжица*, *куща* — *кужица*, *змѣя* — *змѣица*, *келія* — *кельица*. В образованиях от имен женского рода на *-а* с основой на заднеязычные имеет место чередование последних с шипящими: *верига* — *верижица*, *котыга* — *котыжица*, *кѣнига* — *кѣнижица*, *мука* — *мучица*, *рака* — *рачица*, *рука* — *ручица*, *рѣка* — *рѣчица*, *муха* — *мѣжица*, *дѣска* — *дѣжица*.

К приведенным примерам можно прибавить еще следующие слова древнерусского языка, для которых мне не известны мотивирующие непронизводные слова: *заставица* ('заставка'), *корица* (в специальном значении; видимо, от *кора*), *крабица* ('короб';

¹ Нами использованы лишь немногие данные древнерусского языка, русских диалектов и украинского языка, в основном почерпнутые из словарей И. И. Срезневского, В. И. Даля и Б. Д. Гринченко.

видимо, от краба), палица (от пала?), улица (от ула?), утица (от ута при более старом уты—утъве), черепица (от черепа?), пугъ-лица (непосредственно от пугъва при более старом пугы—пугъве), църкъвица (непосредственно от църква при более старом църкы—църкъве), ячъница (от ячъя).

Эти старые образования на -ица в значительном количестве сохраняются в русских диалектах отчасти в старом значении уменьшительных, а чаще, в большей или меньшей степени оторвавшись от семантики мотивирующего слова, имеют то или иное специализированное значение. Приведем несколько примеров (частью из словаря В. И. Даля, частью известных мне непосредственно по наблюдениям над говорами): ба́бица, голови́ца, ви́ла—ви́лица, де́вица, и́глица, изб́ица, икри́ца, ќи́тица (от ќи́та—'стебель'), коло́дица, ко́сица, ла́вица (от ла́ва), нори́ца, па́лица, петли́ца, поро́шница (от поро́ша), ры́бица, ужи́ца (от ужа́), ут́робица, у́шница (от уха́), мжи́ца (от мга).

От имен на *o¹ с основой на несмягченную согласную (кроме заднеязычных) для древнерусского отметим: братъ—брѣць, воропъ—воропъць, вѣньць (от не встреченного в памятниках вѣнѣ), гворъ—гворъць, городъ—городъць, градъ—градъць, дворъ—дворъць, домъ—домъць, клинъ—клинци (мн. ч.), колоколъ—колокольць, колъ—кольць, конъ (или конь с основой на *i и несмягченной согласной <н> в корне)—конъць (ср. рус. конѣцъ), кустъ—кустьць, кутъ—кутьць, льсъ—льсьць, обрусъ—обрусьць, отласъ—отласъць, одръ—одръць, огородъ—огородъць, оградъ—оградъць, прапоръ—прапоръць, пьсъ—пьсьць, ставъ—ставъць, столъ—стольць, столъ—стѣльць, сводъ—сводъць, теремъ—теремъць, тылъ—тыльць, укропъ—укропъць, ушатъ—ушатъць, ушьвъ—ушьвъць, хльбъ—хльбъць, хълмъ—хълмъць, цвѣтъ—цвѣтъць, часъ—часъць, чванъ—чваньць; от имен с основой на *o после мягких согласных, парных или непарных: корабль—корабльць, а также кораблиць, дѣжць—дѣжцьць, ножъ—ножиць; от существительных с непронизводной основой на заднеязычные: берегъ—бережъць, другъ—другъць, ковригъ—коврижъць, ковъчегъ—ковъчегъць, кѣрчагъ—кѣрчажъць, рогъ—рожъць; клубукъ—клубучъць, вѣлкъ—вѣльць, диякъ—диячьць, сукъ—сучъць, мѣхъ—мѣшьць, воскъ—вошьць. Приведем образование кѣнязь—кѣнязьць, а также отмеченное у Срезневского (без указания источника) кѣняжъць. Последний пример требует разъяснения. Поскольку слово кѣнязь не относилось к мягким основам (к основам на *-jo) и в конце корня имело заднеязычную (*kъneg-), а уменьшительные с суффиксом ѣс > ѣс восходят еще к праславянскому, форму кѣняжъць можно считать древнейшим и нормальным образованием с чередованием g/ǰ (как bogъ—boǰьсь), а форму кѣнязьць—более поздним образованием от кѣнязь.

¹ А также от имен с основой на *й, которые, как это было выше отмечено, рано могли образовать уменьшительные по образцу существительных с основой на *б.

От существительных мужского рода с основой на *i после несмягченных согласных: *жеравь* — *жеравьць*, *ларь* — *ларьць*, *монастырь* — *монастырьць*, *огнь* — *огньць* (впрочем, это слово рано приобрело мягкое <н>), *олень* — *оленьць*, *чървь* — *чървьць*; от существительных женского рода с основой на *i после несмягченных согласных: *вьръв* — *вьръвца*, *вьсь* ('*visus*') — *вьсьца*, *двьрь* — *двьрьца*, *кльть* — *кльтьца*, *память* — *памятьца*, *плть* — *плтьца*, *чтьвьрь* — *чтьвьрьца*, *чть* — *чтьца*. Сюда же можно отнести давнее производное *овьца*, а также *мышьца* с ь после смягченной согласной.

Старые образования с суффиксом -ьц- в виде -(е)ц- также сохраняются в русских диалектах или в специальной лексике иногда в старом значении уменьшительных¹, а чаще в разного рода специализированных значениях, например: *баранец* (растение), *блинец*, *борец* (ядовитое растение), *бубенец*, *буравец*, *бутун* — *бутунец*, *князец* (по В. Далю, 'начальник иногородцев, сибирских, кавказских'), *колоколѣц*, *крестец*, *листѣц*, *мостѣц*, *образѣц*, *овсѣц*, *орлѣц*, *песѣц*, *прутѣц*, *рядѣц*, *сахарѣц*, *светѣц*, *тынѣц*, *хлевѣц*, *ухабец*, *хвостѣц*, *волчѣц*. Отметим здесь также *ларец*, *путец* и вологодское <кад'ц'а> = [к'ат'ц'а] от <кад'>, а также сохранившиеся в современном русском литературном языке *дверца*, *ленца*, *пыльца*, *гнильца*, *сольца*, *рысца*. В 1937 г. в Пудожском районе Карело-Финской АССР я записал [фос'г'ѣц'] (=хвостец), [кус'г'ѣц']: *петушок*, *петушок*, *золотой гребешок*, *масляна головушка*, *шолкова бородушка*, *льняной фостец*, *убежал в кустец*.

Старые образования, восходящие к суффиксам -иц-, -ьц-, широко известны украинскому языку. При этом, что особо интересно, многие образования еще во второй половине XIX в. сохраняли значение уменьшительности. В ряде случаев по современному значению можно судить о том, что они имели уменьшительное значение в прошлом. Наконец, немало образований с суффиксами -іс-, -ьс- приобрели то или иное специальное значение. Вот несколько примеров уменьшительных с суффиксом -иц- в украинском: *верба* — *вербиця* (но и *вѣрка*), *капуста* — *капустиця*, *кітва* (якорь) — *кітвиця*, *коса* — *косиця* ('небольшая коса', собственно уменьшительное к *коса* — *кіска* и др.), *основа* — *основиця*, *рада* — *радиця*, *трава* — *травиця*, *худоба* (одно из значений — 'скот') — *худобиця* ('скотинка'; собственно уменьшительное к *худоба* — *худібка*). В ряде случаев значение уменьшительности у существительного с суффиксом -иц- утрачено, оно имеет то же значение, что и соответствующее непроизводное, например: *бабиця* ('старуха'), *вілиці* (то же, что *віли*; уменьшительное к последнему *вілочка*), *гліця* ('игла', 'игла хвойного дерева'), *головиця* (то же, что *голова*; при уменьшительном к *голова* — *голівка*), *дудя* ('род свирели'; при уменьшительном *дудка*) — *дудиця* ('соломинка из

¹ Ср. у А. П. Чехова в прямой речи персонажа: „Пятаец прибавили“ (рассказ „Неприятная история“, Соч., т. VI. Огиз, 1946).

пшеницы или ржи'), *кибáлиця* (то же, что *кибáлка* — 'род головного убора'; то и другое, видимо, образовано от *кибáла*), *кй́тиця* (то же, что *кй́та* — 'перья в головном уборе'), *козй́ця* (то же, что *коза́*; уменьшительное к нему *кй́зка* и др.), *копй́ця* ('копна травы' и др.; ср.: *копа́*, которое имеет ряд значений, среди них — 'копна хлеба'), *ла́виця* то же, что *ла́ва* (уменьшительное *ла́вка*, *ла́вочка*), *ла́сиця* ('любовь, привязанность, ласка'), то же, что *ла́ска* (уменьшительное к последнему *ла́сочка*), *мжй́ця* то же, что *мжа́*, *ми́йця* (насекомое: 'тля, травяная вошь'; ср.: др.-русск. *мъшица*, которое является предшественницей формы *мъши́шка*, современное *мош-ка*¹), *но́риця* то же, что *но́ра* (уменьш. *нй́рка*), *мура́виця* то же, что *мурава́* (уменьш. *мура́вка*), *стайни́ця* то же, что *ста́йня*, *стрй́лиця* то же, что *стрй́ла* (уменьш. к нему *стрй́лка* и др.), *ху́стиця* то же, что *ху́стка*, *ху́ста* (уменьш. *ху́сточка*, *ху́стонька*), *цибу́лиця* то же, что *цибу́ля* (уменьш. *цибу́лька* и др.), *чемери́ця* то же, что *чеме́ра*, *шестре́ниця* то же, что *шестерня́*. Отметим и такие случаи: *струна́* ('часть снаряда шерстобита') — *струни́ці* ('тонкая кишка'), *тро́ищия* ('малость, небольшое количество'), *ша́ндра* ('растение') — *ша́ндриця́* ('часть крыла ветряной мельницы'), *черва́* (собр. — 'черви') — *черви́ця* ('насекомое') и др.

В украинском языке широко представлены также образования с суффиксом *-(е)ц-*. При этом во многих случаях они сохраняют значение уменьшительности. Вот несколько примеров: *ба́ра́н* — *баране́ць*, *бй́гун* — *бй́гуне́ць*, *боби́рь* — *бобире́ць*, *буга́й* — *бугае́ць*, *буркун* — *буркуне́ць*, *буха́н* — *бухане́ць*, *гамáн* — *гамане́ць*, *гарбу́з* — *гарбузе́ць*, *ге́мон* ('демон') — *гемоне́ць*, *го́луб* — *голубе́ць*, *го́род* — *городе́ць*, *гузи́рь* — *гузире́ць*, *двй́р* ('двор') — *двй́ре́ць*, *дуб* — *дубе́ць* ('молодой дуб'), *каба́н* — *кабане́ць*, *каву́н* — *кавуне́ць*, *ки́лим* ('ковёр') — *килиме́ць*, *кове́р* — *ковере́ць*, *луза́н* — *лузане́ць*, *ме́д* (*мй́д*) — *меде́ць*, *о́браз* — *образе́ць*, *ого́род* — *огоро́дець* или *оро́д* — *орі́дець*, *о́стрів* — *острі́вець*, *пагі́н* ('побег, росток, отпрыск') — *пагоне́ць*, *пи́сарь* — *писаре́ць*, *пу́п* — *пу́пе́ць*, *рі́в* ('ров') — *рі́ве́ць*, *ро́зум* — *румё́ць*, *ста́л* ('стол') — *сти́ле́ць*, *сто́вп* ('столб') — *стовпе́ць* ('низкий столбик'), *стри́гун* — *стригуне́ць*, *табу́н* — *табуне́ць*, *те́рен* — *тере́не́ць*, *то́пір* — *топоре́ць*, *ту́луб* ('туловище') — *тулубе́ць*, *тю́тун* — *тютюне́ць*, *я́струб* — *яструбе́ць* ('маленький ястреб'), *я́тер* ('рыболовный снаряд') — *ятере́ць*, *ум* — *уме́ць*, *ху́тір* — *хуті́ре́ць* (или *хуторе́ць*), *чаба́н* — *чабане́ць*. Отметим случаи, где образования с суффиксом *-ец-* непосредственно не имеют значения уменьшительности: *дзві́нець* (растение), *доме́ць*, *зубе́ць*, *козе́лець* (то же, что *козе́л*), *віне́ць* (то же, что *віно́к*), *ку́дерець* (то же, что *ку́дерь* — 'локон, кудря'); *льо́н* (уменьш. *льоно́к*) — *льоне́ць* (дикий льонец — растение), *млине́ць* ('блин'), *сло́пець* (род лопушки для птиц), *хтере́ць* ('тетерев'), *хресте́ць* (то же, что *хрест*, уменьш. *хре́стик*), *шури́нець* (в свадебном обряде — родственник невесты), *щуре́ць*

¹ Любопытно, что в новейшем образовании уменьшительного избегается чередование корневого гласного: *муха* — *мушка*; более старое образование *мошка* имеет в русском языке собирательное значение.

(то же, что *щур*—растение) и др. В украинском языке сохранились в качестве уменьшительных такие образования от существительных с основой на согласную <н>: *камінь*—*камініць*, *корінь*—*корініць*, *крімінь*—*кремініць*, *пёрстінь*—*перстініць*, *рёмінь*—*ремініць*, *ячмінь*—*ячмініць*, *олінь*—*олініць*; заслуживают упоминания также образования *корогов* ('знамя, хоругвь'; есть и более новое образование—*корогва*)—*короговця*, *свекруха*—*свекровця* (от более старого *свекровь*), *цёрква*—*цёрковця* (от более старого *церковь*) или *цёркивця*. Отметим уменьшительные *кóник* и *кíнь*, восходящие к старому *кóниць*, *мéчик* к *меч* или *міч*, восходящее к старому *мечиць*, а также *бóгник*—вероятно, такого же происхождения. Интересен пример *кружéць* (в прялке—'катушка, на которую наматывается спряденная шерсть'), представляющий собой редкий случай сохранения старого образования на *-ьць-* от основ на заднеязычные.

Итак, древнейшая модель производных имен существительных по отношению к соответствующим непроизводным была следующей:

1. При суффиксе *-іс-*: а) одна и та же фонема—парная твердая или мягкая (парная и непарная)—как в непроизводной основе, так и в производном существительном (*voda*—*vodica*, *zeml'a*—*zeml'ica*, *časa*—*časica*; *stolъ*—*stolъсь*, *korabl'ъ*—*korabl'ъсь*, *dъždъ*—*dъždъсь*; *gvozдь*—*gvozдьсь*, *kletъ*—*kletъca*); б) разные фонемы—заднеязычная фонема в непроизводной основе при морфонологически соответствующей шипящей фонеме в производном существительном (*kotyga*—*kotyžica*, *reka*—*rečica*, *dъska*—*dъščica*; *drugъ*—*družъсь*, *texъ*—*mešъсь*, *voskъ*—*voščъсь*):

2. При суффиксе *-ък-*: согласная фонема одна и та же как в непроизводной основе, так и в производном существительном (*synъ*—*synъкъ*).

Здесь уместно отметить, что суффикс *-ък-*, первоначально употребляясь в уменьшительных, видимо от немногих непроизводных существительных с основой на **й* (*сынъкъ*, *домъкъ*) не только сохранял свою активность, но рано начал проникать в образование уменьшительных от непроизводных существительных с основой на **б* (*возъкъ*, *городъкъ* и др.); вместе с тем и суффикс *-ьц-* проникал в образование уменьшительных от непроизводных существительных с основой на **й* (*домьць*).

На этой почве в дальнейшем, когда старые уменьшительные в одних случаях семантически достаточно отделились от своих непроизводных, в других—потеряли в той или иной степени свою эмоционально-экспрессивную насыщенность, „стерлись“ и когда в связи с этим обнаружилась необходимость „подновить“ уменьшительные образования, суффикс *-ък-* обнаружил исключительную продуктивность, заменив собой старые суффиксы с уменьшительным значением *-иц-* и *-ьц-*. Суффикс *-ък-* становится по существу универсальным для образования уменьшительных от всех непроизводных существительных мужского и женского рода.

Однако тут устанавливается одна важная деталь: новые уменьшительные с суффиксом *-ѣк-* образуются не от непроезвонных основ, а от корня старого производного уменьшительного. Иначе говоря, новые уменьшительные образуются непосредственно от старых уменьшительных с суффиксами *-иц-*, *-ѣц-* путем как бы их отбрасывания и замены суффиксом *-ѣк-* при сохранении тех согласных фонем, которые имелись перед суффиксами *-иц-*, *-ѣц-*. Это может быть понято в том случае, если примем, что шипящая производного уменьшительного в ее отношении к заднеязычной непроезвонной существительной, будучи самостоятельной фонемой, служила признаком уменьшительности и осталась им в новом образовании. Сказанное явствует из фонемного состава корня во вновь образованных уменьшительных, точнее из конечной согласной корня: последняя всегда та же, что в бывших образованиях с суффиксами *-иц-*, *-ѣц-*, т. е. парная твердая (ср.: *<горá—горѣца>* и *<горá—горѣка>*) или мягкая, парная или непарная (ср.: *<земл'á—земл'ица>* и *<земл'á—земл'ѣка>*, *<чáша—чáшица>* и *<чáша—чáшька>*), но никогда не заднеязычная: последней не было в старых уменьшительных и нет в новых (ср.: *<ногá—ножица>* и *<ногá—ножька>*, *<рогѣ—рожьць>* и *<рогѣ—рожькѣ>*, *<дѣска—дѣщица>* и *<дѣска—дѣщѣка>*).

Новые образования с суффиксом *-ѣк-* появились достаточно рано—до смягчения полумягких согласных, до падения редуцированных, до образования широкой, охватывающей значительную область консонантизма, коррелятивной категории твердых-мягких согласных. В случаях *<гоѣса, воѣсь>* полумягкие согласные *<г, з>* представляли собой воплощение фонем *<г, з>*. Поэтому в новых уменьшительных мы находим фонемы *<г, з>*: *<гоѣка, воѣкѣ>*. В то же время эти образования появились тогда, когда *<к>* и *<с>*, *<г>* и *<з>*, *<х>* и *<ш>* уже давно позиционно оторвались друг от друга, могли выступать в тождественной позиции и потому являлись разными фонемами. При этом надо учитывать, что фонемы *<ъ>* и *<ь>* различались только после немягких согласных. Ср. случаи типа *[копѣ]* и *[копѣ]*, *<рѣтъ>* и *<рѣт'и>* (порядковое числительное), *[осѣ]* (род. п. мн. ч.) и *[ос'ѣ]*, где в исходе корня налицо одна и та же согласная фонема, а на конце слов—разные гласные фонемы: *<ѣ>* и *<ѣ>*. В положении же после мягких согласных *<ѣ>* и *<ѣ>* были нейтрализованы ввиду изменения в этом положении *[ѣ]* в *[ѣ]*. Поэтому при сочетании суффикса *-ѣк-* с предшествующей мягкой согласной фонемой вместо *[ѣ]* мы находим *[ѣ]*. Ср.: *<чáска>* и *<чáшька>*, *<земл'ика>* и *<земл'ѣка>* (откуда современное русское *<зем'ѣлка>*); так же образованы *<рѣська, кѣниѣшка, мѣська, суѣбѣкѣ, роѣбѣкѣ, мѣшѣкѣ>* (ср. непроезвонную основу в старых уменьшительных *кѣниѣска, мѣска, суѣбѣ, роѣбѣ, мѣшѣ*). Эквивалентность в этих образованиях гласных *[ѣ]* и *[ѣ]* ([ѣ] употребляется после мягких согласных, а [ѣ]—после твердых) вытекает из соотношений *гоѣка* и *кѣниѣшка* и др., *воѣкѣ* и *роѣбѣкѣ* и др.

Непоследовательность в конечной согласной фонеме, то твердой, то мягкой, у уменьшительных от существительных со старой основой на *ї отлично объясняется тем, что суффикс -ѣк-, став продуктивным, проник сюда рано, до смягчения полумягких, и был активен в течение длительного времени (т. е. и в эпоху после смягчения полумягких согласных, а также после утраты редуцированных, когда окончательно оформилась в качестве фонемообразующей категории твердость-мягкость согласных) сначала в виде -ѣк-, а затем в виде -(о)к- с предшествующим твердым парным согласным или шипящим.

Производное уменьшительное существительное в этих образованиях сохраняет без изменения конечную согласную фонему корня неизменяемого существительного. Эта закономерность действовала как в древности, так и в позднейшие эпохи. Если оставить в стороне шипящие (ср.: *печь, мышь, рѣжь*), которые нас в данном случае не интересуют, то конечная согласная неизменяемого имени у существительных с основой на *ї в древности была немягкой: твердой, выступающей в своем полумягком варианте перед <ь>. Именно поэтому в старом слое уменьшительных с признаком <к> в древнерусском мы находим суффикс -ѣк-, а в современном языке -(о)к- с предшествующим твердым парным согласным: ср.: *зверѣк, коготѣк, голубѣк, двѣрка, елка, плѣтка, клѣтка* и др., восходящие к *звѣръкъ, коготѣкъ, голубѣкъ, двѣръка, елка, плѣтка, клѣтка*, которые заменили собой более древние образования: *звѣръць, коготѣць, голубѣць, двѣръца, клѣтъца*.

В древнейшую эпоху полумягкость этих согласных перед <ь> была позиционной: при отделении этих согласных от окончания -ь или суффикса -ѣц- согласная автоматически теряла полумягкость, которая была свойством „отраженным“, зависящим от следующей гласной.

Однако если от тех же существительных со старой основой на *ї уменьшительные с суффиксом -(о)к- образовались в более позднюю эпоху, после падения редуцированных и окончательного оформления категории твердости-мягкости согласных, то они, выдерживая ту же закономерность, согласно которой производное уменьшительное сохраняет без изменения конечную согласную корня неизменяемого существительного, имели перед суффиксом мягкую парную согласную фонему. Так появляются образования *зверѣк, денѣк, стебелѣк, рулѣк, зятѣк* и т. д., а также *ступѣнька, колыбѣлька, акварѣлька*. Так появилось диалектное *двѣр'ка* (непосредственно от <двѣр'>).

Здесь следует упомянуть, что категория твердости-мягкости вообще развивалась неравномерно как в территориальном, так и в структурном отношениях. На разных территориях она развивалась не в равной степени и не одинаково последовательно. Не все согласные были способны к расщеплению на две фонемы — мягкую и твердую — в одинаковой степени. Поэтому противопо-

ставленность мягких-твёрдых согласных неодинакова в разных их парах. Наибольшей — в русском языке — она была для <р—р', л—л', н—н'>, меньше для <с—с', з—з'>, еще меньше для <т—т', д—д'>, наконец, наименьшей она была для губных <п—п', б—б', м—м'>, не говоря о новой паре (в заимствованных словах) <ф—ф'>. Именно поэтому мы не встречаем новых образований типа *голубёк* и почти не находим образований типа *ноготёк* (кроме единичного *зятёк*), но зато отмечаем большое количество образований типа *окунёк*, *саженёк*, *стерженёк*, *денёк*, *перстенёк*, *паренёк*, *поршенёк*, *угорёк*, *хорёк*, *штырёк* (к *штырь*), *ларёк*¹, *рулёк*, *костылёк*, *мотылёк*, *горбылёк*, *кулёк* и т. д. с мягкими <н', р', л'>.

Из сказанного следует, что такие случаи, как *Варька*, *Ванька*, *Федька*, *Петька* и др., а также *тятка*, *дядька*, *бабка* представляют собой относительно новые образования от *Варя*, *Ваня*, *Федя*, *Петья*, *тятя*, *дядя*, *баба* с мягкой парной согласной фонемой в исходе корня производного имени. Нет сомнения, что *тетёрка* как производное от *тетёра* представляет собой более старое образование сравнительно с образованием *тетёрка*. Мы уже сказали, что *бабка* относительно новое образование. Здесь же отметим, что *мамка* — старое образование от *мати* с немаяким согласным в основе и восходит непосредственно к *матька*, которое заменило возможное, но не зафиксированное в источниках *матьса* или несомненное *мамуца*².

Можно утверждать, что русск. *лодка* образовано от *лодь* в эпоху до падения редуцированных и окончательного оформления категории твердости-мягкости (ср. в Апостоле 1220 г.:

трикраты лоди испрѣжѣса, где [i] в лоди выступает вместо [ь] в положении перед [i] следующего слова; ср. также чеш. *lod'*, польск. *łodź*). Можно с осторожностью предположить, что русск. *свинка* образовано от **svinъ* (прил.) или **svinъ* (сущ. с * i-основой), так как от *свинья* следовало бы ожидать *свинейка* (ср.: *бадьа* — *бадейка*).

Таким образом, уменьшительные *зверёк* и *зверёк* к *зверь* представляют собой образования разного времени, равно как и *ёлка* к *ель* и *ақварёлька* к *ақварель*³: уменьшительные с твердыми парными согласными появились до образования фонологической категории твердости-мягкости, а уменьшительные с мягкими

¹ Характерно, что при метатезе в слове <лар'бк> меняются местами вибрантность и латеральность, но твердость и мягкость остаются на своих местах: <рал'бк> (такое произношение отмечено мною в 1938 г. в Вологодской обл.).

² В древнерусском имелось также образование *материца*. Можно полагать, что по образцу *матица* существовало и образование *дъчица*, которое было заменено образованием *дъчка*, а по образцу *материца* существовало *дъчерица* (ср.: *падчерица*), которое могло быть заменено образованием *дъчерька* (ср.: укр. *падчерка* или *падчёрка*).

³ Со сказанным тесно связано параллельное образование прилагательных к *ель* — старое с твердым [л] и новое с мягким: *еловый* и *ёлевый* (в ботанике).

парными — после. Поэтому в современном языке в одних образованиях (более старых) мы находим замену мягкой согласной на твердую (*пѣчень* — *печѣнка*), в других (более новых) — отсутствие такой замены (*ступѣнь* — *ступѣнька*).

Конечно, образование уменьшительных от отдельных слов и их групп может иметь свою собственную индивидуальную историю. Например, чередование <т'//т> в *тѣтя* — *тѣтка* объясняется тем, что *тѣтка* закономерно образовано от древнерусского *тета*, а современное *тѣтя* с <т'> появилось позднее (может быть, по образцу *дядя*, *тятя*; возможно, из детского языка). Чередование <н'//н> в словах *бѣсня* — *бѣсенка*, *пѣсня* — *пѣсенка* объясняется тем, что эти слова восходят к **i* основам и имели перед <ь> немягкую согласную (ср.: др.-русск. *баснь*, *пѣснь*) и от них уменьшительные образовались по общему правилу для древнего периода; ср.: др.-русск. *печень* — *печѣнка*, *баснь* — *басѣнка* (совр. *печень* — *печѣнка*, *басня* — *басенка*). Однако мы ставим своей задачей лишь общую постановку вопроса о сменявших друг друга моделях словообразования, а не исследование всего имеющегося в нашем распоряжении конкретного славянского материала, извлеченного из письменных и живых источников, со всеми частностями, относящимися к истории отдельных слов и их групп в семантическом, словообразовательном и морфонологическом аспектах.

В заключение еще одно замечание. Мы уже упоминали, что в словах с основой на **ѡ* мягкой разновидности уменьшительное могло образоваться не только с суффиксом -*ьц-*, но также и с суффиксом -*иц-*; *корѣблицъ*, *ножицъ*, *кѡйицъ*, *мѣчицъ*. Гласный <и> в суффиксе здесь был очень устойчив. Он сохранился здесь и тогда, когда признак уменьшительного суффикса <ц> заменялся на <к>: появились *корѣблик*, *ножик*, *кѡник* (если по диалектам <к> не сохранялся без изменения в <ц>). Активность суффикса -*ик-* была весьма значительной: последний широко проник в образования от твердых основ (ср.: совр. *ноsik*, *дѡмик*, *топѡрик*, *стѡлик*, *зѣбик* и т. д.). Анализ значения производных типа *зубѣц* — *зубѡк* — *зѣбик*, *носѡк* — *ноsik*, *домѡк* — *дѡмик* в их отношении к значению соответствующих непроеизводных с несомненностью свидетельствует о более позднем периоде этого проникновения: семантика уменьшительных с суффиксом -*ик-* в наибольшей степени близка к семантике непроеизводного имени, отличаясь от нее уменьшительно-ласкательным оттенком. Например, значение слова *зубѣц* в современном русском языке непосредственно не связано со значением слова *зуб*; значение слова *зубѡк* связано со значением непроеизводного, но употребляется в определенных сочетаниях и фразеологизмах (*прорезался зубок*, *дарить на зубок*, *выучить на зубок*); что же касается слова *зѣбик*, то оно по своему значению наиболее непосредственно отвечает значению соответствующего непроеизводного и употребляется без ограничений фразеологического характера. То же примерно можно ска-

затя о словах *домѡк* и *дѡмик* по отношению к слову *дом*. Трудно сказать: какой красивый домок — скорее мы скажем: какой красивый домик. Но в выражении *жить своим домком* (т. е. своей семьей или своим хозяйством) слово *домок* нельзя заменить словом *домик*. Несомненно, в современном русском языке именно последнее является непосредственно уменьшительным к слову *дом*, наиболее близким к его значению.

Таким образом, в самой семантике производных часто можно найти указания на относительную хронологию их образования.

Итак, намечается несколько этапов в истории рассмотренных уменьшительных образований.

1. Эпоха до смягчения полумягких, до падения редуцированных, до образования соотносительной категории твердости-мягкости согласных:

а) рассмотренные уменьшительные в старший период этой эпохи образуются с помощью суффиксов *-иц-*, *-ыц-*. Предшествующая суффиксальному гласному согласная сохраняется одна и та же в производном уменьшительном и непроизводном слове, за исключением основ непроизводных существительных на заднеязычные, которые чередуются в уменьшительных с шипящими: *gora—gorica*, *zeml'a—zeml'ica*, *časa—časica*, *rěka—rěčica*, *uxa—usica*, *kъniga—kъnižica*, *dubъ—dubьсь*, *korabl'ъ—korabl'ьсь*, *dъždъ—dъždъсь*; *mex—měсьсь*, *rog—roзьсь*, *sukъ—suцьсь*; *zverъ—zverьсь*, *ol'enъ—ol'enьсь*, *golubъ—golubьсь*, *čьrvъ—čьrvьсь*; *dvьrъ—dvьrьса*, *kl'etъ—kl'etьса*, *mьсь—mьсьса*. В сравнительно редких случаях *korabl'ъ—korabl'icь*, *nožъ—nožicь*;

б) в младший период этой эпохи суффикс *-иц-* в именах женского рода и суффикс *-ыц-* заменяются ранее мало продуктивным суффиксом *-ък-*. При этом <ъ> после мягких согласных изменяется в [ь], совпадая с <ь>. Самое примечательное — сохранение в производных уменьшительных существительных шипящих, чередующихся в непроизводных основах с заднеязычными. Шипящая фонема вместо заднеязычной непроизводной основы становится приметой уменьшительности в этой группе слов: заднеязычная оказывается невозможной в уменьшительных.

Как и в предыдущий период, в производном уменьшительном и непроизводном существительном сохраняется одна и та же согласная, за исключением непроизводных основ на заднеязычные, которые морфологически чередуются в уменьшительных с шипящими: *gora—gorъка*, *zeml'a—zeml'ька*, *časa—časька*, но *rěka—rěчька*, *muxa—mъська*, *kъniga—kъnižька*; *dubъ—dubъкъ*, *kon'ъ—kon'ькъ*, *ogn'ъ—ogn'ькъ*, но *měхъ—měськъ*, *rogъ—roзькъ*, *sukъ—suцькъ*; *zverъ—zverъкъ*, *golubъ—golubъкъ*, *dvьrъ—dvьrька*, *kl'etъ—kl'etька*, *mьсь—mьська*.

В это же время, а возможно, и позднее, примета <к> как признак уменьшительности проникает или расширяется в образованиях мужского рода на *-иц-*, появляются *korabl'ikъ*, *nožikъ* вместо *korabl'icь*, *nožicь*.

2. Эпоха после смягчения полумягких, после падения редуцированных, после образования категории твердости-мягкости согласных. Гласный суффикса становится беглым: $-(o)к-$ [после исконно мягких $-(e)к-$ или $-(o)к-$]:

а) в первый период этой эпохи сохраняются все образования предшествующего периода лишь с утратой редуцированного гласного или его прояснением в гласный полного образования: *gora—gorka*, *z'eml'a—z'eml'ka > zeml'ka > zem'el'ka*, *časa—caška*, *reka—rečka*, *muxa—muška*, *kn'iga—kn'izka*; *dub—dubok*, *kon'—kon'ok*, *m'ex—m'esok*, *rog—rožok*, *suk—sučok*; *zv'er'—zv'erok*, *golub' (или golub)—golubok*, *dv'er'—d'v'erka* или *dv'orka*, *klēt'—klētkā*, *mys—muška*.

Как видно из примеров, и в этот период, и ранее твердая парная согласная непроизводного слова сохраняется в производной; заднеязычная чередуется с шипящей. Характерной особенностью этой эпохи являются непроизводные основы на мягкую парную согласную фонему: они в одних случаях сохраняются в производном уменьшительном (*kon'—kon'ok*, *car'—car'ok*), в других—заменяются соответствующей твердой (*zv'er'—zv'erok*, *golub'—golubok*, *pečen'—pečonka*). Морфонологическое чередование t'/t становится существенной приметой образования уменьшительных от значительных групп существительных;

б) в более поздний период этой эпохи при сохранении всех перечисленных выше типов образования уменьшительных появляется новый тип—с устранением чередования t'/t , т. е. с сохранением мягкой парной согласной в уменьшительном. Появляются такие образования, как *zv'er'—zv'er'ok*, *stupen'—stupen'ka*, *akvar'el'—akvar'el'ka*, диалектное *dv'er'—dv'er'ka*.

Намеченные здесь основные этапы в истории уменьшительных существительных мужского и женского рода подтверждаются данными всех славянских языков со спецификой—для поздних эпох,—связанной со своеобразием развития категории твердости-мягкости, а также с новыми более сложными словообразовательными моделями, образовавшимися путем сочетания суффиксов. Древнейшие этапы особенно широко представлены в южнославянских языках.

Следует отметить, что в каждый последующий период продолжают существовать многие из типов уменьшительных образований предыдущих эпох, но они приобретают диалектный характер, или ту или иную стилистическую окраску, либо закрепляются в определенных фразеологических оборотах, или, наконец, специализируются в значении, например становятся названием растения, животного, приспособления, части орудия и т. д., т. е. перестают быть уменьшительными. Нередко старые уменьшительные закрепляются в топонимике и антропонимике. Ср., например, названия рек—*Донец*, *Волховец*, *Дубец*, *Ингулец* (ср.: р. *Ингул*), *Колвица* (Мурман. обл.; ср.: р. *Колва* той же области), *Сылвица*

(ср.: р. *Сыла*), названия городов — *Речица*, *Гвоздец* (Черниг. обл.), *Бродец* (Могил. обл.), *Дворец* (на р. Ангаре, Краснояр. края), *Каменец* (в нескольких местах), *Козелец* (Черниг. обл.), *Коропец* (Черниг. обл.; ср.: *Короп* той же обл.), *Кременец* (Терноп. обл. УССР и Минской обл. БССР), *Крестцы* (Новгор. обл.; ср.: *Кресты* той же обл.), *Кураец* (в районе г. Молодечно, БССР; ср.: *Курень* Черниг. обл.), *Островец* (в районе г. Молодечно, БССР), *Павелец* (Рязан. обл.). Особенно интересны названия *Острожец* (Ровен. обл. УССР), *М. Бережцы* (Молд. ССР), сохранившие старые уменьшительные с суффиксом *-ьц-* от непроемных основ на заднеязычную.

Широко известны в древнерусском языке уменьшительные личные имена на *-ьць*, *-ица-*, сохранившиеся в украинском, например: *Анница*, *Горпийница*, *Ондрієць*, *Богданєць*, *Данїлєць*, *Кирилєць*, *Мартинєць*, *Митропанєць*, *Овдієць*, *Онопрієць*, *Якімєць*, *Юхімєць* и др. Повсеместно известны производные от них в роли названий населенных пунктов — *Абрамцево*, *Андрейцево*, *Иванцево*, *Матвѣйцево*, *Степанцево*, *Тюменцево* и т. д., фамилии *Трубицын*, *Якимцев*, *Сидорцев*. Представлены также непосредственно старые уменьшительные личные имена в роли фамилии — *Семенец*, *Пилипец*, *Романец*, *Адамєц* и т. д. Наконец, они сохраняются в рифмах и ассонансах народной поэзии, в пословицах, загадках и т. д. Ср., например, в русском языке: *певун певец нашел хлевца, *в нем пять тысяч овец* (улей); *полон хлевца белых овец* (рот и зубы); ср.: *чужой роток — не свой хлевок, не затворишь; маки мои маковицы, золотые головки*; в украинском: *молодії молодиці, завижайте головки*; *выпейте до денця, — там нема гемонця*; *веде коня у стайницю, а милого у світлицю*; *прийшов чернець, положив яйця в углець — нехай киплять, поки прийду опять*. Интересно употребление слова *пятачец* А. П. Чеховым (рассказ «Неприятная история»), подслушанного им у каких-нибудь семинаристов, и слова *толпица* (даже с определением *малая — малая толпица мамок*) в одном из писем М. П. Мусоргского, тонко знавшего церковнославянский язык.

Несомненно одно: изучение специальной славянской терминологии, топонимики и антропонимики, а также языка народной поэзии может многое прояснить в истории рассматриваемых явлений.

ОБ ОДНОЙ ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ¹

Одной из характерных черт безударного вокализма северновеликорусских говоров является так называемое ёканье, т. е. — применительно к 1-му предударному слогу — произношение после мягких согласных звука [o] перед твердой согласной и звука [e] перед мягкой: [сл'о́зѧ] — [сл'ѣз'ѣ], [в'оснѧ] — [в'ес'н'ѣ], [н'осу] — [н'ес'ош] и т. д. Это явление особенно свойственно владимирско-поволжской и вологодско-вятской группам северновеликорусского наречия².

Среди говоров тех же групп распространена следующая морфологическая черта.

Глаголы I спряжения с основой на [к], [г] удерживают твердую задненёбную согласную не только в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч. ([волоку́], [волоку́т]; [толку́], [толку́т]; [запр'агу́], [запр'агу́т]), но и в других личных формах, во всяком случае, во 2-м и 3-м л. ед. и 1-м л. мн. ч.³: [волоко́ш], [приво́локѧ], [толко́т], [утолко́м], [запр'его́м], [запр'его́т], [сожго́м], [жго́ш], [зажго́т], [мо́гош], [помо́гот], [мо́гом] (эти примеры — из записей в с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл., сделанных в 1938 г.).

Многим говорам свойственна как та, так и другая черта. По отношению к таким говорам любопытно обратить внимание на конкретные языковые факты, в которых обе эти особенности сочетаются, т. е. которые представляют собой личные формы гла-

¹ При изложении вопроса нами использованы материалы ранее опубликованной статьи (см. „Доклады и сообщения филологического факультета“, 1947, вып. 2).

Появление форм типа [п'еко́ш], [б'ер'его́ш] иначе объясняет Л. Л. Касаткин в книге „Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах“ (М., 1968).

² См.: „Опыт диалектол. карты русск. яз. в Европе“, стр. 23, 25.

³ См. там же, стр. 25, 27; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 117; его же. Очерк истории русского языка, стр. 335—336, стр. 76; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921, стр. 250.

голов с основой на [к], [г] и в то же время в предупредном слоге имеют *e//o* после мягкой согласной. Оказывается, что в таких случаях ёканье только в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч., отсутствуя во 2-м и 3-м л. ед. и 1-м л. мн. ч.

Приведем несколько примеров, обнаруженных в записях, относящихся к ёкающим говорам. В районах Верхнего и Среднего Поветлужья — в дд. Хмелёвка и Задорино (в 1927—1928 гг.): [п'окүт] при [п'екот]¹; в с. Пыщуг: [п'окүт], [п'оклā] при [ц'ас п'екот'ц'а], [нат'екот], [пр'иб'ер'огү] при [б'ер'егот]; в Тоншаеве: [с'т'ер'огү] при [п'екот]; в д. Березята: [п'екот]. В записях с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. (1938 г.) нашлись такие примеры: [ис'п'окү], [п'оклā] при [п'еком], [ис'п'екот'ц'а], [п'еконново]; [с'т'ер'огү] при [с'т'ер'егом], [т'екот]. Систематичность в проведении ёканья в одних формах и отсутствие его в других, а также то обстоятельство, что наблюдатель во время записи и не подозревал о наличии здесь какой-нибудь закономерности, полагаясь лишь на свой слух, исключают возможность заподозрить их в неточности. Тем более, что отмеченное явление может быть подтверждено и многочисленными фактами из литературы предмета.

Обратимся к этим последним.

В. Мансика для Никольского у. Вологодской губ. отмечено: *пёкү, пекотш, пекот, пеком, пекитё, пёкүт*; ср.: *текот*².

При наличии ёканья интересующие нас глагольные формы со звуком [е] отмечены, между прочим, в следующих местах:

В б. Владимирской губ.: *пекотш, текот, берегот*; в Ковровском у., с. Лежнево³, д. Микшино⁴, в Покровском у., Завалинская в.⁵, в д. Копнино⁶, в д. Архангелово отмечено: *текот, теком, стерегом, стерегот*⁷; в Судогодском у., с. Ивонино: *пекотш, текот*⁸; в Шуйском у.: *пекотш, текотш, береготш; пекот, текот, пеком, теком*⁹.

В Костромской губ., Макарьевском у., д. Моловые отмечено: *пекотш, пекот, пеком; текот, текотш, теком*¹⁰; в Нерехтском у., с. Никольское: *текотш, текот*¹¹.

¹ См. также: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Говоры Верхнего Поветлужья. Н.-Новгород, 1931, стр. 20.

² В. Мансика. Заметки о говоре Никольского уезда. „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4. Пг., 1915, стр. 214.

³ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II. Л., 1930, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Там же, стр. 53.

⁷ „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. IX. СПб., 1910, стр. 41.

⁸ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II. Л., стр. 59.

⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰ Там же, стр. 172.

¹¹ Там же, стр. 173.

В Нижегородской губ., Арзамасском у., с. Селёма: *пекóш*, *теко́ш*, *берего́т*¹; в Семеновском у., д. Елисеево: *берего́ш*, *спекóш*².

В Вологодской губ., Никольском у., Лёденгском приходе и в Костромской губ., Ветлужском у., Пыщугском и Воздвиженском приходах: *теко́т*³.

В Вятской губ., Орловском у., Шаран в.: *пекóш*, *теко́т*, *берего́т*⁴, в Малмыжском у., с. Кизнер: *уберего́ш*⁵, в Слободском у.: *стерего́ш*⁶.

Те же формы отмечены и в говорах северо-востока Сибири — на Индигирке, на Колыме и в Анадыре: *пекóш*, *пекóт* (Русское Устье), *тико́т* (Анадырь)⁷.

Подобные примеры можно умножить. Но уже и приведенного материала достаточно, чтобы не сомневаться в наличии отмеченного выше фонетико-морфологического явления. Последнее интересно как с точки зрения синхронной, т. е. соотношений, существующих внутри фонетической системы говора в его современном состоянии, так и с точки зрения исторической, так как может содействовать установлению относительной хронологии языковых явлений.

В первом отношении важно, что фонетическое чередование *e//o* морфологизуется, превращается в морфологическое: особенность фонетической системы перерастает в грамматическую примету, участвуя в образовании определенных грамматических форм. Функциональный сдвиг чередования *e//o* основан на том, что в указанных выше говорах наличие того или иного члена чередования в определенных конкретных случаях фонетически не обусловлено: в одном и том же фонетическом положении (в 1-м предупредительном слоге, после мягкой согласной и перед твердой) может произноситься как [o], так и [e] ([п'оку́]—[п'екóт] и т. д.). При этом, не будучи обусловлено фонетическими условиями, наличие звука [o] или [e] ограничено морфологически: в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч. произносится [o], в других личных формах — [e].

С точки зрения исторической отмеченное явление интересно потому, что оно дает возможность установить, что замена звуков [ч] и [ж] звуками [к] и [г] в личных формах глаголов с основой на задненёбные в результате морфологического подравнивания по образцу форм 1-го л. ед. и 3-го л. мн. ч. относится

¹ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. 12. Л., 1931, стр. 22.

² „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. XI, т. II, 1922, стр. 73.

³ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 125.

⁵ „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. XI, стр. 95.

⁶ Там же, вып. IX, стр. 116.

⁷ А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921, стр. 108—109.

к позднейшему времени и появилось после того, как изменение [e] в [o] перестало быть действующей звуковой нормой.

Сделанное наблюдение можно продолжить на других фактах. С одной стороны, на других формах тех же глаголов, в которых предударное [e] по тем или иным причинам более или менее недавно оказалось перед твердым согласным. Таковы формы: [п'екц'и́, т'екц'и́, с'т'ер'екц'и́, б'ер'екц'и́], которые даже в говорах с последовательно проведенным ёканьем произносятся не с [o], хотя в них гласный предударного слога находится перед твердой согласной¹. На недавнее проникновение в эти формы [к] указывает, между прочим, то, что в одних и тех же говорах бывают представлены формы без [к]: *пец'и́, тец'и́, стерец'и́, берец'и́*.

С другой стороны, наше наблюдение может быть продолжено путем привлечения тех же глагольных форм, но имеющих в 1-м предударном слоге другие гласные, а именно [a] после мягких согласных или [ë], которые по говорам также могли неодинаково произноситься в положении перед твердым или мягким согласным. Например, в говорах, в которых в указанном положении имеется чередование *a//e* ([т'ану́], но [т'ен'и́]), можно ожидать форму [запр'агу́], но [запр'егóт]. В говорах, где имеется в том же положении (на месте [ë]) чередование *o//e* или *o//u* ([р'ока́], но [р'ек'э́] или [р'ик'э́]), можно ожидать форм [с'оку́], [с'оку́т], но [с'екóш], [с'екóт] или [с'икóш], [с'икóт]. К сожалению, эти явления трудно проследить по таким массовым материалам, как ответы на вопросы диалектологических программ, ввиду недостатка в них примеров. Для подтверждения того, что эти факты существуют, укажем форму *сик'и́* в Никольском у. Вологодской губ., где при *рёка* и *по за рике*² следовало бы ожидать в инфинитиве перед твердым согласным [o].

Отдельного замечания заслуживают формы 2-го л. мн. ч. Н. Н. Дурново, приводя случаи типа [п'екóш], [т'екóт], замечает: „Форма 2-го множ. на *-оте* в материале не отмечена“³. Это не совсем точно: подобные формы встречаются. Ср.: в Шуйском у. Влад. губ.: *неко́те, жго́те, мо́готе*⁴, в Слободском у. Вятской губ.: *стерего́те*⁵. На Колыме: *волоко́те*⁶. Она редко

¹ Материалы см. в выше цитированных источниках. См. также в Пудожск. у. Олонецк. губ.: *пик'и́, лик'и́, бирик'и́, жик'и́*, где при *нёсла́* и *визли́* следовало бы ожидать в формах инфинитива в предударном слоге [o] (В. Мансикка. О говорах сев.-восточн. части Пудожск. у. „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, стр. 155, 160 и др.).

² См.: В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда. „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, стр. 215—216.

³ „Очерк истории русского языка“. М. — Л., ГИЗ, 1924, стр. 336.

⁴ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II, стр. 61.

⁵ „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. IX, 1910, стр. 107.

⁶ См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921, стр. 109.

отмечается в материалах, потому что в большей части интересующих нас говоров 2-е л. мн. ч. имеет ударение на последнем слоге окончания (ср.: [в'оду́] — [в'ед'ит'о́] или [в'ед'ит'е́]). Но, действительно, формы на *-оте* с ударением на последнем слоге, кажется, отсутствуют: при конечном ударении форма 2-го л. мн. ч. имеет обычно звуковой вид *-итё* или *-итэ́*: [п'ек'ит'о́] или [п'ек'ит'е́], [поволок'ит'о́] или [поволок'ит'е́], [запр'ег'ит'о́] или [запр'ег'ит'е́] и т. д.¹. Чем объясняется эта двойственность: мягкость звука [к] в форме 2-го л. мн. ч. при ударении на последнем слоге при твердости его в других формах? Она объясняется, видимо, тем, что морфологическая замена шипящих на задненёбные имела место уже тогда, когда следующая гласная звучала как ударное [о], а во 2-м л. мн. ч. чаще как предударное [и] (или [е]?). Т. е. когда уже были налицо формы [б'ер'о́ш], [б'ер'о́т], [б'ер'о́м]; во 2-м л. мн. ч. кое-где [б'ер'о́т'е] и по большей части [б'ер'ит'е́]. Формы [п'ек'о́ш], [п'ек'о́т], [п'ек'о́м], а также изредка встречающееся [п'ек'о́те] являются непосредственными продолжателями форм [п'ец'о́ш], [п'ец'о́т], [п'ец'о́м], [п'ец'о́т'е]. Точно так же форма [п'ек'ит'е́] сменила собой форму [п'ец'ит'е́].

Мы опять — на этот раз с другой стороны — пришли к выводу о том, что подравнение согласных основы произошло после того, как в системе языка был уже налицо звук [о] после мягких согласных. Что же касается формы 2-го л. мн. ч. с конечным ударением, то согласные основы в ней находились перед [и] (или [е]?). Перед [о] мягкие [к], [г] не были известны в русском языке, с другой стороны, те же согласные в своей твердой разновидности невозможны перед [и] или [е]. Поэтому при действии аналогии звуки [ч], [ж] в первых случаях заменились твердыми [к], [г], а во вторых — мягкими. Таким образом, путь образования разбираемых форм может считаться следующим:

1. [н'ес'ёш], [п'еч'ёш];
2. [н'ес'о́ш], [п'еч'о́ш];
3. [н'ес'о́ш], [п'ек'о́ш].

Предложенное объяснение требует учета и соответственного объяснения известных как в северновеликорусских, так и, особенно широко, в южновеликорусских говорах форм с мягкими задненёбными перед [о] ([п'ек'о́ш], [запр'ег'о́ш]).

Что касается южновеликорусских говоров, то в них звук [о] в окончаниях глаголов I спряжения появился недавно, и до сих пор более архаические южновеликорусские говоры имеют в этих формах [е] ([н'ес'ёш], [в'ед'ёт'], [ув'ез'ём], [т'ек'ёт'], [исп'ек'ём] и т. д.); в некоторых из них замена [е] на [о] произошла в са-

¹ В этих формах требует своего особого объяснения предударное [и] вместо [е], так как в соответствии с общей нормой здесь следовало бы ожидать [е] (ср.: *несёшь, деревня* и т. д.). Повелит. наклонение в отличие от 2-го л. мн. ч. наст. времени имеет ударение на предпоследнем слоге: *пеките, стерегите*.

мое последнее время; в иных этот процесс еще происходит в наши дни. На недавнее проникновение [o] в этих формах указывают и говоры с некоторыми разновидностями диссимилативного яканья: наличие [e] или [o] под ударением в этих формах не отражается на качестве предударной гласной ([н'ис'ём] и [н'ис'ом]); с другой стороны, даже при наличии под ударением одной и той же гласной [o] в предударном слоге произносятся разные гласные, если в одном случае [o] нового происхождения, а в другом более давнего; ср.: [в'ид'ом] (как и [в'ид'ём]), но [м'ид'в'ад'ом]¹.

Поэтому замена шипящих согласных основы задненёбными в южновеликорусских говорах происходила не перед [o], а перед [e]. Но мы уже выше отмечали, что перед звуком [e] в русском языке невозможны твердые задненёбные, отсюда их мягкость. Таким образом, в южновеликорусских говорах форма [п'еч'эш] сменилась формой [п'ек'эш] (употреблявшейся рядом с [н'ес'эш], [в'ед'эш] и т. д.) и лишь затем в части говоров (видимо, под влиянием говоров, знавших в этих формах [o]), в свою очередь, уступила место форме [п'ек'ош] рядом с [н'ес'ош], [в'ед'ош] и т. д.

Такое объяснение применимо, по крайней мере, и к части северновеликорусских говоров, имеющих формы типа [п'ек'ош]. Едва ли случайно, что формы [п'ек'ош] распространены лишь в вологодско-вятских и владимирско-поволжских говорах, для которых характерно особенно четкое ёканье, распространенное в них почти повсеместно. Это свидетельствует о том, что соответствующим говорам вообще широко известно [o] после мягких согласных, в частности и под ударением. С другой стороны, также не случайно, что говоры, имеющие формы типа [п'ек'ош] (т. е. прежде всего олонечкие и архангельские), характеризуются значительно меньшим распространением ёканья, которое и качественно отличается от ёканья указанных выше говоров²: для этих говоров более характерным и значительно более распространенным территориально считается отсутствие ёканья³. Не случайно, наконец, и то, что именно в олонечкой группе встречаются и теперь говоры, имеющие в окончаниях глаголов I спряжения под ударением вообще [e], а не [o]. Ср., например, в с. Семеновском на Водле (Пудожский берег Онежского озера; по моим записям 1937 г.) [пас'ёт], [нес'ёт], [плов'ёт], [зов'ёт], [упад'эш] (это явление хорошо известно и из литературы предмета): то, что сохранилось сейчас в отдельных

¹ Об истории звуков [e] и [o] после мягких согласных в южновеликорусских говорах см. стр. 217—220.

² По нашим наблюдениям предударное [o] после мягких согласных в этих говорах произносится как звук переднего образования со слабой лабиализацией, т. е. представляет собой слегка лабиализованное [e], в то время как во владимирско-поволжских и вологодско-вятских говорах предударное [o] имеет более заднее образование и большую степень лабиализации.

³ См. „Опыт диалектологической карты“, стр. 19—21.

говорах, возможно, утратилось лишь более или менее недавно в других. С этим можно сопоставить и то, что в олонечских и архангельских говорах форма 2-го л. мн. ч. имеет под ударением на конце [e], а не [o], как в вологодско-вятских говорах; ср.: [н'ес'ит'э], [в'ед'ит'э] в первых при [н'ес'ит'о], [в'ед'ит'о] — в вологодско-вятских.

Все это позволяет думать, что в олонечских и архангельских говорах, как и в южновеликорусских, замена шипящих задненёбными происходила ранее появления в личных окончаниях глаголов I спряжения звука [o], т. е. что последовательность в развитии интересующей нас формы была следующей:

1. [н'ес'эш], [п'еч'эш];
2. [н'ес'эш], [п'ек'эш];
3. [н'ес'ош], [п'ек'ош].

Сказанным, конечно, не исключается возможность того, что в иных северновеликорусских говорах та же черта могла появиться неорганически — не на почве своего говора, а под влиянием других говоров, имеющих формы типа [п'ек'ош], которые более соответствуют общей фонетикоморфологической модели соответствующих форм. Кроме того, именно по этой последней причине формы типа [п'ек'ош] могли появляться также в результате новейшего процесса подравнения по образцу глаголов I спряжения с основой на парные по твердости-мягкости согласные: [н'ес'у]: [н'ес'ош] = [п'ек'у]: x, где x = [п'ек'ош]. Таким образом, формы с твердыми задненёбными могли смениться формами с задненёбными мягкими. На неорганичность последних или их самое недавнее происхождение для некоторых северновеликорусских говоров указывает нередкая двойственность — наличие в одних и тех же говорах форм как с твердыми, так и с мягкими задненёбными. См., например, в Велико-Устюгском у. Вологодской губ. *пекот* и *пекёт*¹; в Никольском у. Вологодской губ. *текот*, *лягот*, *жгот*, *ткот*, *могби* рядом с *пекёт*, *берегёш*, *лягёш*²; в Глазовском у. Вятской губ. *лягош*, *текош*, *берегош* и рядом *пекёш*, *текёш*, *жгёш*³; в Малмыжском у. Вятской губ. *уберегош*, *лгот*, *могби*, но *стерегёш*⁴; в Чердынском у. Пермской губ. *текот* и *текёт*, *стерегот* и *стерегёт*, *бегби*, *лгот*, *могби*⁵.

По говорам встречается двойственность и иного рода — [п'еч'ош], [запр'ажош] и [п'ек'ош], [запр'аг'ош]. Но такая двойственность менее показательна, так как формы с [ч], [ж] в них могут быть вторичными — появившимися под влиянием литературного языка.

¹ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II. Л., 1930, стр. 98.

² Там же, стр. 102.

³ „Труды комиссии по диалектологии русского языка“, вып. II. Л., 1930, стр. 120.

⁴ „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. XI. Пг., 1922, стр. 95.

⁵ „Материалы для изучения великорусских говоров“, вып. IX. СПб, 1910, стр. 236.

В связи с разобранными формами следует сделать замечание о формах типа [пасо́ш], [ползо́ш], [пасо́т], [воз'мо́т], отмеченных в Верхнем Поветлужье в 1927—1928 и в 1938 гг.¹ Подобные формы имеют, видимо, весьма ограниченное распространение. За недостатком материала неясна также степень охвата этим явлением всех глаголов соответствующего класса с основами на разные парные по твердости-мягкости согласные.

Эти формы встречаются, видимо, только в говорах, имеющих формы типа *пекош*, но лишь в части их: при [пас'о́ш] — всегда [пекош], но при [п'еко́ш] очень часто, если не обычно, встречается форма [пас'о́ш]. Это наводит на мысль, что формы типа [пасо́ш] появились в результате дальнейшего подравнения глаголов с основой на чередующиеся парные твердые-мягкие согласные по типу уже имевшихся в говоре глаголов того же класса без чередования согласных в личных формах, т. е. по типу форм [п'еку́] — [п'еко́ш], [стр'игу́] — [стр'иго́ш]. Естественно, что этот процесс был поддержан также формами 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. самих глаголов, подвергающихся изменению ([пасу́], [пасу́т]).

Разобранные формы, помимо своего конкретно-исторического значения, дают материал и для формирования некоторых общих методологических положений.

Приведенные факты относятся в значительной мере к области „ничейной“: занимающиеся фонетикой относят ее обычно к морфологии, а занимающиеся морфологией — к фонетике. Поэтому соответствующим вопросам нередко не оказывается необходимого внимания. Между тем пограничные вопросы весьма интересны как для исторической фонетики, так и для исторической морфологии, и они не должны упускаться исследователями.

Между эволюцией разных сторон языка, в частности фонетики и морфологии, фонетики и лексики, существует теснейшая связь. Нередко фонетический процесс подготавливает почву для морфологического или так или иначе содействует изменению морфологической системы, и, напротив, морфологический процесс может содействовать функциональной перестройке фонетической системы. Нужно иметь в виду также, что некоторые фонетические или морфологические явления встречаются в ограниченной категории форм или слов. Поэтому нужно изучать фонетическую систему не вообще, а в ее реальном бытовании, в инвентаре слов и морфем языка, по возможности исчерпывая весь лексико-морфологический состав говора. Точно так же и морфологическая система должна изучаться не в качестве абстрактной системы соотношений между формами, а в ее реализации в определенных звучаниях.

¹ А. М. Селищев приводит формы: *ерзбош*, *-от*, *-ом*, *возьмбш*, *-от*, *-ом* — для Русского Устья; форму *несот* — для Тотемского у. Великов. в. (см. „Диалектологический очерк Сибири“, стр. 109, 250; там же, на стр. 109, не совсем ясное, во всяком случае, не покрывающееся приведенным материалом, объяснение этого явления).

Надо помнить, что размежевание языковых явлений между морфологическими и фонетическими — вопрос сложный: он может быть решен только после тщательного исследования говора, а не до него: одно и то же явление в одном говоре может оказаться чертой фонетической системы, в другом — морфологической особенностью, в зависимости от его места в общей системе говора. Поэтому как исследователь фонетики, так и исследователь морфологии в равной мере должны включить в пределы своего исследования эти пограничные явления и даже „вклиниться“ в соседнюю область. От такой „агрессии“ исследование только может выиграть.

Наконец, из сказанного можно сделать еще следующий вывод: как ни велико значение экстенсивных обследований всей территории русского языка методами лингвистической географии, для исторической грамматики русского языка весьма важны также интенсивные, исчерпывающие исследования отдельных говоров. Тот и другой метод изучения диалектов взаимно дополняют друг друга.

Что касается поставленных выше конкретных вопросов, то некоторые из них, как было уже отмечено, не могут быть окончательно разрешены за недостатком материала в ответах на диалектологические программы: для их разрешения требуются тщательные и исчерпывающие монографические описания соответствующих говоров.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
О моих учителях А. М. Селищеве и Д. Н. Ушакове	9
Теоретические проблемы фонетики и фонологии	
Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы	17
О месте фонетической системы в структуре языка	17
Фонетика и фонология	20
Понятие кратчайшей звуковой единицы	22
Кратчайшая звуковая единица и ударение	25
Два типа позиционных чередований и обусловленный ими характер фонетической системы	—
Понятия сильной и слабой фонемы	30
Понятие фонемного ряда	33
Тождество и различие словоформ и морфем в их отношении к своим звуковым оболочкам	35
Фонетическая система в ее отношении к структуре языка в целом	37
К вопросу о причинах разных точек зрения на фонему	38
Три типа научной лингвистической транскрипции (в связи с вопросами теории фонем)	43
Звуковая система и звуковое письмо	—
Общие замечания о типах научно-лингвистической транскрипции	45
Словофонематическая транскрипция	47
Морфофонематическая транскрипция	52
Сочетания согласных в словофонематической и морфофонематической транскрипциях	57
Нулевые члены фонемных рядов в морфофонематической транскрипции	62
Образец трех типов транскрипций	64
Морфофонематическая транскрипция и орфографическое письмо	65
Теория фонем и ее практическое применение	71
Ударение в современном русском литературном языке	79
Ударение как признак слова	—
Ударение слова и его свойства	80
Долгота и краткость гласных	82
Музыкальная сторона ударения	83
Разноместность ударения	84

Ударение подвижное и неподвижное. Изменение места ударения при образовании форм слова	88
Изменение места ударения при словообразовании	96
Ударение и звуковое оформление слова	100
Безударные и слабоударяемые слова	103
Слова с побочным ударением	107
Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка	119
Постановка проблемы	—
Сильное положение для гласных фонем русского языка в его говорах	125
Различия в составе гласных фонем по русским говорам	127
Некоторые итоги	137

Описание отдельных фонетических явлений литературного языка и диалектов

Вокализм 1-го предударного слога	143
Положение после твердых согласных	—
Оканье и аканье	—
Переход модели предударного вокализма	144
Аканье недиссимилиативное и диссимилиативное	146
Положение после мягких согласных	149
Вокализм с той или иной степенью различия гласных неверхнего подъема	—
Вокализм не различающий гласных неверхнего подъема. Сильное и умеренное яканье	150
Типы диссимилиативного яканья	151
Качество „не-а“ и его роль для развития яканья	154
Ассимилятивно-диссимилиативное яканье	156
Ассимилятивно-умеренное и умеренно-диссимилиативное яканье	158
Еканье и иканье	159
Ассимилятивное и ассимилятивно-умеренное яканье	—
О соотношении предударного вокализма после твердых и мягких согласных	160
Предударный вокализм после мягких согласных и синхроническая фонологическая система	165
Долгие шипящие в русском языке	170
Вопрос о долгих гласных в русском языке	—
Долгие шипящие в литературном языке	171
Долгие шипящие в говорах	172
Долгие шипящие как фонемы и как сочетания фонем по говорам	174
Отдельные слова с долгими шипящими	175
Дополнительные замечания о долгих шипящих как фонемах и сочетаниях фонем	176
Качество задненебной фрикативной звонкой согласной перед гласными переднего ряда	180
Вопрос о различении в произношении [ɣ'] и [j]	—
Согласные [ɣ'] и [j] в говорах	182
Об изменении [ɣ'] в [j] в говорах	185

Соотносительный ряд носовых согласных фонем по признаку „дентальность-лабиальность“	189
Фонема <н>	197
Некоторые проявления фонемы <ј>	200
Фонема <ј> в заударных слогах после согласных	206

Вопросы исторической фонетики

Ударные гласные <е> и <о> после мягких согласных и некоторые вопросы истории яканья	217
Вопросы образования аканья	221
Заднеязычная звонкая согласная фонема в восточнославянских говорах	233
Из истории русского вокализма. Звуки [і] и [у]	238
Несколько замечаний общего характера	238
Современное состояние	240
История звуков [і] и [у] после согласных	243
История звуков [і] и [у] в начале слова	251
Изменение сочетаний [ky], [gy], [chy]	255
Об истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском языке	260
Одна из фонетико-морфологических особенностей северновеликорусских говоров	276

Рубен Иванович АВАНЕСОВ

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
И ДИАЛЕКТНАЯ ФОНЕТИКА**

Редактор *Г. В. Карлюк*
Художественный редактор *Г. А. Жегин*
Технический редактор *М. И. Софронович*
Корректор *Л. М. Анненкова*

Сдано в набор 1/X 1973 г. Подписано к печати
9/IV 1974 г. 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3.
Печ. л. 18,00. Уч.-изд. л. 19,68. Тираж 70 тыс. экз.
А11555.

Издательство «Просвещение» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Ордена Трудового Красного
Знамени Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Министров СССР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли
в типографии издательства «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, пр. Ленина, 49. Зак. № 594.

Цена без переплёта 55 коп., переплёт 21 коп.